

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

ВОЛКОВА Екатерина Александровна

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени

доктора исторических наук

**Научный консультант: Тонких Владимир Алексеевич
доктор исторических наук, профессор**

Воронеж 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава 1. Теоретические основы изучения социально-исторических взглядов и общественных практик Ф.М. Достоевского</i>	35
1.1. Степень научной разработанности диссертационной темы	35
1.2. Концепция «почвы», самобытности русской идеи в «картине мира» писателя	49
<i>Глава 2 . Общественная деятельность Ф.М. Достоевского в 1840-1870-е годы: практика социализации</i>	93
2.1. Ф. М. Достоевский и петрашевцы: споры о революции и социализме	94
2.2. Ф. М. Достоевский и идейные течения в русской интеллектуальной элите: проблемы взаимоотношений и сотрудничества	112
<i>Глава 3. Россия, русский народ и государство: видение Ф.М. Достоевского</i>	144
3.1. Россия и русский народ в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-1850-х годов	146
3.2. Народ и государство в восприятии и оценках Ф.М. Достоевского (1860-1870-е годы)	166
3.3. Монархизм и народность Достоевского	251
<i>Глава 4. Вера и самостоянье человека: религиозные воззрения и конфессиональные предпочтения писателя</i>	276
4.1. Ф.М. Достоевский и Русское Православие	276
4.2. Отношение Ф.М. Достоевского к Римско-католической церкви	324
<i>Глава 5. Россия на «геополитической карте мира» Ф.М. Достоевского</i>	345
5.1. Ф.М. Достоевский, Россия и Запад: заимствование и отторжение	345

5.2. Восточная политика Российской империи в оценках писателя	384
Заключение	401
Примечания	411
Источники и литература	444

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования Личность в истории, ее воздействие на историческую эпоху и влияние эпохи на личность были и есть важными аспектами научных исследований. Великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский своей общественной деятельностью, художественными и публицистическими произведениями внес огромный вклад в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Он принадлежит к числу гениальных деятелей российской истории, которые своими взглядами, идеями, деятельностью оказывали влияние на развитие страны, в чьих судьбах отразились важные грани исторической эпохи.

Исследовать жизнедеятельность и творчество великих личностей крайне трудно. Прежде всего, потому, что в их судьбе много необычного, не свойственного простым людям и самому исследователю надо подняться до тех вершин, до которых смогли возвыситься гении. А это невероятно сложно, подобно перевоплощению личности. К таким великим личностям, бесспорно, относится русский писатель, мыслитель Фёдор Михайлович Достоевский.

Достоевский прожил недолгую, по нынешним меркам, жизнь, полную испытаний, лишений, страданий. Вероятно, по этой причине он в своих художественных произведениях изображал людей страдающих, доводил их до смертельной грани, часто до самоубийства, чтобы затем либо возродить, либо уничтожить. Личность в истории, ее воздействие на историческую эпоху и влияние эпохи на личность были и есть важными аспектами научных исследований.

Традиционно, в России традиционно крупный литератор является не только писателем или поэтом, но и общественным деятелем, гражданином в подлинном смысле, что требует значительных сил для разнообразной общественной работы. Не был исключением в этом плане и Ф.М. Достоевский. Его общественная деятельность включала участие в кружке

петрашевцев, издательскую работу в ряде литературных журналов, общение с издателями и коллегами-литераторами, выступления перед различной аудиторией, переписку и встречи с читателями и т.п. Общественная деятельность Достоевского оказывала воздействие на его социально-исторические и религиозные взгляды. В свою очередь, социально-исторические и религиозные воззрения мыслителя влияли на его общественную деятельность. Его идеи и взгляды занимают достойное место в интеллектуальной истории России.

Ф.М. Достоевский представляет интерес как современник переломной эпохи, которая по масштабности и последствиям во многом сравнима с нынешней. Проблемы, поставленные им в художественных и, особенно публицистических произведениях, таких как объединении народа вокруг традиционных национальных ценностей - отечества, государства, державности, патриотизма - актуальны и созвучны сегодняшней России, преодолевающей смуту и нуждающейся в национальном единстве и здоровых ценностных ориентирах.

Достоевский, как известно, не был профессиональным политиком или историком. У него нет специальных научных трудов. Однако исторические проблемы, исторический фон неизменно присутствуют и в художественных, и особенно в публицистических сочинениях писателя. «Историзм как глубокое осознание сложных закономерностей развития человечества был, бесспорно, одной из органических особенностей Достоевского», - пишет В.И. Кайгородов [1].

Особое внимание мыслитель уделял наиболее острым и значительным проблемам российской истории. В первую очередь, это – реформы Петра I и их последствия для русского народа, общества и государства. Не обходил вниманием писатель крестьянский вопрос в России, анализировал реформу 19 февраля 1861 года и ее последствия для российской деревни. Среди привлекавших внимание мыслителя проблем не последнее место занимала реформа российского права, судебной системы. Не случайно по

произведениям Достоевского обучались студенты юридических специальностей, изучавших психологические мотивы преступлений. В творчестве Достоевского нашли отражение и многие иные социально-исторические темы. Он стал выразителем сущностных процессов пореформенной России 1860-1870-х годов.

Всё многообразие социально-исторических проблем Достоевский стремился рассматривать через призму взаимодействия общества и личности, социальной среды и действующего в этой среде человека, а также посредством разрешения внутренних конфликтов и противоречий в мироощущении героев его художественных и публицистических произведений.

Исследование общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов Достоевского, составляющих органическую часть его мировоззрения, является одной из актуальных проблем современного достоевковедения. Мировоззрение мыслителя явилось отражением его общественной деятельности, тех динамичных социально-экономических, политических и духовных процессов, которые переживало российское общество середины – второй половины XIX века. В первую очередь это относится к эпохе «великих реформ» 1860-1870-х годов, на которые пришлась основная, наиболее плодотворная часть творчества Достоевского. «Мировоззрение Достоевского,- пишет Б.И. Бурсов,- сложнейшая проблема, какая только может быть» [2]. И продолжает в более поздней работе: Достоевский «для всех нас – колоссальное явление прежде всего нашей национальной культуры, несущее в себе решающие признаки исканий национального духа» [3].

Фигура Ф.М. Достоевского традиционно оценивается как предсказателя основных коллизий отечественной истории XX века. Но, позиционированный как исключительно в качестве художественного писателя, Ф.М. Достоевский был вынесен за рамки отечественной историографии XIX века. Между тем, развитие ряда концептуальных

подходов русской исторической мысли, связанных, главным образом, с историографией консервативного направления, определено напрямую его творческим наследием.

В творчестве Достоевского нашли отражение многомерность разнообразных событий российской действительности 1840-1870-х годов. Его ведущими темами его литературных и публицистических изысканий были темы, связанные с положением и ролью русского народа в историческом процессе, месте личности в обществе, духовно-нравственными, в том числе религиозными, исканиями, внутренними переживаниями и страданиями героев, тема жизни и смерти, а также тема России как феномена мировой и европейской цивилизации. Безусловно, данными проблемами далеко не исчерпывается многогранное творчество писателя. Описание российской действительности в реальном виде, без приукрашиваний и сглаживаний социальных противоречий в русской литературе второй половины XIX столетия явилось величайшим открытием русской культуры.

Достоевский как никто другой из его предшественников и современников занялся столь основательно изучением именно природы и духовно-нравственных качеств русского народа как целостного явления и отдельного взятого русского человека. По словам П.И. Новгородцева, «в произведениях Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения...» [4]. Достоевский в определенном отношении был «самым русским из всех русских писателей», полагает современный исследователь Е.А. Костин [5]. С этими мнениями нельзя не согласиться.

Достоевский как исследователь в совершенстве обладал даром применения диалектического метода в своих художественных и публицистических произведениях при изучении общества в целом и отдельных его представителей. «Образец величайшего диалектического писателя у нас – и, может быть, во всей всемирной литературе – есть Ф.М. Достоевский», – замечал В.В. Розанов [6].

Образ выдающейся личности, в том числе деятеля культуры, несет большой нравственный и воспитательный потенциал, служит положительным примером. Сегодня, как никогда велик интерес к личности в истории, являющейся одновременно продуктом и участником исторического процесса, чьи воля и индивидуальность накладывают отпечаток на ход развития общества. Сквозь призму жизни и творчества писателя ярко проступают общие черты эпохи, что позволяет проникнуть в ее атмосферу, проследить сложный процесс исторических изменений.

Социальная и нравственная ценность произведений Достоевского состоит в тесной связи их тематики с современностью, с событиями сегодняшнего дня. Объясняется данное обстоятельство тем, что писатель настолько глубоко проник в душу человека, что определил перспективы его эволюции на долгосрочную перспективу. А поскольку человек в сущности своей, по своей нравственной природе остается таким же, каким он был много веков назад, то взгляды мыслителя выглядят весьма современными с точки зрения исследования сущностных, природных качеств человека. Сам Достоевский говорил об этом так: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах: Т.27.- С.65 / Ф.М. Достоевский.- Л.: Наука, 1984. Далее в тексте ссылки приводятся на Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 30-ти томах; первая цифра означает номер тома, вторая - страницу).

Нигде в мире не было явления, подобного русской классической литературе, такой широты и глубины исследовательской тематики. В русской классической литературе к середине XIX столетия утвердилась устойчивая традиция исследования человеческой личности. Начало этой проблематике положили Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Данную литературную традицию продолжил Достоевский.

Именно изучение человека стало краеугольным камнем всего многогранного творчества Достоевского. Еще в 18-летнем возрасте будущий

писатель в письме брату Михаилу отмечал: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28-1, 63).

На это обстоятельство обратил внимание Н.А. Бердяев. «Достоевский – величайший метафизик, вернее, антрополог, - писал философ. - Он сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него. Только Ницше и Кирхегард могут разделить с Достоевским славу зачинателей этой новой эры. Эта новая антропология учит о человеке, как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающим, но и любящим страдания. Достоевский более пневматолог, чем психолог, он ставит проблемы духа, и о проблемах духа написаны его романы. Он изображал человека, проходящего через раздвоение. У него появляются люди двоящихся мыслей. В человеческом мире Достоевского раскрывается полярность в самой глубине бытия, полярность самой красоты» [7].

Достоевский одним из первых в русской литературе и, пожалуй, единственный, вплотную подошел к раскрытию сложнейшей историко-философской духовно-нравственной темы – «найти человека в человеке». Это значит – обнажить саму сущность человеческой души во всех ее проявлениях и оттенках, во всем прекрасном и безобразном.

«Философия, история, этика, социология, анализ сокровенных глубин человеческой души и человеческого сердца – все это в романах Достоевского сложным образом соединяется, сливается воедино, поверяется одно другим. И именно в этой многоаспектности восприятия и изображения человека и истории, человека и общества кроется тайна единственного в своем роде художественного величия Достоевского – повествователя и романиста, делающего его современником не только нашего, но и грядущих

поколений»,- писал известный исследователь творчества Достоевского Г.М. Фридендер [8].

«Достоевский,- по мнению Е.А. Костина,- стал самым крупным, без преувеличения, исследователем человеческого Я в мировой культуре. Вслед за Сервантесом, Шекспиром и Гёте, он смог уловить основные тенденции развития человеческой индивидуальности и показать ее состояние, не пряча в тень неприятных аспектов и темных сторон *нового* гуманизма» [9].

Достоевский – писатель-реалист, проделавший сложный путь от романтических, утопических настроений юности до трезвого, порой сурового анализа российской действительности, места и роли в этой действительности человека. Достоевский, по мнению П.В. Палиевского, «самый идеологический классик. Он живет внутри идеологических течений времени и выверяет их им самим разработанным масштабом. В основе – его всё тот же идеал всеобщей правды... Этот идеал вступает в ожесточенное противоречие с конкретным течением мировой истории, переживающей стадию буржуазного развития...» [10]. С этой точки зрения Достоевский является мыслителем вне времени и пространства, в стратегической общечеловеческой протяженности.

Важную составляющую мировоззрения Достоевского составляли его религиозные взгляды. Мыслитель проделал сложный и противоречивый путь в понимании и осознании христианства. С детства он получил первые впечатления о религии в кругу семьи, где читались тексты Священного Писания. Молодой Достоевский начал свой путь к христианству с изучения доктрин утопического социализма. В структуре воззрений писателя второй половины 1840-х годов христианство не занимало ведущих позиций. Иисус Христос рассматривался в концепции идеального человека при возможности построения рая на земле.

Период каторги и ссылки кардинально поменял отношение Достоевского к христианству. Единственной разрешенной книгой на каторге было Евангелие, подаренное ему женами ссыльных декабристов. Эту книгу

писатель изучил вдоль и поперек, оставил ценные замечания и подчеркивания на полях книги и сохранил этот экземпляр до самой своей смерти.

После возвращения в Петербург Достоевский вплотную приступил к исследованию христианства, что нашло отражение в его великих романах. Первым христианским сочинением писателя стал роман «Преступление и наказание», где только намечается канва христианства. В завершающей части повествования Раскольников держит Евангелие под подушкой. В романе «Идиот» тема христианства звучала сильнее и глубже. Мыслитель устами главного героя князя Мышкина обрушился на католичество, обвиняя Римско-католическую церковь в предательстве Христа. В романе «Бесы» появился первый образ священника Русской Православной церкви – Тихона, прототипом которого стал Святитель Русской церкви Тихон Задонский. Роман «Братья Карамазовы» венчал христианскую тематику в творчестве Достоевского образами настоятеля монастыря старца Зосимы, его последователей священников, идеального православного человека Алеши Карамазова.

Достоевский хорошо знал христианско-православный мир России, посетил с Владимиром Соловьевым Оптину пустынь, где беседовал с знаменитым старцем Амвросием, ставшим прототипом Зосимы. Писатель глубоко изучал историю и повседневную практику православного старчества. Мы не погрешим против истины, если вслед за Н.А. Бердяевым назовем Достоевского православным писателем.

Исследователь творчества Достоевского неизбежно сталкивается с глубинами сознания, погружавшего исследователя в самую суть восприятия и понимания христианства. Проникновение в сознание Достоевского часто не отпускает читателя в течение всей жизни. Весьма эмоционально, но в целом справедливо пишет сербский священник преподобный Иустин (Попович): «Достоевский не поддается изучению без

мук, без рыданий и слёз. Изучать Достоевского – значит мучиться его пожизненной мукой, мучиться вечными проблемами» [11].

Можно выделить еще один исследовательский аспект: Достоевский как мыслитель-пророк. Действительно, он обладал удивительным пророческим даром, предсказав многие социально-политические события отечественной истории XX века, тем самым как бы предупреждая человечество от социальных и нравственных ошибок и заблуждений. В романе «Бесы» писатель предсказал грядущую российскую революцию. Он сравнивал Россию с бесами-революционерами, с так называемой «передовой» интеллигенцией. На эту тенденцию творчества Достоевского обратила внимание Л.И. Сараскина [12]. «...Достоевский был одним из самых проницательных и дальновидных людей XIX века. Многие его идеи и прозрения и сейчас, в начале XXI века актуальны, как никогда прежде, а вся их глубина становится понятной только в современную эпоху», - пишут российские философы В.И. Пантин и В.В. Лапкин [13]. Мыслитель предвидел основные направления эволюции капитализма, развитие техники, социальные тенденции общества, внешней политики России.

Точность многих пророчеств Достоевского связана с глубоким проникновением в природу человека, в его внутренний нравственный мир. «Из всех русских писателей Достоевский всего более писатель будущего. При жизни он почти не был понят» - отмечал М.И. Туган-Барановский в статье «Нравственное мировоззрение Достоевского» [14].

Ф. М. Достоевский - носитель консервативных идей. Исследование его исторических взглядов и их трансформации позволяет полнее рассмотреть диалектику развития отечественной мысли, глубже разобраться в эволюции консерватизма во второй половине XIX века. Изучение взглядов Ф.М. Достоевского в настоящее время помогает выработать и формулировать национальные приоритеты и национальные идеи, что является чрезвычайно актуальной задачей. Это особенно важно в связи с необходимостью выделения главнейших составляющих национально-

консервативной идеологии и формулировки необходимых действий по их претворению в конкретные политические события.

В 1870-х он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала «Гражданин», откликавшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции.

Достоевский широко известен не только в нашей стране и не только среди специалистов-исследователей его творчества. В 1971 году западными учеными-славистами было создано Международное общество Достоевского. Общество ведет большую исследовательскую работу по изучению творчества великого писателя, проводит регулярные международные конференции.

Российское общество Достоевского было основано в начале 1990-х годов, оно объединяет свыше 200 специалистов. Отделения общества работают в Москве, Петербурге, Петрозаводске, Томске, Коломне, Калининграде, Омске, Ростове-на-Дону и других городах. Международные Достоевские чтения проводятся в Старой Руссе в Доме-музее Достоевского, в мемориальном музее Достоевского в Петербурге. Известным исследователем И. Волгиным создан Фонд Достоевского [15].

Руководство Российского государства хорошо понимает роль и значение Ф.М. Достоевского в истории отечественной и мировой культуры. 24 августа 2016 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О праздновании 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского». В Указе говорится: «Учитывая выдающийся вклад Ф.М. Достоевского в отечественную и мировую культуру и в связи с исполняющимся в 2021 году 200-летием со дня его рождения... принять предложения Правительства Российской Федерации о праздновании в 2021 году 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. Правительству Российской Федерации: образовать организационный комитет по подготовке и проведению

празднования 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского и утвердить его состав; обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвящённых празднованию 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского» [16].

Правительство Российской Федерации приняло Распоряжение от 3 мая 2017 года: «1. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 24 августа 2016 года № 424 «О праздновании 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского» образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского и утвердить его состав. 2. Организационному комитету, образованному настоящим распоряжением, разработать и утвердить план основных мероприятий по подготовке и проведению 200-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что избранная для диссертационного исследования проблема является **актуальной** проблемой отечественной исторической науки.

Объектом диссертационного исследования являются общественная деятельность, историческая концепция и религиозные воззрения Ф.М. Достоевского, рассматриваемые в контексте основных процессов социально-политического и духовного развития России XIX века.

Предмет исследования – истоки формирования мировоззрения и эволюция идейных установок Ф. М. Достоевского, оценки и подходы к узловым проблемам российской истории, влияние его общественной деятельности на социально-политические процессы в российском обществе.

Хронологические рамки диссертации охватывают период, совпадающий с датами жизни и литературной деятельности писателя, то есть с середины 1840-х до 1881 года.

Географические рамки исследования включают российские территории, связанные с пребыванием и деятельностью Ф.М. Достоевского (Москва, Петербург, Омск, Семипалатинск, Тверь); а также страны за пределами России, которые посещал писатель (Германия, Италия, Швейцария, Англия, Франция).

Целью диссертационного исследования является анализ общественной деятельности, социально-исторических, религиозных взглядов Ф.М. Достоевского, влияние его идей на общественное мнение и настроение различных социальных групп, определение места и роли мыслителя в истории общественной мысли России.

Поставленная цель раскрывается посредством решения ряда исследовательских **задач**:

- изучить многогранную общественную деятельность Достоевского, ее конкретные формы, участие писателя в общественной жизни и проанализировать их содержание;
- проанализировать становление и эволюцию социально-исторических воззрений мыслителя;
- исследовать содержание теоретических основ социально-исторических взглядов писателя;
- рассмотреть научно-теоретическое наследие писателя, посвященное актуальным проблемам отечественной и мировой истории;
- исследовать взгляды Достоевского на проблемы взаимодействия России и Запада, России и Востока посредством анализа внешнеполитического курса Российского государства;
- раскрыть процесс эволюции религиозных воззрений Достоевского, роль православия в его жизни и деятельности, отношение мыслителя к католичеству;
- определить роль и значение Ф.М. Достоевского в отечественной истории, научной и общественной мысли/

Методологическую основу диссертации составляет универсальный диалектический метод, позволяющий всесторонне и предметно анализировать все стороны заявленной научной проблемы. Диалектический метод дает возможность исследовать социально-политические противоречия российского общества второй половины XIX столетия, воздействие этих противоречий на формирование личности Ф.М. Достоевского и эволюцию его социально-исторических и религиозных воззрений. Главное внимание в диссертации уделяется общественной, интеллектуальной сфере деятельности человека, анализу его индивидуального опыта, убеждений, идей. Оправданным представляется подход, позволяющий через изучение жизни и деятельности личности (микроисторию) отразить эпоху (макроисторию).

Из общенаучных методов использовался системный метод, требующий целостного рассмотрения предмета исследования. Этот метод способствовал комплексному изучению личности Достоевского, его взглядов и деятельности во временном и пространственном измерении, выявлению множества взаимосвязанных элементов, разнообразных связей между ним и окружающей средой.

Метод историзма дает возможность исследователю изучить процесс становления Ф.М. Достоевского как личности с периода его юности до ухода из жизни. Этот метод также используется при анализе основных форм общественной деятельности, формирования социально-исторических и религиозных воззрений мыслителя.

Метод научной объективности требует непредвзятого, максимально правдивого рассмотрения общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов Достоевского без идейных симпатий или антипатий. Историческое познание действительности предполагает максимальное приближение исследователя к объективной истине посредством изучения творчества мыслителя. Объективный анализ творчества писателя крайне важен для оценки его роли и места в истории российской общественной жизни.

Проблемно-хронологический метод позволяет выделить основные периоды жизнедеятельности Достоевского, проследить становление его социально-исторических и религиозных воззрений применительно к каждому периоду, выделить главные проблемы и особенности творческой деятельности.

Историко-критический метод дает исследователю возможность систематизировать факты и события жизни и общественной деятельности Достоевского, изучить под критическим углом зрения основные вехи становления социально-исторических и религиозных воззрений. Данный метод используется при изучении формирования и эволюции теоретических взглядов мыслителя.

Историко-биографический метод применим к анализу биографических данных Достоевского, основных вех его творчества. Данный метод дает возможность рассмотреть литературный образ в сочинениях писателя как концентрацию типичных исторических особенностей индивида, воплощенных в конкретную историческую канву повествования. В своих произведениях Достоевский опирался на всю совокупность социально-исторических фактов – образ жизни, привычки, традиции, характер героев. Для историка в художественных сочинениях имеют значение многие детали, связанные с изображением образов, отражающие конкретную историческую эпоху, создающие исторический фон. Даже портретные характеристики, одежда героев, их речь, манеры играют далеко не последнюю роль при анализе исторической эпохи. Накопление фактов позволяет перейти к их систематизации и выявлению закономерностей, связанных с исторической эпохой. Анализ биографии писателя дает возможность также установить общественные связи с идейно близкими ему людьми.

Из специально-исторических методов в работе использовались историко-генетический, историко-сравнительный, метод исторической ретроспекции.

Историко-генетический метод позволил исследовать личность писателя в процессе ее становления и развития. Опираясь на аналитически-индуктивный анализ фактических данных, автор стремился последовательно раскрыть те качественные изменения, которые происходили в процессе формирования личности мыслителя, выявить сущностно-содержательную природу исторического деятеля, выраженную во взглядах, поведении, взаимоотношениях и т.д. Историко-сравнительный, или компаративистский, метод позволил проследить эволюцию взглядов Достоевского на разных этапах его жизненного пути, определить в них общее и особенное, сравнить круг его идей с существовавшими политико-идеологическими доктринами, выявить сходство и различие позиции Достоевского с его окружением в отношении ключевых проблем текущей жизни. Метод исторической ретроспекции способствовал созданию в рамках исследуемой проблемы максимально полной внутренне согласованной исторической реальности.

Для исследования, связанного с современной интеллектуальной историей, важным представляется культурологический метод, раскрывающий связи между историей идей и историей условий и форм интеллектуальной деятельности. Этот метод имел принципиальное значение при оценке и сопоставлении мыслей, идей Достоевского с мировоззрением других представителей из его окружения. Изучение его личности, его идей и деятельности осуществлялось в неразрывной связи с исторической средой обитания. Изучение взглядов, оценок, мнений Достоевского осуществлялось через анализ авторских текстов, источников личного происхождения, в которых запечатлен индивидуальный опыт личности. Важное внимание уделялось историческому контексту, ибо эволюция воззрений Достоевского во многом обусловлена конкретно-историческими процессами.

Комплексное применение указанных методов исторического исследования позволило соискателю максимально всесторонне изучить заявленную научную проблему.

Научная новизна настоящего исследования состоит в комплексном изучении общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов Достоевского, их эволюции на протяжении 1840-1870-х годов.

1. Впервые в отечественной историографии автором выполнен комплексный анализ становления и эволюции социально-исторических воззрений Достоевского. Мыслителем была создана собственная концепция исторического развития России. Особое внимание он уделит переломным, наиболее значимым периодам российской истории, в частности, реформам Петра Великого, взаимодействию русского народа и государства в историческом аспекте, внешней политике Российского государства, реформам 1860-1870-х годов Александра II (особенно судебной реформе 1864 года) и др.

2. Впервые в исторической науке общественная деятельность Ф. М. Достоевского, его социально-исторические и религиозные взгляды исследуются в качестве самостоятельной и комплексной научной проблемы. В научной практике Ф.М. Достоевский предстает не только как литератор, но и как мыслитель, сформулировавший целостную концепцию исторического развития России. Наряду с общеисторическим моделированием рассматриваются оценки Ф.М. Достоевским ряда частных исторических сюжетов.

3. Исследование проводится по таким аспектам творческого наследия Ф.М. Достоевского, как: всемирно-историческая концепция и определение места России в мировой истории; история русского общественно-политического движения (оценки русского либерализма, революционно-демократического течения, западничества и славянофильства); внутриполитическая история России (оценка, в частности, петровского реформирования); национальный вопрос в исторической ретроспективе; история российской внешней политики. Реконструируется в историческом ракурсе социально-политическая утопия Ф.М. Достоевского. Впервые

проводится контекстуализация исторических воззрений Ф.М. Достоевского в рамках общественно-политического развития России эпохи правления Александра II. Определяется место Ф.М. Достоевского в отечественной историографии.

4. Научная новизна состоит в анализе внешнеполитической деятельности Российского государства в 1860-1870-х годах в трудах Достоевского, в первую очередь восточного направления внешнеполитического курса России. Писатель был свидетелем участия России в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов, приветствовал победы Российской армии на Балканах, освобождение славянских народов от турецкого ига. В ряде очерков «Дневника писателя» Достоевский высоко оценивал продвижение России в Центральной Азии, что способствовало формированию стратегических целей государственного курса России на восточном направлении.

5. Дана новая оценка подходов Достоевского к решению одного из актуальных для России славянского вопроса. Идея единения славян под главенством Российского государства и российского императора стала краеугольным камнем всего творчества писателя, особенно в 1870-х годах в связи с началом освободительной борьбы славянских народов против турецкого ига. Достоевский неоднократно подчеркивал важность укрепления российских позиций в районе средиземноморских проливов, выхода России в Средиземное море и приобретения Константинополя. Не теряет актуальности проблема славянского единства и в настоящее время.

6. Нами поставлен вопрос о возможности причисления мировоззрения Ф.М. Достоевского к предшественникам российского евразийства. Взгляды мыслителя на место и роль России в геополитических процессах, анализ им стратегических направлений российской внешней политики, особенно восточного ее вектора, способствовали на рубеже XIX-XX столетий становлению российского евразийства как самостоятельного теоретического научного направления.

7. Проанализированы религиозные воззрения мыслителя: религиозные взгляды Достоевского претерпели эволюцию от внешнего восприятия христианства до глубокого проникновения в содержание православной доктрины, что нашло отражение в творчестве писателя 1860-1870-х годов.

8. Предпринимается попытка решения ряда дискуссионных проблем, нашедших освещение в отечественной и зарубежной историографии творчества Достоевского. В частности, это относится к исследованию проблем взаимоотношения почвенничества и славянофильства в истории российской общественно-политической мысли; влияния почвенничества на общественную жизнь российского общества 1860-1870-х годов; соотношения и роли реформ и революций в отечественной истории; степени и глубины религиозности Ф.М. Достоевского; славянского единства и возможности объединения славянских народов Балкан вокруг России; ведущих внешнеполитических ориентиров России второй половины XIX столетия и др.

9. Дается научный анализ социально-политических предвидений Достоевского, особенно в сфере внешней политики Российского государства на рубеже XIX-XX столетий. С удивительной точностью мыслитель предсказал последствия объединения Германии, перспективы российско-германских отношений, будущие военно-политические союзы в Европе с участием России, роль Британии в мировой и европейской политике, положение Франции, распад Австро-Венгерской монархии, роль и значение конкретных европейских политиков в решении ряда политических проблем Европы и др.

10. Впервые в отечественной исторической науке дается анализ российской и зарубежной историографии общественной деятельности, социально-исторических и религиозных воззрений мыслителя как комплексной научной проблемы и выделяются основные периоды изучения творчества Достоевского.

11. Впервые в научный оборот введен ряд документов из центральных архивов Москвы и Санкт-Петербурга, касающихся общественной деятельности и творчества Ф.М. Достоевского. В частности, нами впервые обнаружено в архиве ИРЛИ и опубликовано в открытой печати письмо Ф.М. Достоевского к императору Александру II от имени жителей «малого города» Мирополье Курской губернии в связи с Русско-турецкой войной (ИРЛИ. Пушкинский Дом.- Ф.100.- №29625.- ССХІб.1.- Л.1).

12. Определяются роль и значение Ф. М. Достоевского в истории общественной и научной мысли России.

Анализ степени научной разработанности проблемы представлен в первой главе настоящего исследования.

Источниковая база исследования достаточно обширна и может быть разделена на несколько групп. *Первая группа* источников включает сочинения самого Ф.М. Достоевского. Первые публикации произведений писателя в форме собрания сочинений относятся к дореволюционному периоду. В 1865-1870 годах вышло первое собрание сочинений Достоевского в петербургском издательстве Ф. Стелловского. При жизни Достоевского отдельные его произведения печатались в литературных журналах. Затем последовали издание 1883 года в 12-ти томах; издание 1883 года А.Г. Достоевской в 14 томах. Всего до 1917 года было издано 10 полных собраний сочинений Ф.М. Достоевского; последнее – в 23-х томах в петербургском издательстве «Просвещение» в течение 1911-1918 годов. Значительный вклад в подготовку и издание дореволюционных собраний сочинений писателя внесла А.Г. Достоевская.

Среди наиболее значительных публикаций сочинений Достоевского можно отметить 16-томное берлинское издание 1919-1922 годов И.П. Ладыжникова в серии «Русская библиотека»; 13-томное издание 1926-1930 годов; рижское 12-томное издание художественных произведений в издательстве «Жизнь и культура» 1927-1928 годов; парижское 20-томное издание 1938 года в журнале «Иллюстрированная Россия».

«Оттепель» второй половины 1950-х годов способствовала публикации ранее не печатавшихся в советских изданиях сочинений писателя. Знаменательным достижением стало издание в 1956-1957 годах собрания сочинений Достоевского в десяти томах, включившего роман «Бесы» [17], что явилось знаменательным событием, способствовавшим более полному изучению и пропаганде творчества писателя.

Особую роль в исследовании творчества и воззрений Достоевского сыграло уникальное издание – Полное собрание сочинений, осуществленное ленинградским отделением издательства «Наука» в 1972-1988 годах [18]. На сегодняшний день это – самое полное собрание сочинений Достоевского. Оно снабжено обширными комментариями, содержит черновые наброски к художественным и публицистическим произведениям. Пять томов с XXVIII по XXX содержат письма Достоевского различным адресатам и ответы их писателю. Всего творческое наследие Достоевского включает около 700 печатных листов текста [19].

Одно из последних значительных изданий – 22-хтомное полное собрание сочинений Достоевского 2004 года в московском издательстве «Воскресение».

Заслуживает высокой оценки подготовка и издание с 2016 года 35-томного (исправленного и дополненного) полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в петербургском издательства «Наука». Фактически это второе издание полного собрания сочинений писателя.

Всего за период с 1911 по 2003 годы произведения Достоевского выдержали 23 собрания сочинений [20].

Ко *второй группе* источников можно отнести разноплановую мемуарную литературу, которая содержит около 180 работ о Достоевском [21]. Публикация первых воспоминаний о Достоевском относится к 1880-1890-м годам [22]. Ценность этих воспоминаний состоит в том, что они написаны людьми, близко знавшими Достоевского, в течение длительного времени тесно сотрудничавших с ним, либо находившихся в товарищеских

отношениях. Значительная часть воспоминаний была собрана в двухтомнике «Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников» [23].

Особое значение для исследователя творчества Достоевского представляют воспоминания его жены А.Г. Достоевской [24]. Анна Григорьевна была для Фёдора Михайловича женой, верным другом, хранительницей его домашнего очага. В ее воспоминаниях нашли отражение мельчайшие детали жизни и быта семьи Достоевских, личности самого Достоевского. В меньшей степени освещены проблемы, связанные с общественной деятельностью, социально-историческими воззрениями писателя. А.Г. Достоевская выступила издателем первых дореволюционных собраний сочинений Фёдора Михайловича [25].

Определенный интерес представляют воспоминания младшего брата Ф.М. Достоевского Андрея Михайловича [26] и его дочери Любы [27]. Однако полностью доверяться изложенным в данных мемуарах фактам из жизни Ф.М. Достоевского не стоит, они слишком субъективны.

Воспоминания А.Я. Панаевой [28] дают возможность познакомиться с характеристикой молодого Достоевского, который часто гостил у Панаевых и был тайно влюблен в Авдотью Яковлевну. Кроме того, в книге содержатся впечатления от встреч Панаевых с Петрашевским и другими членами его кружка.

Воспоминания Григоровича и Ризенкампа представляют интерес с точки зрения анализа формирования личности и мировоззрения молодого Достоевского, его социально-политических воззрений в юношеские годы.

Третья группа источников – документы центральных российских архивов: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, г. Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, г. Москва); Рукописного отдела Института русской литературы - Пушкинский Дом РАН (ИРЛИ, г. Санкт-Петербург), Российский государственный исторический архив (РГИА) (г. Санкт-Петербург).

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, г. Москва) содержатся многочисленные документы, связанные с общественной деятельностью и литературным творчеством Ф.М. Достоевского (Ф.93). Особый интерес представляет переписка писателя с Президентом императорской Академии наук, великим князем К.К. Романовым (К.Р.); сенатором, членом Государственного совета, Обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым; педагогом из Елизаветграда В.В. Михайловым; наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Леонидом; юристом А.Ф. Кони и др. Эти документы свидетельствуют об активной общественной деятельности Достоевского, разнообразных контактах с представителями различных слоев российского общества, включая членов императорского Дома Романовых. Интенсивная переписка и личные контакты писателя позволяли ему глубже проникать в социальную атмосферу общества, духовно-нравственный мир, что нашло отражение в художественных и публицистических произведениях мыслителя.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, г. Москва) содержит документы о деле петрашевцев и связи с ним Ф.М. Достоевского (Ф.212.- Оп.3.- Д.23), в том числе следственное дело об отставном инженере-поручике Ф.М. Достоевском (Ф.212.- Оп.3.- Д.20). Кроме этих документов, в фонде 212 имеются черновые записи к роману «Бесы», рисунки, конспекты, наброски. Фонд 212 содержит также переписку Ф.М. Достоевского с Н.А. Некрасовым (Оп.3.- Д.9); князем В.П. Мещерским (Оп.1.- Д.44); копии писем Достоевского к будущему императору Александру III (Оп.3.- Д.111) и другие документы.

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом, г. Санкт-Петербург) – ИРЛИ, в архиве А.Г. Достоевской (Ф.100) хранится наиболее значительная часть автографов Ф.М. Достоевского – черновые рукописи романа «Бесы»; наборные рукописи некоторых глав романов «Игрок» и «Подросток»; наброски к роману «Братья Карамазовы»; черновые и наборные рукописи «Дневника писателя» за 1873, 1874, 1876,

1877, 1880, 1881 годы. Среди рукописей «Дневника писателя» – черновая рукопись повести «Кроткая», первоначальные наброски к рассказу «Сон смешного человека», к очерку «Пушкин».

В Рукописном отделе ИРЛИ хранится значительная переписка Ф.М. Достоевского – всего 275 писем Достоевского адресатам и 640 писем к нему от 302 корреспондентов. Часть переписки сосредоточена в фонде А.Г. Достоевской (Ф.100), А.М. Достоевского (Ф.56), А.Н. Майкова (Ф.168), А.И. Порецкого (Ф.407), Н.Н. Страхова (Ф.287). Из числа адресатов Достоевского можно назвать И.С. Аксакова, А.Е. Врангеля, И.А. Гончарова, М.Н. Каткова, А.В. Корвин-Круковскую, А.Н. Майкова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, Н.Н. Страхова и др.

Из авторов писем Достоевскому отметим А.А. Григорьева, А.В. Корвин-Круковскую, А.Н. Майкова, кн. В.П. Мещерского, А.Н. Плещеева, А.И. Порецкого, В.Ф. Пуцыковича, Н.Н. Страхова, Е.А. Штакеншнейдер, С.Д. Яновского и др.

Особую группу составляют письма читателей – гимназисты, студенты, курсистки, жители провинции, которые писали Достоевскому в связи с выходом «Дневника писателя», высказывали суждения по тем или иным вопросам, спорили, задавали вопросы по различным аспектам общественной и личной жизни.

В Рукописном отделе ИРЛИ нами изучены следующие документы: переписка Ф.М. Достоевского с А.А. Григорьевым (Ф.100.- №29683. ССХІб.3); Н. Страховым (Ф.100.- №29860.- ССХІб.11); В.П. Мещерским (Ф.100.- №29777.- ССХІб.7); А.Н. Майковым (Ф.168.- №16640.- СVIIб.6); И.А. Гончаровым (Ф.357.- Оп.2.- №118); Н.А. Некрасовым (Ф.134.- Оп.11.- №12); Я.П. Полонским (Ф.241.- №12065.- LXIXб.8); С.Д. Яновским (Ф.100.- №29915.- ССХІб.14); К.П. Победоносцевым (Ф.100.- №30.198); великим князем К.К. Романовым (К.Р.) (Ф.136.- Д.66).

Особый интерес представляет письмо Достоевского императору Александру II от имени жителей «малого города» Мирополье Курской

губернии (Ф.100.- №29625.- ССХІБ.1). В нем писатель говорил о событиях на Балканах в 1877 году в период Русско-турецкой войны. Оно позволяет подтвердить вывод о том, что писатель стоял на последовательно монархических позициях, идеализировал личность императора Александра II и проводимые им реформы.

Мы подсчитали количество писем Достоевского по годам, что свидетельствует об интенсивности его общественной деятельности (при подсчете не учитывались письма Достоевского родственникам). В 1854 году Достоевский по выходе с каторги в феврале написал всего одно письмо Н. Фонвизиной. В 1857 году – два письма; в 1859 – четыре; 1860 – одно; 1861 – три; 1862 – 11; 1863 – семь; 1864 – восемь; 1865 – 11; 1866 – шесть; 1867 – семь; 1868 – пять; 1869 – четыре; 1870 – четыре; 1871 – четыре; 1872 – шесть; 1873 – 29; 1874 – 16; 1875 – восемь; 1876 – 101; 1877 – 53; 1878 – 24; 1879 – 16; 1880 – 56; 1881 – 12. Как видно, наибольшая интенсивность общественной деятельности писателя приходится на 1876 год, когда он интенсивно работал над «Дневником писателя».

Архивные материалы дают возможность на документальной основе глубже проанализировать объект и предмет исследования, способствуют уточнению некоторых деталей, связанных с общественной деятельностью, формированием мировоззрения, социально-исторических и религиозных взглядов Ф.М. Достоевского.

Четвертая группа источников включает периодическую печать, непосредственно связанную с общественной и литературно-публицистической деятельностью Достоевского: журналы «Время», «Эпоха». Журнал «Время» издавался братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими. После смерти брата Ф.М. Достоевский издавал журнал «Эпоха». На страницах журналов Ф.М. Достоевский и его единомышленники отстаивали и пропагандировали почвеннические воззрения, вели полемику с литераторами иной идейно-политической ориентации.

Журнал демократической направленности «Современник» публиковал критические статьи и материалы на литературно-публицистические сочинения Достоевского и его соратников, Литературный и политический журнал, издававшийся М. Катковым, «Русский вестник» печатал многие произведения Ф.М. Достоевского, в частности, романы «Идиот» (1868) и «Братья Карамазовы» (1879-1880). В политической и литературной газете-журнале «Гражданин» князя В. Мещерского Ф.М. Достоевский работал редактором и публиковал «Дневник писателя». Для исследователя представляет также интерес полемика, которую вели Достоевский и его сторонники с идейными оппонентами – революционными демократами и славянофилами.

Нами использовались статьи и материалы современных российских периодических изданий, в которых публиковались статьи о Ф.М. Достоевском и его творчестве, – «Литературная газета», «Российская газета», «Культура», «Известия», «Союзное вече», «Новая газета», «Аргументы недели» и др.

Пятая группа источников представлена письмами разных лет и дневниковыми записями 1860-1881 годов – подготовительными материалами к художественным и публицистическим сочинениям, наблюдениями, которые вел писатель на протяжении ряда лет. Значительная часть писем Достоевского хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге.

Достоевский вел обширную переписку, значительная часть его писем сохранилась и представляет интерес для исследователей. Так, в записных тетрадях 1863-1864 годов он высказывал ряд мыслей о Христе, вере, смерти и бессмертии. В записных тетрадях 1864-1865 годов писатель оставил отзывы о новинках русской художественной литературы, в частности, о романе И.А. Гончарова «Обломов». В записных тетрадях 1872-1875 годов Достоевский делился наблюдениями об отсутствии ценностных ориентиров в российском обществе, о безверии. В записных тетрадях 1875-1881 годов Достоевский

высказал ряд личных суждений о социализме и коммунизме, определяя это учение как науку без Христа, без любви, основанную на эгоизме.

Шестую группу источников составляют справочно-энциклопедические издания, содержащие фактический материал из биографии Ф.М. Достоевского и его окружения [29]. Особо отметим энциклопедическое издание, подготовленное С.В. Беловым, содержащее детальное описание личности Достоевского, его окружения и произведений [30]. Данный вид источников позволяет уточнять некоторые детали, связанные с творчеством, общественной деятельностью Достоевского, его социально-историческими и религиозными взглядами.

Наличие значительного количества разнообразных источников позволяет в полном объеме исследовать проблемы общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов Ф.М. Достоевского.

Практическое значение настоящего диссертационного исследования состоит в возможности использования представленных в нем материалов для продолжения изучения творческого наследия Ф.М. Достоевского, в первую очередь профессиональными историками, для создания нового направления исследования творчества мыслителя.

Практическое значение проведенного исследования заключается также в воздействии на процесс воспитания подрастающего поколения в духе духовно-нравственных традиций русской классической литературы и культуры в целом. Предложенные в диссертации практические рекомендации могут быть полезными при разработке комплексных программ культурного и воспитательного характера, как на федеральном, так и региональном уровнях, особенно в связи с приближающимся 200-летним юбилеем Ф.М. Достоевского.

Возможно применение теоретического и фактического материала диссертационного исследования в учебном процессе в преподавании исторических, политологических, культурологических и философских

дисциплин. В частности, нами разработан спецкурс «Изучение творчества Ф.М. Достоевского в контексте исторических идей эпохи» для студентов специальности «Государственное и муниципальное управление» 3 курс РАНХ и ГС (г. Воронеж).

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в продолжении теоретических изысканий предшественников – литературоведов, философов, культурологов, ранее изучавших многогранное творчество Ф.М. Достоевского, в существенном приращении научных знаний по избранной теме. В частности, продолжен научный анализ концепции «почвенничества», идеологом и приверженцем которой был Достоевский, соотношения «почвенничества» и славянофильства в истории русской общественно-политической мысли. Диссертация вносит существенный вклад в разработку актуальных проблем истории российской общественно-политической мысли, открывает новую страницу в биографической истории Достоевского.

Изучение творчества Достоевского представляет собой определенный вызов для современного исследователя в решении ряда теоретических задач. К таковым отнесем масштабность и глубину поставленных мыслителем проблем общественной жизни пореформенной России; обилие социальных, межличностных и сугубо личных противоречий; взаимодействие образов в художественных сочинениях, непосредственно связанных с российской социальной действительностью; социально-психологическое состояние человека в непредвиденных и неожиданных обстоятельствах жизни и др.

Теоретическая значимость проделанной нами работы состоит и в признании её научной востребованности специалистами, о чем свидетельствуют публикации рецензий на авторские монографии. В частности, рецензия проф. А.В. Перепелицына на монографию «Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского» (Воронеж: VG, 2017.- 330 с.) опубликована в «Вестнике Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология».- 2018.- №1).

Положения, выносимые на защиту:

1. Мировоззрение Ф. М. Достоевского формируется под влиянием родовых и семейных традиций, гимназической и университетской среды, исторической эпохи, отечественных и зарубежных общественно-политических течений и идей - либеральных и консервативных. Достоевский был одним из ведущих идеологов доктрины почвенничества, получившей широкое распространение среди разночинной интеллигенции пореформенной России. Эти взгляды писателя были близки к позиции славянофилов, с которыми он полемизировал и в то же время разделял многие их оценки процессов и событий российской истории.

2. Почвеннические мироощущения Достоевского получили отражение и развитие в его художественных и публицистических произведениях, в которых давалась высокая оценка роли России и русского народа, что составило основу социально-исторических воззрений мыслителя. Почвеннические воззрения мыслителя в определенной степени носили утопический характер.

3. Достоевский сформулировал собственную историческую концепцию, основанную на глубоком анализе исторических событий и фактов, уделив первостепенное внимание наиболее острым, переломным периодам и событиям российской истории. В частности, особое внимание он уделил реформам Петра Великого и их значению для России, проблемам исторического взаимодействия Российского государства и народа, диалектике реформ и революций в российской истории и др.

4. Достоевский идеализировал русский народ, хотя видел в нем и ряд отрицательных качеств (например, пьянство), считал возможным изменение условий его жизни путем распространения просвещения и грамотности. Мыслитель категорически отрицал путь революционного насилия, уповая на реформы сверху в качестве единственного пути эволюции российского общества и государства. Он уделял большое внимание проблемам

отечественной и мировой истории, исследованию исторического процесса. Он сформулировал ряд положений, обогативших отечественную научную и политическую мысль и не потерявших значения в наше время (диалектика взаимодействия общества и государства, соотношение реформ и революций в российской истории, роль интеллигенции в просвещении народа и др.).

5. Социально-исторические взгляды Достоевского тесно переплетались с его философскими, этическими, политическими воззрениями, представляли собой единое целое в осмыслении природы человека и общества. Совокупность и цельность идей мыслителя позволяет причислить его к писателям-гуманистам, провозглашавшим торжество человека над стихийными общественными силами.

6. Достоевский был не только глубоко верующим православным человеком, но и одним из самых христианских писателей России. Все его основные произведения проникнуты духом православия. Религиозные воззрения писателя претерпели значительную эволюцию, что нашло отражение в его литературных произведениях.

7. Писатель непримиримо относился к католицизму, Римско-католической церкви, считая данное течение христианства ложным, искажившим учение Иисуса Христа, роль христианства в целом.

8. Мироззрение Достоевского испытало влияние позитивизма, широко распространенного в те годы в Западной Европе. В свою очередь, творчество мыслителя оказало влияние на западноевропейскую философию (иррационализм, индивидуализм, экзистенциализм и др.).

9. Достоевский как никто другой из классиков русской литературы обладал даром пророчества, предвидения грядущих событий, многие его суждения оказались пророческими в дальнейших судьбах России XX столетия.

10. Мыслитель определил многие стратегические направления внешнеполитического курса Российского государства второй половины XIX

столетия, прежде всего, западноевропейское и восточное, что было неоднократно подтверждено последующей международной практикой.

Степень достоверности исследования. Высокая степень достоверности проведенного нами исследования и выводов обеспечивается репрезентативностью широкого круга источников, в которых нашли отражение разные стороны общественной деятельности Ф.М. Достоевского, его социально-исторических и религиозных воззрений; критическим анализом изученных архивных документов, отечественной и зарубежной историографии. Диссертация прошла **апробацию** в виде двух авторских монографий «Воззвать к России новой»: общественная деятельность и социально-исторические взгляды Ф.М. Достоевского» (Воронеж: Издательство VG, 2016.- 252 с.) и «Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского» (Воронеж: Издательство VG, 2017.- 330 с.). Содержание диссертации было раскрыто в 20 научных статьях, опубликованных в изданиях из списка ВАК, в пяти публикациях в изданиях международных баз Scopus и Web of Science. Соискатель участвовала в работе десяти международных и пяти региональных научных конференций, где выступала с докладами и сообщениями по теме диссертации. Общий объем опубликованных работ составил 55,5 п.л.

В областной научной библиотеке им. И.С. Никитина (г. Воронеж) в ноябре 2017 года к 196-й годовщине со дня рождения Ф.М. Достоевского состоялась презентация двух авторских монографий для студентов гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета. Монография «Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского» заняла первое место в VII международном интеллектуальном конкурсе студентов, аспирантов, докторантов «Discovery Science – 2018». Вышеуказанная монография заняла первое место в конкурсе «Молодые ученые Воронежской области» в 2018 году и получила премию губернатора Воронежской области.

Соответствие паспорту (шифру) специальности. Диссертация соответствует паспорту специальности научных работников 07.00.02 – «Отечественная история» по областям исследования: 9. История общественной мысли и общественных движений; 17. Личность в российской истории. Её персоналии; 18. Исторические изменения ментальности народов и социальных групп российского общества; 22. Интеллектуальная история России; 25. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Структура диссертации определена внутренней логикой исследования и состоит из введения, пяти разделенных на параграфы глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

1.1. Степень научной разработанности диссертационной темы

Историографию творчества Ф.М. Достоевского, в том числе проблем общественной деятельности, формирования его социально-исторических и религиозных воззрений, можно разделить на несколько периодов. В основе периодизации – изменения общественно-политической обстановки в стране, что порождало новые проблемы в исследовании творческого наследия Достоевского, изменяло отношение к его личности и творчеству, месту в мировом и российском общекультурном процессе.

Первый период охватывает время с начала 1880-х годов до 1917 года. В это время шла систематизация художественных и публицистических произведений Достоевского, издание его сочинений.

Изучение жизнедеятельности, многогранного творчества Ф.М. Достоевского, его социально-исторических и религиозных воззрений началось еще при жизни писателя и продолжилось сразу после его ухода из жизни. Первым к составлению биографии писателя и оценке его произведений приступил Н.Н. Страхов [1]. Отношения Достоевского и Страхова переживали разные периоды – от взаимного сотрудничества к неприязни и даже конфронтации. В период издания братьями Достоевскими журналов «Время» и «Эпоха» Ф.М. Достоевский привлекал Страхова к работе в журналах, где тот напечатал несколько статей по политическим вопросам.

Исследованию творческого наследия Достоевского в дореволюционный период посвятили свои труды В.С. Соловьев [2], Н.К. Михайловский [3], Д.С.

Мережковский [4], Л.И. Шестов [5], В.В. Розанов [6], К.Н. Леонтьев [7], А. Волынский [8], В.И. Покровский [9], С.Н. Булгаков [10] и др.

Близкий друг Достоевского В.С. Соловьев посвятил творчеству своего учителя и единомышленника три речи в память о Достоевском, в которых впервые в отечественной историографии осветил основные вехи творчества мыслителя и единомышленника.

Н.К. Михайловский в статье «Жестокий талант» предпринял попытку оспорить роль Достоевского в качестве пророка и духовного вождя русского народа. Автор статьи упрекал Достоевского в излишней жестокости, в том, что он мучил своих героев и читателей. «Мы <...> не только не видим в нем «боли» за оскорбленного и униженного человека, а напротив – видим какое-то инстинктивное стремление причинить боль этому униженному и оскорбленному», - писал Михайловский [11]. Он также упрекал писателя в том, что в романе «Бесы» писатель не показал реальных бесов – российский капитализм с его социальными и нравственными пороками.

Правда, даже после критической оценки его творчества Михайловским, Достоевский не перестал быть пророком и властителем умов миллионов российских людей. Сам писатель в полной мере сознавал свое великое предназначение. В письме к А.Г. Достоевской от 7 июня 1880 года из Москвы Фёдор Михайлович писал: «В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи, и седых, и дам, бросались ко мне, говоря: «Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли Карамазовых» (30-1, 182). А в письме к Анне Григорьевне от 8 июня 1880 года продолжал: «...Восторг, энтузиазм (всё от «Карамазовых»!) (30-1, 184).

Созвучную мысль высказал А.Н. Майков в письме к своему сыну Аполлону: «Достоевский тоже ужасен иногда в изображении язв – но чувствуешь в душе автора высокий идеал... Он – мучит, но примиряет – и учит» [12].

В статье В.В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» впервые в отечественной историографии был дан подробный,

хотя и во многом спорный, анализ, пожалуй, самого глубокого сочинения Достоевского – «Легенды о Великом инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы».

Значительный вклад в дореволюционную историографию творчества Достоевского внес литературный критик конца XIX – начала XX века А. Волынский (псевдоним Хаима Лейбовича Флексера; 1861-1926). Он посвятил данной теме ряд статей – «Красота». Введение к разбору «Идиота»; «Трагедия красоты» (о романе «Идиот»); «Царство Карамазовых»; «Богофилы» (о старце Зосиме); «Книга великого гнева» (о романе «Бесы») и др. Еще в те годы Волынский писал о росте внимания к творчеству Достоевского: «На наших глазах совершается прилив какого-то страстного, беспокойного внимания к Достоевскому» [13].

В дореволюционной историографии творчества Достоевского наметилась тема изучения христианских мотивов в его произведениях. В своей книге «Христос Достоевского» (1914) Н.Я. Абрамович предпринял попытку систематизации религиозно-философских взглядов Достоевского, анализа облика Иисуса Христа как центральной фигуры творчества писателя [14]. Впоследствии по известным причинам данная тема оказалась вне поля зрения специалистов.

В научной литературе о творчестве Достоевского конца XIX - начала XX века мыслитель выступал чаще всего как писатель-натуралист, и даже предшественник символизма [15].

Исследовательская работа по изучению творчества Достоевского не носила в этот период системного характера, велась отдельными авторами, прежде всего философами и литературными критиками. Значительную роль в пропаганде, систематизации и исследовании творчества Достоевского сыграла супруга Ф.М. Достоевского А.Г. Достоевская.

Второй период историографии начался после Октябрьской революции 1917 года и продолжался до середины 1950-х годов. В этот период творчество Достоевского оценивалось преимущественно как реакционное,

исходя из замечаний В.И. Ленина: роман «Бесы» он определил как «явную реакционную гадость», «на эту дрянь у меня нет свободного времени». В письме к Инессе Арманд вождь мирового пролетариата характеризовал писателя следующим образом – «архискверный Достоевский» [16]. Эти оценки оказали влияние на характер исследований творчества Достоевского в последующие годы.

Вождю мирового пролетариата в оценке творчества Достоевского вторил его видный соратник, советский нарком А.В. Луначарский. «...Внешней красоты в его произведениях нет»,- говорил он в 1921 году в своем выступлении «Достоевский как художник и мыслитель», посвященном 100-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского [17]. Достоевский и Лев Толстой, по мнению Луначарского, относятся к «чуждым нам классам», «они являются враждебными, противными нам силам». [18]

Роман «Братья Карамазовы» писатель М. Горький он именовал как «садический и болезненный», «пасквиль», ставил его в ряд «темных пятен человеконенавистничества на светлом фоне русской литературы» [19]. Горький называл Достоевского «реакционером», основоположником «зоологического национализма». Достоевский, по утверждению Горького – «ярый шовинист, антисемит, проповедник терпения и покорности». Однако Горький вынужден был признать Достоевского великим писателем: «...но при всем при этом его художественный талант так велик, что покрывает все его прегрешения против справедливости, выработанной лучшими вождями человечества с таким мучительным трудом» [20].

Не только негативные ленинские оценки послужили смене вектора советской науки о Достоевском, но и резко отрицательное отношение мыслителя к революции и революционному движению в России, которое Фёдор Михайлович неоднократно высказывал в своих публицистических сочинениях, особенно в романе «Бесы». Сам роман был издан в довоенный период лишь однажды – в 1935 году при содействии Л.П. Гроссмана [21].

Набор второго тома романа был рассыпан, а тираж первого тома уничтожен. Случайно сохранилось лишь несколько экземпляров.

Существенный удар по исследованиям творчества Достоевского нанесла сталинщина. На творчество писателя было наложено идеологическое табу. Его произведения убрали из школьной программы. За чтение романа «Бесы» человек мог угодить в тюрьму. К имени Достоевского приклеивались ярлыки – «политический реакционер», «изменник делу революции» и т.п.

Типична для характеристики публикаций того времени статья В. Лейкина в журнале «Звезда» [22]. В ней автор, обличая Достоевского, обозначил почвенничество как «идеологию русской мелкой буржуазии», а творчество писателя как «реакционную демократию 60-х годов».

Подобным образом характеризовал творчество Достоевского Г.А. Покровский в своей книге «Мученик богоискательства (Ф.М. Достоевский)», вышедшей в 1929 году в издательстве «Атеист». В ней автор определил социальную роль Достоевского как представителя «мракобесного романтизма». «Достоевский является идеологом национализма, освященного религией»,- писал Г.А. Покровский. Почвенничество автор книги назвал «реакционным утопизмом и мелкобуржуазной социальной фантастикой» [23].

В русле оценок тех лет была выполнена работа В.В. Ермилова, введшего в оборот термин «достоевщина», носившего сугубо негативный оттенок [24]. Роман «Бесы» автор характеризовал как «клеветнический пасквиль, дышащий мрачной злобой». Ермилов писал, что Достоевский «оказывался способным создавать образы, разъедаемые ложью», обвинял Достоевского в «лакействе» и иных «прегрешениях» [25]. Д. Заславский определял роман «Бесы» как «пасквиль на революционное движение и на прогрессивных русских деятелей» [26]. Ф.И. Евнин, говоря о романе «Бесы», отмечал отсутствие в нем социальной тематики, определял роман как самое реакционное произведение Достоевского [27]. С резкой критикой на роман «Бесы» обрушился В. Базанов [28].

Подобная судьба была уготовлена многим литераторам. От идеологических штампов и незаслуженных обвинений вслед за Достоевским пострадали выдающиеся писатели и поэты М. Булгаков, О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Зощенко, Е. Замятин, А. Платонов и многие другие. Сталинщина изуродовала и искорёжила их жизнь и творчество. Относительно творчества М. Булгакова в печати 1930-х годов получил распространение уничижительный термин «булгаковщина».

В эти и последующие годы на фоне жестокой борьбы против религии и церкви прекратилось изучение христианских мотивов творчества Достоевского.

Несмотря на преобладание негативных оценок творчества Достоевского, в эти годы выходили труды, авторы которых стремились к более объективному изображению литературного наследия писателя. К таким работам отнесем исследование Л.П. Гроссмана [29], монографию В.Я. Кирпотина «Молодой Достоевский» [30], биографическое повествование Г.И. Чулкова «Жизнь Достоевского» [31]. Хотя эти работы не были свободны от наслоений времени, они в большей степени, чем другие исследования этого периода, претендуют на объективность в освещении темы. Исследование Кирпотина вызвало раздражение со стороны ярых сталинистов Ермилова и Заславского.

В годы Великой Отечественной войны количество публикаций о Достоевском сократилось, но с 1946 года вновь стало расти.

Значительный вклад в разработку проблематики, связанной с творчеством Достоевского внесли представители русского зарубежья, прежде всего, Н.А. Бердяев [32]. В его трудах нашли отражение философские размышления о русской идее как составной части мировоззрения Достоевского. Что касается взглядов мыслителя, то Бердяев относил Достоевского, славянофилов и Л. Толстого к религиозным народникам, поскольку все они изображали простой народ [33].

Нельзя сказать, что труды исследователей данного периода, кроме работ представителей русского зарубежья, существенным образом обогатили науку о Достоевском. Его творчество изображалось в искаженном виде в угоду партийно-классовым оценкам-штампам того времени. А к имени великого русского писателя наклеивали оскорбительного рода ярлыки. Мы не можем согласиться с мнением Г.М. Фридендера о том, что в данный период была создана база советского достоевсковедения [34]. Хотя, безусловно, труды Г.И. Чулкова, Л.П. Гроссмана, В.В. Виноградова, А.С. Долинина, М.М. Бахтина, В.Л. Комаровского сыграли определенную положительную роль в накоплении и осмыслении материала о творчестве Достоевского. До середины 1930-х годов в Центральном архиве изучались рукописи писателя.

Третий период охватывает время со второй половины 1950-х годов до второй половины 1980-х годов. Этот период характеризуется, во-первых, ростом интенсивности научных исследований, преодолением устаревших идеологических шаблонов в оценке творчества и воззрений Достоевского; во-вторых, постановкой и решением таких проблем, которые ранее в силу ряда идейно-политических обстоятельств не могли стать объектом научного анализа. Хотя, следует отметить, что и в этот период имели место негативные идеологизированные, классово ограниченные оценки Достоевского и его творчества.

В это время под влиянием настроений XX съезда КПСС происходило постепенное очищение всего идеологического спектра общественной жизни от наслоений и влияния сталинизма. Под воздействием новых идей стали появляться более объективные научные исследования о творчестве Достоевского.

Потребовались несколько лет после XX съезда КПСС для того, чтобы преодолеть негативное, необъективное отношение к творчеству Достоевского. В 1963 году вышла книга А.С. Долинина «Последние романы Достоевского» [35], обобщившая наиболее значительные работы специалиста. Данный труд во многом восстановил более объективный

подход к творчеству писателя, открыл новую страницу в исследованиях. Автор не оценивал Достоевского как реакционного писателя, а вторую половину его творчества считал прогрессивной.

Среди наиболее крупных исследований творчества Достоевского данного периода следует отметить труды Б.И. Бурсова [36], В.Е. Ветловской [37], И.Л. Волгина [38], В.Я. Кирпотина [39], В.А. Туниманова [40], Г.М. Фридлиндера [41], С.И. Фуделя [42] и др. Глубокими философскими размышлениями о творчестве Достоевского наполнено исследование Г.С. Померанца [43]. Издательская деятельность Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха» нашла отражение в монографиях В.С. Нечаевой [44]. Определенный вклад в изучение места и роли Достоевского в истории российской общественной мысли внесла В.А. Твардовская [45].

В трудах И.Л. Волгина исследованы многие проблемы творчества писателя: участие Достоевского в кружке Петрашевского, следствие и подготовка казни петрашевцев; взаимоотношение писателя с императорским домом Романовых; деятельность писателя в последний год жизни и др. Эти работы носят преимущественно научно-публицистический характер.

В монографии В.Я. Кирпотина «Достоевский в шестидесятые годы» специальная глава, написанная с объективных позиций, посвящена анализу идеологии почвенничества. Почвенничество рассматривалось автором как реакционная идеология, защищавшая самодержавие.

В монографии В.А. Твардовской «Достоевский в общественной жизни России (1861-1881)» исследованы проблемы взаимодействия творчества Достоевского с русским освободительным движением, соотношение воззрений мыслителя с различными течениями русской мысли, место писателя в общественной жизни России.

Особенностью историографии данного периода является расширение географии изучения творчества Достоевского. К исследовательской работе активно подключились региональные ученые, среди которых наиболее плодотворно трудились исследователь из Горького М.Я. Ермакова [46],

саратовский ученый Р.Г. Назиров [47], уральский специалист Г.К. Щенников [48] и др. Не остались в стороне от изучения творчества Достоевского ученые из союзных республик СССР [49].

Обогатилась тематика изучения творчества Достоевского. Особое внимание ученые стали уделять периоду каторги и ссылки [50], который до этого исследовался недостаточно. А ведь именно в те годы в общении со специфическими представителями российского народа складывались предпосылки к формированию социальной позиции мыслителя, закладывались основы его нового мироощущения.

Нельзя не упомянуть уникальное по своей значимости издание – серию исследовательских статей и материалов под рубрикой «Достоевский: материалы и исследования», издающееся в Ленинграде (Санкт-Петербурге) с 1974 года по настоящее время (последний выпуск вышел в 2013 году). У истоков серии стояли выдающиеся советские (российские) ученые – Д.С. Лихачев, В.А. Туниманов, Г.М. Фридендер, Н.Ф. Буданова и др. В 20 выпусках серии были опубликованы сотни статей и материалов специалистов по различным аспектам творчества Ф.М. Достоевского из СССР, России, ближнего и дальнего зарубежья [51].

Значительный вклад в изучение различных аспектов творчества Достоевского внесли зарубежные авторы [52]. Их труды отличались меньшей предвзятостью, отсутствием классовой ограниченности, хотя и имели своеобразную трактовку многих сюжетов. В тексте диссертации содержится авторская полемика с рядом зарубежных авторов по существу исследуемых проблем.

Несмотря на положительные перемены в изучении творчества Достоевского в 1960-1970-е годы, имели место некорректные подходы, вызванные идеологическими, классово-партийными барьерами, а, возможно, и инерцией исследовательского мышления. Так в книге Ю.Г. Кудрявцева [53] творчество Достоевского оценивалось ниже творчества Чернышевского и Писарева в оценке ими роли пролетариата как могильщика буржуазии.

Подобное заявление звучит безосновательно, поскольку эти мыслители принадлежали к противоположным идейно-политическим течениям русской мысли.

В целом научные труды данного периода сыграли свою положительную роль в расширении исследовательской базы творческого наследия Достоевского, в формировании новых, более взвешенных и объективных оценок анализа его взглядов.

Подводя своеобразный промежуточный итог исследованиям творчества Достоевского к рубежу 1970-1980-х годов, П.В. Палиевский отмечал: «Судьба Достоевского в литературе продолжает оставаться нелегкой. Его признание со стороны того, чему он беззаветно (без преувеличения) служил, постоянно осложнено его общением с «другими»; его правда пробивает себе дорогу тяжело и медленно, окруженная неправдой, которую он стремится поглотить. Но с каждым новым поворотом истории он находит себе новые подтверждения и воссоединяет с общей правдой русской литературы далекие, косные и противопоставленные ей начала. Он остается поэтому на всех ее этапах писателем спорных возможностей...» [54].

Четвертый период историографии берет начало в 1990-е годы и продолжается до настоящего времени. Данный период характеризуется резким усилением внимания научной общественности к творчеству Достоевского, расширением тематики научных исследований. Без преувеличения можно отметить настоящий исследовательский бум в отношении творчества писателя. К исследовательской работе подключилось новое поколение ученых, среди которых можно выделить фундаментальные труды С.В. Белова [55], В.Н. Захарова [56], К.Г. Исупова [57], В.К. Кантора [58], Т.А. Касаткиной [59], Е.А. Костина [60], Л.И. Сараскиной [61], К.А. Степаняна [62]. Многие из указанных авторов начали изучение творчества Достоевского гораздо раньше 1990-х годов, однако главные их произведения относятся к современному периоду.

Отметим труды, имеющие косвенно отношение к нашему исследованию. В монографии доктора филологических наук Л.И. Сараскиной «Бесы» - роман-предупреждение» (1990) впервые без идеологических штампов прежних лет исследованы образы революционеров, феномен нечаевщины-бесовства в русском идейно-политическом движении.

В исследованиях доктора философских наук В.К. Кантора раскрываются различные стороны философских воззрений Достоевского, его влияние на европейскую философию, в частности, на формирование философии Ф. Ницше.

В монографии доктора филологических наук Е.А. Костина «Достоевский против Толстого» (2016) дается сравнительный анализ творчества Достоевского и Толстого. Книга построена в форме диалога писателей, их героев вокруг глобальных концепций бытия чеорвека.

В связи с кардинальными переменами в обществе меняются содержание и тенденции исследования творчества Достоевского в отечественной науке. Одним из ведущих направлений современных исследований становится христианская тема в творчестве писателя [63]. Несмотря на значительный массив научной литературы по данной проблематике, основные исследования осуществлялись преимущественно филологами и частично философами. Социально-политический и исторический аспекты данной темы учеными не были затронуты.

Более интенсивный характер получили исследования зарубежных ученых, посвященные различным аспектам творческого наследия Достоевского [64].

Среди наиболее значимых трудов по творчеству Достоевского отметим монографию американского литературоведа, профессора университета славянских языков и сравнительной литературы Виктора Терраса «Читая Достоевского» [65]. Автор дает высокую оценку творчеству писателя, называя его русским Шекспиром, анализирует психологические, политические, мифические и философские аспекты его романов.

Автор книги «Достоевский: язык, вера и вымысел» священник, предстоятель Англиканской церкви Роуэн Уильямс [66] рассматривает в творчестве Достоевского органическое единство литератора и верующего человека.

Малькольм Джонс в книге «Достоевский: динамика религиозного опыта» [67] состоит из шести самостоятельных эссе. Автор исследует религиозные измерения в творчестве писателя, предлагает подробный текстовый анализ произведений Достоевского.

Монография С. Хадшипа «Достоевский и идея русскости. перспектива единства и братства» [68] посвящена славянофильской идеологии и взглядам Достоевского на религиозные, моральные и духовные идеи. Автор делает вывод о том, что Достоевский являлся преемником славянофилов.

В работе Питера Дункана «Русский мессианизм: Третий Рим, революция, коммунизм и после» [69] раскрывается проблема русского мессианизма в его связи и взаимодействии с коммунизмом.

Коллективное исследование «Аспекты Достоевского: Искусство, этика и вера» (под ред. Р. Рейда и Дж. Эндрю) [70] состоит из четырнадцати статей, авторы которых ставят целью раскрыть художественные и метафизические аспекты творчества Достоевского.

Характерной особенностью современного периода историографии стало появление переводной литературы о Достоевском зарубежных авторов [71]. Интерес к данной группе исследований обусловлен возможностью постановки и решения ряда дискуссионных проблем, сравнения подходов и оценок в отечественном и зарубежном достоевковедении. Об этом свидетельствовали проводившиеся международные научные конференции с участием российских и зарубежных специалистов [72].

Ныне творческое наследие Достоевского изучают специалисты в США, Англии, Японии, Франции, Швеции, Норвегии, Румынии, Молдавии, Германии, Польше и многих других странах. Исследование творчества великого русского писателя приобрело поистине международный характер.

Появились первые крупные историографические исследования по отдельным аспектам творчества Достоевского [73].

Наряду с большой исследовательской работой специалистов стали появляться труды, претендующие на некую авторскую «новизну». К таким сочинениям можно отнести работу А.С. Разумова [74], в которой предпринимается попытка домыслить продолжение романа «Братья Карамазовы», переиначить мысли Достоевского и предложить в качестве убийцы отца Карамазова не Смердякова, а Ракитина. На наш взгляд, данное самоуправство не имеет ничего общего с подлинно научным исследованием творчества Достоевского.

В обстоятельной монографии Аси Пекуровской «Страсти по Достоевскому: механизм желаний сочинителя» наряду с постановкой ряда реальных проблем поднимаются вопросы, которые трудно отнести к научным исследованиям. Вызывает возражение обращение автора к выявлению подсознательных мотивов творчества Достоевского, мнимых, а не реальных поступков. Сомнительно обращение и к непроверенным источникам при изображении определенных картин из жизни писателя [75].

Некоторые исследования грешат стремлением к искусственной новизне, отдавая сомнительную дань времени. Так, глубокий ученый, автор многих фундаментальных трудов о Достоевском В.К. Кантор пишет: «И теоретически Ленин истинный Смердяков по отношению к Марксу, использовавший его научные соображения вполне практически, как Смердяков использовал теоретические сомнения и вопрошания Ивана» [76]. Это сравнение, на наш взгляд, носит прямолинейный и искусственный характер, оно излишне политизировано, в то время как роман «Братья Карамазовы» далек от политики и ставит совершенно иные, по большей части нравственные, проблемы.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных различным аспектам жизнедеятельности и творчества Ф.М. Достоевского, до сих пор нет крупных научных трудов по

проблематике, связанной с общественной деятельностью, социально-историческими и религиозными воззрениями мыслителя. Основными исследователями творчества Достоевского выступали представители филологической и в меньшей степени философской науки. Представителей исторической науки среди них оказалось совсем мало и они оставили несколько трудов в достоевковедении. Исключение составляют очерк об исторических взглядах Достоевского в монографии Л.В. Черепнина, кандидатская диссертация У.С. Любятинской, статьи Н.Ф. Третьякова и К.Г. Исупова [77].

Очерк Л.В. Черепнина о Достоевском носит публицистический характер и отпечаток классовых оценок некоторых сторон творчества мыслителя касательно оценок классовой борьбы, революции и революционного насилия.

Кандидатская диссертация У.С. Любятинской посвящена анализу исторических воззрений Достоевского в «Дневнике писателя», что существенно ограничивает предмет исследования.

Статья петербургского ученого К.Г. Исупова исследует философские основы художественного творчества писателя и не затрагивает социально-политических и исторических воззрений. В статье омского исследователя Н.Ф. Третьякова раскрываются проблемы человека, России и русского народа в творческом наследии мыслителя. Ограниченный характер статьи не позволил автору комплексно изучить поставленную научную проблему.

Настоящее исследование в определенной степени восполняет данный пробел.

Определенный вклад в разработку заявленной темы внесли публикации автора настоящего исследования [78].

Таким образом, анализ историографии общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов Ф.М. Достоевского позволяет сделать следующий вывод. Несмотря на наличие широкого круга исследовательской отечественной и зарубежной литературы по указанной проблематике, поставленная в диссертации тема не получила достаточно

полного и глубокого освещения в научной исторической литературе, посвященной творчеству Ф.М. Достоевского. Исследование его творчества, общественной деятельности, социально-исторических и религиозных взглядов в отечественной и зарубежной науке, несомненно, будет продолжаться и в дальнейшем, пока существуют Россия и русский народ – наиглавнейшие объекты художественного социально-политического, исторического, религиозного и духовно-нравственного осмысления.

1.2. Концепция «почвы», самобытности русской идеи в «картине мира» писателя

Исследование места и роли Ф.М. Достоевского в истории российского общественного движения, общественной мысли следует начать с анализа его социально-исторических и религиозных воззрений. Для этого необходимо обратиться к истокам формирования мировоззрения мыслителя.

Во второй половине 1840-х годов основу мировоззрения Достоевского составляли комбинации различных учений западноевропейских социалистов-утопистов А. Сен-Симона и Ш. Фурье.

В России традиции утопического социализма берут начало с середины XVIII столетия, когда передовые мыслители пришли к пониманию пагубности крепостного права и необходимости его отмены. Так, в 1759 году поэт А.П. Сумароков написал произведение «Счастливое будущее», где речь шла о «мечтательной стране», в которой побывал сам автор. В этой монархической стране правил «милостивый государь», велась борьба со взятками, другими социальными и нравственными пороками, существовало равенство всех сословий, бояр и крестьян.

В конце XVIII века князь М.М. Щербатов опубликовал первый в России утопический роман «Путешествие в землю Офирскую», под которой подразумевал будущую Россию. В этой стране будущего отсутствовало рабство. Это сочинение получило известность среди просвещенных кругов

российского общества. То есть сама российская действительность подвигала отдельных мыслителей подвергать критической оценке современную им социальную практику, пусть даже с утопических позиций.

Несравненно большее влияние на мировоззрение Достоевского оказали французские социалисты-утописты. В 1822 году Шарль Фурье опубликовал двухтомный трактат об устройстве будущего общества на новых принципах. Он подробно изобразил огромный дом-дворец фаланстер, в котором проживают представители различных сословий. В фаланстере есть большая столовая, библиотека, зимний сад, детские комнаты, студии, ремесленные мастерские.

М.В. Буташевич-Петрашевский предпринял попытку реализовать идеи утопического социализма в своем имении в Новоладожском уезде под Петербургом. Он в 1847 году построил для своих крестьян фаланстер, разъяснял правила совместного проживания. Однако результат оказался плачевным: крестьяне сожгли фаланстер со всем его имуществом [1].

Хотя Достоевский умалял роль утопического социализма в своей жизни, идеи фурьеризма оставили заметный след в мировоззрении мыслителя, получили отражение в его художественных и публицистических произведениях. Так, воинствующий либерал-чиновник Лебезятников из романа «Преступление и наказание» призывает к созданию коммун, слабо представляя их подлинную роль в переустройстве российского общества. «Мы хотим завести свою коммуну, особенную, но только на более широких основаниях, чем прежние» (6, 283).

Утопические представления о будущем устройстве общества, о возможном счастье для всех людей Достоевский сохранил на протяжении всей своей жизни. «Я не хочу мыслить и жить иначе, что все наши девяносто миллионов русских или сколько их тогда будет, будут образованы и развиты, очеловечены и счастливы... И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может быть, скорее, чем где-нибудь» (24, 127).

Настоящее высказывание носило явно утопический характер и крайне далеко отстояло от реальной жизни русского народа, от «царства мысли и света».

В.Я. Кирпотин, анализируя широту мировоззренческих истоков Достоевского, отмечал: «Мечты Достоевского о возможном наступлении золотого века, о мировой гармонии шли не от православной ортодоксии, а от христианского и утопического социализма, от Леру и Жорж Санд, от Консидерана и Виктора Гюго, от Белинского и петрашевцев и еще от Прудона...» [2].

А.А. Иванова в своей книге «Философские открытия Ф.М. Достоевского» высказала следующее суждение, с которым в целом можно согласиться: «Достоевский сосредоточил свое внимание на трех глобальных проблемах: личности и общества, добра и зла, нравственности и власти. Над ними он думал в течение многих лет, продвигаясь мыслью своей в выводах, стремясь самостоятельно находить уязвимые места в собственных позициях, утверждаясь в том, что казалось верным» [3]. Эта проблематика включала множество более детальных проблем, касавшихся личности и общества, их взаимодействия в самых различных, порой трагических, жизненных обстоятельствах. По словам Н.А. Бердяева, «Достоевский помешан на страдании и сострадании, это основная тема его творчества» [4]. Данный тезис исходит из христианского мировосприятия: блаженство может быть достигнуто только через страдание. Это мироощущение весьма близко писателю и многим героям его литературных произведений.

Уже в романе «Преступление и наказание» – первом из серии великого пятикнижия, Достоевский приступил к глубокому осмыслению темы страдания как основы собственного мировосприятия. «Идея романа,- писал он в рукописной редакции к роману,- православное воззрение, в чем есть православие. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания. Человек не рождается для счастья. Человек

заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание... приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себя» (7, 154-155). Впоследствии писатель не раз обращался к теме страданий человека как средству формирования личности и духовно-нравственного очищения.

Пребывание на каторге и в ссылке коренным образом повлияло на мировоззрение мыслителя. Во-первых, он превратился в последовательно православного человека. С годами его религиозные убеждения укреплялись, становились все более прочными и глубокими. О религиозных воззрениях Достоевского подробнее см. главу 4 настоящего диссертационного исследования.

Во-вторых, Достоевский в 1860-е годы решительно порывает с социализмом во всех его проявлениях. «Социализм – это отчаяние когда-нибудь устроить человека. Они устраивают его деспотизм (ом) и говорят, что это самая-то и есть свобода!» - рассуждал он в рукописной редакции к «Преступлению и наказанию» (7, 161). Пострадав от социализма, пусть в его утопической форме, Достоевский в дальнейшем не принимал социализм в любой его разновидности, будь то нигилизм, анархизм, народничество, идеология революционных демократов и т.п. Не случайно писатель ставит знак равенства между социализмом, нигилизмом и мошенничеством при раскрытии образа Лебезятникова из «Преступления и наказания». Главный герой романа «Бесы» Петр Верховенский в порыве откровения сам говорит о себе: «...Я ведь мошенник, а не социалист» (10, 324).

О слабом понимании Достоевским различных оттенков социализма говорит его первая встреча с Чернышевским в 1862 году, когда Федор Михайлович, обеспокоенный пожарами в Петербурге, посетил Николая Гавриловича и просил того повлиять на людей, осуществлявших поджоги. Хотя Чернышевский не знал никого из поджигателей и был далек от пожаров, он, видя тяжелое психическое состояние Достоевского, обещал ему выполнить его просьбу [5].

В-третьих, Достоевский становится сторонником одного из идейно-политических течений русской мысли, идеологом российского почвенничества [6]. Писатель последовательно придерживался с определенной степенью модификации почвеннических идей до конца своей жизни.

По нашему представлению, почвенничество как идейно-политическое течение в российской общественной мысли являет собой совокупность разнообразных теоретических построений в русле русского национального самосознания. В Новой философской энциклопедии почвенничество трактуется как «литературное течение и направление общественной и философской мысли в России в 60-х гг. 19 в., основы мировоззрения которого восходили к идеям и обобщениям, циркулировавшим в рамках т.н. молодой редакции журнала «Москвитянин» (1850-1856)» [7]. «Молодую редакцию» «Москвитянина», стоявшую на позициях славянофильства, в то время возглавлял А.А. Григорьев. Именно славянофилы впервые заявили доктрину «почвенничества», впервые употребили в идейном смысле сам термин «почва». К.С. Аксаков в 1847 году применил данный термин: «Мы похожи на растения, обнажившие от почвы свои корни» [8].

«Почвенничество,- пишет А.В. Шарапов,- это общественное течение, выступающее за выборочную модернизацию в различных областях с учетом национальных особенностей и традиций... Как идеология почвенничество претендовало на консолидированное объединение всех национальных общественных течений вокруг базового тезиса о цивилизационной самостоятельности России» [9]. Первая половина приведенного определения расплывчата и не отражает существа почвенничества как идейного течения русской общественной мысли.

Более точное определение почвенничества дает А.А. Васильев. Почвенничество – «консервативное течение русской общественной мысли 50-80-х годов XIX века во главе с братьями Достоевскими, А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым, выступавшее за возвращение интеллигенции к

православной вере и национальным традициям России, а также ее сближение с народом (крестьянством, купечеством, мещанством). Почвенничество стало закономерным ответом на социальное, духовное и национальное отчуждение русского дворянства от русской культуры и народа, грозившего уничтожить традиции России под ударами топоров социалистов и нигилистов, выросших из оторвавшейся от народа интеллигенции» [10].

С.В. Белов определяет почвенничество как течение русской общественной мысли 1860-х годов, родственное славянофильству». Исследователь полагает место почвенничества между славянофильством и западничеством, считает его проводником христианской идеи [11]. Данное определение весьма абстрактно и не совсем точно с точки зрения идеологической принадлежности. Будучи течениями, близкими по идейной платформе, почвенничество и славянофильство все же оставались различными идейными направлениями русской общественной мысли.

Сходное определение предлагает Б.Н. Тарасов: «Почвенничество – направление в русской общественно-литературной жизни 50-60-х годов XIX века, продолжавшее обсуждение славянофильско-западнической проблематики в новых исторических условиях» [12].

Почвенничество в сравнении с другими социально-философскими течениями российской мысли не получило достаточного отражения в литературе. Справедливо по этому поводу высказался А.А. Васильев: «До сих пор в истории отечественной философской, общественно-политической и правовой мысли белым пятном остается творчество русских почвенников. Несомненно, что литературное наследие Ф.М. Достоевского давно вошло в сокровищницу мировой классической литературы, хотя личность и произведения автора до сих пор вызывают споры среди специалистов – писателей, филологов, философов и др. Сочинениям и мировоззрению М.М. Достоевского, А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова такого пристального внимания не уделялось. А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов известны лишь своими работами в области литературной критики, а имя М.М. Достоевского

связывается исключительно с редакторской работой в журнале «Время» [13]. По всей видимости, недостаточное внимание к изучению почвенничества связано с отчетливой тенденцией отражения в доктрине русской национальной идеи, что не всегда принимается в качестве позитивной идеологии.

«Пренебрежение к наследию почвенников разрывает преемственность развития русского мировоззрения, находящегося в последние три столетия на распутье между соблазнами материального благополучия, духовной нищеты и выбором свободной нравственной жизни в любви к людям, - продолжает А.А. Васильев.- Почвенники в течение всей своей творческой, общественной и личной жизни решали «проклятые вопросы» для России – пути русского народа в истории и веры в Бога, русской идеи, о которой в современной России ведутся непрекращающиеся баталии. Забвение почвеннической мысли лишает современную Россию возможности опереться в деле восстановления духовной жизни на до сих пор не оцененные по достоинству идеалы органической, нравственной жизни человека в духе родной стихии...» [14].

В научной литературе, посвященной творчеству Достоевского, присутствует точка зрения, согласно которой почвеннические воззрения мыслителя зародились еще в 1840-х годах. «Идеи, заложившие основу почвенничества, коренятся в эпохе учения и становления. Каторга и ссылка не переломили Достоевского, а лишь углубили убеждения, жившие в нем с детства, дали широкое знание народа, национальных типов, способствовали постижению сути русской души и уяснению своеобразия национального бытия...» - пишет О.В. Седельникова [15].

Более того, указанный автор полагает, что «в образной структуре «Хозяйки» Достоевский уже в 40-е годы излагает основы концепции почвенничества. В повести создается противоречивый, неоднозначный образ народа, Катерина и Мурин представляют собой два противоположных полюса – духовной чистоты и нравственную бездну. <...> Художественная

структура «Хозяйки» свидетельствует о том, что уже в 40-е годы Достоевский приходит к мысли о необходимости возврата интеллигенции к национальной почве и поиска нацией своего собственного пути, основанного на традициях народной жизни» [16].

С подобной трактовкой периода возникновения почвенничества трудно согласиться. Во второй половине 1840-х годов в российском обществе еще не сложились необходимые условия для формирования национально-патриотических воззрений, к которым без сомнения следует отнести почвенническую идеологию. Общество находилось под жестким прессингом реакционного политического курса императора Николая I, который Н.А. Бердяев вполне справедливо характеризовал как «жуткий режим прусского юнкера Николая I» [17]. Пресекались даже самые поверхностные попытки свободомыслия и отступления от идеологического курса правительства в духе официально трактуемой доктрины «православие, самодержавие, народность». «Циркуляр Уварова,- пишет Н.И. Цимбаев,- приближал наступление единомыслия в России, создавал условия для появления журнальной монополии и безмерно затруднял возвращение в журналистику издателей и редакторов, чем-либо разгневавших власть. Все помнили недавнее закрытие «Европейца», «Телескопа», «Московского телеграфа», сломанные судьбы Полевого и Надеждина. Нравы журнального мира изменились и изменились к худшему» [18].

Да и сами термины «почва» «почвенничество», не в агрономическом, а в социальном значении данных понятий появились лишь в 1847 году. Вряд ли молодой Достоевский мог не только познакомиться с сочинениями К.С. Аксакова, впервые употребившим эти термины, но и осмыслить их на уровне целостной социально-исторической и философской концепции. В повести «Хозяйка» мы не встретим какие-либо идеи, близкие к почвенническим, либо славянофильским воззрениям.

В начальный период своего творчества (вторая половина 1840-х годов) Достоевский еще не принадлежал к какому-либо социально-политическому

течению русской мысли. «...С полным основанием можно говорить о том, что уже в 1840-е годы общественную позицию Достоевского нельзя причислить к западническому или славянофильскому направлению» [19]. Это утверждение О.В. Седелниковой вполне обоснованно, так как не только в 1840-е годы, но и после возвращения из Сибири Достоевский стремился примирить оба течения, возвыситься над западниками и славянофилами с собственных позиций почвенничества.

Почему именно в первой половине 1860-х годов в российском обществе появился термин «почва», на основе которого выросло целое социальное направление – «почвенничество» как одно из идейных течений русской общественно-политической мысли. Достоевский понимал «почву» в самом общем виде как «то, за что все держатся и на чём держатся и на чём все укрепляются» (20, 217).

Главной причиной формирования идеологии почвенничества стали кардинальные перемены в социально-политической жизни российского общества после смерти Николая I в феврале 1855 года и унижительного поражения России в Крымской войне (1853-1856). Именно поражение в войне породило почвенничество как национальное и самобытное течение русской общественной мысли, ставшее ответом на сложившуюся в стране обстановку рубежа 1850-1860-х годов.

Первая половина 1860-х годов в отечественной истории ознаменовалась возрождением самобытности, подъемом русского национального духа, увеличением степени свободы в связи с подготовкой и проведением масштабных преобразований – «великих реформ» Александра II. Увлечение западными образцами, подражание Западу в области культуры, литературы, в образе жизни породили духовный кризис российского общества. Требовалось найти выход из этого кризиса на национальной духовной почве. Почвенничество как национальная идеология могло появиться только в новую эпоху – эпоху либеральных реформ Александра II.

В России в 1860-е годы одновременно сосуществовали различные комбинации идей просветительства и либерализма, которые получили широкое распространение в разных слоях общества, особенно в среде молодого поколения формировавшейся разночинной интеллигенции. Поскольку Россия продолжала пребывать в состоянии догоняющей модели в сравнении с ведущими странами Запада, то именно в 1860-е годы сложились благоприятные объективные условия и субъективные предпосылки для осуществления модернизации самых различных сфер российского общества.

В «Ряде статей о русской литературе» [20] Достоевский связывал термин «почва» с русским народным характером (18, 50), считая это основным направлением нового журнала братьев Достоевских. Во введении к этой же статье Достоевский рассуждал: «...Цивилизация уже совершила у нас весь свой круг», ее носители обязаны обратиться «к родной почве» (18, 49). И далее писатель замечал: «...Один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдется и примирится,- это всеобщее духовное примирение» (18, 50). То есть концепция почвенничества как первоначально оформленная идея относится к началу 1860-х годов.

Современные исследователи подчеркивают, что сердцевиной почвенничества является, прежде всего, культурный и духовно-нравственный фундамент. «...Почва,- полагает Ю.И. Селезнев,- это тот духовно-нравственный пласт общественно-политической жизни, на основе которого только и возможна встреча и органическое соединение интеллигенции и народа, образованности и народной нравственности; культуры и народности» [21].

Интересен вопрос об идейных истоках почвенничества, его социально-исторических корнях. Канадский исследователь В. Доулер полагает, что почвенничество вышло из раннего славянофильства, а основной категорией почвенничества является «народность» [22].

По своей внутренней структуре почвенничество включало в себя ряд социально-политических и духовно-нравственных компонентов: во-первых, православие как доминирующая идея и основа доктрины. Во-вторых, сохранение русской культуры в народной почве. В-третьих, самобытность русского национального характера с исторически сложившимися, традиционными национальными чертами (терпимость, соборность, коллективизм, сострадание и др.). В-четвертых, внешнеполитический аспект, связанный с освобождением славянских народов от иноземного господства и созданием единого славянского государства во главе с Россией и русским царем. В-пятых, самодержавие как идеал государственного устройства. В-шестых, вера в духовные и жизненные силы русского народа (купечество, крестьянство).

Не все компоненты доктрины имели под собой реальную основу, которая могла бы стать фундаментом преодоления вековой российской отсталости, некоторые исходили из идеализации определенных черт национального государственного устройства, в частности, российского самодержавия.

Центральной идеей почвенничества была национальная идея, идея «национальной почвы» как основополагающей доктрины социального и духовно-нравственного развития России. В социально-философском смысле почвенничество представляло собой консервативную форму философского романтизма, который в истории отечественной философии был представлен А.А. Григорьевым и основные положения которого разделял Достоевский. Тезис «национальной почвы» стал исходным принципом данной социально-философской системы. «...Русская нация – необыкновенное явление в истории всего человечества» (18, 54). «...Мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала», - говорилось в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1863 год» (20, 209).

После возвращения из Сибири, в результате перенесенных за годы каторги и ссылки духовно-нравственных и физических страданий,

мировоззрение Достоевского стало все в большей степени приобретать религиозную окраску. Мироззрение мыслителя постепенно трансформировалось от наивного социализма (фурьеризма) к социальному мистицизму и позже к консерватизму, получившему форму почвенничества. Рассуждая о глубинных проблемах истории и современности, Фёдор Михайлович неизбежно обращался к христианству, которое приобрело со временем решающее значение во всей системе его социально-исторических воззрений. Уже в романе «Преступление и наказание» Достоевский впервые ощутил необходимость введения в содержание художественного произведения христианских евангельских мотивов.

Приобщение Достоевского к идеологии почвенничества произошло не одномоментно. Он постепенно склонялся к ощущению необходимости приближения к русскому народу, его нуждам и потребностям. Взгляды Достоевского на «почву» формировались под влиянием обстоятельств и личного наблюдения за повседневной жизнью простого народа, различных его представителей, чему он стал свидетелем в период каторги. Концептуально идея почвенничества получила оформление в начале 1860-х годов, но вызрела и складывалась во второй половине 1850-х годов. В период подготовки к изданию журнала «Время» Достоевский в главных чертах разработал основные принципы почвенничества, его содержательные основы (18, 35-40).

Другим аспектом научного анализа почвенничества является временной период функционирования данного общественного течения. А.А. Васильев полагает, что «после закрытия журнала «Эпоха» и смерти в 1864 г. А.А. Григорьева и М.М. Достоевского почвенничество теряет свою былую роль и распадается. Хотя Ф.М. Достоевский продолжает развивать почвеннические заветы в своих литературных творениях и публицистических работах в «Дневнике писателя» вплоть до своей кончины в 1881 г.» [23].

Сделаем одно уточнение по поводу данного высказывания. С уходом из жизни видных идеологов почвенничества А. Григорьева и М. Достоевского

эстафету сохранения и развития доктрины принял Ф.М. Достоевский. Он существенно обогатил почвенничество значимыми выводами относительно места и роли России и русского народа в цивилизационном пространстве в многочисленных очерках «Дневника писателя», особенно в связи с анализом международной обстановки и внешней политики России в период Русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

Периодизация почвенничества, предложенная А.А. Васильевым, может быть представлена следующим образом. Первый период охватывает время 1850-1856 годов и может быть определен как период формирования зачатков почвенничества в творчестве А.А. Григорьева и «молодой редакции» журнала «Москвитянин». На этом этапе сформировались идеал народности, критическое отношение к западной идеологии как культу разума и материалистического эгоизма, вызревание конфликта между славянофилами и западниками.

Второй период эволюции почвенничества включает 1858-1861 годы. Содержание данного периода составляет образование круга единомышленников на литературных собраниях А. Милюкова – А. Григорьев, Н. Страхов, братья Достоевские на основе веры в особые духовные и жизненные силы русского народа и необходимости устранения пропасти между народом и интеллигенцией.

Третий период – 1861-1865 годы – связан с официальным оформлением почвеннической идеологии на страницах журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». Складываются центральные тезисы почвенничества – «народная почва», «духовный кризис Запада», «европеизация России», «православная государственность», «органичность и народность литературы» и др.

Четвертый, заключительный период (1865-1881) – период постепенного угасания и гибели почвенничества после смерти А. Григорьева и разлада между Ф.М. Достоевским и Н. Страховым. «Хотя все-таки вплоть до 1881 года почвенничество находило свое воплощение в целом ряде произведений

и публикаций (в журнале «Гражданин» Ф.М. Достоевского и «Борьба с Западом в нашей литературе» Н.Н. Страхова» [24].

Исходным началом для осмысления Достоевским социального фундамента «почвы» являлся русский народ, к изучению исторического прошлого которого и современных социальных проблем было обращено, по сути, все творчество писателя. «Почва» воспринималась в качестве истока и смысла народной жизни. Как растение не может развиваться без почвы, так и общество не может существовать без его фундамента-почвы – народа. По его мнению, «дети должны родиться на земле, а не на мостовой <...> В земле, в почве есть нечто сакраментальное. <...> Человек обновится в Саду и Садом выправится», - подчеркивал Ф.М. Достоевский (23, 95-96).

Народ является главным объектом почвеннических устремлений Достоевского и в то же время – главным действующим лицом многих художественных и публицистических произведений писателя. «Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент», - писал он в статье «Книжность и грамотность», опубликованной в журнале «Время» в №7-8 за 1861 год (19, 7).

Подчеркивая свою близость к народу, Достоевский в письме к Н.Н. Страхову от 18 (30) сентября 1863 года из Рима говорил о себе: «Я литератор-пролетарий...» (28-2, 50).

В сочинениях Достоевского нет такого масштабного показа народа, как в эпических романах Л.Н. Толстого. Достоевский в изображении народа более избирателен, тщателен, индивидуален. Он часто идеализировал русский народ, наделял его такими нравственными качествами, которые были несвойственны народу как целостному организму. Писатель нередко заявлял о том, что народ является спасителем России. «От народа спасение Руси». И далее: «Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его» - отмечал он в романе «Братья Карамазовы» (14; 285, 286).

Однако идеализации русского народа не получалось и не получилось. Достоевский понимал реальное положение народа, видел многие его пороки,

угнетенность, нищету, страдания, пьянство. В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский справедливо отмечал: «Народ оттого беден и голоден, что невысок у него... нравственный уровень, что он не умеет извлекать для себя пользу из тех огромных естественных богатств, какие у него под рукой. Значит, прежде всего нужно позаботиться об его умственном развитии» (20, 20).

Писатель считал необходимым для соединения интеллигенции с народом ликвидацию всех сословных перегородок, составлявших основу российского общества, сословных прав и привилегий. Он призывал высшие сословия нравственно преобразоваться для того, чтобы сблизиться с народом. «...Нужно открыть двери и для народа, дать свободный простор его свежим силам. Так мы понимаем сближение с народом» (20, 20). Достоевский мечтал о примирении классов, о едином народе, объединявшем угнетателей и угнетенных, об отсутствии сословного деления в российском обществе.

Этой особенностью Россия, по мнению Достоевского, отличалась от Запада. «У нас давно уже есть нейтральная почва, на которой <...>сливаются все сословия, мирно, согласно, братски <...> и этим именно мы от вас отличаемся, потому что вы каждый шаг свой добывали с бою, каждое свое право, каждую свою привилегию. <...> Нет у нас сословных интересов, потому что и сословий-то в строгом смысле не было» (18, 49-50). Это утверждение классика ошибочно, поскольку он исходил из идеализации социального устройства российского общества, лишённого, по его мнению, социально-классовых противоречий.

Достоевский верил в духовные основы народа, которые исторически оказывались выше сословных интересов и сословных противоречий. «Русский дух пошире сословной вражды, сословных интересов и ценсов. <...> Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдется и примирится, – это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании», - писал он в 1861 году в

«Ряде статей о русской литературе» (18, 50). Исходя из подобного убеждения, мыслитель отрицательно относился к революции и революционному движению в России.

Уповая на сильные монархические настроения русского народа, Достоевский с наивностью полагал наличие в российском обществе гармонии интересов верховной власти в лице императора и народа. «Для народа царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований его»,- писал он в очерке «Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке...» В «Дневнике писателя» за январь 1881 года (27, 21) писатель отмечал: «Наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху» (28-1, 280).

Известны монархические взгляды Достоевского. Он идеализировал российскую монархию, всячески по душевной искренности восхвалял императора Александра II, боготворил его. Эта восторженность писателя нашла отражение в его письме (в архиве сохранилось две редакции письма) монарху от имени жителей «малого города» Мирополье в связи с событиями на Балканах. «...Никогда ещё Монархия Русская не достигала такой силы и такого могущества, как во время Государствования Вашего Императорского Величества» [25]. Достоевский очень волновался, сочиняя письмо императору, не знал, как обратиться к государю. В конечном счете, обратился: «В. И. В-во. (В первой редакции письма: «В.И. В-во Государь Всемиловивейший»). Он, мастерски владея словом, подготовил два черновика письма, текст письма исчеркан, содержит много вставок и исправлений).

Всё творчество Достоевского 1860-1870-х годов приходится на время правления Александра II. В его художественных и публицистических произведениях нашли отражение все главные события этой эпохи – крестьянская реформа и последовавшие за ней либеральные реформы; польское восстание; Русско-турецкая война; кавказские и азиатские походы

Русской армии; формирование народничества как идейно-политического течения и террор «Народной воли» и др.

Крестьянскую реформу 1861 года писатель считал свидетельством гармонии в жизни русского народа при правлении справедливого царя, не замечая в ней глубоких социально-классовых противоречий, которые, в конечном счете, привели страну к революции 1905 года и к революционному взрыву 1917 года.

Достоевский не замечал классовой борьбы в российском обществе. При этом он полагал, что буржуазия и рабочий класс не получают развития на российской почве. В этом отношении его взгляды были близки взглядам Герцена, считавшего, что в истории России нет места рабочему вопросу. Нельзя обвинять обоих мыслителей в подобной постановке вопроса, так как российское рабочее движение стало набирать динамику и выступать в качестве самостоятельной политической силы только во второй половине 1880-х годов, уже после смерти Герцена (1870) и Достоевского (1881).

Данная позиция писателя о примирении классовых интересов, о единстве русского народа страдала налетом социально-политической наивности, так как вряд ли представители верховной самодержавной власти интересовались жизнью простого народа и стремились проводить преобразования для народа. Очевиден был продворянский характер основных российских реформ Александра II. Сам Фёдор Михайлович косвенно признавал оторванность высших слоев российского общества, власти от народа. В программном объявлении о подписке на журнал «Время» за 1861 год писатель упоминал 1812 год лишь «как один только случай соединения» (18, 36). Других примеров единения и согласия верхов и низов общества он не мог привести. В этом феномене коренилось противоречие мировосприятия Достоевского – желание видеть единство сословий в России и реальность, в которой жил мыслитель, где это единство отсутствовало.

Достоевский, тем не менее, уповал на роль русского дворянства в возрождении народа. «Русский дворянин – как провозвестник всемирного

гражданства и общечеловеческой любви. Это завещано ему ходом истории. Горизонт перед ним отверзт Петром...» - писал он в черновике к роману «Подросток» (16, 430). Сам писатель очень дорожил своей принадлежностью к дворянскому сословию и настойчиво добивался восстановления дворянства после возвращения с каторги.

Частично преобразования 1860-1870-х годов учитывали интересы нарождавшейся российской буржуазии, что нашло отражение в содержании отдельных сторон судебной реформы 1864 года. До такого понимания социально-историческое мышление Достоевского не поднималось.

В западной, в частности, в американской литературе о Достоевском, имеют место не просто не приемлемые для научного анализа трактовки мировоззрения мыслителя, но свидетельствующие о непонимании природы данного явления. Так, исследователь государственного университета Огайо (США) Дж. Сканлан в книге «Достоевский как мыслитель» пишет: «Квазиславянофильская доктрина приоритета национального перед общечеловеческим – <...> получила впоследствии название *почвенничества*» [26]. Для космополитического мышления американского ученого данную диалектику трудно осознать. Почвеннические идеи Достоевского отнюдь не стали умозрительной теорией, а оказали влияние на взгляды поздних славянофилов (Н.Я. Данилевский и др.).

Почвенническое мировоззрение Достоевского имело тенденцию к эволюции. В его воззрениях начала 1860-х годов основное место занимала идея российской державности, государственности, самобытности общества и народа в его единстве с монархом. Такому взгляду способствовала обстановка подготовки и принятия первых реформ. Мыслитель постоянно подчеркивал существенные отличия русских от европейцев – немцев, англичан, французов. Русские имели положительные черты в сравнении с европейцами. Иностранцы не становились главными и положительными героями художественных произведений писателя. Находясь за границей, Достоевский тяжело переживал разлуку с Россией. «...Что значит быть за

границей и отвыкать от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России», - отмечал Федор Михайлович в письме к своей племяннице С.А. Ивановой от 29 марта 1868 года из Женевы (28-2, 293). «Русского воздуха нет и людей нет», - писал он А.Н. Майкову 26 октября 1868 года из Милана (28-2, 322).

На протяжении всей творческой жизни Достоевский проявлял повышенный интерес к русским людям, глубоко проникая в их душевное состояние. Это обстоятельство было обусловлено спецификой пореформенного российского общества, которое осуществляло всесторонние преобразования общественной жизни. Вместе с обществом изменялся и сам человек. В русском обществе остро стоял вопрос о путях и фундаментальных основах эволюции России и русского народа.

Почвеннические воззрения Достоевского имели целью объединить все идейно-политические течения вокруг основополагающей идеи самобытности России и русского народа, решающей роли в европейской и мировой цивилизации. В статье «Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» Достоевский писал: «...Наша (теперешняя русская), заемная европейская цивилизация, в тех точках, не идет русскому народу. ...У нас есть свои элементы, свои начала, народные начала, которые требуют самостоятельности и саморазвития. ...Русская земля скажет свое новое слово, может быть, будет новым словом общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира. ...В элементах нашей народной цивилизации мы всегда видели признаки земщины, тогда как в европейской – признаки аристократизма и исключительности. ...Мы признаем, что мы, то есть все цивилизованные, по-европейски русские, оторвались от почвы, чутье русское потеряли до того, что не верим в собственные русские силы, не верим в свои особенности, падаем ниц, как рабы, перед петровской голландией, смеемся над словом «народные начала» (20, 98-99).

Одновременно с идеей самобытности России и русского народа идеологи почвенничества обличали Западную Европу за ее преклонение перед капиталом, прибылью, стремлением к деньгам. По их мнению, суть европеизма состояла в абсолютной власти денег, равнодушии к человеку. Представителей европейских народов Достоевский ставил ниже русских. В своих оценках иностранцев писатель нередко допускал жесткие, несправедливые высказывания. Доставалось от Достоевского представителям разных европейских наций. «...К немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах», - указывал он в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (5, 47). «Рассудку француз не имеет, - воспроизводил Достоевский высказывание Д.И. Фонвизина, - да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» (5, 50).

Основное отличие русских от европейцев Достоевский видел в утрате ими идеи «общечеловечности» (18, 54). «...В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человечеству вне различия национальностей, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческие интересы. У него инстинкт общечеловечности» (18, 55). Подобные рассуждения Достоевского, относящиеся к концу 1860 года, составили основу его будущей концепции почвенничества.

Н.А. Бердяев отмечал национальное и вместе с тем общечеловеческое содержание творчества Достоевского и Л. Толстого: «Достоевский и Л. Толстой очень русские, они невозможны на Западе, но они выразили универсально-общечеловеческое по своему значению» [27].

В российской социально-политической и культурной традиции происходило сложное смешение различных культурных элементов –

православия, ислама, иудаизма, католицизма, протестантизма, атеизма, нигилизма, радикализма. В этих обстоятельствах почвенничество способствовало сохранению национальных форм, корней, русского этноса, исторической преемственности, типов культур, сохранению роли, места и значения русского народа в системе общечеловеческих ценностей и идеалов.

Для исследователя творчества Достоевского несомненный интерес представляют взгляды мыслителя на соотношение общечеловеческого и национального начал в российской истории и повседневности. Именно данное диалектическое сочетание не могут разглядеть и понять многие западные специалисты. Общечеловеческое начало у Достоевского проявляется посредством национального, оба явления непосредственно связаны с судьбами России и русского народа. «...Этот взгляд на неподкупность внешней политики России и на вечное служение ее общечеловеческим интересам даже в ущерб себе оправдывается историей, и на это слишком надо бы обратить внимание», - отмечал он в очерке «Меттернихи и Дон-Кихоты» (25, 49).

Одну из центральных тем художественного и публицистического творчества писателя составляет тема самобытности русского народа. С самобытностью народа писатель связывал способность его к возрождению, к преодолению негативных проявлений – отсталости, пьянства, лени и т.п., избавлению от них. Нередко мыслитель связывал наличие негативных качеств народа с тяжелыми жизненными обстоятельствами, в которых жил простой народ. В очерке «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» Достоевский отмечал: «...Судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в века мучений» (22, 43).

Писатель считал, что познать народ, его быт и нравы можно лишь жизнью. Он сам глубоко изучил народную жизнь изнутри, наблюдал самые разнообразные народные типы, причем, далекие от идеала, преступные типы, находясь на каторге и в ссылке. «Русский народ трудно узнать, не

принадлежа к нему непосредственно и не пожив с ним его жизнью», - писал он в статье «Свисток» и «Русский вестник» (19, 113).

Конкретизируя представления Достоевского о русском народе, Д.С. Лихачев писал: «...Русский для Достоевского – человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный» [28].

На протяжении всего своего творчества Достоевский стремился, как никто другой в русской литературе второй половины XIX столетия, постигнуть сложную душу русского человека, найти в ней зёрна добра, нравственной чистоты, милосердия и сострадания к чужой беде. Не случайно писатель высоко ценил многие стихотворения Некрасова, сумевшего в своих сочинениях показать высокие душевные и нравственные качества простого русского крестьянина.

Достоевский был писателем городского быта. Он редко обращался к крестьянской тематике в своих художественных произведениях, поскольку был плохо знаком с жизнью русских крестьян, в отличие от писателей-помещиков Тургенева, Некрасова, Толстого. Исключением является повесть «Село Степанчиково и его обитатели» [29]. Образ простого русского крестьянина, ободрившего испуганного ребенка доброй улыбкой, любовно перекрестившего его со словами «Христос с тобой», нашли отражение в рассказе «Мужик Марей» (1876). Тем не менее, Достоевский придавал большое значение крестьянской общине как хранительнице особой нравственной природы русского человека, в основе которой лежала братская любовь, доброта, солидарность, подлинно христианские начала, в отличие от природы западного человека-индивидуалиста. Достоевский идеализировал русского мужика, его образ жизни, трудовую деятельность человека на земле.

Утопия Достоевского была неразрывно связана с крестьянской общиной, с патриархальной жизнью России. В его творчестве диалектично

переплетались патриархальность и буржуазная цивилизация. При этом писатель не видел в буржуазии носителей социального и научно-технического прогресса, а только негативные черты, связанные с накоплением капитала и угнетением простого народа. Идеи Достоевского имели некоторое сходство с русским крестьянским утопическим социализмом, особенно в части идеализации крестьянского труда, образа жизни, самобытности России и русского народа. В рамках христианского социализма Достоевский проявлял интерес к религиозно-нравственной стороне крестьянского образа жизни.

В произведениях Достоевского представлены самые различные характеры и типы русского народа, начиная от преступников с сибирской каторги и завершая служителями Русской православной церкви и людьми, близкими к Богу. К последним, кроме непосредственно священников, можно отнести князя Льва Мышкина из романа «Идиот», Макара Ивановича из романа «Подросток» и Алешу Карамазова.

Достоевский сумел изобразить самые разнообразные социальные слои российского общества: дворянство (генерал Иволгин, князь Мышкин, Версилов, Ставрогин, Валковский, отец и сын Верховенские, Карамазовы и др.); чиновничество (Прохарчин, Девушкин, Яков Голядкин и его двойник и др.); купечество (Рогожин, типы купцов из «Братьев Карамазовых»); разночинцы (Шатов, Разумихин и др.); представители низов из народа (каторжники из «Мертвого дома»). В этих многочисленных образах также можно проследить отголоски идеологии почвенничества.

Почвеннические настроения Достоевского нашли отражение в его художественных произведениях. Так, следователь Порфирий Петрович рассуждал о национальной самобытности России, осуждал забвение народных истоков русской истории и культуры. Порфирий Петрович испытывал сострадание к слабым, униженным, он стремился помочь Раскольникову понять ложный характер его теории о сверхчеловеке. Порфирий Петрович предложил Раскольникову самому прийти с повинной,

чтобы облегчить его участь. Близок к почве был и приятель Раскольникова Разумихин, который верил в высокое нравственное предназначение человека, в социальный прогресс [30]. Не случайно сестра Родиона Раскольникова Дуня выбрала в спутники жизни верного, честного и надежного Разумихина.

Достоевский анализировал почвеннические воззрения других литературных персонажей. Так, про Татьяну Ларину в очерке «Пушкин» он говорил, что Татьяна – «это тип твердый, стоящий твердо на своей почве» (26, 140).

Что касается общей оценки почвеннических взглядов Достоевского, то нам представляется справедливым суждение исследователя Ю.Г. Кудрявцева о том, что Достоевский шире почвенничества [31]. Действительно, мыслитель не ограничивал свои идейные и духовные воззрения рамками почвеннической идеологии, а выходил далеко за ее границы.

Значительный интерес для анализа теоретических основ социально-исторических и религиозных воззрений Достоевского представляют его отношения с двумя видными теоретиками почвенничества – А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым [32]. С этими людьми Достоевского связывали годы совместной работы в журналах «Время» и «Эпоха», участие в дискуссиях по поводу злободневных проблем истории и современности.

Наибольшее влияние на формирование почвеннических идей Достоевского оказал писатель, поэт, публицист А.А. Григорьев. Их знакомство уходит корнями во вторую половину 1840-х годов, когда они оба участвовали в кружке Петрашевского. Достоевского и Григорьева сближало сходство позиций по многим теоретическим вопросам. Как и Достоевский, Григорьев отрицательно относился к социализму и коммунизму западного типа, в том числе к фурьеризму. В то же время Григорьев обвинял Достоевского в идейных уступках журналу «Современник» и Чернышевскому, в «заигрывании» с Чернышевским. Естественно, Достоевский и Чернышевский находились на разных идейных полюсах в

вопросах отношения к революции, к революционным средствам и методам борьбы, в оценке проводившихся в стране преобразований.

Различными были взгляды Достоевского и Григорьева на западничество. К западникам 1860-х годов относились представители различных идейных направлений: революционно-демократического лагеря – Белинский, Герцен, Огарев; умеренные и левые либералы Боткин, Грановский, Станкевич, Кавелин, Чичерин, Анненков; консерватор Катков. Различных по идейным воззрениям людей объединяло общее отношение к Западу, целесообразность эволюции России по западному пути. Григорьев, не особенно разбиравшийся в оттенках идейной принадлежности западников, относил к этому течению и революционера-демократа Белинского, и консерватора Каткова. В статье «Стихотворения Н. Некрасова» Григорьев писал, что если бы Белинский дожил до 1860-х годов, то он стал бы почвенником [33].

Если Григорьев не допускал абсолютно никаких уступок западникам, то Достоевский видел возможность и даже полезность взаимодействия России с Западной Европой. «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия...»- отмечал он в статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» (25, 23).

Достоевского и Григорьева сближала страстная любовь к России и русскому народу. Сам Достоевский так говорил о своем товарище: «Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура» (20, 136). Григорьев также отвечал Достоевскому взаимной симпатией. В дошедших до нашего времени четырех письмах Григорьева к Достоевскому он обращается к Фёдору Михайловичу исключительно теплыми словами – «добрый», «любезный» и т.п. [34].

Достоевский, несмотря на имевшиеся разногласия с Григорьевым по ряду теоретических и практических вопросов, относился к коллеге с большим уважением, даже сердечностью, не раз выручая его в трудных

жизненных обстоятельствах. Из-за разногласий с братьями Достоевскими и по причинам личного характера (долги, пристрастие к алкоголю) Григорьев был вынужден покинуть Петербург и с мая 1861 по май 1862 года жил в Оренбурге. По возвращении в столицу Григорьев продолжил сотрудничество с журналами «Время» и «Эпоха». В «Эпохе» были напечатаны программные статьи Григорьева «Народность и литература», «Западничество в русской литературе», «Знаменитые европейские писатели перед лицом русской критики», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Парадоксы органической критики» и др. В них автор продолжал отстаивать и развивать почвеннические идеи.

Интересно краткое свидетельство Н.В. Шелгунова о Григорьеве. «Григорьев был человек в высшей степени напряженный», - писал Шелгунов в статье «Пророк славянофильского идеализма» [35].

Достоевский тяжело переживал безвременную смерть товарища 25 сентября 1864 года. Она последовала за смертью жены М.Д. Достоевской и старшего брата М.М. Достоевского. Есть мнение, что некоторые черты Григорьева, его образа жизни и характера Достоевский отразил в образе Мити Карамазова [36].

Отношения Достоевского с Н.Н. Страховым были лишены подобной открытости и сердечности, какие были присущи отношениям его с Григорьевым. Григорьев был более талантлив как художник, более чувствителен к жизненным проблемам и ранам. Несмотря на то, что в 1862 году Достоевский вместе со Страховым путешествовал по Европе, Страхов был свидетелем на свадьбе Достоевского с А.Г. Сниткиной, Страхов еженедельно посещал обеды в семье Достоевских, близких отношений между ними не было. Занимавшийся естественными науками, Страхов вёл отдел науки в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» [37].

После закрытия «Эпохи» в отношениях Достоевского и Страхова наступил период охлаждения, «размолвка», по словам Страхова; они перестали встречаться. После смерти Достоевского Страхов совершил весьма

неблаговидный поступок: в письме к Л.Н. Толстому он приписал Достоевскому ряд отрицательных характеристик личного свойства. Подобное отношение к покойному писателю вызвало справедливое возмущение и отпор со стороны А.Г. Достоевской. Очевидно, причина подобного поступка Страхова коренилась в элементарной зависти, которую еще при жизни тот питал к Достоевскому, завидуя его таланту и популярности.

К негативным оценкам Страхова оказался близок и известный французский исследователь Анри Труайя: «Достоевский был способен на великую доброту и одновременно на мелкую злобу, на великое самопожертвование и мелкий эгоизм, на великие чувства и мелкие пороки. Он был олицетворением укрощенного зла. Если он и не запятнал себя садистскими преступлениями, которые совершали его герои, то он наверняка мечтал их совершить» [38]. Домысливать за Достоевского, какие бы преступления тот мог совершить, но по ряду причин не совершил, прямо скажем, не лучший исследовательский прием, тем более, для такого серьезного ученого.

Отстаивая идеи почвенничества, Достоевский вел идейную полемику со славянофилами относительно исторического прошлого и будущего России и русского народа [39]. Расхождения со славянофилами касались ряда исторических проблем, в частности, подходов к допетровской Руси, к реформам и к самой личности Петра I, к взаимодействию с Западной Европой и т.п. Критика Петра I сближала Достоевского со славянофилами. Однако писатель видел в реформах Петра положительные и отрицательные стороны, стремился превратить императора в «демократического» земского царя, в то время как славянофилы, критикуя петровские реформы, не возражали против абсолютизма.

Достоевский требовал более внимательного отношения к земству, изучал истоки происхождения этого сугубо русского общественного учреждения. При этом он подчеркивал различие между первыми столетиями существования земств и земствами XVI-XVII веков, когда самодержавная

власть посягнула на права и свободы представительных народных учреждений.

Славянофилы ратовали за возврат к историческим истокам допетровской Руси, идеализировали ее. Достоевский критиковал розовые, идеализированные мечтания славянофилов. Он выступал за использование Россией исторического опыта Западной Европы, идей просвещения. Мыслитель считал западничество таким же русским явлением, как и славянофильство. Он высоко оценивал творчество таких западников, как Белинский и Герцен. Доктриной почвенничества Достоевский стремился преодолеть разногласия между западниками и славянофилами, объединить оба течения на основе «почвы». «Славянофилы и западники ведь тоже явление историческое и в высшей степени народное», - писал он в статье «Книжность и грамотность» (19, 10).

Особенностью концепции почвенничества стало формирование теории социального реформаторства, проекта «постепенных» и «малых дел». Апогеем этого подхода объявлялось объединение «просвещенного» российского общества с народом в исторически оформленных учреждениях, под которыми подразумевались земства. В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский делал вывод относительно сущности петровских преобразований: «...Народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой – врозь с путями высшего общества... Земство разошлось с служилыми сословиями. Последовавшие за петровской эпохой исторические обстоятельства только усиливали это раздвоение общества от массы народной. О народе – о главном – часто забывали, думали больше о самих себе» (20, 15). Написанное более полутора столетий тому назад, это положение Достоевского крайне актуально и в наше время. Здесь он выступил мыслителем-реалистом.

В начале 1860-х годов основные споры между ними велись не столько по исторической тематике, сколько по крестьянскому вопросу в связи с отменой крепостного права. Журнал братьев М.М. и Ф.М. Достоевских

«Время» восторженно оценивал крестьянскую реформу 1861 году, считал ее основой почвенничества, «мирного русского прогресса». Достоевский критиковал аристократизм славянофилов, которые сочувствовали помещикам после реформы 19 февраля. Достоевский и журнал «Время», напротив, чаще поддерживали позицию крестьян, защищали их от произвола помещиков [40].

В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский попытался показать отличия почвенничества от концепции московских славянофилов. Резкость полемики не позволили Достоевскому признать отдельные справедливые аспекты в критике славянофилами почвенничества. А.А. Григорьев писал: «Славянофильство... не брало народ, каким он является в жизни, а искало в нем всегда своего *идеального* народа... Славянофильство в своем теоретическом ослеплении подавало руку шишковизму... *Своего, идеального* народа оно отыскивало только в допетровском быту и в степях, которых не коснулись до сих пор реформа» [41].

Различными были оценки государственной власти славянофилами и почвенниками. «Славянофилы,- пишет Н.А. Бердяев,- не любили государство и власти, они видели зло во всякой власти. Очень русской у них была та идея, что складу души русского народа чужд культ власти и славы, которая достигается государственным могуществом» [42]. Достоевский и его сподвижники боготворили монархическую форму правления в России, были убеждены в том, что русский народ так же относился к власти российского самодержца.

В то же время Достоевский, несмотря на споры и разногласия, относил себя к славянофилам. «Откровенно говорю, что я был и, кажется, навсегда останусь по убеждениям настоящим славянофилом, кроме крошечных разногласий», - отмечал он в письме к М.Н. Каткову от 25 апреля 1866 года из Петербурга (28-2, 154).

В «Записях публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860-1865 гг.» Достоевский откровенно и

вместе с тем справедливо высказывается по этому вопросу: «И чего мы спорим, когда дело надо делать! Заговорились мы очень, зафразёрствовались, от нечего делать только языком стучим, желчь свою, не от нас накопившуюся, друг на друга изливаем, в усиленный эгоизм вдалились, общее дело на себя одних обратили, друг друга дразним: ты вот не таков, ты вот не так общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю <...> Просто заболтались. Чего хочется? Ведь в сущности все заодно» (20, 167).

Достоевский тесно общался с представителями лагеря славянофилов, ценил их мнение о своем творчестве. В 1880 году И.С. Аксаков участвовал в публичных дискуссиях по поводу знаменитой пушкинской речи Достоевского, полемики Достоевского и Градовского, особенностей творчества самого Достоевского [43]. Сам Достоевский высоко ценил творчество Н.Я. Данилевского и его книгу «Россия и Европа».

Почвеннические идеи Достоевского носили во многом эклектический характер. Писателю казалось, что в концепции «почвы» он нашел третий путь между западничеством и славянофильством.

В конечном счете, по словам Н.Н. Страхова, «славянофилы победили» [44], почвенничество перешло на сторону славянофильства, что нашло отражение во многих материалах «Дневника писателя» 1870-х годов.

«Почвенничество» было сложным идеологическим образованием,- писал В.Я. Кирпотин.- В теоретическом отношении оно шло, прямо или опосредованно, от историко-философских концепций, коренившихся в русском правом гегельянстве и в русском шеллингианстве; оно хотело включить в свою историю идеи, отобранные и у «западников» и у славянофилов; оно усвоило у славянофилов националистическую трактовку понятия «народ», «народность»; оно полусознательно, полуинстинктивно отгораживалось от дворянско-буржуазной идеализации самодержавной государственности а la Кавелин – Чичерин – Соловьев, свойственной практически и славянофилам; оно отвергало принципы революционно-демократического переустройства русской политической и социальной

жизни; оно абсолютизировало своеобразие русского исторического процесса» [45].

Справедливым, на наш взгляд, является оценка роли славянофильства и воззрений Ф.М. Достоевского в истории российской общественной мысли немецким исследователем Л. Керрик: «Сближение между славянофилами и официальным Петербургом совершилось... в годы правления Александра II, совершилось благодаря Достоевскому, который преобразовал прежнее славянофильски-романтическое почитание всего относящегося к старой, московской Руси – в политическую идею, которая сумела понравиться даже империалистам – петербуржцам» [46].

В оценке идеологии славянофилов в отечественной научной литературе нет единого мнения. Н.И. Цимбаев относит славянофилов к либеральному лагерю. «Политическая доктрина славянофильства при все ее глубоком своеобразии может быть верно понята только в русле традиционного российского либерализма. В основных, принципиальных вопросах (отношение к крепостному праву, реформистский путь решения социально-политических проблем, враждебность революции) славянофилы неотличимы от западников. Подлинный «двуликий Янус» [47]. В целом, мы согласны с данным утверждением.

Сам Достоевский примерно с таких же позиций подходил к оценкам славянофильства и западничества. «Все эти славянофильства и западничества – всё это лишь одно великое недоразумение, правда, исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи в глаза» (26, 214).

В современной России сохранились традиции славянофильства и западничества, трансформировавшиеся применительно к новым социально-политическим реалиям. В 1990-е годы преобладающим и доминирующим течением являлось западничество, предложившее России идти путем Западной Европы и США, слепого копирования их исторического опыта. Путь простого механического копирования исторического опыта Запада не

мог изначально увенчаться успехом. В XXI веке в российском обществе усилились позиции славянофилов, предложивших путь опоры на собственные силы и не отрицавших в то же время опыт Запада. Диалектическое сочетание собственного исторического опыта и заимствования передовых зарубежных образцов, на наш взгляд, является идеальной формой, необходимой для эффективного общественного развития.

Достоевский вел полемику с представителями левого крыла российского политического спектра – с революционными демократами по проблемам соотношения революции и реформ в России. Эта тема была весьма актуальна в начале 1860-х годов. Революционные демократы резко критиковали продворянский характер крестьянской реформы, вскрывали эксплуататорскую сущность новых отношений в деревне. Лидер революционных демократов Чернышевский предлагал освободить труд от эксплуатации, сделать труд свободным.

Н.Г. Чернышевский пропагандировал теорию «разумного эгоизма» как составную часть своего мировоззрения, хотя в его произведениях данный термин отсутствует. Герои романов Чернышевского – эгоисты, они трактуют жизнь как тщательный расчет собственных интересов, в то же время приносят пользу другим. Достоевский видел в подобном подходе искажение действительности, оказывающее негативное влияние на эмоциональное состояние молодого поколения, что могло привести, в конечном счете, к разрушительному эгоизму. В «Записках из подполья» Достоевский представил реального эгоиста в противоположность фальшивым, по его мнению, эгоистам Чернышевского. При этом герои-революционеры Чернышевского из романа «Что делать?» привлекательны, образованны, в отличие от изолированного от людей, злого, одинокого, себялюбивого подпольного человека Достоевского, который вызывает отторжение своими взглядами на жизнь. Отношение к теории разумного эгоизма, а фактически к оценке окружающей действительности, – одно из существенных разногласий двух мыслителей [48].

Достоевский является одним из архитекторов важной идеологической составляющей дореволюционной государственной идеологии России – русской идеи, вокруг которой строились многие концептуальные построения мыслителя, его размышления о роли России и русского народа в мировой истории. Предшественниками русской идеи были Н.М. Карамзин и А.С. Хомяков. Но они лишь в определенной степени отражали содержание русской идеи. Последователями Достоевского в осмыслении и развитии представлений о русской идее стала целая плеяда выдающихся русских мыслителей. Среди них В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Розанов, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, А.Ф. Лосев и др. При этом следует иметь в виду, что после Достоевского в русской философии произошел поистине колоссальный взрыв социальной мысли, концентрировавшейся преимущественно вокруг русской идеи и православия.

Концептуально русская идея формировалась в процессе сравнительного анализа российской (русской) и западноевропейской цивилизации в период проведения модернизации в ходе реформирования российского общества в 1860-1870-е годы. Западническому проекту модернизации России славянофилы противопоставили собственный проект, получивший наименование русской идеи, заключавшей в себе соединение общечеловеческого и национального начал. Ранние славянофилы (А.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, С.Т. Аксаков, братья К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, Д.А. Валуев, Ф.В. Чижов, И.Д. Беляев) обращали внимание на специфику Российского государства, но окончательно не отрицали связи его с Европой. Поздние славянофилы (Н.Я. Данилевский) придерживались в большей степени националистических позиций.

Идейно близки к позициям славянофилов были многие российские общественные деятели, литераторы, ученые – В.И. Даль, Ф.И. Тютчев, Н.М. Языков, Ф.И. Буслаев, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, М.А.

Максимович. Без сомнения, это были лучшие люди, подлинные патриоты России, о чем свидетельствовала их искреннее отношение к русскому народу, к русской идее. Это обстоятельство сближало их с Достоевским.

Общественным идеалом славянофилов, непосредственно связанным с русской идеей, было утверждение о том, что Россия имеет сходные черты с Европой в истоках религии и духе христианства. Эти тезисы были близки и Достоевскому. Более того, писатель видел сходство России с Европой за теми границами, которые установили славянофилы. В очерке, посвященном Пушкину, Достоевский указывал на назначение русского человека и связывал его с Европой: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» (26, 147).

Достоевский соединял неразрывно русскую идею с православием и в этой связи видел ее силу: «Всеми миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием...)» - писал он А.Н. Майкову 18 февраля 1868 года из Женевы (28-2, 260).

Органическое единство русской идеи и православия отмечают и современные отечественные исследователи. «Русская идея,- пишет философ А.В. Гулыга, - это составная общечеловеческой христианской идеи, изложенная в терминах современной диалектики» [49].

Впервые термин «русская идея» был озвучен Достоевским в объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год. «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» (18, 37).

Русская идея явилась составной частью концепции почвенничества, заняв в ней одно из центральных мест. Русская идея выступала у Достоевского объединяющим началом для славянских европейских народов, а сам русский народ, по его представлению, должен стать авангардом

эволюции человечества по пути христианства. «...Национальная идея русская, - писал он в 1877 году,- есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое объединение» (25, 20). Как реально представить этот процесс, Достоевский не указывал, да, пожалуй, и не мог указать.

Исключительную роль в сближении России и Европой Достоевский отводил русской идее. Исторической миссией русского дворянства Достоевский считал перенесение русской идеи на Запад, поскольку Запад еще не созрел для этого.

В то же время Достоевский понимал, что России и русским людям надо преодолевать историческую отсталость от Запада, причем, даже не в техническом, а в социальном аспекте, с точки зрения положения человека и условий его жизни. Он обращался с призывом не только к русскому народу, но и к государству: «*России учиться. У нас дошло до того, что России надо учиться, обучаться как науке, потому что непосредственное понимание у нас утрачено*» (27, 61).

Задаваясь вопросом, что есть русское начало, самобытное основание русского народа, Достоевский обращался к личности и творчеству своего литературного кумира А.С. Пушкина. Пушкин являлся для Достоевского идеалом во всём – как литератор, мыслитель, гражданин, как самый русский человек. Достоевский гордился тем, что 16 лет своей жизни, до трагической гибели Пушкина, был современником великого поэта. «Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимающими его людьми, нашел твердую дорогу, *нашел великий и возделанный исход для нас, русских и указал на него. Этот исход был – народность, преклонение перед правдой народа русского.*<...> Пушкин был «не только русский человек, но и первым русским человеком». Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским. Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто» (24, 114). Достоевский не единожды повторял данный тезис. «Без понимания Пушкина

нельзя и русским быть. Он предчувствовал достоинства народа, великодушные его» (26, 203).

С этими утверждениями Достоевского нельзя не согласиться. Действительно, Пушкин – великий русский поэт-мыслитель на века перерос свою эпоху, остался современником России и русского народа и в XX, и в XXI столетиях. На опыте Пушкина должно учиться патриотизму и духовности молодое поколение.

Пушкинская тема стала вершиной и завершающим этапом эволюции концепции почвенничества, сконцентрировала в себе все прежние составные ее части. Выше всего Достоевский ценил в Пушкине его народность, глубокое проникновение в суть народной жизни, в отстаивание правды о русском народе. «Пушкин первый объявил, что русский человек не *раб* и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство. Было рабство, но не было рабов... – вот тезис Пушкина» (24, 118). Удивительное по силе разрешение диалектического социально-исторического противоречия – крепостное право, и отсутствие рабов. В этой формуле присутствует мистическое, загадочное, что было присуще творчеству Пушкина и Достоевского.

Стремясь к объективному изображению русского народа, со всеми присущими ему недостатками, противоречиями и пороками, Достоевский в то же время идеализировал народ, исходил из того, что «мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным» (24, 147). В данном суждении не разъяснено, что же народ считал прекрасным и истинным. Народное понимание данных свойств и понимание их писателем могли не совпадать.

Пушкин первым в русской литературе обратился к изображению жизни простого народа; главным героем многих его художественных произведений является русский народ. «...Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом

стоящего общества» (21, 143). «Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь...» (26, 144). При этом Пушкин, как и Достоевский, понимал особую роль русского народа в развитии мировой цивилизации, отмечал особые социальные и нравственные качества русского народа. «Мы поняли в нем (Пушкине.- Авт.),- писал Достоевский,- что русский идеал – всецелостность, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность» (18, 69). В этом высказывании Достоевского, на наш взгляд, нет преувеличения.

Формулируя и развивая национальную идею в контексте почвенничества, Достоевский отталкивался от творчества Пушкина. В его творческом наследии он находил ответы на многие жгучие вопросы современности. Пушкин был близок Достоевскому, прежде всего, по причине природного русского характера. В творчестве Пушкина нашли воплощение темы народной русской почвы, от идеи которой Достоевский не отходил до самых последних дней. «...Русская душа, ...гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта...» - писал Достоевский в «Объяснительном слове по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине в августовском номере «Дневника писателя» за 1880 год (26, 131).

Достоевский, как и Пушкин, видели необходимость сближения России с Европой, исходя из характера русского народа. «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, *всецеловеком*.<...> Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел всей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к

воссоединению людей» (26, 147). Идеи всемирности, всечеловечности русского народа получили дальнейшее развитие в трудах русских философов первой половины XX столетия.

Пушкин был близок Достоевскому и по причине абсолютного неприятия разрушительного русского бунта – «бессмысленного и беспощадного». Оба мыслителя пришли к осознанию необходимости примирения как особой формы христианского поведения человека, усмирения гордыни. Пушкин осуждал бунт Алеко из «Цыган», бунт Евгения из «Медного всадника», своеобразный бунт Германа из «Пиковой дамы». Не говоря о народном бунте Пугачева, истоки и сущность которого внимательно исследовал Пушкин.

Этот тезис проповеди смирения, укрощения гордыни с особой евангельской силой прозвучал в речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве. «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве, вот это решение по народной правде и народному разуму. Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой, и узришь правду. <...> Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его» (26, 139).

В «Пушкинской речи» Достоевского вновь прозвучали почвеннические воззрения относительно роли русского народа в историческом процессе, в духовно-нравственной эволюции общества. Анализируя сочинения Пушкина, Достоевский отмечал неразрывную связь пушкинских героев с национальной идеей, с почвой. «У него (Онегина.- Авт.) никакой почвы, это былинка, носимая ветром» (26, 143). И в этом Достоевский был глубоко прав. «Лишний» человек Евгений Онегин не имел как личность реальной почвы. Пушкин стал для Достоевского критерием правды, символом духовности, органической частью его мировоззрения.

Пушкин, несомненно, явился предтечей русской классической литературы второй половины XIX столетия. Н.А. Бердяев отмечал, что «без Пушкина невозможны были бы Достоевский и Л. Толстой» [50]. Без Пушкина в России, несомненно, появились бы свои Достоевские и Толстые, но они были бы иными по природе и по национальному духу.

Мысли Достоевского о русской идее, о предназначении русского народа в русле формирования национальной государственной идеологии России были продолжены В.С. Соловьевым. В статье «Русская идея» Соловьев писал о том, что в России завершилась стадия складывания национально-государственного образования, и страна не нуждается в новой идее. Русская идея, по Соловьеву, является религиозной и нравственной задачей России, смысл ее состоит в образе жизни русского народа по христианским моральным нормам, а не только в связи с национальным интересом. В.С. Соловьев пришел к выводу, что русская идея заключается в осознании Россией своей ответственности перед Богом и необходимости быть не только национальным, но и христианским государством [51].

Вслед за Достоевским и Соловьевым разработкой проблематики русской идеи занимался Н.А. Бердяев. Этой проблеме посвящена специальная его работа «Русская идея». Бердяев строит свое повествование, исходя из стратегической геополитической цели русского народа. «Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [52].

Бердяев характеризует национальное сознание Достоевского как противоречивое, «полно противоречий его отношение к Западу. С одной стороны, он решительный универсалист, для него русский человек – всечеловек, призвание России мировое. Россия не есть замкнутый и самодовлеющий мир. Достоевский наиболее яркий выразитель русского мессианского сознания. Русский народ – народ богоносец. Русскому народу свойственна всемирная отзывчивость. С другой стороны, Достоевский

обнаруживает настоящую ксенофобию, он терпеть не может евреев, поляков, французов и имеет уклон к национализму. В нем отражается двойственность русского народа, совмещение в нем противоположностей. Достоевскому принадлежат самые изумительные слова о Западной Европе, равных которым не сказал ни один западник, в них обнаруживается русский универсализм» [53].

Бердяев справедливо полагал, что идеи славянофильства и западничества, в конечном счете, составляют русскую идею. «Достоевский более всего свидетельствует о том, что славянофильство и западничество одинаково подлежат преодолению, но оба направления войдут в русскую идею, как и всегда бывает в творческом преодолении...» - писал он в работе «Русская идея» [54].

Противоречивость самосознания Достоевского проистекала из противоречивости эпохи, в которой развивалось творчество писателя. Начатые правительством реформы всех сторон жизни российского общества сталкивались с рядом серьезных объективных препятствий, среди которых одним из главных стала неготовность основной массы общества, равно как правящих кругов и простого народа, к кардинальным переменам общественной жизни. Поэтому многие преобразования носили половинчатый, непоследовательный характер, прекращались задолго до их логического завершения. Эта противоречивость эпохи находила воплощение в общественной деятельности и воззрениях Достоевского.

Тематика национальной идеологии является актуальной и в современных условиях, когда Россия ведет поиск путей дальнейшей эволюции в стремительно меняющейся системе нового миропорядка. В этом сложном поиске не последнюю роль играет возрождение и формирование на новой исторической почве феномена русской идеи, национальной идеологии России [55].

После распада СССР государственное руководство постсоветской Российской Федерации, опасаясь возрождения коммунистической идеологии,

пришло к заключению не включать в текст новой Конституции РФ положение о государственной идеологии. В статье 13 Конституции РФ отмечается: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [56].

В течение всей постсоветской истории шел, временами усиливаясь, временами затихая, поиск национальной идеи, способной объединить российское общество вокруг определенной притягательной фундаментальной ценностной идеологической схемы.

После воссоединения с Россией Крыма национальной идеей был признан патриотизм. Этот феномен гораздо ближе к искомой цели, однако патриотическое воспитание, не ограничиваясь призывами любви к Родине, само призвано строиться вокруг чего-то более фундаментального, а именно – вокруг русской идеи, объединяющей и сплачивающей все народы России.

Опасения части российских официальных структур о том, что русская идея может привести к возрождению русского национализма, нам представляются беспочвенными. Исторически неоднократно доказано практикой, что русский народ и Российское государство выступали государством и народом-объединителем, часто – государством и народом-спасителем для многих соседних с Россией народов. Так, грузинский и армянский народы фактически были спасены Российской империей от уничтожения со стороны Османской и Персидской империй. Абсолютное большинство вошедших в состав Российского государства соседних народов мирно вошли в его состав. Исключение составляет часть населения Чечни и Дагестана, которая вела вооруженную борьбу против России в первой половине – середине XIX столетия. Народы, вошедшие в состав Российского государства, обогатили собственную национальную культуру во взаимодействии с богатой русской культурой, что в свою очередь привело к формированию советской многонациональной культуры и единого советского народа.

На наш взгляд, наличие четко сформулированной национальной идеи как концентрированного выражения национальной идеологии может придать системный характер всей внутренней и внешней политике, преодолеть спонтанность проводимых государством социально-экономических и политических мероприятий. «...Русская идея, - пишет современный исследователь В.И. Гидиринский,- это идея не только о России и русском народе. Она выражает объективно сложившуюся в течение столетий общность исторической судьбы русского народа и других народов России. России нет и быть не может вне содружества российских народов, как немыслимо и бытие этих народов вне России» [57].

Отметим еще один, на наш взгляд, важный аспект проблемы. Некоторые исследователи причисляют Достоевского к представителям предъевразийства. Об этом, в частности, пишет в своей кандидатской диссертации исследователь из Магнитогорска М.М. Сентов [58]. С определенной долей условности с таким подходом можно согласиться, оговаривая то обстоятельство, что многие аспекты воззрения Достоевского на роль и место России в мире были использованы в последующих доктринах идеологов евразийства. Именно Достоевский оказался тем исследователем, который одним из первых предложил рассматривать Россию в качестве посредника, моста между Востоком и Западом, заложив тем самым фундаментальные основы будущего евразийства.

Теоретические основы, общественной деятельности, социально-исторических и религиозных воззрений Достоевского были predeterminedены самим ходом российской истории, теми объективными социально-экономическими, политическими и духовно-нравственными условиями, в которых жил и творил мыслитель. Известный исследователь творчества Ф.М. Достоевского М.М. Бахтин писал: «Объективная сложность, противоречивость и многоголосость эпохи Достоевского, положение разночинца и социального скитальца, глубочайшая биографическая и внутренняя причастность объективной многоплановости жизни и, наконец,

дар видеть мир во взаимодействии и сосуществовании – все это образовало ту почву, на которой вырос полифонический роман Достоевского» [59].

Таким образом, анализ теоретических основ мировоззрения Ф.М. Достоевского позволяет сделать вывод о том, что его фундаментом являлось новое течение русской общественной мысли, получившее название «почвенничества». В структуре отечественной социально-политической мысли почвенничество занимало консервативно-охранительные позиции, направленные на сохранение и укрепление существующего монархического строя.

Центральной идеей почвенничества стала идея опоры государственной власти на русский народ, единение интеллигенции с народом. В нем писатель видел черты всемирности и всечеловечности, способные объединить и сплотить другие народы вокруг России. Достоевский идеализировал русский народ, нередко приписывал ему некие идеальные характеристики. Вместе с тем, он прекрасно понимал, что русский народ в своей нравственности весьма далек от совершенства. Писатель призывал русскую интеллигенцию прийти ему на помощь в деле просвещения и культуры.

Зародившись в качестве целостного течения в начале 1860-х годов, почвенничество прошло эволюцию на протяжении 1860-1870-х годов. Даже после смерти главных идеологов А.А. Григорьева и М.М. Достоевского почвенничество не угасло, а продолжало свое развитие в многочисленных очерках «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, особенно в связи с балканским кризисом второй половины 1870-х годов и участием России в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Центральное место в идеологии почвенничества заняла русская идея, плодотворно осмысливавшаяся и развивавшаяся Ф.М. Достоевским, а впоследствии В.С. Соловьевым и Н.А. Бердяевым.

Почвенничество и Ф.М. Достоевский, несомненно, сыграли свою положительную роль в осмыслении социально-политических и духовных

процессов в российском обществе периода реформ 1860-1870-х годов, способствовали поиску дальнейших путей развития России.

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В 1840-1870-е ГОДЫ: ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ

2.1. Ф. М. Достоевский и петрашевцы: споры о революции и социализме

Общественная деятельность Ф.М. Достоевского представляет собой одну из актуальных проблем отечественной исторической науки в целом. Несмотря на определенные успехи в изучении данной проблематики, эта проблема не получила, на наш взгляд, достаточно полного отражения в научной литературе. Исключение составляет монография В.А. Твардовской [1]. Издательская деятельность писателя нашла отражение в исследованиях В.С. Нечаевой [2].

Общественная деятельность Достоевского отличалась многообразием. Она включала общественно-политическую деятельность – участие в кружке М.В. Петрашевского во второй половине 1840-х годов; издательскую деятельность в журналах братьев М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» и «Эпоха» в начале 1860-х годов, в журнале «Гражданин» В.П. Мещерского; публичные выступления перед различными аудиториями, в том числе перед членами императорской семьи; участие в публичных мероприятиях; контакты с другими литераторами и общественными деятелями России, с читателями. Общественная деятельность Достоевского как в фокусе отражала дух эпохи, социальное и духовно-нравственное состояние российского общества.

Общественная деятельность писателя протекала в различных временных эпохах: первый ее период был связан с российским обществом второй половины 1840-х годов. Это время в истории России было периодом расцвета николаевской реакции. Напуганный восстанием декабристов, Николай I всю жизнь боялся революций, заговоров, тайных обществ, подозрительно относился к умным, образованным, думающим людям

В последние годы в отечественной историографии, посвященной эпохе и личности Николая I, наметилась особенность пересмотра ранее господствовавшего в советской историографии тезиса о реакционном характере этого правления [3]. В целом разделяя наметившуюся тенденцию применительно к эпохе в целом, мы считаем, что по отношению к Ф.М. Достоевскому, приговоренному к смертной казни только за чтение письма Белинского к Гоголю, со стороны императора была проявлена неоправданная жестокость и лицемерие.

В идеологической сфере 1830-1840-х годов господствовала теория «официальной народности» министра народного просвещения (1833-1849) графа С.С. Уварова, сводившаяся к знаменитой триаде: «православие – самодержавие – народность». Эта теория получила поддержку со стороны высшей государственной власти. Все иные теоретические построения, выходившие за рамки официально принятой, подлежали преследованию и запрету. В стране свирепствовала жесткая цензура, из-за которой закрывались прогрессивные, далекие от революционной, даже либерально-демократической идеологии, журналы. Так, в 1832 году был закрыт журнал «Европеец» И.В. Киреевского, в 1834 году – журнал «Московский телеграф» Н.А. Полевого, в 1836 году – журнал «Телескоп» Н.И. Надеждина, а сам редактор сослан в северную ссылку. В университетах закрывались кафедры философии, вместо профессоров-философов для чтения лекций приглашались священники [4].

Преследованиям со стороны правительства подвергся известный философ П.Я. Чаадаев, опубликовавший в журнале «Телескоп» первое и единственное из своих знаменитых «Философических писем», с пониманием встреченное Пушкиным. Основным их содержанием была критика крепостного права, самодержавной формы правления. Официальным ответом правительства на сочинения Чаадаева стало объявление философа сумасшедшим. Такова была общественно-политическая атмосфера в российском обществе 1830-1840-х годов.

Общественная деятельность молодого Достоевского во второй половине 1840-х годов сводилась к участию в кружке М.В. Петрашевского, к обсуждению с участниками кружка актуальных и злободневных проблем российского общества. Как вспоминал приятель Достоевского, врач С.Д. Яновский, «Федор Михайлович очень любил общество, или, лучше сказать, собрание молодежи, жаждущей какого-нибудь умственного развития, но в особенности он любил такое общество, где чувствовал себя как бы на кафедре, с которой мог проповедовать. С этими людьми Федор Михайлович любил беседовать...» [5].

Важную роль в будущей общественной деятельности Достоевского сыграло его окружение – люди, с которыми он был знаком и в определенной степени близок. Для молодого Достоевского – выпускника Инженерного училища, романтически настроенного, неискушенного жизнью, доверчивого, эмоционального человека, большое значение имели окружавшие его люди. Впечатления юности – самые яркие и глубокие. Они порой оказывают влияние на всю последующую жизнь. В силу своего замкнутого характера Достоевский нелегко сходилась с посторонними людьми. Но дружбой и искренними отношениями дорожил чрезвычайно.

Самым близким – и по родству, и по душевному настрою, человеком для Федора Михайловича был его старший брат Михаил. М.М. Достоевский сыграл во многом определяющую роль в судьбе Федора Михайловича, поддерживал его в трудных жизненных ситуациях (а их было немало), помогал материально и морально. А.Е. Ризенкамф, близко знавший братьев Достоевских в 1840-е годы, дал подробную характеристику старшему брату Михаилу. «Михаил Михайлович на шестнадцатом году жизни был таков же, каковым он остался во всю жизнь: невысокого роста, худощав, с несколько впалую грудью, лицо его было очень красивое, умное, продолговатое, слегка смуглое, осененное длинными каштановыми волосами; несмотря на постоянную бледность, цвет его был здоровый; глаза темно-голубые, открытые, весьма выразительные, часто оживленные, почти огненные; нос

продолговатый, слегка сгорбленный; губы тонкие, подвижные, нередко сжимавшиеся в виде насмешки. Разговор его был при первой встрече, особенно в кругу незнакомых людей, сдержанный, осторожный...» [6].

Федор поверял старшему брату самые сокровенные идеи, чувства. В письме брату Михаилу юный Федор определил собственное жизненное кредо: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28-1, 63).

Вернувшись в Петропавловскую крепость после инсценировки смертной казни на Семеновском плацу 22 декабря 1849 года, Федор Михайлович обратился с откровенным письмом к старшему брату, описав выпавшие на его долю страдания. «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту. Переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец, ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры. <...> Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда!» (28-1, 161-162).

Поражает то хладнокровие, с которым Федор Достоевский описывает подготовку к собственной смертной казни и саму процедуру ее. Эта сцена вошла впоследствии в роман «Идиот» и была воспроизведена князем Мышкиным.

Среди окружения молодого Достоевского следует отметить близких ему людей – Ивана Шидловского, Александра Ризенкампа, Дмитрия Григоровича. Время знакомства с чиновником министерства финансов, поэтом, историком церкви Иваном Николаевичем Шидловским приходится на период с 1837 по 1840 год. Начало знакомства с ним относится к 1837 году, их отношения носили романтический характер. Шидловский в 1840 году уехал из Петербурга в свое имение в Харьковской губернии, где жил в течение многих лет, занимаясь историей церкви и проповедью Евангелия среди крестьян. Память о Шидловском получила отражение в образе героя-романтика Ордынова в повести «Хозяйка». В подготовительных материалах к роману «Идиот» главный герой назван именем Шидловского.

С Александром Егоровичем Ризенкампом, врачом по специальности, Достоевский познакомился в ноябре 1838 года через своего старшего брата Михаила, который служил с ним в Ревеле кондуктором. В 1843 году Достоевский и Ризенкампф вместе жили на одной квартире «в доме Прянишникова на углу Владимирской улицы и Чернышева переулка. ...Многие из мелочей его частной жизни мне более известны, чем кому-либо другому», - отмечал Ризенкампф в письме А.М. Достоевскому от 16 февраля 1881 года [7].

В своих воспоминаниях Ризенкампф действительно знакомит со многими подробностями общественной жизни молодого Федора Достоевского. Характерно детальное описание его внешности: «Федор Михайлович... был в молодости довольно кругленький, полненький, светлый блондин, с лицом округленным и слегка вздернутым носом. Ростом он был не выше брата; светло-каштановые волосы были большею частью коротко острижены; под высоким лбом и редкими бровями скрывались небольшие, довольно глубоко лежащие серые глаза; щеки были бледные, с веснушками, цвет лица болезненный, землистый; губы толстоватые. Он был далеко живее, подвижнее, горячее степенного своего брата, который при совместном жительстве нередко его удерживал от неосторожных поступков, слов, и

вредных знакомств; он любил поэзию страстно, но писал только прозой, потому что на обработку рифмы не хватало у него терпения... <...> Федор Михайлович был не менее добр, обходителен, но, будучи не в духе, он часто смотрел на все сквозь черные очки, разгорячась, он забывал приличие и увлекался иногда до брани и самозабвения» [8]. Эти замечания чрезвычайно ценны для изучения личности молодого Достоевского.

С Дмитрием Васильевичем Григоровичем, будущим писателем, Достоевский учился в Инженерном училище с осени 1836 по 1840 год. С 1844 года в период подготовки Достоевским повести «Бедные люди» Григорович жил с ним в одной квартире и был свидетелем работы молодого литератора над первым своим художественным произведением, принесшим ему большой успех [9]. Что гораздо более важно, Григорович вместе с Некрасовым был первыми читателями и ценителями «Бедных людей». «Я был всегда высокого мнения о Достоевском; его начитанность, знание литературы, его суждения, серьезность характера действовали на меня внушительно...»- вспоминал Григорович [10].

Об отношениях Григоровича с Достоевским исследователь С.В. Белов пишет: «...Особенной близости между Григоровичем и Достоевским... не было никогда, даже в период их кратковременного проживания на одной квартире в 1844-1845 годах. Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что вину за разрыв отношений Достоевского с В.Г. Белинским... Григорович возложил на Достоевского» [11]. Это обвинение было справедливым лишь отчасти.

К апрелю-маю 1846 года относится знакомство Достоевского с М.В. Буташевичем-Петрашевским, сыгравшее трагическую роль в жизни молодого литератора. В воспоминаниях писателя отразилось это событие: «Знакомство наше было случайное. Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым в кондитерской у Полицейского моста и читал газеты. Я видел, что Плещеев остановился говорить с Петрашевским, но я не разглядел лица Петрашевского. Минут через пять я вышел. Не доходя до Большой Морской,

Петрашевский поровнялся со мною и вдруг спросил меня: «Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?» Так как я не разглядел Петрашевского в кондитерской и он там не сказал со мною ни слова, то мне показалось, что Петрашевский совсем посторонний человек, а не знакомый Плещеева. Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение: мы сказали два слова и, дошедши до Малой Морской, расстались. Таким образом, Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство. Эта первая встреча с Петрашевским была до моего первого отъезда в Ревель, и увидел я его потом уже зимою. Мне показался он очень оригинальным человеком, но не пустым; я заметил его начитанность, знания. Пошел я к нему в первый раз уже около поста, сорок седьмого года» (18, 138).

М.В. Буташевич-Петрашевский служил чиновником в министерстве иностранных дел, был образованным человеком, знал несколько иностранных языков. По воспоминаниям А.Я. Панаевой, «Петрашевский не бывал у нас, но знал Панаева и иногда при встрече разговаривал с ним. Петрашевский имел всегда вид мрачный; он был небольшого роста, с большой черной бородой, длинными волосами, всегда ходил в плаще и в мягкой шляпе с большими полями и с толстой палкой» [12].

С конца 1847 года Достоевский стал посещать собрания-пятницы Петрашевского, брал для чтения книги из его библиотеки. Кроме простого человеческого любопытства к личности Петрашевского со стороны Достоевского, на сближении этих людей сказалась близость некоторых их взглядов, хотя близкими друзьями они не стали. «Я никогда не был в очень коротких отношениях с Петрашевским, хотя и ездил к нему по пятницам, а он, в свою очередь, отдавал мне визиты. Это одно из таких знакомств моих, которым я не дорожил слишком много, не имея сходства ни в характере, ни во многих понятиях с Петрашевским. ...Мы никогда не были коротки друг с другом, я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вместе, одни, с глазу на глаз, более получаса. Я даже заметил положительно, что он, заезжая ко мне, как будто исполняет долг учтивости;

но, что, например, вести долгий разговор со мной ему тягостно. ...Повторяю, у нас было мало пунктов соединения и в идеях и в характере... Повторяю еще раз, в слишком коротких отношениях с ним я никогда не находился», - пояснял Достоевский во время допросов по следственному делу петрашевцев (18, 117-118).

Достоевский стремился снять с себя груз ответственности за участие в кружке Петрашевского, преуменьшая степень своего знакомства с ним. Однако доля правды в его словах есть – они действительно никогда не были близкими друзьями. Как вспоминала А.Я. Панаева, летом 1848 года они жили на даче в Парголово, там же на даче жил и Петрашевский и к нему из города приезжало много молодежи. Достоевский, Плещеев, Толь часто гостили у него. «Частые сборища молодежи у Петрашевского были известны всем дачникам» [13].

С конца 1848 года в рамках кружка Петрашевского сформировалась радикальная группа под руководством Н.А. Спешнева, в которую вошел и Достоевский. В задачу группы входило «произвести переворот в России» (18, 194). К радикальному крылу петрашевцев, кроме Спешнева и Достоевского, относились Мордвинов, Момбелли, Филиппов, Григорьев, В. Малютин. Дальше теоретических рассуждений о его производстве дело не заходило. Однако и это в тех условиях могло стать основанием для ареста и сурового наказания.

Среди членов кружка Петрашевского было много литераторов, общественных деятелей, журналистов. В частности, А.Н. Плещеев был к тому времени известным поэтом. Близкий друг Петрашевского А.П. Баласогло был поэтом, книгоиздателем. Незаурядными личностями были и другие участники пятниц – Н.А. Момбелли, Н.А. Спешнев, С.Ф. Дуров, М.Е. Салтыков (будущий писатель-сатирик Салтыков-Щедрин), Ф.Г. Толь, А.Н. Майков и др. В 1846 году кружок посещал А.А. Григорьев – один из создателей концепции почвенничества.

В России в 1840-е годы действовало немало полулегальных обществ, неформальных кружков, которые занимались изучением теоретического наследия европейских и русских просветителей, сами участвовали в распространении просветительских идей. Их существование порождали те условия, в которых развивалось общество: тяжелый гнет крепостничества, неограниченная власть самодержавия, социальная несправедливость, неравенство и угнетение женщин и т.п. В условиях жесткой цензуры эти острые проблемы не могли стать достоянием гласности посредством публичного обсуждения в печати, а становились предметом дискуссий среди образованных людей на домашних собраниях и беседах.

Широкое распространение в России 1840-х годов получили, прежде всего, идеи социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. С учением европейских социалистов передовые представители российского общества, владевшие иностранными языками, познакомились в начале 1840-х годов. Сочинения Сен-Симона изучались в кружке Герцена и Огарева. В те же годы стали распространяться произведения Фурье. Правда, Белинский и Герцен критически относились к утопическим аспектам фурьеризма. Петрашевский также познакомился с учением Фурье в начале 1840-х годов. Кроме того, он знал труды Сен-Симона и Оуэна. В библиотеке иностранной литературы Петрашевского, которой пользовались члены кружка, находились книги социалистов-утопистов. В изданном Петрашевским «Карманном словаре иностранных слов» ряд статей был написан под влиянием идей Фурье.

Идеи европейских социалистов-утопистов были популярны в российском обществе 1840-х годов не только среди петрашевцев в силу созвучности для России выдвигавшихся ими проблем. После смерти основоположника утопического социализма Анри Сен-Симона (1760-1825) его ученики продолжили начатое учителем – создавали трудовые коммуны, кооперативные мастерские, пропагандировали идеи общественной собственности, социального равенства всех членов общества, включая

женщин. Эти идеи находили отклик в образованной части российского общества.

В произведениях Шарля Фурье (1772-1837) привлекала резкая критика капиталистических порядков и противоречий. Фурье выступал сторонником организации трудовых общин (фаланстеров) по всему миру, в которых, господствовал бы свободный труд, однако, сохранялись частная собственность и частный капитал. Теоретические воззрения Фурье находили приверженцев во многих странах – люди покупали участки земли во Франции и Соединенных Штатах Америки, создавали фаланстеры. Большая их часть прекратила свое существование вскоре после создания в силу неумения вести правильное хозяйство, отсутствия достаточных финансовых средств, враждебного капиталистического окружения. Но сами идеи о свободном труде оказывали сильное влияние на умы передовой европейской молодежи.

Условия жизни и труда в России тех лет значительно отличались от западноевропейских. Капиталистический способ производства только-только набирал силу, рабочий класс как сформировавшийся социальный слой практически отсутствовал. Идеи социалистов-утопистов не в полной мере подходили для российской действительности и, скорее, выглядели как фантазии, нежели реальность.

Как отмечал в своих воспоминаниях писатель и историк литературы А.П. Милюков, «он (Достоевский.- Авт.) читал социальных писателей, но относился к ним критически. Соглашаясь, что в основе их учений была цель благородная, он, однако ж, считал их только честными фантазерами. В особенности настаивал он на том, что все эти теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и в вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы» [14].

Будучи сам мечтательным, романтически настроенным человеком, Достоевский изучал труды Фурье, на какое-то время мог увлечься его идеями, особенно в части рассуждений о свободном труде, равенстве и социальной справедливости. Из фурьеризма Достоевский на протяжении жизни сохранил веру в возможное счастье для всех людей.

Влияние учения Фурье на Достоевского все-таки было более значительным, чем он представлял это следственной комиссии. Не случайно замечание писателя о фаланстерах в романе «Преступление и наказание» (6, 197).

Постоянные пятничные встречи-собрания у Петрашевского стали проходить регулярно с осени 1845 года и с самого начала носили просветительский характер. Среди просвещенной части общества чрезвычайно популярными являлись идеи западноевропейских социалистов-утопистов А. Сен-Симона и Ш. Фурье. Сам Петрашевский разделял воззрения социалистов-утопистов, их мечты о преобразовании общества. В 1848 году Петрашевский подготовил проект освобождения крестьян. Основу будущего устройства России он видел в социализме, а первым социалистом считал Иисуса Христа. Петрашевский признавал возможность революции, но отдавал предпочтение реформам.

Достоевскому были близки идеи Петрашевского о социальной справедливости, равенстве, христианском социализме, но вызывали разногласия резкие негативные оценки Иисуса Христа, христианства в целом.

В ночь на 23 апреля 1849 года были арестованы 34 члена кружка Петрашевского, среди них и Федор Достоевский. Итогом следственного дела стал приговор Достоевского к смертной казни, одобренный императором Николаем Павловичем, в последнюю минуту замененный четырьмя годами каторги. Полагаем, что столько жестокое наказание, которому подвергся Достоевский, не соответствовало реальному участию его в деятельности кружка Петрашевского. Напуганный революциями 1848 года в ряде стран

Западной Европы, император Николай I боялся распространения революционных настроений на российское общество. Тайная полиция графа Бенкендорфа стремилась контролировать общественные настроения, нередко видя призрак революции там, где его не могло быть. 15 апреля 1849 года Достоевский на собрании у Петрашевского читал письмо Белинского к Гоголю. В показаниях следственной комиссии Достоевский отмечал: «Говорил я у него (Петрашевского.- Авт.) только три раза или, лучше сказать, два раза. Раз о *литературе* по поводу спора с Петрашевским из-за Крылова, в другой раз о *личности об эгоизме*» (18, 128).

А.П. Милюков вспоминал в этой связи: «Федор Михайлович Достоевский прочел это письмо (Белинского к Гоголю.- Авт.) на вечере и потом, как сам он говорил, читал его в разных знакомых домах и давал списывать с него копии. Впоследствии это послужило одним из главных мотивов к его обвинению и ссылке» [15].

Достоевский пояснял следственной комиссии относительно чтения им письма Белинского к Гоголю: «Да, я прочел эту статью, но тот, кто донес на меня, может ли сказать, к которому из переписывающихся лиц я был пристрастнее? Пусть он припомнит, было ли не только в суждениях моих (от которых я воздержался), – но хоть бы в интонации голоса, в жесте моем во время чтения, что-нибудь способное выказать мое пристрастие к одному лицу, преимущественно, чем к другому из переписывавшихся? Конечно, он не скажет того. Письмо Белинского написано слишком странно, чтоб возбудить к себе сочувствие. Ругательства отвращают сердце, а не привлекают его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконец, вся статья образец бездоказательности – недостаток, от которого Белинский никогда не мог избавиться в своих критических статьях, и который усиливался по мере истощения нравственных и физических сил его в болезни» (18, 126-127).

Достоевским своими признаниями перед следственной комиссией по делу петрашевцев стремился умалить свое участие в кружке. «В

литературном мире небезызвестно весьма многим о моей ссоре и окончательном разрыве с Белинским в последний год его жизни. Известна также и причина нашей размолвки: она произошла из-за идей о литературе и о направлении литературы. Взгляд мой был радикально противоположный взгляду Белинского. <...> Я прочел эту статью (письмо Белинского к Гоголю.- Авт.) ни более ни менее как литературный памятник, твердо уверенный, что она никого не может привести в соблазн, хотя она и не лишена некоторого литературного достоинства» (18, 127-128).

В РГАЛИ хранятся материалы «Следственного дела об отставном инженере поручике Ф.М. Достоевском, преданном суду по делу петрашевцев» на 130 листах. Достоевский показывал: «Я никогда не был в очень хороших отношениях с Петрашевским, хотя и посещал его по пятницам, а тот в свою очередь наносил мне визиты» [16].

Следственная комиссия признала достаточным для обвинения Достоевского его участие в двух апрельских собраниях кружка, хотя имела данные о посещении им собраний в течение трех лет. Тем не менее, следственная комиссия признала виновность Достоевского и заключила приговор – «подвергнуть казни разстрелянием» (так в тексте.- Авт.) [17]. Далее в обвинительном документе говорилось: «Отставной инженер-поручик Достоевский посещал собрания Петрашевского и принимал участие в происходивших там преступных разговорах, а в марте, получив из Москвы от подсудимого Плещеева копию преступного письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против верховной власти и православной церкви, читал это письмо на собраниях у Дурова и Петрашевского» [18].

В итоговом документе следственной комиссии отмечалось: «По донесениям агента, Ф.М. Достоевский обвиняется в том, что был на вечерах у Бутаевича-Петрашевского 1 и 15 апреля 1849 года, на которых рассуждалось о свободе книгопечатания, перемены судопроизводства, освобождении крестьян и читана им, Достоевским, переписка Гоголя с

Белинским... Письмо последнего к Гоголю исполнено дерзкого вольнодумства» [19].

Неоправданная суровость вынесенного Ф.М. Достоевскому приговора как нельзя лучше характеризует социально-политическую атмосферу, царившую в российском обществе в правление Николая I, душившего малейшие признаки проявления свободомыслия. Подвергнуть расстрелу человека только за чтение письма, за высказанные при этом собственные мысли, – верх тирании и деспотизма николаевской эпохи.

Достоевский отвечал на вопросы следствия, прежде всего, относительно двух апрельских собраний. Вместе с тем, он касался во время допросов и социально-исторических и политических аспектов: состояние цензуры, судьбы России, роль реформ Петра Великого, о революции в Европе, о социализме.

Относительно цензуры Достоевский показал, что цензура в России затрудняет литературную деятельность, что «на писателя, уже заранее, прежде чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто как на какого-то естественного врага правительства и принимается разбирать его рукопись уже с очевидным предубеждением. ...Я именно подвергся подобному запрещению собственно за то, что картина была написана слишком мрачными красками» (18, 124). Достоевский отстаивал право литератора объективно отображать окружающую действительность. «Да и можно ли писать одними светлыми красками? Каким образом светлая сторона картины будет видна без мрачной, может ли быть картина без света и тени вместе? О свете мы имеем понятие только потому, что есть тень. <...> Самые понятия *добра* и *зла* произошли оттого, что добро и зло постоянно жили вместе, рядом друг с другом» (18, 125).

Во время следствия Достоевский пояснял свою позицию относительно освобождения крепостных крестьян. Он предлагал освободить крестьян с землей, провести вознаграждение помещиков. На эту операцию у Российского государства не было финансовых средств. В вопросе об отмене

крепостного права писатель стоял на умеренных позициях. Как писал в своих воспоминаниях известный географ, путешественник, исследователь Центральной Азии П.П. Семенов-Тянь-Шанский, «сам Достоевский не был ни разночинцем, ни пролетарием. Он чувствовал себя дворянином даже и на каторге» [20].

Вопрос об отмене крепостного права стал одним из центральных и особенно острых в российском обществе после Отечественной войны 1812 года. Император Александр I понимал необходимость его решения, но в силу определенных причин отделялся половинчатыми мерами. В правление Николая I тема крепостного права приобрела еще более острый характер. Во второй половине 1840-х годов эта тема в России носила запретительный характер и считалась революционной, направленной против существовавшего самодержавного государственного строя. Данная тема поэтому была запрещена для какого-либо публичного обсуждения.

Самым сложным для Достоевского, как и для думающего российского общества, был вопрос о социализме. Термин этот носил весьма широкое применение. Под социализмом понимались в то время и различные разновидности западноевропейского утопического социализма (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), и анархистские учения (Прудон, Бакунин), и взгляды революционных демократов (Белинский, Герцен). До знакомства русской интеллигенции с марксизмом было еще далеко.

Участники кружка Петрашевского не были единодушны в своих воззрениях. Так, Петрашевский, Момбелли, Спешнев, Баласогло, Толль, Ястржембский стояли на атеистических позициях, считали религию безнравственной, поскольку она воспитывала страх перед наказанием, лишала человека свободы. Достоевский, напротив, был глубоко религиозным человеком и по данному вопросу кардинально расходился с другими участниками кружка.

Идеалом общественного строя петрашевцы считали республику, часть из них ратовали за свержение монархии. После революций в Западной

Европе многие участники кружка поддерживали революционный путь смены общественного строя, были сторонниками вооруженного восстания. 1 апреля 1849 года на собрании петрашевцев завязался спор Петрашевского с молодым юристом Головинским о необходимости установления диктатуры при смене государственной власти. Петрашевский выступал за агитацию в народе с учетом ошибок, допущенных декабристами.

По поводу существа этого спора Достоевский давал показания следственной комиссии. Защищая своего товарища Головинского, Достоевский отмечал: «Весь этот разговор (об освобождении крестьян.- Авт.) слышал. Слова Головинского припоминаю; он говорил с увлечением, но окончательного вывода, того, что освободить нужно бунтом, не припоминаю и утверждаю, что разошлись безо всякого решения на этот вопрос. Все окончилось большим спором» (18, 141).

Наиболее радикальные идеи среди петрашевцев высказывал Спешнев, выступавший за освобождение крестьян, национализацию земли и промышленности, полное социально-политическое уравнивание всех сословий [21]. Спешнев был знаком с работой К. Маркса «Нищета философии», в которой Маркс критиковал взгляды Прудона. Спешнев предпринял попытку организации подпольной типографии в Петербурге, в подготовке которой с разными задачами участвовали Филиппов, Достоевский, Мордвинов, Момбелли, Григорьев. Последний, в частности, весьма скептически относился к учению Фурье.

О воззрениях Фурье шла речь во время допросов Достоевского по делу петрашевцев в следственной комиссии. Отвечая на вопросы о судьбах России, о возможности использования учения Фурье на российской почве, Достоевский отмечал, что идеи и исторический опыт Западной Европы не подходят для нашей страны. «...Фурьеризм на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в мягкой, незлобивой, мечтательной душе, но не иначе, как в форме идиллии... Фурьеризм вреда не может нанести серьезного. Во-первых, если бы и был вред серьезный, то

самое распространение его уже есть утопия, ибо до невероятности медленно. Чтобы понять фурьеризм вполне, нужно его изучить; а это целая наука» (18, 133-134).

Достоевский стремился убедить следственную комиссию, что поскольку в России отсутствуют пролетарии, а фурьеризм имеет влияние только в рабочей среде, это учение для российского общества не представляет опасности. Фурьеризм был бы «умозрительно смешон. Деятельность фурьериста была бы самая ненужная, следственно, самая комическая» (18, 134).

В период сибирской каторги и ссылки идеи фурьеризма в мировоззрении Достоевского под влиянием обстоятельств постепенно трансформировались в социальный мистицизм, а позднее – в консерватизм и последовательный монархизм.

Насколько глубоким было участие Достоевского в революционной общественно-политической деятельности в период посещения кружка Петрашевского? Можно ли считать молодого литератора революционером? Мы склонны поддержать точку зрения И.Л. Волгина, который на данный вопрос отвечал следующим образом. «Был ли Достоевский революционером? Во всяком случае, он совершал такие поступки, которые не оставляют сомнений на этот счет. Нет оснований сомневаться и в его искренности, когда в своих показаниях он неодобрительно отзывается и о перспективах «русского бунта». Он хотел бы искоренить «важные пороки» России – крепостничество, бюрократию, деспотизм. Он не может примириться с социальным неравенством. Но мы остереглись бы от утверждения, что он отвергает саму идею монархии – даже тогда, в 1849 году. Он желает совокупить русскую историческую власть с идеалами добра и правды, придать этой надчеловеческой силе иной – человеческий – облик... Не будучи правоверным фурьеристом, он поражен «изящной стороной» социалистических утопий, и эта тяга к красоте, неотделимой от истины, останется у него навсегда» [22].

В своих воспоминаниях близкий друг Достоевского врач С.Д. Яновский писал: «Что он был сослан, это, к несчастью, правда; но был ли он заговорщиком, это не доказано и неправда. Хотя Федор Михайлович, бывая в собраниях Петрашевского, может быть, что-нибудь противное тогдашнему строю государственному и говорил, в особенности если мы не упустим из виду того, что это было до освобождения крестьян, но заговорщиком и бунтарем он не был и не мог быть» [23].

Это замечание Яновского весьма точно отражает характер Достоевского – он бы максимально честным, открытым, глубоко верующим человеком, с обостренным чувством справедливости. «Федор Михайлович всегда был печальником, утешителем и защитником бедных; призванием его было изучать болезнь души и помочь ей стать в здорové условия; вернейшее лекарство у него всегда была молитва. Молился он не за одних невинных, но и за заведомых грешников. Федор Михайлович никогда, даже в шутку, не позволял себе не только солгать, но обнаруживал чувство брезгливости ко лжи, нечаянно сказанной другим», - отмечает С.Д. Яновский [24].

Эта же мысль находит подтверждение в воспоминаниях П.П. Семенова-Тян-Шанского, который встречался с Достоевским во время своего путешествия в Семипалатинске и Барнауле. «...*Революционером* Достоевский никогда не был и не мог быть, но, как человек чувства, мог увлекаться чувствами негодования и даже злобою при виде насилия, совершаемого над униженными и оскорбленными...» [25]. В силу своего характера, природных качеств Достоевский не мог стать бунтовщиком с намерением выступить против правительства [26].

Данная социально-политическая и нравственная позиция Достоевского, выразившаяся в абсолютном неприятии любых форм революционного насилия, еще более укрепилась в годы сибирской каторги и ссылки. Перед глазами Достоевского прошли сотни различных типов преступников, осужденных за насильственные преступления на длительные сроки. Своих литературных героев, совершавших какие-либо насильственные деяния,

писатель не только глубоко осуждает, но нередко приводит к осознанию аморальности совершенного ими (например, Раскольников из «Преступления и наказания»).

В «Дневнике писателя» за 1873 год, вспоминая этот период своей общественной деятельности, Достоевский писал: «Все эти тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю *правду* этого грядущего «обновленного мира» и во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч., проч. – все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия» (21, 130-131).

Как и многие другие деятели культуры России, Достоевский в молодости был привержен идеям социализма, скорее как умозрительной, нежели практической теории, оперировал абстрактными социально-нравственными категориями справедливости, добра, счастья, всеобщего блага, просвещения как главного средства перемены российского общества. Он не принимал революционных методов борьбы и в этом вопросе коренным образом расходился с представителями революционной демократии. В пояснении следственной комиссии Достоевский отмечал: «...Я не принадлежу ни к какой социальной системе, а изучал социализм вообще, во всех системах его, именно поэтому я (хотя мои познания далеко не окончательны) вижу ошибки каждой социальной системы. Я уверен, что применение хотя которой-нибудь из них поведет за собой неминуемую

гибель. <...> Наконец, вот вывод, на котором я остановился. Социализм – это наука в брожении, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии; хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное и благодетельное для общественной пользы...» (28, 162).

Социалистические идеи Достоевского отождествлялись с равенством и социальной справедливостью, а саму социалистическую теорию мыслитель воспринимал в качестве способа достижения в России справедливого общественного устройства, искоренения его социальных пороков, искреннее уповая на реформы правительства, нежели на революционные действия народных масс.

2.2. Ф. М. Достоевский и другие течения в русской интеллектуальной элите: проблемы взаимоотношений и сотрудничества

Второй период общественной деятельности Ф.М. Достоевского начинается после его возвращения из Сибири в Центральную Россию, а затем в декабре 1859 года в Петербург, где в полной мере разворачивается его литературный талант и многогранная общественная деятельность.

Российское общество к началу 1860-х годов изменилось коренным образом. Шла интенсивная подготовка крестьянской реформы, вокруг которой разворачивалась острая идейная борьба. От решения крестьянского вопроса зависела без преувеличения судьба России. Страна жила в ожидании крупных преобразований и в других сферах. По прибытии в Петербург Достоевский с головой окунулся в общественную и литературную деятельность.

Возвращение в столицу из Сибири позволило братьям Достоевским приступить к осуществлению своей давней мечты – изданию собственного литературно-художественного журнала, получившего название «Время». За период каторги, солдатской службы и ссылки Достоевский накопил глубокое

представление о жизни простого русского народа. Пожалуй, никто из известных русских литераторов тех лет не имел столько обширного познания интересов и нужд простых людей, как Достоевский.

Идея издания собственного литературного журнала зародилась у Федора Достоевского еще в годы сибирской ссылки. Об этом он писал в письме к брату Михаилу от 13 сентября 1858 года из Семипалатинска: «У меня давно вертелась в голове мысль о подобном издании, но только чисто литературной газеты» (28-1, 316). В июне 1858 года М.М. Достоевский выступил с сообщением о программе еженедельного литературно-политического журнала. Сообщение было передано в Главное управление цензуры с приложением программы журнала [1].

После возвращения Ф.М. Достоевского в Петербург подготовка к изданию журнала ускорилась. 18 июня 1860 года М.М. Достоевский передал в цензурный комитет Санкт-Петербурга прошение о разрешении издавать журнал «Время» на основе утвержденной ранее программы. Периодичность издания журнала с еженедельного выпуска изменялась на ежемесячный. 6 сентября 1860 года М.М. Достоевским было объявлено о подписке на журнал «Время» на 1861 год.

Приступая к изданию журнала, братья Достоевские объявили программу, состоявшую из внутренних и зарубежных новостей, литературно-исторических и литературных рубрик, юмористических материалов, переводов иностранных авторов и т.п. В программе журнала указывалось на значение грядущих преобразований российской действительности: «Теперь уже не тысячи, а многие миллионы русских войдут в русскую жизнь... Не вражда сословий, победители и побежденные, как везде в Европе, должны лечь в основание развития будущих начал нашей жизни» [2].

Главной темой журнала «Время», как и других изданий того времени, стало освещение подготовки и хода реализации крестьянской реформы – самой важной из всех «великих реформ» императора Александра II. Монархические идеи Ф.М. Достоевского трансформировались в почитание

молодого императора, преклонение перед его деяниями. Писатель считал, что царь должен даровать свободу русскому народу. Исторической миссией русского дворянства он полагал перенесение русской идеи на Запад, но Запад, по его мнению, еще не созрел для ее восприятия.

Крестьянская тематика не была предметом пристального внимания Достоевского. Главными героями его художественных произведений были городские слои – купцы, ремесленники, небогатые чиновники, разночинцы и т.п. Однако журнал «Время» должен был идти в ногу со временем, в котором отмена крепостного права становилась наиболее злободневным и жгучим вопросом. «Мы живем в эпоху в высшей степени замечательную и критическую. Не станем исключительно указывать, что доказательство нашего мнения на новые идеи и потребности русского общества, так единодушно заявленные всею мыслью в последние годы. Не станем указывать и на великий крестьянский вопрос, начавшийся в наше время», – указывалось в программе журнала [3].

Впервые Достоевский столкнулся с крестьянской тематикой во второй половине 1859 года, находясь в Твери. Либерально ориентированные тверские помещики под руководством предводителя дворянства А.М. Унковского в августе 1859 года подготовили один из наиболее прогрессивных проектов «Положения о крестьянах», который, однако, не был принят. Косвенно писатель участвовал в подготовке документов по освобождению крестьян, поскольку был знаком со многими тверскими помещиками.

Предреформенная полемика нашла отражение на страницах журнала «Время». В течение всего 1861 года на страницах журнала публиковались материалы по различным аспектам крестьянской реформы. В апрельской книжке журнала за 1861 год была напечатана статья «19 февраля 1861 года» без авторства, отражавшая позицию редактора, то есть Достоевского. Реформа оценивалась как величайшее историческое событие наравне с Крещением Руси, свержением монголо-татарского ига, реформами Петра

Великого, Отечественной войной 1812 года. Основное значение реформы автор статьи видел в необходимости соединить разнородные части русского народа в единое целое, формирование нации на родной почве. В реформе Достоевский видел фундамент отсчета нового этапа в истории – возрождения самостоятельности и самодеятельности русского народа.

В седьмой книжке журнала за 1861 год была напечатана статья Н.Н. Воскобойникова «Заметки по крестьянскому вопросу», разбиравшая роль третейских споров между крестьянами и помещиками. Автор обращался к добросовестным помещикам с призывом выступать посредниками в третейских судах, знакомить крестьян с основными положениями реформы, разоблачать ходившие во множестве слухи о подмене истинного содержания реформы местными помещиками.

В осенних книжках журнала за 1861 год были напечатаны заметки о противоречиях между крестьянами и помещиками, появившиеся в процессе практической реализации реформы на местах, о нарушениях со стороны помещиков в проведении реформы. В последнем номере журнала за 1861 год была опубликована статья о негативных сторонах крестьянской реформы. Автор статьи выступал в защиту крестьян.

В 1862 году полемика по крестьянскому вопросу была продолжена дискуссией по поводу публикации в газете «День» в защиту дворянства, трактовавшегося в качестве ведущей и исключительной его роли в государстве. В мартовской книжке журнала была напечатана статья «Дворянство и земство (по поводу крестьянских толков)» без авторства, посвященная анализу исторической роли русского дворянства. Возможно, автором был Ф.М. Достоевский, так как многие мысли материала были созвучны его историческим воззрениям. В статье опровергалось суждение одного из видных либералов Б.Н. Чичерина об особой роли и правах российских дворян. На место дворян автор ставил земство, трактуя его как начальное учреждение в истории Российского государства. История земства связывалась с традициями народного вече, земских соборов, и сугубо

народных учреждений – артелей и общин. Главным смыслом статьи стало утверждение о необходимости объединения дворянства с народом путем распространения просвещения в народных массах. Наивный, умозрительный характер статьи был очевиден и вызвал критику со стороны демократических слоев общества.

В связи с усилением цензуры в последующих номерах журнала «Время» тема крестьянской реформы вставала эпизодически. В целом же оценка реформы носила положительный характер, сама реформа трактовалась как величайшее событие в русской истории. Особо подчеркивалась решающая роль «Царя-освободителя» Александра II, которого Достоевский боготворил. Однако на страницах журнала появлялись критические материалы в адрес помещиков, нарушавших положения крестьянской реформы, приводились факты притеснения крестьян на местах.

Журнал «Время» был по своему содержанию близок к почвенническим настроениям братьев Достоевских и А.А. Григорьева. Однако сказать, что издание в полной мере стояло на этих позициях, нельзя. Мы согласны с позицией крупного исследователя издательской деятельности Достоевского В.С. Нечаевой, которая справедливо полагала, что журнальные публикации не всегда соответствовали заявленной программе [4]. Содержание статей и материалов журнала часто выходило за рамки почвеннической идеологии. Среди работавших в журнале сотрудников было немало людей с иными, чем издатели, взглядами. В журнале трудились близкие к Достоевскому авторы – Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев, А.У. Порецкий, А.Е. Разин, Я.П. Полонский, А.П. Милюков и др. Подходы и оценки исторических и текущих событий ими не всегда совпадали, между ними возникали разногласия и споры.

К участию в издании журнала привлекались молодые, но уже известные широкой публике литераторы М. Щедрин и Н. Лесков, писатели Вс. Крестовский, Н. Помяловский, М. Семевский, В. Костомаров и др. Поскольку журнал «Время» просуществовал довольно короткий период, редакции было сложно сформировать единое идейное направление.

О социально-политической направленности журнала «Время» писал один из лидеров славянофильства И.С. Аксаков в письме к Н.Н. Страхову от 6 июля 1863 года: «Вы напрасно ссылаетесь на *направление* «Времени». Хотя оно постоянно кричало о том, что у него есть направление, но никто на это направление не обращал внимания. Оно имело значение как хороший беллетристический журнал, более чистый и честный, чем другие, но претензии его были всем смешны. Там могли быть помещаемы и помещались хорошие статьи ...— но все это не давало «Времени» никакого цвета, никакой силы. Ему не доставало высших нравственных основ, честности высшего порядка. Оно имело бесстыдство напечатать в программе, что первое в русской литературе провозгласило и открыло существование русской народности. <...> Все это волокитство за публикой, это желание служить и нашим и вашим, это трактование славянофилов *свысока* во «Времени»... Это уронило журнал в общем мнении публики...» [5].

Отчасти критическое высказывание И.С. Аксакова относительно журнала «Время» было справедливым, несмотря на острую идейную полемику славянофилов и круга братьев Достоевских. Нередко журнал публиковал второстепенные материалы, уходил от острых проблем современной российской действительности. Научно-теоретическая, социальная дискуссия порой перерастала в оскорбительные выпады в адрес не согласных с идейной позицией журнала. Будучи сам эмоциональным, впечатлительным человеком, Достоевский ранимо относился к критике и мог позволить себе нелицеприятные высказывания в адрес идейных оппонентов. Подобного рода полемика, выходящая за рамки политической дискуссии, производила негативное впечатление на общественность, в результате чего журнал терял численность подписчиков.

Живший целых десять лет сибирской каторги и ссылки в отрыве от общественной жизни, от реальных общественных процессов, Достоевский фактически заново познавал новые социально-политические события, открывал новую Россию. Часто он был несправедлив в оценке

революционных демократов, обвиняя их в стремлении потопить страну в крови. В «Записной книжке 1863-1964 гг.» Достоевский осуждал революционеров: «Революционная партия тем дурна, что нагремит больше, чем результата стоит, нальет крови гораздо больше, чем стоит вся полученная выгода. (Впрочем, кровь у них дешева). <...> Вся эта кровь, которую бредят революционеры, весь этот гвалт и вся эта подземная работа ни к чему не приведут, и на их же головы обрушатся» (20, 175). Эти оценки российского революционного движения стали основополагающими для последующих произведений писателя.

Закрытие журнала «Время» не привело к отказу братьев Достоевских от стремления издательской деятельности. Новый журнал, получивший название «Эпоха», продолжил литературные традиции «Времени». Достоевский писал: «Мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала» (20, 113-114).

Однако с середины 1860-х годов общественно-политическая ситуация в стране коренным образом изменилась – прошла эйфория от крестьянской реформы. Демократическая интеллигенция страны понимала и разоблачала грабительский, продворянский характер реформы, фактически сведшейся к ограблению крестьян. Усиление правительственной цензуры также мешало осуществлению литературных замыслов.

В 1864 году в первых номерах «Эпохи» было напечатано новое произведение Достоевского «Записки из подполья», представлявшее собой полемику с романом Чернышевского «Что делать?» «Эпоха» продолжала почвенническую традицию «Времени»: в ноябрьском номере журнала были опубликованы «Записки летописца». Автор материала выражал уверенность в критическом отношении «к западной жизни и в умственной и во всякой другой сфере» [6].

Журнал «Эпоха» в идейном и художественном отношении оказался значительно слабее своего предшественника. В.А. Твардовская отмечает в этой связи: «Направление журналов Достоевских признавалось расплывчатым и туманным и потому, что ни «Время», ни «Эпоха» не заняли твердой позиции по отношению к существующей в журналистике расстановки сил, не примкнув решительно ни к одному из существовавших в ней ее влиятельных органов, по-своему оспаривая программу каждого. <...> «Эпоха» еще более усилила это впечатление идейной и политической аморфности. Нравственные начала выдвигаются в журнале как первостепенные и главенствующие в странном противопоставлении социальным и политическим как второстепенным. Эта линия журнала четко сказывалась не только в программных публицистических выступлениях Достоевского, но и в статьях ведущих критиков и публицистов Н.Н. Страхова и А.А. Григорьева» [7].

Данное утверждение В.А. Твардовской относительно содержания журнала «Эпоха» справедливо. Анализ журнальных публикаций показывает почти полное отсутствие публикаций высокохудожественных произведений известных писателей и поэтов, сильных публицистических и критических материалов. Журнал в основном печатал второстепенных, мало известных публике авторов. В сентябре в связи со смертью видного литератора, постоянного автора журнала А.А. Григорьева значительная доля материалов была посвящена этому событию. В девятом номере журнала были помещены воспоминания Ф.М. Достоевского о Григорьеве, назвавшего его «наиболее русским человеком» [8]. Во втором номере журнала за 1865 год были напечатаны новые письма А.А. Григорьева [9].

Журнал «Эпоха» прекратил свое существование после выхода первых двух номеров за 1865 год. Причины закрытия журнала стали усиление правительственной цензуры, нарастание социального напряжения в обществе в связи с пробуксовкой реформ, снижение художественного уровня журнальных публикаций. Не последнее место в закрытии журнала заняли

финансовые проблемы, а попросту нехватка денежных средств. Сыграло свою роль и отсутствие организаторских способностей братьев Достоевских в столь сложном издательском деле. Положение усугубила преждевременная смерть М.М. Достоевского в июле 1864 года, бравшего на себя финансовые расходы по изданию журнала. Федор Михайлович в одиночку не мог справиться с издательской деятельностью.

И после прекращения деятельности журналов «Время» и «Эпоха» Ф.М. Достоевский вел активную литературную и общественную деятельность, не приостанавливал тесное сотрудничество с издательствами и редакциями литературных изданий. Так, в РГБ имеется письмо редакции газеты «Русская газета» к Ф.М. Достоевскому от 14 октября 1877 года, в котором редакция «Русской газеты» предлагает писателю своеобразную литературную рекламу: «имеет честь предложить редакции «Дневника писателя» взаимный обмен изданиями... и просит поместить объявление о «Русской газете» [10]. Подобного рода письмо-обращение о сотрудничестве от 29 ноября 1880 года имеется в архиве РГБ с редакцией газеты «Вестник русского общества красного креста» и журналом «Досуг и дело» в Санкт-Петербурге [11].

Журналы братьев Достоевских вели острую полемику по социально-политическим вопросам с другими популярными литературно-публицистическими изданиями – с революционно-демократическим журналом «Современник», с изданием либеральной ориентации «Отечественные записки», с изданием славянофильской направленности «День», с консервативно-охранительным журналом «Русский вестник». Журнальная полемика принимала нередко весьма острый, даже оскорбительный характер – столь велико было социальное напряжение в обществе после принятия крестьянской реформы.

Особенно острой была полемика журналов братьев Достоевских с журналом «Современник». Идеиная позиция Ф.М. Достоевского подвергалась резкой критике со стороны Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, М.А. Антоновича. Идеиной полемике с «Современником»

Достоевский посвятил целый ряд статей – «Два лагеря теоретиков», «Журнальные заметки», «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах», «Чтобы кончить. Последнее объяснение с «Современником» и др.

Резкой критике почвеннические воззрения братьев Достоевских подверглись в статье молодого публициста М.А. Антоновича «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)). Автор едко высмеивал позицию журнала «Время» по вопросам примирения народа и высших сословий, распространения среди народа грамотности и просвещения вместо действительной защиты подлинных интересов народа, освобождения от угнетения со стороны помещиков, улучшения условий жизни людей труда [12].

На критику «Современника» Достоевский ответил статьей «Два лагеря теоретиков», опубликованной во втором номере журнале «Время» за 1862 год. Содержание статьи сводилось к призыву к революционно-демократической интеллигенции сплотить свои ряды на основе идеологии почвенничества. В этот период литературно-художественные журналы перешли к резкой полемике по многим вопросам современной российской действительности.

Несмотря на неудачную попытку издания журналов, эта деятельность имела огромное значение для Ф.М. Достоевского. Во-первых, она способствовала возвращению писателя в общественную жизнь после десяти лет сибирской каторги и ссылки. Во-вторых, вокруг журналов сформировался определенный круг писателей, журналистов-единомышленников Достоевского, пусть не во всех аспектах их взгляды совпадали, но они способствовали дальнейшей эволюции социально-исторических воззрений мыслителя, уточнению многих оценок современной ему российской действительности. Это познание воплощалось в художественных и публицистических работах Достоевского, в личностях героев его произведений.

«История «Времени» и «Эпохи», - пишет В.Я. Кирпотин, - это история Достоевского, и в то же время Достоевский в своих журналах имел собственный особый оттенок. Он был больше своих журналов, и это обстоятельство сохранило ему, после их крушения, возможности для создания самых великих его художественных произведений» [13].

Издательская деятельность Достоевского в 1873-1874 годах была связана с журналом «Гражданин», владельцем которого был реакционный общественный деятель князь В. Мещерский. Достоевский проработал редактором журнала один год и три месяца и покинул свой пост из-за разногласий с владельцем, который постоянно вмешивался в работу писателя. Сам Достоевский вынужден был править материалы и статьи графомана-князя, считавшего себя талантливым автором и часто не соглашавшегося с замечаниями редактора.

Журнал «Гражданин» подвергался справедливой критике в либеральной и радикальной печати. Как вспоминала А.Г. Достоевская, «Фёдор Михайлович за время своего редакторства вынес много нравственных страданий, так как лица, не сочувствовавшие направлению «Гражданина» или не любившие самого князя Мещерского, переносили свое недружелюбие, а иногда и ненависть на Достоевского. У него появилось в литературе масса врагов, именно как против редактора такого консервативного органа, как «Гражданин» [14]. В «Гражданине» Достоевский начал работать над своим «Дневником писателя», публикуя многие материалы без авторства.

Особую роль в формировании мировоззрения вернувшегося из сибирской ссылки Достоевского сыграло общение в литературных кругах Петербурга. Эти знакомства расширяли кругозор, влияли на отношение к действительности, жизни, окружающим, стиль поведения писателя, накладывали отпечаток на его литературную и общественную деятельность.

Непосредственный интерес для изучения общественной деятельности Достоевского имеют его взаимоотношения с представителями

революционно-демократического лагеря – Белинским, Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым, Герценом, Огаревым.

Отношения с представителями революционно-демократического лагеря у Достоевского складывались не просто. Причинами тому были не только кардинальные расхождения во взглядах на острые проблемы российской действительности, но и упрощенное, порой примитивное, толкование Достоевским содержания концепции революционных демократов 1860-х годов, сводившего ее исключительно к нигилизму, к разрушению основ существующего строя. Неприятие методов революционного действия, путей решения назревших для России социально-политических проблем накладывали отпечаток на негативное восприятие Достоевским революционно-демократического движения в целом.

Первым представителем революционной демократии, с которым жизнь, общественная и литературная деятельность свели Достоевского, был В.Г. Белинский. Отношения Достоевского с Белинским не были равными на протяжении их недолгого знакомства [15]. Восторженное восприятие критиком первого романа молодого литератора «Бедные люди» сменилось отрицательным отношением в связи с публикациями последующих произведений Достоевского «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка» и др. Писатель, будучи ранимым и эмоционально неуравновешенным человеком, ревностно относился к любым критическим замечаниям относительно своего творчества. Не был исключением и Белинский. По воспоминаниям А.Я. Панаевой, Достоевский перестал бывать у Панаевых после того, как Белинский напечатал в журнале «Современник» критику на его «Двойника» и «Прохарчина». «Достоевский оскорбился этим разбором. Он даже перестал кланяться и гордо и насмешливо смотрел на Некрасова и Панаева; они удивлялись таким выходкам Достоевского» [16].

Разрыв отношений с Белинским в начале 1847 года не заставил Достоевского переменить свое уважительное отношение к старшему товарищу. Тяжело переживал Достоевский смерть критика, последовавшую

26 мая 1848 года. Он пришел к своему другу С.Д. Яновскому и сообщил печальное известие: «Батенька, великое горе свершилось, – Белинский умер» [17].

По возвращении из Сибири Достоевский кардинальным образом пересмотрел свое отношение к Белинскому. Сыграла свою роль переоценка писателем собственных взглядов в период каторги и ссылки. Отталкивало Достоевского и резко негативное отношение Белинского к христианству, личности Иисуса Христа. Достоевский на протяжении всей своей жизни искал абсолютную истину, непременно связанную с Богом. Н.А. Бердяев писал: «Во имя Христа, из бесконечной любви ко Христу порвал Достоевский с тем гуманистическим миром, пророком которого был Белинский» [18].

Многое в последующих оценках Достоевским Белинского носило несправедливый характер, особенно обвинения критика в либерализме и нелюбви к Отчеству. В письме к А.Н. Майкову от 16 августа 1867 года Достоевский высказал эту мысль: «...Последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского (либералы.- Авт.), прибавляют, что они *любят* Россию. А между тем, не только всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру...» (28-2, 210). Подобными обвинениями в адрес Белинского Достоевский не ограничивался, причислив его к «врагам отечества сознательного» и «ретрограда» (28-2, 212).

В письме к А.Н. Майкову от 18 февраля 1868 года из Женевы (подлинник письма хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) [19] Достоевский вновь крайне жестко и не справедливо определял место Белинского в идейно-политическом спектре российской мысли, вновь относя его к «либералам», «ретрографам», «врагам отечества»: «Вспомните лучших либералов – вспомните Белинского: разве не враг отечества сознательный, разве не ретроград?» (28-2, 259).

В письме к Н.Н. Страхову от 23 апреля 1871 года из Дрездена Достоевский оскорбительно называл Белинского «смрадной букашкой», «немогущим и бессильным талантишком», принесшим России сознательно столько вреда (29-1, 208).

Вряд ли Достоевский в силу личного характера и ряда обстоятельств понял действительную роль, а также значение Белинского в истории русской социально-политической мысли. Безусловно, Белинский никогда не был и быть не мог врагом Отечества, как определял его Достоевский, не мог, да и не желал принести вред России.

Значительное место в общественной деятельности Достоевского занимало его общение с представителями русского революционно-демократического зарубежья А.И. Герценом [20] и Н.П. Огаревым. Первая встреча Достоевского с Герценом произошла в октябре 1846 года. Достоевский был знаком с литературным творчеством Герцена. В июле 1862 года, находясь в Европе, Достоевский специально приехал в Лондон, чтобы встретиться с Герценом. Оба писателя симпатизировали друг другу из-за близости взглядов и даже обменялись фотографическими карточками с дарственными надписями. Свои впечатления от встреч с Герценом Достоевский описал в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

В последующие годы, даже во время написания романа «Бесы», в котором Достоевский указывал на близость Герцена с Нечаевым, он продолжал с уважением относиться к Герцену, подчеркивая желание последнего вернуться на путь славянофильства. Об этом Достоевский писал в письме к Н.Н. Страхову от 23 апреля 1871 года из Дрездена (29-1, 207-209).

В «Дневнике писателя» за 1873 год (глава «Старые люди»), уже после смерти Герцена, сравнивая его с Белинским, Достоевский подробно характеризовал Герцена как «продукт нашего барства», «дворянина и гражданина мира», порвавшего с «русской почвой и с русской правдой». «Это был художник, мыслитель, блестящий писатель, чрезвычайно начитанный человек, остроумец, удивительный собеседник (говорил он даже

лучше, чем писал) и великолепный рефлектор». <...> Без сомнения, это был человек необыкновенный...» (21, 9).

Постоянно нуждавшийся в финансовых средствах Достоевский, проигравшийся в рулетку, в письме к А.П. Суловой от 10 августа 1865 года из Висбадена в Женеву отмечал, что обращался к Герцену с просьбой в денежной помощи (28-2, 130). Герцен не мог выделить всю запрашиваемую Достоевским сумму, а только ее часть. После фактического отказа со стороны Герцена Достоевский вынужден был обратиться за помощью к А.Е. Врангелю (28-2, 134).

С другом и единомышленником Герцена, известным поэтом Н.П. Огаревым Достоевский познакомился в Женеве, где Огарев посетил писателя 22 августа 1867 года. Впоследствии они поддерживали приятельские отношения. По воспоминаниям А.Г. Достоевской, «Огарев часто заходил к нам, приносил книги и газеты и даже ссужал нас иногда десятью франками, которые мы при первых же деньгах возвращали ему. Федор Михайлович ценил многие стихотворения этого задушевного поэта...» [21]. Вместе с тем Достоевский считал Огарева наряду с Герценом ответственным за появление «бесов» в пореформенной России.

Видным представителем и вождем революционно-демократического лагеря 1850-1860-х годов был Н.Г. Чернышевский. Его взгляды коренным образом расходились с взглядами Достоевского. Последний резко критиковал атеизм, революционные воззрения Чернышевского, идейное содержание романа «Что делать?» [22].

Однако данное обстоятельство не мешало Достоевскому с уважением относиться к своему идейному оппоненту. В ответ на критику в связи с выходом рассказа «Крокодил», в котором демократическая общественность увидела памфлет на Чернышевского и его жену Ольгу Сократовну, Достоевский пояснял, что для этого «нужно иметь ум и поэтическое чутье Булгарина. <...> Значит, предположим, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого «несчастливого»; мало того – написал

на этот случай редкостный пасквиль. <...> Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально» (21; 24, 29).

Данному утверждению Достоевского, на наш взгляд, можно верить, так как он стремился быть в своих утверждениях и высказываниях максимально честным, чурался неправды во всех ее проявлениях.

В конце 1861 – начале 1862 года Достоевский готовил полемическую статью о Чернышевском для журнала «Время». В записных книжках писателя сохранились небольшие наброски этой статьи, в которой Фёдор Михайлович полемизировал со своим оппонентом. «В основе мы с вами согласны; но вы построили на этой основе всё вздор. Вы хоть и шут и невежда, но вы честны и в основании верны <...> Вы начали первый. Мы начинать не хотели, хотя давно уже ежились. Но вы были нам дороги, мы вам сочувствовали и мы решились лучше молчать, хотя я уж и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше шутовство...» (20, 155). Самый тон статьи свидетельствует об остроте идейно-политической борьбы в начале 1860-х годов. Достоевский несправедливо и без должных на то оснований упрекал Чернышевского в «высокомерии» и «назойливости».

Сложно складывались отношения Достоевского с другим представителем революционной демократии – молодым критиком, сотрудником журнала «Современник» Н.А. Добролюбовым. Добролюбов посвятил специальную статью «Забитые люди» подробному разбору ранних сочинений Достоевского, начиная «Бедными людьми» и завершая «Униженными и оскорбленными» [23]. Несмотря на критические оценки творчества писателя, в целом статья Добролюбова Достоевскому понравилась. Достоевский конкретизировал свои взгляды на отношение искусства к действительности в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве» в журнале «Время» [24]. Ранняя смерть Добролюбова в 1861 году не позволила развиваться далее его отношениям с Достоевским.

Гораздо важнее для изучения общественной деятельности Достоевского в период 1860-1870-х годов являются его отношения с Н.А. Некрасовым [25]. Как и с другими известными литераторами того времени, они не были простыми. Их начало относится к маю 1846 года, когда Некрасов вместе с Григоровичем стал первым слушателем первого сочинения Достоевского «Бедные люди». Именно Некрасов познакомил Достоевского с Белинским. Однако этим кратковременным эпизодом дружеские отношения между ними закончились. Достоевский не смог простить Некрасову несколько выпадов против него в известном памфлете и рассказах. Одновременно разрыв с Некрасовым совпал с разрывом Достоевским своих отношений с журналом «Современник».

Достоевский возобновил свои отношения с Некрасовым после возвращения в Петербург из ссылки, причем, стремление к сближению было обоюдным. В письме от 3 ноября 1862 года к Достоевскому Некрасов обещал опубликовать произведения Федора Михайловича [26]. Однако последовал отказ в связи с отсутствием денежных средств.

После возвращения из сибирской ссылки Достоевский пытался напечатать у Некрасова повесть «Село Степанчиково и его обитатели», но Некрасов отклонил предложение. В период издания журнала «Время» Достоевский опубликовал стихотворение «Крестьянские дети» и отрывки из поэмы «Мороз Красный нос».

Впоследствии отношения писателей были неоднозначными, омрачаясь взаимными резкими выпадами, и, вместе с тем, перемежаясь высокими оценками литературного творчества. Причиной такому состоянию дел стали глубокие противоречия между консервативно-почвенническим лагерем, к которому принадлежал Достоевский, и революционно-демократическим направлением, активным участником которого оставался Некрасов.

Несмотря на разногласия, Достоевский опубликовал в 1875 году в журнале «Отечественные записки» Некрасова роман «Подросток». В письме А.Г. Достоевской от 9 февраля 1875 года Достоевский писал о своей встрече

с Некрасовым после публикации первой части романа «Подросток» в «Отечественных записках»: «...Отворилась дверь и вошел Некрасов. Он пришел, чтоб «выразить *свой восторг* по прочтении конца первой части. <...> Такой свежести в наши лета уже не бывает и нет ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе («Анна Каренина».- Авт.) лишь повтор того, что я и прежде у него же читал...» (29-2, 13).

Достоевский высоко оценивал стихотворное творчество Некрасова. Он тяжело переживал болезнь и смерть своего близкого друга и произнес проникновенную речь на его похоронах.

Важными для анализа общественной деятельности Достоевского являются его контакты с коллегами-писателями – Тургеневым, Гончаровым, Л. Толстым, Лесковым, Полонским, Плещеевым [27]. Каждый из аспектов отношений Достоевского с представителями российской общественности представляет несомненный и самостоятельный исследовательский интерес. Посредством общения с коллегами-литераторами складывалась активная жизненная позиция самого Достоевского, вырабатывалось и оттачивалось мироощущение и мировосприятие вернувшегося из ссылки писателя.

Очевидно, в силу личного характера, а также жизненных обстоятельств Достоевский трудно сходилась с окружающими людьми, в особенности с литераторами. В области литературного творчества важную роль играют не только талант и трудолюбие, но и умение выстроить контакты с издателями, торговцами, от чего зависит материальный достаток и популярность писателя в обществе.

Весьма непросто складывались взаимоотношения Достоевского с И.С. Тургеневым. В 1840-е годы оба писателя поддерживали дружеские отношения, с уважением относились к таланту друг друга. Но вскоре после причастности Тургенева к памфлету против Достоевского «Послание Белинского к Достоевскому» («Витязь горестной фигуры»), в котором авторы (Тургенев, Некрасов и, вероятно, Панаев) сатирически высмеяли обидчивого Достоевского, дружеские отношения на долгие годы оказались

прерванными. Более того, их отношения перешли в разряд враждебных, хотя личные встречи и литературные контакты некоторое время продолжались.

В начале 1860-х годов писатели обменялись положительными оценками художественных сочинений друг друга: Достоевский высоко оценил романы «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети», а Тургенев благоприятно отзывался о «Записках из Мертвого дома». После публикации Тургеновым романа «Дым», содержащего нападки на Россию и восхваление Западной Европы, отношения писателей разладились окончательно. Для Достоевского Тургенев ассоциировался с феноменом либерала, что для Федора Михайловича было сродни ругательству. В письме к А.Н. Майкову от 28/16 августа 1867 года из Женевы (подлинник письма хранится в ИРЛИ – Пушкинский Дом) [28]. Достоевский описал свою встречу с Тургеновым: «Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно. Но вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением» (28-2, 210).

В ходе той же встречи Достоевский посоветовал жившему долгие годы за границей, преимущественно во Франции, Тургенову купить телескоп, чтобы лучше видеть то, что происходит в России (28-2, 211). Этот совет, фактически издёвка, заронил в Тургенове сильную личную обиду на Достоевского. Писатели оставались непримиримыми врагами до конца жизни.

К неприязненным отношениям между литераторами добавился образ знаменитого писателя Кармазинова в романе Достоевского «Бесы», в котором общественность увидела сатирическое изображение Тургенева. В свою очередь, Тургенев не упускал случая дать отрицательные отзывы на романы Достоевского «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток». И с той, и с другой стороны отношение литературных классиков друг к другу было предвзятым.

Краткое примирение писателей произошло на пушкинском празднике в Москве, когда в своей знаменитой речи о Пушкине Достоевский высоко

отозвался о героине Тургенева Лизе Калитиной. Однако дальше краткого обмена любезностями отношения не развились.

Более прагматично складывались отношения Достоевского с И.А. Гончаровым [29]. Знакомство писателей состоялось еще в 1846 году в доме А.Н. Майкова. Близких отношений между Достоевским и Гончаровым не было, но оба внимательно следили за творчеством друг друга. Достоевский давал различные оценки романам Гончарова, в одном случае полагая роман «Обломов» «отвратительным», в другом ставит его в один ряд с «Мёртвыми душами» Гоголя, «Войной и миром» Л. Толстого и «Дворянским гнездом» Тургенева. Гончаров служил цензором-редактором и существенным образом влиял на формирование литературного процесса в России.

Своеобразием отличались отношения Достоевского с Л.Н. Толстым [30]. В жизни писатели не встречались ни разу, но внимательно следили за литературным творчеством друг друга. Наиболее полно различные проявления российской действительности во всем ее многообразии красоты и безобразия, с наибольшей степенью интенсивности, социального и нравственного напряжения раскрывались в художественных сочинениях Достоевского и Л. Толстого.

Секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков отмечал применение Толстым духовного опыта Достоевского: «Придя 50-летним стариком к Евангелию, Лев Толстой, быть может, воспользовался и духовным опытом Достоевского, но того *урока*, того *предупреждения*, которое заключалось в гениальной «Легенде о Великом Инквизиторе», он, по-видимому, не расслышал или не понял, или не оценил в полной мере» [31].

Г.Н. Пospelов, сравнивая своеобразие ряда русских писателей второй половины XIX столетия, писал: «...Достоевский, подобно раннему Л. Толстому, Чернышевскому, в отличие от Тургенева и Гончарова, создавая свои романы, исходил из отвлеченно-моралистической концепции, не рационалистической, как у Чернышевского, а нравственно-психологической, как у Толстого, но более широкой в своем тематическом диапазоне, более

сложной и противоречивой в своей проблематике и более критически резкой в своей идейной направленности» [32].

Несомненно, Достоевский и Л. Толстой являются вершинами русской классической литературы, а их гениальные произведения составляют сокровищницу российской и мировой культуры. Кстати, именно Достоевский впервые предсказал всемирное значение Льва Толстого, высказав свое мнение по поводу «Анны Карениной» [33].

Отношения Достоевского с каждым из перечисленных русских писателей либо отдельные аспекты данных отношений могут стать предметом самостоятельного научного исторического, философского или филологического исследования, способствовать более полному пониманию общественной жизни пореформенного российского общества.

Одна из «вечных» тем в отечественной гуманитарной науке – тема «писатель (поэт) и власть». Она касалась, прежде всего, тех литераторов, которые в той или иной степени конфликтовали с высшей государственной властью России («Пушкин и царь» [34], «Лермонтов и царь»). Не является исключением в этом плане Ф.М. Достоевский, отношения которого с императорским домом Романовых посвящено фундаментальное исследование И.Л. Волгина [35].

Объявленная тема актуальна не только с исторической, но и общефилософской, социально-политической точки зрения, особенно применительно к России, где власть либо чрезмерно опекала, обласкивала писателей, либо подвергала их преследованию. Достоевскому досталось в жизни и то, и другое. Достоевский не видел царей, но его судьба зависела непосредственно от двух императоров.

С Николаем I, напуганным восстанием декабристов и всю жизнь боявшимся революций, заговоров, вольнодумства, подозрительно относившимся к умным, критически мыслящим людям (пример П.Я. Чаадаева, объявленного сумасшедшим), Достоевский столкнулся в самых трагических для молодого писателя обстоятельствах. После восьми месяцев

пребывания в одиночной камере Петропавловской крепости Достоевский был приговорен к смертной казни [36].

В романе «Идиот» писатель воспроизвел устами князя Мышкина собственные предсмертные переживания: « Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; <...> Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними...» (8, 52).

В последний момент по высочайшему повелению смертная казнь была заменена для Достоевского четырехлетней каторгой в Омском остроге и пятилетним сроком службы в Сибирском линейном батальоне. Любил Николай Павлович позабавиться и сыграть в великодушного правителя. Первоначально Достоевскому было определено восемь лет каторжных работ. Николай I лично написал на приговоре: «На 4 года и потом в рядовые» (18, 190).

Правление Николая I многие историки справедливо определяют как время реакции, уничтожения свободомыслия. Эти представления в значительной степени основываются на оценках современников. Так, А.И. Герцен в романе-хронике «Былое и думы» изобразил такой портрет двадцатидевятилетнего Николая Павловича: «Отпраздновавший казнь (декабристов.- Авт.), Николай сделал свой торжественный въезд в Москву. <... > Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое бы так беспощадно обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая за счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное – глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза» [37].

Точное и справедливое определение личности и деятельности Николая I дал в своем стихотворении далекий от симпатий революционерам Ф.И. Тютчев:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей [38].

После выхода из каторги в январе 1854 года Достоевский служил в Семипалатинске рядовым, унтер-офицером и прапорщиком в 7-м Сибирском линейном батальоне. После смерти Николая I в феврале 1855 года Достоевский через друзей стал хлопотать о разрешении переехать в Европейскую Россию и в августе 1859 года переехал в Тверь, а в декабре того же года – в Петербург. В апреле 1857 года Достоевскому и остальным петрашевцам были возвращены все права и потомственное дворянство.

Писатель с большим уважением относился к императору Александру II, выражая тем самым благодарность за освобождение и возвращение прав. Достоевский сочинил три одических стихотворения, одно из которых «На коронацию и заключение мира», было посвящено коронации Александра II. Он также написал два письма-прошения самому императору – одно из Семипалатинска в начале марта 1858 года, второе – из Твери между 10 и 18 октября 1859 года. В последнем письме царю он писал о состоянии своего здоровья и тяжелых жизненных обстоятельствах.

Достоевский вернулся из Сибири в другую Россию, в которой полным ходом шла подготовка к крестьянской реформе, другим масштабным преобразованиям. И сам писатель переменялся – из революционного романтика, сторонника идей утопического социализма Фурье он стал последовательным монархистом. Достоевский неоднократно выражал

глубокую и искреннюю благодарность Александру II. «У нас если сделал кто что-нибудь, то, конечно, один только он (да и не за это одно, а просто потому, что он царь, излюбленный народом русским, и лично потому что царь. У нас народ всякому царю нашему отдавал и отдает любовь свою и в него единственно окончательно верит. Для народа – это таинство, священство, миропомазание). <...> А нашему, а Александру дай Бог жить-поживать еще хоть сорок лет. Он чуть ли не больше всех своих предшественников, вместе взятых, для России сделал. А главное то, что его так любят. На этой *опоре* все русское движение теперь, все перерождение основано, и только на ней», - отмечал Достоевский в письме к А.Н. Майкову от 21-22 марта 1868 года (28-2, 281-282).

Достоевский идеализировал реформы 1860-1870-х годов, считал их «водворением» в России «царства мысли и света» (11, 173). «Великие реформы» Александра II сыграли огромную роль в российской истории, способствовали превращению страны в одну из великих мировых держав. Парадокс, однако, состоял в том, что по мере развертывания преобразований в обществе нарастало социальное напряжение, вылившееся в террор, направленный, прежде всего, против царя-освободителя. На Александра Николаевича было совершено семь покушений. Последнее из них закончилось трагически.

Достоевский тяжело переживал покушение Д. Каракозова на императора Александра II 4 апреля 1866 года. В письме к М.Н. Каткову от 25 апреля 1866 года он писал: «...4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайно святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова?» (28-2, 155).

Анна Григорьевна Достоевская вспоминала, как переживал Федор Михайлович покушение на Александра II на промышленной выставке в

Париже поляка А. Березовского. «Во время пребывания нашего в Дрездене случилось событие, чрезвычайно взволновавшее нас обоих. Федор Михайлович от кого-то узнал, что по городу ходят слухи, будто в нашего императора, посетившего всемирную выставку в Париже, стреляли (покушение Березовского) и что будто бы злодейство достигло цели. Можно представить, как был взволнован мой муж! Он был горячим поклонником императора Александра II за освобождение крестьян и за дальнейшие его реформы. Кроме того, Федор Михайлович считал императора своим благодетелем: ведь по случаю коронавания моему мужу было возвращено потомственное дворянство, которым он дорожил. Государь же разрешил моему мужу возвратиться из Сибири в Петербург и дал возможность вновь заниматься столь близким его сердцу литературным трудом» [39]. После смерти писателя Александр II назначил его жене и детям ежегодную пенсию в две тысячи рублей, что существенно помогло семье, лишенной материальной поддержки кормильца.

Достоевский был лично знаком со многими членами императорской семьи Романовых. Среди них – цесаревич, будущий император Александр III; его супруга императрица Мария Федоровна; великий князь – второй сын Николая I Константин Николаевич; великие князья – сыновья Александра II Сергей Александрович и Павел Александрович; великие князья – сыновья К.Н. Романова Константин Константинович (К.Р.) и Дмитрий Константинович.

Ко второй половине 1870-х годов Достоевский был известным писателем, автором ряда популярных художественных и публицистических произведений, которыми без преувеличения зачитывалась вся Россия. Не была исключением и семья Романовых. С книгами Достоевского был знаком Александр II, высоко ценивший монархические взгляды писателя, его идеи о воспитании молодого поколения в духе православия и русских традиций.

Оставаясь на позициях монархизма, Достоевский вместе с тем призывал правящие круги и интеллигенцию России к сближению с русским народом.

А.А. Григорьев и Ф.М. Достоевский отстаивали концепцию почвенничества, на основе которой могло произойти, по их мнению, единение народа с верховной властью. «Русское общество,- писал Достоевский в статье «Книжность и грамотность»,- должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент» (19, 7).

Взгляды Достоевского оказали влияние на формирование личности цесаревича Александра III. В ноябре 1876 года К.П. Победоносцев по просьбе Достоевского передал цесаревичу опубликованные издания «Дневника писателя». Наследник престола и его супруга Мария Федоровна стали почитателями таланта писателя. Известны три письма Достоевского к будущему императору. Первое письмо не сохранилось.

Во втором письме писатель благодарил Александра Александровича за оказанную ему материальную помощь и внимание. Благодаря этой помощи Достоевский сумел расплатиться с частью кредиторов. В письме к будущему императору Александру III от 16 ноября 1876 года Достоевский в духе времени отмечал величие современной эпохи для России и русского народа и пояснял назначение «Дневника писателя»: «Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем *святыни русской идеи* ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В «Дневнике» моем есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это. И хоть я всё еще не закончил мое годовое издание, но уже давно думал и мечтал о счастье представить скромный труд сей Вашему императорскому высочеству. Простите же мне, всемилостивый государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозвольте высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск «Дневника писателя» (29-2, 132-133).

Третьим письмом Достоевский сопроводил отдельное издание романа «Бесы», которое он поднес цесаревичу через К.П. Победоносцева. В нем он разъяснял главную идею своего произведения.

Симпатии писателя и будущего царя были взаимными. В РГБ хранится письмо к Ф.М. Достоевскому будущего императора Александра III от 28 января 1872 года, написанное рукою писаря, в котором цесаревич желал бы получить периодическое издание «Дневника писателя» [40].

Единственная встреча Достоевского с будущим императором Александром III и его супругой состоялась незадолго до смерти писателя 16 декабря 1880 года в Аничковом дворце. Достоевский во время встречи с цесаревичем вел себя непринужденно, не соблюдал предусмотренный дворцовыми правилами этикет: говорил первым, вставал во время длительного разговора, выходил из комнаты, как всегда делал в обиходе, повернувшись спиной к царствующим особам. Однако такое поведение Достоевского не повлияло на благожелательное отношение к нему Александра Александровича и Марии Федоровны.

Зимой 1878 года Достоевский был впервые приглашен в Зимний дворец, где имел встречи с великим князьями Сергеем, Павлом, Дмитрием и Константином.

Тесные отношения сложились у Достоевского с великим князем К.Н. Романовым – человеком либеральных взглядов, европейски образованным, одним из архитекторов либеральных реформ Александра II, который в 1865-1881 годах занимал пост председателя Государственного совета. К.Н. Романов неоднократно встречался с Достоевским и просил его благотворно повлиять на своих сыновей.

Особенно теплыми были отношения Достоевского с великим князем Константином Константиновичем (К.Р.). Сближению с членом императорской фамилии способствовало то, что великий князь был талантливым поэтом – на его стихи П.И. Чайковский написал шесть романсов. С Достоевским К.Р. познакомился 21 марта 1878 года в доме

Сергея Александровича. К.Р. перечитал основные сочинения Достоевского «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», высоко отзывался о творчестве писателя. К.Р. был горячим поклонником творчества Достоевского. В РГБ хранятся четыре письма К.Р. к Ф.М. Достоевскому, очень вежливые и сердечные, заканчивавшиеся словами «Душевно преданный Вам...» [41]. Великий князь приглашал Достоевского в гости.

В РГБ имеется письмо К.Р. к А.Г. Достоевской от 14/26 февраля 1881 года с выражением соболезнований по поводу смерти Фёдора Михайловича – «потери великого человека». К.Р. Выражал скорбь «как русский вообще и как знакомый и искренне сердечно любивший Вашего незабвенного мужа...» [42].

В своем дневнике великий князь Константин Константинович (К.Р.) по прошествии многих лет после смерти Достоевского, посетив Иерусалим, пророчески писал: «Мне припомнился земной поклон старца Зосимы (у Достоевского) перед будущими страданиями Дмитрия Карамазова. И мне, быть может, предстоят великие страдания...» [43]. Самому К.Р. на исходе жизни выпали тяжелые моральные страдания, не меньшие, чем героям романов Достоевского.

Достоевский нередко приглашался на литературные мероприятия с участием представителей императорской семьи. Так, 24 апреля 1880 года члены императорской семьи слушали Достоевского в резиденции великого князя Константина Константиновича – Мраморном дворце. 21 ноября 1880 года Литературный фонд устроил литературный вечер, на котором присутствовал Достоевский. 30 ноября Достоевский участвовал в чтении в пользу студентов Санкт-Петербургского университета; 14 декабря – в пользу Общества вспомоществования студентам Петербургского университета; 22 декабря – в пользу приюта св. Ксении. На последнем чтении в антракте Федор Михайлович был приглашен во внутренние комнаты, «по желанию

императрицы Марии Федоровны, которая благодарила Федора Михайловича за его участие в чтении и долго с ним беседовала» [44].

Достоевский не только имел знакомства и отзывы о своем творчестве в кругу великих князей, но и высоко ценил мнение публики о своих произведениях. «Меня всегда поддерживала не критика, а публика,- писал он. Кто из критики знает конец Идиота – сцену такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну, а публика её знает... и т.д.» [45].

Обширные, регулярные контакты имел Достоевский с деятелями Русской православной церкви. Это общение легло в основу создания образов служителей Церкви в художественных произведениях писателя. Так, прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» послужил старец Амвросий Оптинский, с которым писатель встречался и беседовал во время посещения Оптиной пустыни в июне 1878 года. Определенные черты Зосимы угадываются и в личности Тихона Задонского и других духовных лиц. В РГБ хранятся два письма к Достоевскому от архимандрита Леонида – наместника Троице-Сергиевой лавры. Одно из писем от 12 апреля 1877 года содержит просьбу выслать «Дневник писателя» за 1876 год. К письму, датированному декабрем 1880 года, священник прилагает материал для статей Достоевского по Восточному вопросу [46].

В Фонде 93 РГБ содержится письмо к Достоевскому протоиерея, профессора Императорского Казанского университета М.М. Зефирова от 11 января 1881 года с просьбой выслать «Дневник писателя» с приложением денег [47], что свидетельствовало о высоком интересе церковной общественности к проблематике «Дневника писателя».

Писатель не был сторонним созерцателем происходящих событий. Он участвовал в благотворительной деятельности, сборе средств для нужд различных слоев населения. Так, в архиве РГБ хранится письмо к Ф.М. Достоевскому от Комитета общества литераторов от 10 января 1874 года за подписью издателя А. Краевского для издания сборника «Складчина» в пользу голодающих Самарской губернии [48]. В январе 1880 года

Достоевский получил письмо от Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербурга, в котором сотрудники благодарили писателя за участие в их работе [49].

В 1880 году Достоевский получил приглашение вместе с публицистом славянофильской ориентации, историком церкви Т.И. Филипповым принять участие в совещании о положении православных церквей в Боснии и Герцеговине [50].

Достоевский находил время для общения с представителями различных социальных слоев российского общества. Он часто приглашался на различные встречи с читателями для обсуждения проблематики его литературных и публицистических сочинений. Так, в 1872 году Достоевский получил приглашение прибыть к князю Мещерскому для обсуждения ряда общественных проблем. Кроме Достоевского, приглашение получили литераторы А.Н. Майков, Б.М. Маркевич, Н.Я. Данилевский [51].

Достоевский поддерживал контакты не только с представителями и организациями российского общества. Нередко к нему обращались с различными просьбами и предложениями и зарубежные коллеги. В РГАЛИ хранится письмо Русской библиотеки в Цюрихе (Швейцария) (1876 год) с просьбой прислать романы «Бесы» и «Идиот». В письме указывается на глубокую потребность в приобретении произведений писателя. «Надеемся на ваше сочувствие к библиотеке в деле объединения всех русских людей в Швейцарии», - такими словами завершают авторы свое письмо [52].

Ф.М. Достоевский умер 28 января 1881 года – всего за месяц до убийства Александра II 1 марта 1881 года. А.Г. Достоевская вспоминала: «Возможно, муж мой и мог бы оправиться на некоторое время, но его выздоровление было бы непродолжительно: известие о злодействе 1 марта, несомненно, сильно потрясло бы Федора Михайловича, боготворившего царя – освободителя крестьян; едва зажившая артерия вновь порвалась бы, и он бы скончался» [53].

Вся Россия вместе с членами императорской семьи выражала глубокую скорбь в связи с кончиной Достоевского. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской семьи великий князь Дмитрий Константинович. И.С. Аксаков в анонимной заметке в «Руси» на смерть Достоевского писал: «Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная положительная сила <...> Это был мощный талант и замечательный мыслитель» [54].

Отношения Ф.М. Достоевского с членами императорского дома Романовых складывались не просто. Однако, будучи европейски образованными людьми, большинство представителей царской семьи с глубоким уважением и почтением относились к писателю, хорошо понимая величие его творчества и значение для судеб России.

И после смерти писателя государственная власть не оставляла без заботы его семью. К.П. Победоносцев в письме от 29 января 1906 года тепло благодарил А.Г. Достоевскую за подготовку 8-митомного издания сочинений Ф.М. Достоевского и «активную помощь в деле сохранения памяти» писателя [55].

Итак, подводя итоги общественной деятельности Достоевского, сделаем следующие выводы.

На первом этапе, во второй половине 1840-х годов, молодой литератор приобщился к общественно-политической деятельности, увлекшись учением французских социалистов-утопистов, посещал кружок Петрашевского, где участвовал в обсуждении актуальных проблем российского общества. Это участие слишком дорого обошлось Достоевскому, который после отмены приговора о смертной казни, был приговорен к четырем годам каторги в Омском остроге, затем к солдатской службе.

После возвращения из сибирской ссылки в декабре 1859 года Достоевский вместе с братом Михаилом приступил к изданию собственных литературных журналов «Время» и «Эпоха». В конечном счете, издательская деятельность братьев Достоевских не увенчалась успехом, но она позволила

приобрести необходимый литературный и социальный опыт, обзавестись необходимыми знакомствами в литературных кругах.

В 1860-1870-е годы Достоевский вел активную общественную деятельность. Он активно полемизировал в печати с представителями различных идейно-политических течений пореформенной России по злободневным вопросам современности – революционными демократами, либералами-западниками, славянофилами и др.

Кроме издательской деятельности, он поддерживал творческие контакты с многими литераторами, часто выступал с публичными лекциями перед читательской аудиторией. Достоевский вел активную переписку с читателями, нередко полемизировал в письмах по поводу тех или социальных и нравственных проблем современности.

Особые отношения сложились у Достоевского с императорской семьей Романовых. Многие члены царствующей династии с большим уважением и симпатией относились к личности и творчеству писателя. Достоевский несколько раз читал свои произведения членам императорской семьи. Наиболее близок с Достоевским был великий князь Константин Константинович (К.Р.), следивший за публикациями новых произведений Фёдора Михайловича и высоко ценивший его литературный талант.

Не только в своей общественной, литературно-публицистической деятельности, социально-политических воззрениях, но и в социальных пророчествах Достоевского раскрывалась судьба России и русского народа.

Таким образом, многогранная общественная деятельность Ф.М. Достоевского на протяжении всей его жизни играла важную роль в формировании его социально- исторических и религиозных воззрений, в эволюции как художника, писателя, мыслителя, автора великих произведений, обогативших навеки российскую и мировую культуру.

ГЛАВА 3. РОССИЯ, РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО: ВИДЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

3.1. Россия и русский народ в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-1850-х годов

В обширном историографическом наследии, посвященном творчеству великого русского писателя Ф.М. Достоевского, определенное место занимает научный анализ социально-политических и социально-исторических воззрений мыслителя [1]. Однако отметим отсутствие обобщающих научных трудов по проблеме социально-политических и социально-исторических воззрений Достоевского в отечественной историографии. Публикации затрагивают частные аспекты проблемы. Так, очерк Л.В. Черепнина лишь частично освещает проблему, к тому же написан в 1968 году с присущим ему идеологическим оттенком в оценке взглядов писателя. Статья Н.Ф. Третьякова раскрывает взгляды Достоевского на проблемы человека, России и русского народа. Статья Г.М. Фридендера посвящена проблематике народа и народности в творчестве Достоевского. Кандидатская диссертация У.С. Любятинской затрагивает весьма важный, но частный аспект общей проблемы – отражение исторических воззрений Достоевского в «Дневнике писателя». В статье К.Г. Исупова рассматриваются проблемы исторического познания в художественном опыте писателя. В статье Б.Н. Тарасова анализируется точка зрения писателя на фундаментальную тему его творчества – «тайну человека».

Достоевский, как известно, не был профессиональным политиком и историком. Однако его художественное и публицистическое творчество пронизано социальными проблемами современной ему российской действительности. К социально-политическим и социально-историческим воззрениям мыслителя следует отнести глубокое исследование социальных отношений российского общества середины – второй половины XIX

столетия: отношения между классами и социальными группами, проблемы социальной справедливости, свободы, богатства-бедности, положения русского народа и др. Социальная история наряду с историей экономической и политической составляет единый и неразрывный мировой и российский общеисторический процесс.

Достоевский, не понимая с точки зрения науки сущности экономических законов капитализма, не раскрывая механизма капиталистической эксплуатации, как тонкий мыслитель, исследовавший природу человека, интуитивно чувствовал вопиющую несправедливость буржуазного общества, осуждал буржуазные общественные отношения. Писателю было свойственно нравственное чутье при показе социально-экономической природы социума, в котором действовали герои его произведений. В его романах, повестях и рассказах отсутствуют положительные герои – представители буржуазного сословия (кроме, пожалуй, Парфёна Рогожина из романа «Идиот», да и тот завершает свою жизнедеятельность убийством).

Вероятно, Достоевскому было присуще определенное «историческое чувство», о котором писал А.А. Григорьев в статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства». Это – *«чувство органической связи между явлениями жизни, чувство цельности и единства жизни»*, сознание *«цельности души человеческой и единства ее идеала, сознания, которым обусловлена вера в органическое единство жизни, вера в историю»* [2].

Исторический характер мышления Достоевского проявлялся, прежде всего, в том, что он искал корни, причины исторических событий, исследовал их в динамике, как социальные процессы, взаимосвязанные друг с другом. Достоевский «оперировал широкими историческими категориями,- писал Л.В. Черепнин.- Его интересовали пути развития не только России, но и Европы и всего мира, судьбы человечества. Размышляя над проблемой исторического процесса, он поднимался до больших философских

обобщений. И в постановке этой проблемы в широком плане, как и в рассуждениях по поводу прошлого, настоящего и будущего одной России, верное и весьма глубокое восприятие процессов общественной жизни сочеталось у Достоевского с надуманными схемами, в которые он эту жизнь пытался уложить» [3].

Данное обстоятельство относительно «надуманных схем» можно объяснить тем, что писатель не был профессиональным историком, в его произведениях переплетались исторические факты, их осмысление с художественным восприятием, как это нередко бывает у литераторов, стремящихся анализировать исторические события и объяснять их содержание с позиции самого автора, с определенной долей отступления от исторической правды. На наш взгляд, это вполне естественно и встречается у многих писателей, например, В. Пикуля.

Что касается справедливого утверждения о понимании Достоевским исторических событий в масштабах философского осмысления и обобщения, то Л.В. Черепнин абсолютно прав. Исторические процессы и явления понимались им с точки зрения философии истории. За конкретным событием мыслитель видел целый пласт философских, социальных и духовных обобщений, что поднимало уровень его мышления значительно выше изучения конкретных исторических фактов. Так, Достоевский находил взаимодействия различных исторических эпох – допетровской, московской Руси и эпохи Петра I. «...Через реформу Петра, - писал он в очерке «Утопическое понимание истории» (июнь 1876 года), - произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание её...» (23, 47). Мыслитель видел связь событий не только в российской, но и всемирной истории. Он интересовался историей и в аспекте проблемы развития самосознания русского народа.

В творчестве Достоевского нет столь масштабных эпических произведений, многогранно отразивших роль русского народа, как это было в

романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Достоевский продолжил традиции Гоголя и разработал собственную социальную концепцию «маленького человека» как составной части русского народа. «Маленький человек» Достоевского неотделим от общих судеб народа и России.

Обращаясь к судьбам народа, писатель, опираясь на собственные мироощущения, показал представителей самых разных социальных слоев российского общества, характер их социальной деятельности и взаимоотношений.

Формирование начальных исторических представлений Достоевского было связано с его семьей. В семье читались сочинения Карамзина (у детей был собственный экземпляр его «Истории»), чаще читались последние IX, X, XI, XII тома. «История» Карамзина была настольной книгой Достоевского. Сочинения историка, несомненно, оказали влияние на формирование национального самосознания будущего писателя, его консервативных взглядов, выраженных в неприятии революционных действий. В 1862 году Достоевский прочел «Записки о древней России» Карамзина, в которой обратил внимание на критическую переоценку личности Петра I. Однако Карамзин не был единственным источником становления исторических воззрений Фёдора Достоевского.

В семье Достоевских имелись биографии Ломоносова, сочинения Державина, Жуковского, Карамзина, проза Пушкина, популярные в то время исторические романы «Юрий Милославский», «Ледяной дом», «Стрельцы», «Семейство Холмских». «Во время нашего детства были очень распространены так называемые лубочные издания сказок про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и т.п.»,- вспоминал младший брат писателя Андрей Михайлович Достоевский [4].

Первый опыт соприкосновения Ф.М. Достоевского с русской историей относится к началу 1840-х годов, когда молодой человек написал драмы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов». 16 февраля 1840 года начинающий литератор в первый раз читал отрывки из двух драматических опытов:

«Марии Стюарт» и «Бориса Годунова», - вспоминал А.Е. Ризенкампф [5]. Обращает на себя внимание интерес автора к переломным, драматическим периодам истории Англии и России. Драма «Борис Годунов» не сохранилась. Сам автор считал свое произведение неудачным и, по всей видимости, уничтожил рукопись. Нужна была известная смелость обращения Достоевского к образу Бориса Годунова и Смутному времени, особенно после того, как это до него гениально проделал А.С. Пушкин.

Начальным периодом становления социально-исторических воззрений Достоевского следует считать вторую половину 1840-х годов, когда сложились основные черты личности молодого литератора [6].

1840-е годы в российской истории стали временем формирования капиталистических отношений. В стране началась и продолжалась промышленная революция, вызвавшая к жизни новые технические достижения. Этот период ознаменовался в то же время процессом первоначального накопления капитала, резким усилением эксплуатации трудящихся новой буржуазией. Молодой писатель воочию видел все социальные язвы нового общества, утверждавшегося в России, уродующую человеческую личность мораль новых буржуа.

1840-е годы ознаменовались не только начальным этапом художественного творчества Ф.М. Достоевского, но и становлением его социально-политических и исторических воззрений. Будучи воспитанником Инженерного училища в Санкт-Петербурге, он поставил перед собой исключительно важную цель совершенствования собственной личности посредством изучения человека: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», - писал молодой Достоевский в письме к своему старшему брату Михаилу (28-1, 63).

На формирование социально-исторических воззрений мыслителя оказали влияние многие факторы. Среди них – русская классическая литература (особо ценил Достоевский творчество А.С. Пушкина и Н.В.

Гоголя); а также социально-философские труды российских и европейских мыслителей (славянофилы, Аристотель, Вольтер, Гегель, Декарт, Дидро, Кант, Руссо, Спиноза и др.). Достоевский в молодые годы много читал и литературные герои его будущих произведений постоянно читают сочинения русских и европейских классиков.

Самое сильное впечатление произвели на молодого литератора художественные сочинения французского классика Бальзака. «Бальзак велик! Его характеры – произведения ума вселенной! Не дух времени, но целые тысячелетия приготовили бореньем своим такую развязку в душе человека», – писал Фёдор Михайлович брату Михаилу в августе 1838 года (28-1, 51). Хорошо зная французский язык, Достоевский читал труды Бальзака в оригинале.

Особое влияние на становление социально-исторических воззрений Достоевского оказали исторические произведения Н.М. Карамзина, исторические романы И.И. Лажечникова, М.Н. Загоскина, К.П. Масальского, Д.И. Бегичева, стихотворения Г.Р. Державина и В.А. Жуковского. Вполне понятен тот огромный интерес, который питал молодой Достоевский к российской истории, размышляя посредством анализа исторических событий над судьбами современной ему России. Как вспоминал знавший Достоевского в 1840-е годы по кружку Петрашевского будущий известный учёный-путешественник Семёнов-Тян-Шанский, Достоевский «был образованнее многих русских литераторов своего времени. Как, например, Некрасова, Панаева, Плещеева и даже самого Гоголя» [7].

Начальным этапом становления социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского можно считать осень 1843 года, когда выпускник высшего офицерского класса был зачислен на службу в инженерный корпус при Санкт-Петербургской инженерной команде. С этого времени будущий писатель приступил к изучению повседневной жизни российской столицы, её быта и нравов. Феномен Петербурга наложил глубокий отпечаток на мировоззрение Достоевского, судьбу его художественных произведений,

характер героев. Большая часть сюжетов сочинений Достоевского связана с Петербургом, который писатель любил и с которым связал большую часть своей жизни. Сам город нередко выступает не только фоном художественного повествования, но и является непреходящим героем произведений, олицетворявшим государство.

Молодой Достоевский тяготился военной службой. «Служба надоела как картофель», - жаловался он в письме своему брату Михаилу (28-1, 89). Его призванием стала литература. Отставка от военной службы в октябре 1844 года позволила Достоевскому всецело сосредоточиться на занятиях литературой. Первые литературные опыты Достоевского были посвящены историческим деятелям Европы и России – драмы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» (тексты сочинений не сохранились). По-видимому, в этих произведениях молодой литератор не совсем удачно подражал Шиллеру и Пушкину. Они не удовлетворяли писателя, и он уничтожил их. Сохранение указанных текстов могло бы позволить более обстоятельно проследить эволюцию исторических воззрений Достоевского.

С середины 1840-х годов молодой литератор проявлял устойчивый интерес к истории России. В «Петербургской летописи» (1847) он писал: «Скажут: народ русский знает московский Кремль, он религиозен и стекается со всех точек России лобзать мощи московских чудотворцев. <...> Скажут: народ наш чтит память старинных царей и князей земли русской, погребенных в московском Архангельском соборе. Хорошо. Но кого же знает народ из царей и князей земли русской до Романовых? Он знает трех *по имени*: Дмитрия Донского, Иоанна Грозного и Бориса Годунова... Но Бориса Годунова народ знает только потому, что он выстроил «Ивана Великого», а о Дмитрие Донском и Иване Васильевиче наскжет таких диковинок, что хоть бы и не слушать совсем. <...> Кто у нас знает историю? Исторические сказки очень известны: но история в настоящее время, более чем когда-нибудь самое непопулярное, самое кабинетное дело, удел ученых, которые спорят, обсуживают, сравнивают и не могут до сих пор согласиться в самых

основных идеях... Мы не спорим: никакой русский не может быть равнодушен к истории своего племени, в каком бы виде не представлялась эта история...» (18, 25-26).

В данном суждении Достоевский поставил целый ряд глубоких вопросов, связанных с отношением к собственной истории русского народа, с поверхностным знанием, прежде всего, древней истории России, с состоянием российской исторической науки. Многие затронутые молодым писателем исторические темы звучат злободневно и современно.

В литературном творчестве середины 1840-х годов Достоевский продолжил социальную традицию Пушкина и Гоголя – исследование положения маленького человека – мелкого петербургского чиновника, стеснённого во всех обстоятельствах, но не утратившего гордость и совесть. В этой среде большую часть жизни обитал и сам Достоевский. Для русской литературы тех лет исследование темы «маленьких людей» было новаторским.

Своё первое художественное произведение – роман «Бедные люди», принесшее Достоевскому широкую известность, он посвятил жизни маленького человека. Повседневные наблюдения петербургской жизни ремесленников, мелких чиновников и торговцев, обитавших в тёмных углах, чердаках городских окраин, позволили молодому писателю приступить к написанию романа, состоявшего из переписки бедного чиновника Макара Деушкина с молодой девушкой Варварой Добросёловой, жившей в доме напротив, такой же бедной, как и он. Писатель окончил свой роман в ноябре 1844 года. Однако первый вариант рукописи не удовлетворил автора. Писатель очень тщательно подходил к тесту романа и переписывал его в течение нескольких месяцев. В письме к брату Михаилу от 24 марта 1845 года Фёдор Михайлович отмечал: «Кончил я его совершенно чуть ли ещё не в ноябре месяце, но в декабре вздумал его весь переделать: переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен» (28-1, 106). В

письме к брату от 4 мая 1845 года он вновь писал о романе: «Я вздумал его ещё раз переправлять, и ей-богу к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл» (28-1, 108).

В «Бедных людях» молодой литератор вел поиск собственного предмета повествования, оттачивал личную социальную и нравственную позицию писателя-гражданина через призму критического анализа общественных отношений. Своим сочинением Достоевский открыл читателю социальную философию и нравственную природу маленького человека – типичного представителя городского российского общества. «Я привык, потому что я ко всему привыкаю, потому что я смиренный человек, потому что я маленький человек...»- говорил о себе Макар Алексеич (1, 47). Несмотря на материальные трудности, граничившие порой с нищетой, герои романа сохранили нравственную чистоту, душевную открытость и доброту. В то же время они осознают свое унижительное положение в обществе. Главный герой романа Макар Алексеич говорит сам о себе и своей жизни в уменьшительно-уничижительном тоне: «помаленьку живу, втихомолочку живу» (1, 16).

Впервые в романе «Бедные люди» Достоевский публично высказал свое отношение к социальному строю России, роскоши немногих и нищете абсолютного большинства населения. Он увидел в этом противоречии буржуазного общества вопиющую несправедливость. «...Нехорошо это думать,- говорил Макар Девушкин, - что это вольнодумство; но по искренности, по правде-истине, зачем одному ещё во чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит?» (1, 86). Писатель инстинктивно, без научного осмысления экономических процессов, подошел к изображению главного противоречия капитализма – между всевластием денег в буржуазном обществе и нравственной чистотой маленького человека. Нищета, убогость повседневной жизни уродуют души героев, оскверняют их.

Сам весьма небогатый человек, часто материально нуждавшийся, существовавший без гроша в кармане, Достоевский хорошо знал тот мир, в котором жили его герои. В своем романе писатель предвосхитил критическое отношение к богатству и социальной несправедливости, что получило отражение в его будущих произведениях. В то же время писатель преклонялся перед трудом, людьми труда. «Нищий, нищий он, правда, всё тот же нищий; но зато благородный нищий; он устал, он прозяб, но всё трудится, хоть по-своему, а всё-таки трудится. И много есть честных людей... которые хоть немного зарабатывают по мере и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлеба не просят» (1, 86). В дальнейшем Достоевский, будучи сам великим тружеником, восхищался людьми труда.

Капитализм предстает в сочинениях Достоевского в качестве враждебного человеку труда общественного строя. Такими же враждебными простым людям описываются богачи, владеющие капиталами. В романе «Бедные люди» писатель изобразил господина Быкова, сделавшего предложение Вареньке. Достоевский здесь и далее наделял капиталистов отрицательными характеристиками, противопоставлял их людям труда.

Петербург, в недрах которого растворяется маленький человек, является одним из героев романа. Изображением города писатель подчеркивал трагичность событий. Город так же тускл и невзрачен, как и его обитатели. Варвара так описывала свой приезд в Петербург из деревни после смерти отца: «...При въезде нашем в город, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новых, незнакомых лиц, негостеприимных, недовольных, сердитых!» (1, 27). Это впечатление от огромного города было близко собственным ощущениям писателя. Сходное впечатление о городе передает и Макар Алексеевич: «Дождя не было, зато был туман, не хуже доброго дождя. По небу ходили длинными, широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народ-то как нарочно был с такими страшными, уныние наводящими лицами, пьяные

мужики, курносые бабы-чухонки, в сапогах и простоволосые, артельщики, извозчики, наш брат по какой-нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарский ученик в полосатом халате, испитой, чахлый, с лицом, выкупанным в копченом масле, с замком в руке; солдат отставной, в сажень ростом, – вот какова была публика» (1, 85). Погода Петербурга – серая и сырая, передает настроения героев романа.

Роман «Бедные люди» положил начало всему последующему творчеству Достоевского, стал прелюдией становления социально-исторических воззрений мыслителя. В произведении обозначились глубокие социальные и нравственные проблемы российского общества середины XIX столетия.

Роман «Бедные люди» был восторженно встречен литературной общественностью и принес широкую известность молодому писателю, который последовательно продолжал изучение социальных сторон жизни маленького человека. Достоевский явился писателем-новатором, создавшим новое направление в русской литературе.

Во второй половине 1840-х годов Достоевский вслед за романом «Бедные люди» практически без остановки продолжил исследование социальных аспектов общественной жизни России, в первую очередь темы «маленького человека». Летом 1845 года писатель приступил к работе над повестью «Двойник» (сам автор позже назвал свое произведение «петербургской поэмой»). Работа над новым произведением шла сложно: вместо кроткого, незлобивого Макара Девушкина в новом произведении сложился образ иного характера – Яков Петрович Голядкин. Он более сложен по структуре – амбициозен, завистлив, озлоблен и в то же время одинок, доверчив и беззащитен.

«Двойник» стал важным этапом становления социально-исторических воззрений мыслителя. Социально-исторический аспект «Двойника» состоял в раскрытии характера нового типа личности, появившейся в российском обществе с вступлением в период капитализма, личности с двойной моралью,

что стало отражением содержания новой исторической эпохи. В творчестве Достоевского в полный рост явилась тема раздвоения личности, что, скорее, отсылало читателя к психолого-философским, нравственным проблемам бытия. Раздвоенность личности, характера присуща многим людям: просто у одних она проявляется более выпукло, у других – более скрытно. Нередко это качество выражается в подсознательных действиях личности.

Для писателя избранная им тема оказалась чрезвычайно важной. Он хотел продолжить работу над произведением по возвращении из ссылки. В письме из Твери к брату Михаилу от 1 октября 1859 года Фёдор Михайлович писал: «Они увидят наконец, что такое «Двойник»! Я надеюсь слишком даже заинтересовать. <...> Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником» (28-1, 340). Однако писатель не завершил переработки повести, приступив к написанию «Преступления и наказания» и «Игрока».

Двойственность Якова Голядкина проявлялась на фоне определённых, и весьма не простых, жизненных обстоятельств. Главный герой таким способом защищался от суровой и враждебной ему социальной действительности. Для того чтобы улучшить свою жизнь, Якову Голядкину не хватало некоторых личностных качеств – решительности, ловкости, умения подслужиться, «интриги строить». Вновь писатель отображает реальное противоречие в сознание между желаемым и действительным. На этом фоне неуспеха в служебной и личной жизни появляется двойник – другой Яков Голядкин, обладавший иными личностными качествами. Двойник оказался более успешен именно в тех обстоятельствах, в которых пасовал оригинал.

Идея раздвоения личности продолжила социальные традиции Н. Гоголя, начатые им в петербургских повестях («Нос», «Портрет», «Невский проспект»). Оставим в стороне мистическую составляющую сочинений. Более важны социальные и нравственные истоки двойничества. Герои

Гоголя, как впоследствии Достоевского, также имели двойников. Двойничество в произведениях Гоголя не было осмыслено в полной степени. Оно требовало профессиональной подготовки и глубокого осмысления самого личностного феномена.

Общим для обоих авторов является описание ощущений главных героев повестей «Нос» и «Двойник». «Коллежский ассессор Ковалев проснулся довольно рано... Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу...» [8]. «Было без малого восемь часов утра, когда титулярный советник Яков Петрович Голядкин очнулся после долгого сна, зевнул, потянулся и открыл наконец совершенно глаза свои. <...> Выпрыгнув из постели, он тотчас же подбежал к небольшому кругленькому зеркальцу, стоящему на комод... <...> «Вот бы штука была,- сказал господин Голядкин вполголоса,- вот бы штука была, если б я сегодня манкировал в чем-нибудь, если б вышло, например, что-нибудь не так – прыщик там какой-нибудь вскочил посторонний...» (1, 109-110).

В «Двойнике» писатель обратился к миру российского чиновничества. В произведении представлены чиновники среднего ранга (титулярные советники), высшие сановники (статский советник, его превосходительство). Мир бюрократии у Достоевского жесток, несправедлив, развивается по законам, противоречащим нравственным законам и нормам. Этот мир создает условия для раздвоения личности.

В то время постановка проблемы двойников для российского общества не была какой-то отвлеченной, фантастической. За открытое выражение своих взглядов в «Философических письмах» на социальную действительность николаевской эпохи был объявлен сумасшедшим великий русский мыслитель П.Я. Чаадаев. Люди преследовались за свои убеждения, мысли, вынуждены были раздваиваться по образу героя Достоевского.

Критика негативно встретила новое произведение Достоевского. Особенно резко по этому поводу высказался Белинский. Добролюбов оценил

сочинение Достоевского более сдержанно: «Не знаю, верно ли я понимаю основную идею «Двойника»; никто, сколько я знаю, в разъяснении ее не хотел забираться далее того, что «герой романа – сумасшедший» <...> автор, кажется, сам не чужд был такого объяснения: так по крайней мере представляется по некоторым местам повести» [9].

Следующим художественным сочинением Достоевского, раскрывавшим социальные проблемы российской действительности, стал рассказ «Господин Прохарчин» (впервые опубликован в «Отечественных записках» в октябре 1846 года). В центре повествования – полунищий обитатель петербургских трущоб Семён Иванович Прохарчин (фамилия главного героя, говорящая сама за себя, – производная от глаголов «проесться», «прохарчиться», «истратиться на харчи»). Семён Иванович еще более беден, чем Макар Девушкин из «Бедных людей», хотя где-то служит. Но если Макар Девушкин вызывает сочувствие читателя, он благороден, честен, отзывчив, то Прохарчин являет собой полную ему противоположность. Он заносчив, до крайности скуп, дерзок, неуживчив с другими постояльцами ночлежки. Новый герой Достоевского не позволял себе полный обед из первого и второго блюд из-за скупости, а довольствовался тем, что было дешевле – хлеб с луком, творогом или огурцом. Однако после смерти Прохарчина в его рваном матрасе нашли значительный капитал – около двух с половиной тысяч рублей монетами и ассигнациями. Не случайно Достоевский называл своего нового героя «неожиданным капиталистом», «опытным и тёртым капиталистом». Эти деньги г-н Прохарчин откладывал и прятал в течение многих лет, отказывая себе в самом необходимом.

Достоевский показал в рассказе тяжелые социальные условия, в которых жили и выживали его герои. Безрадостный повседневный быт, борьба за существования соседствовали с угрозой доноса со стороны одного из квартирантов Зимовейкина на «вольнодумца» Прохарчина. Писатель изобразил типичную социальную ситуацию 1840-х годов, когда

правительством всячески поощрялось доноительство. Позже сам Достоевский стал жертвой доноса и подвергся инсценированной изуверской процедуре смертной казни на Семёновском плацу. Такова была суровая действительность николаевской России.

Прохарчин своим обликом, образом жизни, поведением, отношением к деньгам напоминал гоголевского героя Плюшкина из «Мёртвых душ», скупого рыцаря Пушкина, или бальзаковского ростовщика Гобсека. В отличие от гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина, который копил деньга на покупку новой шинели, Прохарчин копил без определенной цели и смысла. Его страсть к накоплению сродни тихому помешательству.

Образ Прохарчина звучит крайне социально и современно: многие нынешние нувориши-миллиардеры редко жертвуют свои капиталы на благотворительность, продолжая накапливать новые миллиарды в ущерб нравственному состоянию. Чувства Достоевского созвучны евангельскому закону: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16, 26). Изображение г-на Прохарчина стало предвестником целой плеяды представителей российского капиталистического общества в последующих художественных произведениях писателя.

Вторая половина 1840-х годов в творчестве Достоевского были отмечены «Романом в девяти письмах», повестями «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова», рассказами «Ползунков», «Чужая жена и муж под кроватью» и др. В них содержались некоторые аспекты социальных проблем российской действительности. Так, в повести «Слабое сердце» среди героев выведен крупный чиновник-делец Юлиан Мастакович, который воплощал в себе черты российской нарождавшейся буржуазии, не останавливавшейся ни перед чем ради наживы, прибыли.

Повесть «Хозяйка» была написана Достоевским в 1847 году (опубликована в «Отечественных записках» в октябре, декабре 1847 года). Писатель считал новую повесть более сильным сочинением, чем первый его

роман «Бедные люди». «Я пишу мою «Хозяйку». Уже выходит лучше «Бедных людей». Это в том же роде. Пером моим водит родник вдохновения, выбивающийся прямо из души», - отмечал Федор Михайлович в письме к брату М.М. Достоевскому (28-1, 139).

Однако критика, прежде всего В.Г. Белинский, невысоко оценила повесть. «Не только мысль, даже смысл этой, должно быть, очень интересной повести остается и останется тайной для нашего разумения, пока автор не издаст необходимых пояснений и толкований на эту дивную загадку его причудливой фантазии. Что это такое – злоупотребление или бедность таланта, который хочет подняться не по силам и потому боится идти обыкновенным путем и ищет себе какой-то небывалой дороги? ... Что это такое? Странная вещь! непонятная вещь!..» [10].

Социальные мотивы нового произведения Достоевского оказались нечетки, размыты, затушеваны, растворены в смутном мистическом повествовании. Герои повести и отчасти ее сюжет похожи на героев повести Н. Гоголя «Страшная месть»: старый колдун Илья Мурин, его красавица-супруга Катерина. «Ведь не даром тебя у нас колдуном люди прозвали», - говорит Катерина своему супругу (1, 307). Такое же впечатление о старике сложилось и у Ордынова: «Вдруг ему показалось, что все лицо старика засмеялось и что дьявольский, убивающий, леденящий хохот раздался наконец по комнате» (1, 310).

Главным героем повести выведен новый образ молодого бедняка-интеллигента Василия Михайловича Ордынова, успешно занимавшегося наукой, читавшего много научных книг. Страстью его была наука. «Она снесла покамест его молодость, медленным, упоительным ядом отравляла ночной покой, отнимала у него здоровую пищу и свежий воздух, которого никогда не бывало в его душном углу... <...> Страсть сделала его младенцем для внешней жизни...» (1, 265). В отличие от других героев Достоевского, Ордынов – успешный ученый. «Года три назад, получив свою ученую степень и став по возможности свободным» (1, 264-265). Этот образ

молодого мечтателя открыл серию немногочисленных героев-романтиков. Образ героя-мечтателя противопоставлен образу мрачного осенне-зимнего Петербурга, отражавшего социальную действительность того времени.

В «Хозяйке» впервые появился типичный для последующего творчества Достоевского символ социального насилия – нож (позже – в романе «Преступление и наказание» – топор в руках Раскольникова). «Не помня, почти не сознавая себя, он (Ордын.- Авт.) облокотился рукою об стену и снял с гвоздя дорогой, старинный нож старика» (1, 310).

Раскрыть задуманное – социальные мотивы жизни и взаимодействия разных слоев петербургского общества – в повести «Хозяйка» писателю не удалось. Мистическое начало всецело доминировало над социальным содержанием повести [11].

Традиция романтического повествования была продолжена Достоевским в повести «Белые ночи» с подзаголовком «Сентиментальный роман. Из воспоминаний мечтателя» (впервые повесть напечатана в «Отечественных записках» за 1848 год с посвящением другу писателя поэту А.Н. Плещееву). Повесть эта, вероятно, самое светлое сочинение писателя во всем его творчестве. Молодой Достоевский и сам был мечтателем. В кружке Петрашевского он изучал труды видного французского социалиста-утописта Шарля Фурье, главным мотивом творчества которого были мечты о светлом будущем обществе без угнетения и эксплуатации. Многие петрашевцы были сторонниками организации в России «фаланстеров» по типу Фурье.

Главный герой повести – молодой образованный человек без имени и фамилии (что, кстати, не характерно для Достоевского, всегда тщательно, с документальной точностью выписывавшего своих героев). Указан лишь его возраст – 26 лет, из которых восемь лет он прожил в Петербурге. Он просто «странный человек», Мечтатель. Он плохо вписывается в повседневную жизнь Петербурга, поэтому часто выходит из города на природу, где чувствует себя более свободно.

Социальный аспект повести «Белые ночи» состоит в том, что герой-мечтатель стремится уйти от окружающей его действительности, в мир собственных переживаний, грёз. Содержание повести в полной мере соответствует его подзаголовку «Сентиментальный роман».

Одной из центральных тем всего творчества Достоевского стала тема детства в условиях тогдашней российской действительности. Тема детства у Достоевского является составляющей частью общей темы русского народа. Будучи эмоционально восприимчивым, впечатлительным человеком, Достоевский изображал страдания маленьких обездоленных детей, лишенных радостей и счастья. Дети у Достоевского всегда обездолены, не защищены, обижены, унижены, нередко голодают. Они подвергаются самым суровым жизненным испытаниям. В то же время в своих произведениях писатель глубоко сочувствовал маленьким героям, относился к ним с нежностью и состраданием. У Достоевского ребенок – всегда положительный герой. Писатель ввел в русскую литературу христианское изображение детей и детства. «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное. И возложив на них руки, пошел оттуда» (Мф.19, 14-15).

Тема детства привлекала писателя и сама по себе, и с позиции более глубокого проникновения в мир взрослых через отношения взрослых и детей. Дети побуждают взрослых к любви. Следуя за Евангелием, писатель видел в детях Царство Божие.

Тема детства звучала уже в первом художественном произведении – в повести «Бедные люди». Здесь появилась эпизодическая фигурка просящего подаяние ребенка. Таких нищих, голодных, просящих подаяние детей, Достоевский часто видел на улицах Петербурга. В «Бедных людях» писатель впервые ввел в повествование детство Вареньки в родительском доме, окруженной заботой отца и матери, до ее приезда в Петербург. Здесь детский мир ребенка стал рушиться от его соприкосновения с жестоким миром взрослых. Эпизодически детские образы всплывали в повести «Слабое

сердце». В рассказе «Ёлка и свадьба» дан образ одиннадцатилетней девочки – наследницы богатого состояния. На ней впоследствии (через пять лет) женился Юлиан Мастакович, получив приданого пятьсот тысяч рублей, с целью приумножения собственного капитала.

В рассказе «Ёлка и свадьба» детский вопрос раскрывается через призму острого социального конфликта: детям раздавали рождественские подарки в зависимости от социального положения – «по понижению рангов родителей всех этих счастливых детей». Дочка богатых хозяев получила в подарок дорогую куклу, а самый бедный мальчик – «только одну книжку повестей, толковавших о величии природы, о слезах умиления и прочее, без картинок и даже без виньетки». Это был «мальчик лет десяти, худенький, маленький, весноватенький, рыженький... <...> Он был сын гувернантки хозяйских детей, одной бедной вдовы, мальчик крайне забитый и запуганный. Одет он был в курточку из убогой нанки» (2, 96-97).

С образом детей контрастирует образ Юлиана Мастаковича. Достоевский рисовал этот образ с определенной долей иронии, используя уменьшительно-уничижительные характеристики: «Нужно заметить, что Юлиан Мастакович был немножко толстенок. Это был человек сытенький, румянький, плотненький, с брюшком, с жирными ляжками, словом, что называется, крепняк, кругленький, как орешек» (2, 99). Этот герой Достоевского продолжил начатый в романе «Бедные люди» анализ галереи богатых, «капиталистских» людей, сходных по социально-нравственной природе с образом жениха Вареньки Добросёловой г-на Быкова.

В повести «Неточка Незванова» (сочинение осталось не завершенным в связи с арестом писателя в ночь на 23 апреля 1849 года; впервые было напечатано в «Отечественных записках» в январе-феврале, мае 1849 года) Достоевский в полном объеме обратился к теме детства в условиях буржуазной действительности. Повествование велось от имени главной героини – маленькой девочки-сиротки, рано оставшейся без родителей. Детство ребенка протекало в крайней нищете, при постоянном пьянстве

отчима Ефимова – талантливого скрипача, человека амбициозного, тщеславного, вздорного и одновременно ранимого и доброго. Вновь в произведении появляется тема раздвоенности личности – теперь ребенка, вынужденного приспособляться к семейным отношениям, лавировать между матерью и отчимом. Неточка (уменьшительное от имени Анна) после смерти матери и отчима попала на воспитание к князю Х-му – доброму, внимательному человеку, заботившемуся о сиротке. Писатель противопоставил два социальных типа детства – воспитание жившей в нищете сироте Неточки и дочери князя Кати.

По возвращении в Петербург Достоевский намеревался продолжить и завершить ранее начатую повесть. Однако новые обстоятельства и, главное, изменившиеся за годы пребывания в Сибири взгляды на жизнь самого писателя помешали осуществить задуманное.

Достоевский не прекращал литературной деятельности даже в тюремном заключении Петропавловской крепости. Осенью 1849 года он написал рассказ «Маленький герой», ставший заключительным произведением раннего периода его творчества. Главным героем рассказа стал одиннадцатилетний мальчик – образ светлый в отличие от детских героев более ранних произведений писателя. Маленький мальчик одержал победу над собой, совершил подвиг и поверил в собственные силы.

Раскрывая образы своих детских героев, Достоевский хотел выразить протест против безнравственности и преступности современной ему действительности, уродующей детство. Страдания ребенка стали сквозной темой многих последующих художественных и публицистических произведений писателя. В каждом из романов, вплоть до «Братьев Карамазовых», писатель обращался к детским образам, к проблематике детства через призму исследования социальных отношений.

По возвращении с каторги и после солдатской службы в 1859 году в Центральную Россию Достоевский продолжил исследование социальных проблем действительности. Обогащенный опытом каторги и солдатчины,

писатель по-новому, с более зрелых позиций стал анализировать социальные проблемы общества, прежде всего, свободы, равенства, справедливости.

Важное место в творчестве Достоевского конца 1850-х годов заняли две его повести – «Дядюшкин сон» (впервые опубликовано в журнале «Русское слово» в марте 1859 года) и «Село Степанчиково и его обитатели» (впервые напечатано А. Краевским в «Отечественных записках» в ноябре-декабре 1859 года). Замысел этих произведений относился еще к началу 1856 года, через год после выхода писателя из Омского острога.

Повесть «Дядюшкин сон» задумывалась Достоевским как комедийное произведение. Писатель вновь обратился к гоголевской традиции – сатирическому изображению российской действительности и мира чиновничества. Детально изображалась жизнь небольшого провинциального городка, со свойственными ему скукой, сплетнями и склоками. Внезапное посещение городка Мордасова престарелым князем К. вызвало переполох, особенно среди женской части общества. Сюжет повести схож с сюжетом гоголевского «Ревизора». Достоевский в отличие от Гоголя более подробно и обстоятельно описал нравы жителей города, отравляющее влияние мещанской среды на чистую в нравственном отношении, но бедную девушку Зинаиду, которую принуждали ради богатства выйти замуж за старого и больного князя. Социальный аспект в повести не получил должного воплощения из-за боязни подвергнуться преследованиям со стороны цензуры.

«Дядюшкин сон» стал первым художественным сочинением Достоевского после восьмилетнего перерыва, вызванного каторгой и ссылкой. Сам писатель критически отнесся к повести и считал ее неудачной. «Не нравится мне она (повесть.- Авт.),- писал он в письме к брату Михаилу от 13 декабря 1858 года из Семипалатинска.- Грустнее всего то, что я *принужден* так являться» (28-1, 319).

В 1858 году Достоевский приступил к работе над повестью «Село Степанчиково и его обитатели». Эта повесть стоит особняком в его

творчестве. Писатель, будучи городским жителем, впервые обратился к описанию сельского уклада жизни. Крепостные крестьяне составляли значительную массу населения дореформенной России. Положение помещичьих крестьян по сравнению с другими категориями крестьянского населения было особенно тяжелым. Они несли многочисленные повинности – барщину, оброк, рекрутчину и др.

В повести «Село Степанчиково» Достоевский специально не исследовал образ жизни, труд и быт крестьян, а сделал упор на столкновение двух противоположных типов личности, носителей противоположных мировоззрений и образа жизни – Фомы Опискина и Егора Ростанева. Фома – жестокий, деспотичный человек, и в то же время ханжа, лицемер, с особым изуверством издевавшийся над беззащитными домочадцами. Егор – открытый, добрый человек, отставной полковник, хозяин поместья, но мягкосердечный, нерешительный и безвольный, даже в трудную минуту, когда речь идет о защите самых близких ему людей от тирана Опискина. Деспотизм Опискина столкнулся со стремлением к свободе других героев повести. В противостоянии этих героев победу одержала грубость, бестактность и лесть.

Тиран Фома Опискин открыл новую страницу в социальной типологии героев Достоевского. За внешне пародийным характером повествования стоят глубокие психологические образы и типичные социальные явления российского общества середины XIX столетия [12]. Возможно, в образе Фомы Фомича имелось некоторое сходство с Яковом Голядкиным-младшим из повести «Двойник». Образ Фомы Опискина получился у Достоевского более целостным, зрелым. Сказался опыт глубинного изучения человека в период ссылки. Фома в отличие от Голядкина-младшего стремился действовать более изощренно, упивался своим тиранством, видя унижения и страдания находившихся рядом с ним людей [13].

До сибирской каторги и ссылки герои художественных произведений Достоевского не проявляли социальной активности в ответ на окружающую

их социальную действительность. По большей мере они пассивно воспринимали жизнь, не сопротивляясь ей, уходили в мир собственных грёз и мечтаний, как герои повестей «Хозяйка» и «Белые ночи». Протестом для них служили либо стихийный бунт (Голядкин), либо смирение (Макар Девушкин). Подобным образом вёл себя и Ростанев из повести «Село Степанчиково».

Таким образом, 1840-1850-е годы стали начальным периодом становления социально-исторических воззрений Достоевского. В это время оформились основные направления изысканий мыслителя, его отношение к социальным проблемам современного ему российского общества, в котором набирали силу качественно новые экономические и социально-политические процессы. В сочинениях 1840-х годов нашли отображение многие темы, которые были более глубоко и последовательно раскрыты в его более поздних произведениях. В частности, Достоевский продолжил гоголевскую традицию изображения маленького человека, задавленного нуждой и бесправием. В то же время в произведениях писателя появился новый герой – представитель нарождавшегося класса российской буржуазии.

Своих литературных героев Достоевский часто ставил в безвыходное, безысходное положение, что было вызвано стихийными процессами, протекавшими в буржуазном обществе, которое разрушало личность, вело к утрате духовных и нравственных качеств. Эта социальная традиция стала главной линией последующего творчества писателя, воплотилась в художественных и публицистических произведениях 1860-1870-х годов.

3.2. Народ и государство в восприятии и оценках Ф.М. Достоевского (1860-1870-е годы)

1860-е годы открыли новый этап в творчестве Достоевского. Каторга и ссылка прервали творческую деятельность Достоевского и в то же время послужили суровой и в каком-то отношении полезной школой познания

российской действительности, самых ее низов, представителей преступного мира.

Краеугольным произведением, отделившим ранний этап исследования социальных аспектов общественной жизни, стал роман «Записки из Мертвого дома». «Эти «Записки из Мертвого дома»,- писал Федор Михайлович в письме к М.М. Достоевскому от 9 октября 1859 года из Твери,- приняты теперь, в голове моей, план полный и определенный. <...> Личность моя исчезнет. Это записки неизвестного; но за интерес я ручаюсь. Интерес будет наикапитальнейший. Там будет и серьезное, и мрачное, и юмористическое, и народный говор с особенным каторжным оттенком... и изображение личностей, никогда не *слыханных* в литературе, и трогательное, и, наконец, главное,- мое имя» (28-1, 348-349).

С особой силой в сочинениях Достоевского 1860-х годов зазвучали мотивы свободы и справедливости, навеянные пребыванием на каторге. «А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщик, если б ему сдавили горло петлей, не отдал бы всех своих миллионов за один глоток воздуха?»- задавал насущные для него вопросы Достоевский в «Записках из Мертвого дома» (4, 66). И далее: «...Вследствие мечтательности и долгой отвычки свобода казалась у нас в остроге как-то свободнее настоящей свободы. Арестанты преувеличивали понятие о действительной свободе... Какой-нибудь оборванный офицерский денщик считался у нас чуть не королем, чуть не идеалом свободного человека сравнительно с арестантами, оттого что он ходил небритый, без кандалов и без конвоя...» (4, 230).

Крутой поворот в жизни Достоевского разделил его творчество на периоды – до и после каторги. Парадокс жизненной ситуации заключался в том, что молодой писатель не был в полном смысле слова преступником – преступником уголовным, в отличие от большинства участников Омской каторги. Достоевский был сослан на каторгу всего лишь за чтение письма Белинского к Гоголю на пятницах Петрашевского, то есть за личные убеждения, взгляды. Суд над петрашевцами стал свидетельством той

социальной атмосферы, которая царила в российском обществе в период правления Николая I.

Книга о Мертвом доме была задумана писателем еще на каторге. По возможности Достоевский в отдельной тетради (так называемая «Сибирская тетрадь») записывал острожный фольклор, типичные образы будущих героев, запоминавшиеся сюжеты, рассказы и диалоги заключенных [1].

Выйдя из острога, Достоевский принялся наверстывать упущенное за четыре года заключения. Он погрузился в чтение литературных, исторических, экономических произведений, книг по истории церкви, которые ему присылал регулярно брат Михаил. Писатель просил брата присылать больше книг, «главное: историков, экономистов, «Отечественные записки», отцов церкви и истории церкви» (28-1, 173).

1860-е годы открыли новый этап в эволюции социально-исторических воззрений Достоевского. Во-первых, в его произведениях 1860-х годов нарастала социальная составляющая, что было вызвано новыми социальными условиями российского общества. Во-вторых, приобретенный на каторге опыт давал писателю возможность более тщательно исследовать окружающую его действительность, ставить и решать в своих сочинениях новые социальные проблемы. В-третьих, Достоевский окончательно разочаровался в собственных социально-утопических воззрениях второй половины 1840-х годов, более того, полагал их вредными для России. В-четвертых, романтические настроения первого периода творчества уступили место реализму, который позволял автору проникать в глубины социальных и духовно-нравственных процессов общества и человека.

С особой силой в творчестве Достоевского 1860-х годов зазвучала новая для писателя тема – тема русского народа. Понятие «народ» в социальной истории и философии весьма обширно, многогранно. В российской истории, как и в истории других стран, народ играл ключевую роль, создавая материальное и духовное богатство. Особую роль играет народ в переломные периоды истории, когда в полном смысле слова он выступает ее творцом,

выдвигая из своей среды талантливых лидеров-руководителей. Народ может быть и созидателем, и в равной степени разрушителем в зависимости от конкретной социально-экономической и политической обстановки.

До каторги Достоевский знал городских жителей Петербурга – ремесленников, торговцев, купцов, чиновников, мещан. Знание это было поверхностным, не глубоким, эпизодическим. Народ в произведениях писателя изображался преимущественно абстрактно. Примером может служить второстепенный образ дворника-татарина из повести «Хозяйка», с которым общался Ордынов.

В изображении народа в 1860-е годы Достоевский продолжил традицию Пушкина, в творчестве которого русский народ и его разнообразные социальные действия впервые в русской художественной литературе стали предметом глубокого и тщательного изучения [2]. Сам писатель вспоминал позднее: «Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его. Но это мое маленькое самолюбие! Надеюсь простительно» (28-1, 172-173).

В отечественной историографии творчества Достоевского подчеркивается неразрывная связь его творчества с традициями Пушкина. Как отмечает исследователь творчества Достоевского Б.И. Бурсов, «в Достоевском, безусловно, больше Пушкина, чем в Толстом, хотя бы потому, что он несравненно шире Толстого ставил проблему России и Европы, весьма и весьма сближаясь с Пушкиным» [3]. Если Толстой преимущественно учил русский народ, то Достоевский в большей степени учился у народа. «Высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее. <...> Стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое лицо повнимательнее, поближе, без предрассудков – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал. Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, - напротив: сами они еще должны у него поучиться» (4,

121-122). Такой опыт вынес писатель из вынужденного общения с народом на каторге.

Рассказ о каторге (Мертвом доме) Достоевский вел от имени вымышленного лица – Александра Петровича Горянчикова, бывшего узника, проведенного в остроге десять лет за убийство своей жены. В его повествование писатель вложил собственные впечатления, ощущения и переживания от пребывания в остроге.

В сентябре 1860 года в еженедельнике «Русский мир» были опубликованы введение и первая глава Записок. В январе 1861 года издание прекратилось на четвертой главе. Дальнейшая публикация повести продолжалась с первой главы в 1861-1862 годах в журнале братьев Достоевских «Время».

В период пребывания на каторге Достоевский столкнулся с самыми различными типами преступников, представителями различных социальных слоев и народов России. В остроге находились убийцы, разбойники, насильники, фальшивомонетчики, грабители: «И какого народу тут не было! Я думаю, каждая губерния, каждая полоса России имела тут своих представителей. <...> Надо полагать, что не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя» (4, 10).

Первые впечатления об острожной жизни переданы Ф.М. Достоевским в письме к брату М.М. Достоевскому от 22 февраля 1854 года, через несколько недель после освобождения. «С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года,- писал Фёдор Михайлович.- Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и поэтому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если бы им дали. <...> Жить нам было очень худо. Военная каторга тяжелее гражданской» (28-1, 169, 170).

В «Записках из Мертвого дома» перед читателем предстает целая галерея преступников, в конечном счете, представителей различных слоев

народа. Их в повести сотни. На каторге раскрывалась подлинная природа человека, та страшная сущность, которая, возможно, была сокрыта в повседневной жизни на свободе. Здесь находились и закоренелый преступник Газин, потерявший человеческий облик, по словам Достоевского, – «ужасное существо. Он производил на всех страшное, мучительное впечатление. Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его» (4, 40). Здесь и трус, бездельник Дутов; доносчик, бывший дворянин А-в (писатель называл его «гадким существом», «чудовищем, нравственным Квазимодой»).

Кроме русских, в Омском остроге содержались украинцы (в повести – хохлы.- Авт.), евреи, представители кавказских народов – два лезгина, один чеченец, дагестанские братья-татары (так у Достоевского.- Авт.), татарин Маметка, политические узники поляки, державшиеся обособленно от всех остальных заключенных. Писатель изучал не только социальные, но и этнические типы и давал им точные характеристики. «Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны»,- писал Достоевский брату Михаилу (28-1, 172). К таким положительным типам в повести относились лезгин Нурра, молодой дагестанец Алей (писатель называл его «добрый, милый Алей»), старик-старообрядец, Аким Акимыч и др.

В каторжной атмосфере многие узники острога сохранили в душе человеческие качества. Одним из наблюдений Достоевского стало дальнейшее углубленное исследование человека: «Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение» (4, 10). Опыт по изучению природы человека, приобретенный писателем на каторге, пригодился ему при написании последующих произведений.

Наблюдая за поведением людей на каторге, Достоевский делал полезные для своего творчества выводы, характеризовавшие душевную природу человека. «В русском характере столько положительности и

трезвости взгляда, столько внутренней насмешки над первым собой...» (4, 196). Многие его выводы отражали природу русского человека, в обычной жизни спокойно, терпеливо принимавшего все невзгоды, а в крайней ситуации совершавшего тяжелое преступление и отправлявшегося на каторгу. Примером может служить повествование о простом крестьянине Луке, убившем майора, в главе «Решительные люди. Лучка».

Особое внимание Достоевский обращал на заключенных, совершивших свои преступления по социальным причинам, вызванным социальной несправедливостью. Достоевский с позиции социальной истории исследовал бунтарский характер русского человека с его потребностью в достижении справедливости и исправлении несправедливой действительности. Данный аспект творчества Достоевского можно сравнить с изучением бунтарской природы русского народа Пушкиным в «Борисе Годунове», «Дубровском», «Капитанской дочке» и других произведениях.

Весьма точно Достоевский характеризовал отношение населения Сибири к заключенным. Вольные люди, даже дети, не боялись преступников-узников, сострадали им, часто оказывали посильную, в том числе материальную, помощь. Достоевский показал в повести бедную вдову Настасью Ивановну, которая из своего сострадания, постоянно бескорыстно помогала заключенным. Это состояние типично для русского народа, милосердно относившегося к несчастным.

Достоевский понимал, какая огромная пропасть лежит между дворянами, даже каторжными, и простым народом. Сами арестанты говорили герою повести Александру Петровичу о непреодолимом барьере между дворянами и народом. Начиная с «Записок из Мертвого дома» тема единения народа и дворянства чрезвычайно занимала Достоевского, стремившегося найти пути сближения дворян с народом. Впоследствии такой путь писатель видел в распространении просвещения, знаний в народной среде.

В творчестве Достоевского история часто соприкасается с современностью. «Записки из Мертвого дома» открыли новую тему в

русской литературе – тему каторги. Достоевский осудил острог как социальное явление российской действительности, уродующее человеческую душу. «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж всем сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» (4, 231). Одним из первых в российской социально-исторической тематике Достоевский наряду с Герценом выдвинул ставший впоследствии извечным многогранный вопрос: «Кто виноват?» и всем своим творчеством пытался на него ответить.

Завершаются «Записки из Мертвого дома» сценой освобождения, выхода главного героя из каторги. «Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас же были на моих же ногах. – Ну, с богом, с богом! – говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута» (4, 232). Герой повести пробыл в остроге десять лет (Достоевский находился в остроге четыре года), постоянно мечтая о свободе, предвкушая момент выхода на волю. Трудно сразу понять после стольких пережитых испытаний, перенесенных физических и нравственных мук, что такое свобода и моментально ощутить ее. Ощущение свободы приходит постепенно. Сам писатель не сразу ощутил явление свободы.

«Записки из Мертвого дома» произвели потрясающее впечатление на русское общество, которое впервые познакомилось с данной стороной жизни народа. В их авторе «видели как бы нового Данта» с его кругами ада, «который спускался в ад тем более ужасный, что он существовал не в воображении поэта, а в действительности», - писал в своих воспоминаниях писатель и историк литературы А.П. Милюков [4].

Достоевский хорошо понимал значение написанного им романа как нового слова в русской литературе. «Мой «Мертвый дом», - отмечал он в письме к А.Е. Врангелю от 31 марта-14 апреля 1865 года из Петербурга, - сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию» (28-2, 115).

Традиции, заложенные Достоевским в «Записках из Мертвого дома», получили дальнейшее масштабное тематическое воплощение в творчестве русских писателей XX столетия В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына.

Смерть императора Николая I в феврале 1855 года и восшествие на престол его сына Александра II привели к глубоким переменам во внутривполитической обстановке российского общества, к подготовке масштабных либеральных преобразований, начало которым положила крестьянская реформа 19 февраля 1861 года [5]. Наступила эпоха «великих реформ» 1860-1870-х годов. Достоевский испытывал чувство эйфории от начавшихся преобразований, особенно высоко ценил он крестьянскую реформу 1861 года.

Ф.М. Достоевский с 1856 года начал хлопотать о переводе в Европейскую Россию для занятия литературной работой. Об этом Достоевский писал в письме-просьбе к известному инженеру, герою Крымской войны, генералу Э.И. Тотлебену (28-1, 223,227). Хлопоты увенчались успехом: в сентябре Достоевский был произведен из унтер-офицеров в прапорщики, а в июле 1857 года ему Высочайшим указом императора было возвращено потомственное дворянство [6]. Писатель получил возможность продолжить литературный труд и публиковать свои произведения.

Достоевский знаменовал возвращение из Сибири тремя верноподданническими стихотворениями в знак особой благодарности и признательности императору Александру II. Первое стихотворение одического жанра «На европейские события в 1854 году» было написано в Семипалатинске и ставило целью убедить правительство в благонадежности

и лояльности автора. Стихотворение было посвящено началу Крымской войны. Текст стихотворения дошел до III отделения, но не получил разрешения на публикацию, равно как не были опубликованы и два последующих стихотворения.

Второе стихотворение «На первое июля 1855 года», выполненное в том же жанре, было написано в июне 1855 года и посвящалось дню рождения вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Благодаря хлопотам А.Е. Врангеля стихотворение дошло до адресата. Несколькими месяцами позже Достоевский был произведен в унтер-офицеры.

Третье стихотворение «На коронацию и заключение мира» Достоевский посвятил заключению Парижского мирного договора (март 1856 года) и коронации императора Александра II, состоявшейся 26 августа 1856 года. Но уже ранее император разрешил «ввиду чистосердечного раскаяния» произвести унтер-офицера Достоевского в прапорщики и учредить за ним секретный надзор. Слухи о верноподданнических стихах бывшего петрашевца распространились в литературной среде Петербурга и негативно сказались на его репутации. Сам писатель впоследствии никогда не вспоминал свои вынужденные поэтические опыты и не писал стихов [7]

Все три стихотворения Достоевского были откровенно слабыми и служили лишь одной цели – добиться отмены сибирской ссылки, возвращения потомственного дворянства и разрешения заниматься литературным трудом. М.М. Достоевский писал по поводу стихотворного творчества младшего брата: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими, Стихи не твоя специальность...» [8].

Достоевский вернулся с каторги не только другим человеком: «А между тем характер мой испортился...» (28-1, 181). Он вернулся через десять лет, в 1860 году в совершенно другую Россию, другое общество, из которого он был насильно отторгнут в 1849 году. В стране готовились масштабные реформы, по поводу которых развернулась острая общественно-политическая борьба. К новым ощущениям, настроениям надо было не

только привыкать, но и определять личную позицию. «В литературном мире много полемики, но не об литературе, а в публицистическом смысле», - отмечал он в письме к Я.П. Полонскому от 31 июля 1861 года (28-2, 20). Писатель сразу же с головой окунулся в литературно-издательскую и общественную работу.

В 1861 году братья Достоевские приступили к изданию собственного литературного журнала «Время» [9]. Главной темой на страницах журнала стала подготовка и проведение крестьянской реформы – самой насущной общественно-политической темой тех лет. Журнал занял охранительную позицию в отношении правительственной реформы. В апрельском номере журнала в статье без подписи, озаглавленной «19 февраля», крестьянская реформа подавалась как величайшее для России историческое событие, по значению равное таким эпохальным событиям, как крещение Руси, освобождение от монголо-татарского ига, реформы Петра Великого, Отечественная война 1812 года. Особо отмечалась личная заслуга императора Александра II в подготовке и проведении реформы.

Впоследствии журнал не ослаблял интерес к крестьянской реформе. Статья Н.Н. Воскобойникова «Заметки по крестьянскому вопросу», напечатанная в седьмой книге журнала за 1861 год, рассматривала роль третейских разбирательств споров между помещиками и крестьянами. В последнем номере журнала за 1861 год подводились итоги первого года крестьянской реформы, осуждались негативные проявления реформы, защищались интересы крестьян.

В 1862 году внимание журнала к крестьянской реформе не ослабевало. В первых номерах была продолжена дискуссия по крестьянской реформе в связи с позицией газеты «День», отстаивавшей исключительное право дворян на ведущую роль в обществе и государстве. В мартовском номере журнала была опубликована без авторства статья «Дворянство и земство (по поводу крестьянских толков)». В ней показывалась историческая эволюция российского дворянства. Автор безымянной статьи полемизировал с

позицией Б.Н. Чичерина об особых правах дворянства. Автор статьи считал земство более древним институтом, восходившим к традициям народного вече, земских соборов, общин, артелей, союзов, чем дворянство. В статье была высказана мысль о необходимости единения дворянства с народом путем распространения просвещения, образования в народных массах. Утопический характер подобных идей, получивших широкое распространение в творчестве Достоевского в последующие годы, был очевиден.

Издание журнала «Время», развернувшаяся на страницах ряда российских журналов полемика по острым социально-политическим проблемам, совпала с подготовкой Достоевским нового романа «Униженные и оскорбленные», продолжившего социальную проблематику прежних произведений писателя. «...Нахожусь вполне в лихорадочном положении,- писал Достоевский в письме к своей знакомой А.И. Шуберт от 3 мая 1860 года в связи с началом работы над новым романом.- Всему причиной мой роман. Хочу написать хорошо, чувствую, что в нем есть поэзия, знаю, что от удачи его зависит вся моя литературная карьера. Месяца три придется теперь сидеть дни и ночи. Зато какая награда, когда кончу!» (28-2, 9).

Публикация нового и первого петербургского романа, носившего острый социальный характер, началась с первых номеров журнала «Время» (январь-июль 1861 года). Продолжая традиции «Бедных людей» в изображении «маленького человека», Достоевский создал более панорамное сочинение, с большим количеством социальных типов – представителей различных социальных сословий российского общества. Здесь – и высшая знать (князь Валковский, его сын Алёша); и старинное российское, но обедневшее дворянство (Николай Сергеевич Ихменев с супругой Анной Андреевной и их дочерью Наташей); и начинающий литератор, тяжело больной Иван Петрович – прообраз самого автора; и дно общества (старик Смит, Нелли и ее мать, обитатели ночлежек и чердаков); и странно-загадочный, пребывающий в постоянном состоянии пьянства Филипп

Маслобоев – в некоторой степени прототип сыщика Порфирия Петровича из «Преступления и наказания».

В романе «Униженные и оскорбленные» Достоевский выразил в полном объеме сомнение в правильности буржуазного развития, истинности того пути, по которому пошло западное, а вслед за ним и российское общество. Сила и власть капитала, денег подавляла и уничтожала человеческую душу. Великий гуманист Достоевский, с ранней юности принявший на себя кропотливый труд по исследованию глубин души человека, интуитивно выступал против подавления человеческой природы капиталом.

С особой силой это неприятие всевластия капитала проявилось в образе князя Валковского, который в припадке откровения признавался Ивану Петровичу: «Всё для меня, и весь мир для меня создан» (3, 365). «Я люблю деньги, и они мне надобны. <...> Я мстителен и зол, я за своё постою» (3, 367-368). Свои неблагоприятные, нередко подлые поступки князь прикрывал красивыми словами, показным стремлением к справедливости и совести. На Ивана Петровича князь производил впечатление «какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно хотелось раздавить» (3, 358).

Впервые в романе писатель упомянул Ротшильда – одного из самых богатых людей того времени, ставшего олицетворением сущности буржуазного общества, могущества денег. Этот образ писатель впоследствии развернул подробнее в романе «Подросток». Наличие капитала порождало у людей чувство вседозволенности, пренебрежения нормами морали, а нередко и нормами права.

Положительные герои Достоевского – в основном бедные, страдающие, часто физически больные люди, но нравственно и духовно они неизмеримо выше представителей высшего света. Униженные и оскорбленные люди выходят в этой схватке победителями, пройдя через страдания и даже через смерть Нелли.

Роман «Униженные и оскорбленные» по полному праву мог открыть галерею великого «пятикнижия» Достоевского. Роман получил

положительную оценку Н.А. Добролюбова, сделавшего анализ его содержания в статье «Забитые люди» в журнале «Современник» [10]. Критик назвал Достоевского «замечательным деятелем», а его произведение – лучшим литературным явлением нынешнего (1861-го) года. Вместе с тем, Добролюбов упрекал автора в недостаточно полном раскрытии характеров некоторых героев (Иван Петрович, князь Валковский, Наташа, Алеша, Маслобоев). Особое внимание критик уделил незавершенности образа князя Валковского [11].

Достоевский, болезненно относившийся к критике в свой адрес, ответил на критику статьей «Г-н-бов и вопрос об искусстве» во втором номере журнала «Время» за 1861 год. Писатель пояснял собственную позицию относительно понимания внутренней связи эпохи и образов героев романа. «...Мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и с историческим прошедшим и с общечеловечностью. Что ж делать? Без того ведь нельзя; ведь это закон природы. Мы даже думаем, что чем более человек способен откликаться на историческое и общечеловеческое, тем шире его природа, тем богаче его жизнь и тем способнее такой человек к прогрессу и развитию» (18, 99). Тем самым писатель подчеркивал неразрывную связь исторического прошлого и современного ему времени, выведенного в термине «общечеловеческое». В этой органической связи вызревали характеры его литературных героев. Что касается образа князя Валковского, то писатель только подступался к анализу сложной взаимосвязи человеческой природы и негативного, уродующего воздействия на нее капитала.

Одной из ведущих проблем размышлений писателя в начале 1860-х годов стала попытка определить своеобразие начавшихся в стране преобразований, их социальный смысл. В журнале «Время» (1862 год, ноябрь) был опубликован сатирический рассказ Достоевского «Скверный анекдот». В нем писатель размышлял о новых тенденциях пореформенной

России: «...Возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам» (5, 5).

Журнал братьев Достоевских «Время» вынужден был прекратить свое существование в 1863 году по причине публикации в журнале статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», в котором автор рассуждал о взаимоотношениях России и Польши в связи с польским восстанием 1863 года. Журнал признавался «вредным», осуждавшим действия российского правительства [12].

Объявляя об издании нового журнала под названием «Эпоха» в 1864 году, братья Достоевские подчеркивали преемственность с прежним изданием. «Мы уже слишком долго толковали о почве, о соединении общества с чисто народными, естественными его интересами, чтобы объяснять теперь еще раз направление нашего нового журнала», - писал Ф.М. Достоевский (20, 113-114). Усиление правительственной цензуры, спад революционных настроений в обществе с середины 1860-х годов сделали новое издание более умеренным, менее критическим в освещении злободневных проблем российской действительности.

Журнал «Эпоха» продолжил традиции «Времени»: значительную часть публикаций составляли материалы о русском народе, неприятии буржуазного образа жизни, особенно после первой поездки Ф.М. Достоевского в Западную Европу (июнь-сентябрь 1862 года) [13]. Достоевский посетил Германию, Францию, Италию, Швейцарию и Англию. Новое издание оставалось верным и идее единения народа и власти в российском обществе.

Впечатления от поездки в Европу Достоевский отразил в повести «Зимние заметки о летних впечатлениях» (повесть опубликована в журнале «Время» в феврале-марте 1863 года). Писатель сатирически изобразил образ жизни французской буржуазии времени правления императора Наполеона III. Писатель оговаривал свое критическое отношение к европейцам: «...Не считайте, что любить родину – значит ругать иностранцев и что я так именно

думаю. Совсем я так не думаю и не намерен думать, и даже напротив...» (5, 51).

В «Зимних заметках» писатель продолжал исследовать «вечную» для него тему влияния денег, богатства на человека. «Прежде хоть что-то признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами, мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; ну а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение. И не только на уважение других, но даже на самоуважение нельзя иначе рассчитывать. Парижанин себя в грош не ставит, если чувствует, что у него карманы пусты, и это сознательно, совестливо, с великим убеждением» (5, 76). И далее: «Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» (5, 78).

Острота темы была связана с широкими общественными дискуссиями в пореформенный период о путях развития России: что общего в развитии Европы и России, насколько возможно заимствовать европейский опыт в нашей стране. Описание Достоевским образа жизни европейских буржуа во многом сходно с характеристиками, дававшимися К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», Ф. Энгельсом в работе «Положение рабочего класса в Англии», в статье Н.В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», опубликованной в 1861 году в журнале «Современник».

Писателя поразили картины беспробудной нищеты простого народа в самой технически передовой стране – буржуазной Англии, особенно маленьких детей. Он подробно описал это состояние в «Зимних заметках». «Помню раз, в толпе народа, на улице, я увидел одну девочку, лет шести не более, всю в лохмотьях, грязную, босую, испитую и избитую: просвечивавшее сквозь лохмотья тело ее было в синяках. Она шла как бы не помня себя, не торопясь никуда, бог знает зачем шатаясь в толпе; может быть, она была голодна. На нее никто не обращал внимания. Но что более

всего меня поразило,- она шла с видом такого горя, такого безвыходного отчаяния на лице, что видеть это маленькое создание, уже несущее на себе столько проклятия и отчаяния, было даже как-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей включенной головой из стороны в сторону, точно рассуждая о чем-то, раздвигала врозь свои маленькие руки, жестикулируя ими, и потом вдруг всплескивала их вместе и прижимала к своей голенькой груди. Я воротился и дал ей полшиллинга» (5, 72).

Достоевский во время своей поездки в Европу приступил на практике к изучению характеров европейцев – французов, немцев, англичан. «Француз тих, честен, вежлив, но фальшив и деньги у него – всё. Идеала никакого. Не только убеждений, но даже размышлений не спрашивайте. Уровень общего образования низок до крайности...»- писал он из Парижа Н.Н. Страхову в письме от 26 июня (8 июля) 1862 года (28-2, 27).

В письме А.Н. Майкову от 18 февраля 1868 года из Женевы Фёдор Михайлович писал о немцах: «В Германии меня поразила глупость народа: они безмерно глупы, они неимоверно глупы» [14].

Во многом данные заметки субъективны, ибо посещение писателем европейских стран имело кратковременный период. Эти изыскания были продолжены и углублены с позиции сравнения европейцев с русскими в последующих сочинениях.

Журнал «Эпоха» открылся публикацией новой повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» (1864, январь-февраль). Общественность увидела в новом сочинении Достоевского полемику с романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (хотя имя Чернышевского не упомянуто ни разу). В сочинении Чернышевского на арену общественной жизни вышли молодые люди нового поколения – «новые люди», представители революционно-демократического направления разночинной интеллигенции, объявившей своей целью борьбу с самодержавием. Герой Достоевского – «подпольный человек», прямая противоположность героям Чернышевского. Социальная философия героя повести выражена в

следующих словах: «...Весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» (5, 174).

Реакционное содержание «Записок из подполья» свидетельствовало о разрыве Достоевского с его ранними идеалами и ценностями. Повесть была подвергнута резкой критике на страницах журнала «Современник», прежде всего в статье Н. Щедрина «Литературные мелочи» [15]. Автор сравнивал теорию героя Достоевского с воззрениями средневекового теолога Фомы Аквинского [16].

Некоторые зарисовки повести Достоевского носили натуральный характер и послужили впоследствии прототипом ряда художественных произведений Ф. Кафки. «Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым» (5, 101). «Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли того, что я муха перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха,- всех умнее, всех развитее, всех благороднее,- это уж само собою, но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная» (5, 130).

Журнал «Эпоха» продолжил полемику с представителями революционно-демократического и славянофильского направлений. Революционные демократы объединялись вокруг журнала «Современник». Демократический лагерь в середине 1860-х годов претерпел значительные изменения. Ранняя смерть Добролюбова, ссылка в Сибирь Чернышевского ослабили шеренгу революционных демократов. Их место заняли новые люди – Антонович, Писарев и др. «Эпоха» вступила в острую идейную полемику с революционерами-демократами. Сотрудник журнала М. Соловьев выступил со статьей «Теория пользы и выгоды», в которой подверг критике концепцию Д. Писарева [17]. Критика концепции Писарева была продолжена в статье Н. Соловьева «Бесплодная плодовитость» [18].

Не меньшей остротой отличалась полемика со славянофильской газетой «День». В основном полемика шла по злободневным проблемам российской

истории [19]. Нередко эта полемика доходила до прямых оскорблений с обеих сторон. «Тупой, безносый, начиненный всякой поповщиной социализм славянофилов» - так характеризовал на страницах «Эпохи» в опубликованных посмертно письмах А.А. Григорьев (публикация Н. Страхова) [20].

С не меньшим ожесточением журнал критиковал представителей либерального лагеря, объединявшегося вокруг журнала «Отечественные записки»: «С исключительно либералами мне не сойтись совсем...» [21]. Это – цитата из опубликованного в журнале письма А. Григорьева.

Журнал «Эпоха» содержательно оказался слабее своего предшественника. Это было вызвано смертями М.М. Достоевского в июле 1864 года и А.А. Григорьева в сентябре того же года, а также финансовыми и цензурными проблемами. Одному Ф.М. Достоевскому не по силам было нести всю нагрузку по изданию журнала. В журнале «Эпоха» не печатались значительные художественные и публицистические произведения. Отсутствовали и имена известных авторов. Журнал издавался в течение 1864 года и первых двух месяцев 1865 года. В.С. Нечаева отмечала, что «в «Эпохе» не могло быть этой «свежести», не было и передовых молодых сил, как в первом журнале» [22].

Издательская деятельность Достоевского требовала большого напряжения сил, поэтому подготовка крупных художественных сочинений постоянно откладывалась на будущее. Только после закрытия журнала «Эпоха» в марте 1865 года писатель приступил к подготовке романов «Игрок», «Преступление и наказание» (1865-1866 годы), «Идиот» (1867-1868 годы). Оба произведения Достоевский писал одновременно.

Роман «Игрок» писатель готовил в чрезвычайных условиях. Согласно договору с издателем Ф.Т. Стелловским Достоевский, крайне нуждавшийся в денежных средствах после смерти брата Михаила летом 1865 года и провала журнала «Эпоха», был обязан подготовить свое новое произведение объемом не менее 12 печатных листов в течение короткого времени (оставалось

меньше месяца) – к 1 ноября 1866 года. В противном случае, согласно договору, все права на прежние и новые сочинения автора в течение девяти переходили издателю, даже без определения гонорара, на усмотрение Стелловского. Для ускорения работы над романом Фёдор Михайлович по совету его приятеля А.П. Милюкова прибегнул к помощи молодой девушки стенографистки А.Г. Сниткиной, которая через некоторое время стала женой Достоевского. Писатель не только выполнил поставленную задачу по сдаче романа издателю в указанные сроки, но и приобрел в лице Анны Григорьевны замечательного друга, супругу, помощницу.

Действие романа «Игрок» происходит в вымышленном городе Рулетенбурге (по всей видимости, немецкий город Висбаден), где находилась рулетка. Достоевский еще во время первой европейской поездки пристрастился к игре в рулетку. Азартная игра превратилась в страсть, тяжелую болезнь, от которой писатель не мог излечиться в течение десяти лет и которая пагубно влияла на его личность.

В письме к А.Н. Майкову от 28/16 августа 1868 года из Женевы Достоевский писал о своей пагубной страсти: «С одной стороны – легкий выигрыш, а с другой – взыскание, тревога душевная, невозможность воротиться в Россию. Но есть третье – и главное – сама игра. Знаете, как это втягивает?» [23].

Писатель дает широкую панораму жизни западноевропейского города, европейских жителей, среди которых выделяются немцы, французы, англичане, живущие за границей русские. Тип европейца представлен писателем нередко в сатирических тонах, с долей насмешки. Многие из них лишены элементарных моральных качеств. Единственным устремлением является страсть к деньгам, накоплению. Эту страсть они удовлетворяют в игре на рулетке. Достоевский противопоставлял европейцев русским. В дальнейшем он развивал идею сравнения русских с европейцами, в этом сравнении отдавал предпочтение русским. Среди них положительным

персонажем стал главный герой романа, прототип самого автора Алексей Иванович. Он, как и сам писатель, страстный игрок в рулетку.

О своем главном герое Достоевский в письме к Н.Н. Страхову из Рима от 18 (30) сентября 1863 года отзывался следующим образом: «Это лицо живое... - и его надо прочесть, когда он (роман.- Авт.) напишется. Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли *на рулетку*. Он – игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не простой скупец. Это вовсе не сравнение меня с Пушкиным. Говорю лишь для ясности. Он поэт в своем роде...» (28-2, 51).

В романе «Игрок» Достоевский продолжал исследование воздействия денег на личность, нравственность человека. Мыслитель проникал в сущность отношений буржуазного общества, главной целью которого являлась страсть к накоплению капитала. Под влиянием денег человек терял человеческие качества, приобретал такие черты, как алчность, стяжательство, культивировал в себе чувство наживы. В ходе игры в рулетку человек утрачивал контроль над собственными поступками, превращался в раба денежного мешка.

Исследуя роль богатства в жизни человека, Достоевский приходит к выводу о том, что даже большие деньги, выигранные Алексеем Ивановичем в рулетку, не могут сделать его счастливым. Наоборот, деньги усугубили одиночество, переживания и тревоги главного героя романа. Даже любовная канва романа не сложилась благополучно, хотя недостатка в деньгах у героев не было.

Конец 1860-х годов в творчестве Достоевского ознаменовался написанием первого из серии его великих романов. Роман «Преступление и наказание» (впервые опубликован в «Русском вестнике» за 1866 год, №1,2,4,6-8,11,12) носил сугубо социальный характер. Достоевский первоначально хотел назвать свой роман «Пьяненькие». «Роман мой называется «Пьяненькие», - писал он издателю А.А. Краевскому 8 июня 1865 года, - и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве» (28-2, 127).

Достоевский писал свои произведения не на пустом месте, не в отрыве от действительности, а в тесной связи с реальными процессами российского общества. Тема пьянства в пореформенной России оставалась одной из самых острых и злободневных тем. Статистические данные свидетельствуют, что производство спирта и спиртосодержащих продуктов в абсолютном алкоголе на душу населения превышало в 1860-е годы пять литров и нарастало в 1870-е годы. Именно 1860-1870-е годы стали пиком потребления алкогольной продукции в России, когда на душу населения приходилось пять литров проданной алкогольной продукции. На 1862 год пришелся и максимальный уровень смертности от потребления алкоголя [24].

Однако впоследствии писатель изменил название романа, поскольку его содержание далеко выходило за пределы первоначально обозначенной проблемы, связанной с пьянством. Хотя тема пьянства стала сквозной темой романа.

В исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, роман «Преступление и наказание» в целом, равно как отдельные аспекты произведения, подвергнуты научному анализу [25]. Обстоятельный разбор произведения был сделан В.Я. Кирпотиным в монографии «Разочарование и крушение Родиона Раскольников» (книга выдержала четыре издания). Однако отметим, что социально-историческая составляющая романа не нашла должного отражения в научной литературе.

Вследствие реформы 1863 года произошли изменения в системе российского образования. Последовавшие за крестьянской реформой 1861 года крупные преобразования всех сфер общества на новых принципах требовали образованных людей, способных осуществлять начатые правительством реформы. «Общий устав российских императорских университетов» от 18 июня 1863 года разрешил поступать в университеты представителям всех сословий, успешно окончившим гимназический курс. Лекции могли посещать все желающие. Образование перестало быть привилегией высших сословий.

В сфере образования Россия существенно отставала от Европы. В Западной Европе первые университеты были открыты в XII-XIII веках. В Болонской школе права в середине XII века училось 10 тысяч студентов со всей Европы. В России Московский университет был открыт лишь в 1755 году, в нем в 1765 году на юридическом факультете учился один (!) студент [26].

Тема просвещения, образования, в том числе женского, выдвигалась в 1860-х годах на передний план общественной борьбы. В общественной жизни ключевую роль стали играть студенты-разночинцы, выходцы из небогатой социальной среды. Они несли в общество новые социальные идеи, нравственные нормы. Студенты-разночинцы стали основными действующими лицами последующих художественных сочинений Достоевского.

Главный герой романа – бедный, почти нищий студент Родион Романович Раскольников (три буквы «Р» усиливают восприятие образа). Достоевский вводит в обиход ряд говорящих фамилий, с еще большей силой подчеркивавших своеобразие его героев. В данном случае фамилию Раскольников можно трактовать двояко – «раскол» или «раскаяние». В своей статье «Два лагеря теоретиков», написанной в 1862 году, Достоевский называл раскол крупным явлением в нашей исторической жизни (20, 12).

Раскольников весь соткан из противоречий. С одной стороны, писатель дает портрет красивого молодого человека: «... Он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» (6, 6). С другой стороны, Раскольников озлоблен на жизнь, сознательно готовит преступление, какими бы причинами он не старался его оправдать. «...Столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека...» (6, 6). «*В Раскольникове,- пишет Ю.Ф. Карякин,- преступление борется с совестью, а совесть восстает против преступления*» [27].

Образом Раскольникова Достоевский стремился раскрыть диалектику социальных отношений в духе макиавеллизма: оправдывает ли цель

средства? Раскаялся ли Раскольников после совершенного преступления? В эпилоге романа Достоевский пишет о чувствах Раскольникова на каторге: «И хотя бы судьба послала ему раскаяние... Но он не раскаивался в своем преступлении». «Совесь моя спокойна» (6, 417). Раскаяния, таким образом, не произошло. Принесенное Соней Евангелие лежало у Раскольникова под подушкой, он его не раскрывал. Еще не пришло время. «Вместо диалектики наступила жизнь...» (6, 422).

В романе трагедия личности Раскольникова запечатлена на фоне острого общественного кризиса пореформенной России. Бедный студент Родион Раскольников, честный, совестливый, выдвинул свою социальную теорию: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» (6, 322). Он посчитал себя своеобразным русским Наполеоном, сверхчеловеком, имеющим право распоряжаться судьбами других людей, презирать законы и нормы общества. Раскольников разделял общество на тех, кому всё дозволено, и простых людей, вождей и стадо. Именно этой теме была посвящена статья Раскольникова в юридическом журнале. «...Все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные», - разъяснял теорию Раскольникова следователь Порфирий Петрович (6, 199).

Раскольников ведет поиск путей к социальному и нравственному идеалу, достичь который ему предстояло на пути преступления – «перешагнуть через кровь» (6, 200). «...Законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники <...> не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь» (6, 199-200).

Тема выдающейся личности, к которым автор, несомненно, причислял Наполеона, волновала многих русских писателей того времени, в том числе и Достоевского. Он высказывался по этому поводу и мимоходом упоминал Наполеона еще в рассказе «Господин Прохарчин» вне связи этой личности с социальной проблематикой. Исторический опыт Раскольников черпал в великих деятелей разных исторических эпох – Юлии Цезаре, Константине Великом, Магомете, Петре I, Наполеоне.

Разочарованный, униженный жизненными обстоятельствами, дошедший до крайней степени бедности Раскольников, абсолютизирует ограниченность личного исторического опыта, не разбирается в природе и целях идеализируемых им исторических деятелей. Прийти даже к собственному счастью и благополучию, не говоря о всеобщем счастье, невозможно путем нарушения законов общества, тем более совершения преступления.

Исходя из своей теории, Раскольников взял на себя функцию сверхчеловека, считал себя вправе судить других, игнорируя евангельский нравственный закон: «Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, *таким* и будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить» (Мф.7, 1-2). Герой накануне преступления был весьма далек от Евангелия.

Посредством раскрытия характера личности главного героя романа Достоевский раскрывает социальный конфликт общественного строя, в котором царит нищета, социальная несправедливость, обман. Вину за состояние общества Достоевский возлагает, прежде всего, на само общество, а не на личность. Пьянство, преступность, проституция, социальное неравенство порождены социальными условиями жизни пореформенной России.

Оправдывая совершенное преступление, Раскольников старается оправдаться тем, что он убил вредную старуху-процентщицу – коллежскую регистраторшу, Алену Ивановну. Достоевский, будучи часто в стесненных

финансовых обстоятельствах, сам не раз обращался к ростовщикам-процентщикам. Он видел в этом уродливом явлении одно из социальных зол капитализма.

Характерной чертой романа «Преступление и наказание» является конфликтность героев и ситуаций. На протяжении всего романа его герои вступают в бесконечную череду социальных и бытовых конфликтов – конфликт Раскольникова со старухой-процентщицей, конфликт в семье Мармеладовых, конфликт сестры Родиона Дуни с Лужиным и Свидригайловым, конфликты богатых и бедных, взрослых и детей, мужчин и женщин, даже конфликт города и его жителей.

Небывалой остротой отличается внутренний конфликт Раскольникова, приобретший социальный и нравственно-психологический характер. С одной стороны, Раскольников – уголовный преступник, совершивший тяжкое преступление – убийство. С другой стороны, писатель явно симпатизирует своему герою, наделяет его состраданием, добротой, человеколюбием, обостренным чувством справедливости и милосердия. Он отдает последние копейки нищим и голодным детям Мармеладова. Это отношение автора к своему герою передается читателю. В конечном счете, писатель стремился разобраться посредством раскрытия характера своих героев в общечеловеческом духовном конфликте добра и зла. Носители добра и зла в романе не получили одномерного освещения – они более противоречивы и сложны. Почти в каждом из них есть комбинация добрых и злых качеств, в различных житейских ситуациях побеждает то или иное начало. В этом – сложность романа.

Теория «сверхчеловека» Раскольникова потерпела полный крах. Он не смог возвыситься над людьми, оказался слабым даже в противостоянии социальным явлениям. Раскольников не хотел трудиться за небольшую плату (давать уроки), а стремился получить всё и сразу. «А тебе бы сразу весь капитал?»- спрашивает Раскольникова служанка Настасья. И получает ответ: «Да, весь капитал» (6, 27). В конечном счете, Раскольников не сумел даже

воспользоваться богатством, добытым в результате тяжкого преступления – убийства старухи и ее сестры Лизаветы, не смог употребить добытые путем преступления средства для решения социальных проблем.

«Достоевский, - отмечал В.Я. Кирпотин, - уловил дьявольское очарование, дьявольский соблазн максималистского и волюнтаристского восстания против мира и показал бесплодие такого восстания, неизбежность его крушения» [28].

Крах теории Раскольникова показан посредством сравнения и соединения его с Соней Мармеладовой – наиболее трагической фигурой романа. Проституция в России второй половины XIX века была одним из самых уродливых социальных явлений. В конце 1880-х годов по официальным данным статистики в Российской империи (не считая Финляндского княжества) насчитывалось 1 216 домов терпимости и свидания, в них содержалось 7 840 проституток. Еще 9 763 женщины работали в одиночку. Всего под врачебно-полицейским надзором находилось 17 603 женщины-проститутки [29]. Достоевский как писатель-исследователь российской действительности не мог пройти мимо этого явления.

Писатель показал Соню Мармеладова как продукт современного ему буржуазного общества, где всё становится предметом купли-продажи, в том числе человеческое тело, душевные чувства. Бунт Раскольникова наталкивается на бесконечное смирение Сони. Любви Раскольникова к Соне предшествовало чувство жалости – есть на свете люди, еще хуже него. Невозможность нести в душе зло изображена в исповеди Раскольникова Соне. Самый униженный человек – Соня оказывается в то же время и самым возвышенным, светлым и чистым человеком, мерилom нравственности общества и самого Раскольникова. Не случайно в конце романа автор говорит о том, что каторжные обожали Соню. Соня Мармеладова стала предшественником образа князя Мышкина из романа «Идиот».

Родион Раскольников и Соня Мармеладова – главные герои романа. Вокруг них строится не только сюжетное повествование, но и раскрываются

характеры остальных персонажей второго ряда – типичные представители определенных социальных слоев пореформенной России, которых постоянно наблюдал Достоевский (многие из них также с говорящими фамилиями). Среди них – приятель Родиона Раскольникова студент Разумихин, помещик Свидригайлов, капиталист Лужин, следователь Порфирий Петрович, бедный чиновник Мармеладов, «служащий в министерстве» Лебезятников.

Бывший студент Дмитрий Прокофьевич Разумихин, дальний родственник Порфирия Петровича. По натуре своей он более волевой, целеустремленный человек, чем Раскольников, не сидит без дела, ищет возможности заработать, строит разнообразные проекты. Разумихин – сугубо положительный герой повествования. Он постоянно заботится о Раскольникове, В конце романа Разумихин женится на сестре Раскольникова Авдотье Романовне и становится родственником Родиона. По своему типу Разумихин близок к представителям демократической молодежи, группировавшейся вокруг Чернышевского. Не случайно в черновых материалах к роману Достоевский вместо «Разумихин» сознательно написал «Рахметов».

Целостный характер получил в романе образ «человека делового и занятого» Петра Петровича Лужина – надворного советника, жениха Дуни Раскольниковой. Лужин имел в жизни единственную страсть – поклонение деньгам, капиталу. «Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его» (6, 234). Это обстоятельство, по-видимому, позволяло ему свысока относиться к окружающим людям, даже совершать подлые поступки (обвинение Сони в краже ста рублей). В пореформенной России происходил интенсивный процесс формирования слоя капиталистов, к числу которых принадлежал и Лужин. Посредством отношения Раскольникова к Лужину писатель раскрыл мелочный, тщеславный характер своего героя. Лужин трижды изгонялся из дома – первый раз Раскольниковым, второй – Дуней, третий – Лебезятниковым. Дуня, в конечном счете, отказала своему богатому жениху, предпочтя бедного, но порядочного и доброго Разумихина. Лужин

как хозяин жизни непотопляем по причине ущербной нравственности. Представителей буржуазного сословия Достоевский развенчивал в своих более ранних и более поздних работах. В пореформенной России Лужины приходили на смену гоголевскому Чичикову, прокладывая мостик к чеховскому Лопухину, героям-купцам Островского, Горького, Шишкова.

К другому социальному типу принадлежит помещик Аркадий Иванович Свидригайлов. Первое упоминание о нем содержится в письме матери Пульхерии Александровны к Родиону Раскольникову, в котором она говорит о преследовании им Дуни, служившей гувернанткой в доме Свидригайловых.

В образе Свидригайлова Достоевский продолжил поиск феномена двойника, начатый им в романе «Двойник». Образ Свидригайлова более сложен и противоречив, чем образ Якова Голядкина. В нем соединены двуличность, подлость, похотливость, шулерство. Случайно подслушав исповедь Раскольникова Соне об убийстве им старухи, Свидригайлов начинает шантажировать этим его сестру Дуню. Он потерял ощущение границ между добром и злом, утратил смысл жизни. В нем подлость часто берет верх над другими нравственными качествами.

Предчувствуя собственную смерть, Свидригайлов оказывается способным на великодушие. Он стремится совершать благородные поступки – оплачивает похороны Катерины Ивановны, выделяет деньги на обустройство ее детей-сирот, предлагает Раскольникову 10 тысяч рублей для Дуни во избежание ее брака с Лужиным, дарит три тысячи рублей Соне для поездки вслед за Раскольниковым в Сибирь, 15 тысяч молодой девушке – своей будущей невесте. Свидригайлов, сознавая свою никчемность, отсутствие социально значимой жизненной цели, стал первым самоубийцей в череде романов Достоевского.

Андрей Семенович Лебезятников (говорящая фамилия) – «молодой друг» Лужина и сосед Мармеладовых. На примере Лебезятникова Достоевский обратился к образу одного «из самых передовых молодых прогрессистов»», представителю новой молодежи пореформенной России, не

до конца понятной писателю. Очевидно, поэтому он изображен сатирическими красками, доходившими до оскорбления. Этот образ – одно из первых обращений писателя к российским нигилистам, развитое им впоследствии. По всем позициям он проигрывал другим героям романа. Он был «действительно глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к «молодым поколениям нашим» - по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной горячей идее, чтобы тотчас же опошлить ее, чтобы мигом окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат» (6, 279).

Среди тем, интересовавших Лебезятникова, второстепенные проблемы России 1860-х годов – может ли член коммуны входить к другому без стука, надо ли целовать женщине руку и т.п. на фоне массы животрепещущих тем. Достоевский, изображая Лебезятникова, направлял сатирические критические стрелы против своих идейных оппонентов – Чернышевского, Писарева, Серно-Соловьевича.

Вторая половина 1860-х годов в России отмечена обострением идейно-политической борьбы, появлением революционных кружков, в которых участвовали многие молодые люди. Обсуждали они чаще всего не второстепенные, а актуальные и острые проблемы российского общества, возможные пути его изменения. Оценки революционных демократов, их взглядов Достоевским нередко оказывались не справедливыми, предвзятыми. Более того, Достоевский посвятил революционным демократам сатирический рассказ «Крокодил», направленный, как считали критики, против находившегося в сибирской ссылке Чернышевского.

Достоевский, тем не менее, при всем критическом отношении к своему герою, стремится отчасти оправдать его. Лебезятников совершает благородный поступок, выступив свидетелем и разоблачителем неблагоприятного поведения Лужина, обвинившего Сою в краже его денег.

Особый интерес вызывает образ следователя Порфирия Петровича – дальнего родственника Разумихина. Это – первый опыт обращения Достоевского к подобному социальному типу – представителю правосудия. Писатель проявлял живой интерес к разного рода судебным процессам, внимательно следил за их ходом, к практической реализации российской судебной реформы 1864 года. Порфирий Петрович – умный, опытный следователь, умело расставляющий словесные логические ловушки-намёки, в которые время от времени попадает Раскольников. Именно в ходе бесед с Раскольниковым следователь заставляет его признаться в совершенном преступлении. Он – единственный из основных героев романа не имеет фамилии, только имя-отчество. В Петербурге тех лет был известный юрист с подобным именем.

Итак, в романе «Преступление и наказание» масса образов, представителей различных социальных сословий, объединенных преступлением Раскольникова.

Социальный аспект романа связан не только с его героями, а с городом, в котором они живут [30]. Капитализм создал новый, особый социальный мир – город, населенный в основном выходцами из деревни, городской образ жизни. Петербург, по выражению Свидригайлова, – «город полусумасшедших». «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге» (6, 357). Город давил, принижал и разлагал людей, отбирал у них последние жизненные силы. Основные события романа происходят преимущественно в районе одного из самых криминальных, злочных мест Петербурга – Сенной площади – места обитания самых антисоциальных элементов. Посредством показа города, различных оттенков городской жизни писатель еще более обостряет социальный характер романа.

На фоне города-призрака Достоевский изображал детей в продолжение вечной для него темы детства. В романе писатель создал несколько детских образов. Как и в других произведениях, дети несчастны – больны, голодны,

неухожены, лишены нормального детства. Характерный прием повествования – изображение плачущих, дрожащих – от страха, холода и т.п., детей: «Девочка только дрожала» (6, 143); «Мальчик... весь дрожал в углу и плакал» (6, 22). Подобного рода сцен, изображающих страдающих маленьких детей, в романе много. Тема детей стала сквозной во всех последующих художественных сочинениях Достоевского.

Близкие социальные мотивы, связанные с реальным положением представителей народа, звучали в стихотворении Н.А. Некрасова 1848 года:

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую [31].

Некрасов и Достоевский с разных сторон подходили к одной и той же проблеме – положению простого человека в русском обществе – в дореформенной и пореформенной России. Сам Достоевский во время пребывания на каторге в омском остроге неоднократно был свидетелем различных телесных наказаний арестантов и подробно описал это в «Записках из Мертвого дома». Писатель дал характеристику не только жертвам наказания, но и их палачам.

В течение нескольких веков в России широко применялись телесные наказания для податных сословий. Дворяне, купцы первой и второй гильдий, духовенство освобождались от наказаний. В 1863 году в ходе либеральных реформ были частично отменены телесные наказания (женщины полностью освобождались от телесных наказаний). Для мужчин телесные наказания применялись лишь в пяти оговоренных законом случаях: наказания крестьян по приговору волостных судов до 20 ударов розгами; наказания арестантов розгами до ста ударов с санкций губернатора и др. Только в 1903 году телесные наказания были полностью отменены для ссыльнокаторжных и

ссылнопоселенцев, а в 1904 году – для всех крестьян, солдат и матросов [32].

Первоначально Достоевский хотел назвать свой роман «Пьяненькие». Действительно, в ходе повествования в произведении повсеместно встречаются кабаки, пьяные люди из простонародья, совершаются преступления на пьяной почве. «Все пьяны, все поют песни...» (6, 46). В письме к А.А. Краевскому от 8 июня 1865 года Достоевский отмечал: «Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейственные, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.» (28-2, 127).

Кабак как явление социальное был центром повседневной жизни простого народа в городе и в деревне (женщин в кабаки не пускали), где люди не только потребляли спиртное, но и обменивались новостями, встречали приятелей и знакомых, обсуждали насущные жизненные проблемы. Беспробудно пьянствует Мармеладов, пропивая последние копейки своих нищих и голодных детей. Пьют простые ремесленники, мещане, мастеровые, молодые девушки, женщины и старухи. И до «Преступления и наказания» писатель часто изображал пьянство в его разнузданном и безобразном виде. Водка губила многих сильных людей. Постоянно предавался пьянству положительный герой Маслобоев («Униженные и оскорбленные»). Пьют, хотя и редко, Раскольников и Разумихин. А сколько известных литераторов, композиторов, художников погубило в России пьянство.

По поводу пьянства как продукта социальной среды обитания в романе очень точно высказался Г.С. Померанц: «...Не хватает здоровой среды. <...> Сама среда у Достоевского повредилась. Роман Достоевского – это роман гения, окруженного людьми, потерявшими свою примитивность, тронутыми теми же процессами мышления, которые мучают его...» [33]. Очевидно, в том числе и поэтому, Достоевский столь сурово ополчился против такого

социального зла, порожденного социально-экономическим строем, каким было пьянство на Руси.

Исходя из собственной идейно-политической концепции, Достоевский стремился изобразить русский народ единым, примирить классовые, сословные противоречия, представить подобное состояние русского общества как особый исторический путь России. Однако, будучи писателем-реалистом, стремившимся рисовать правду жизни русского народа, писатель постоянно наталкивался на вопиющее несоответствие собственной доктрины реальным картинам российской действительности. Достоевский возлагал вину на создавшееся положение на русскую интеллигенцию.

Подготовка и публикация романа «Преступление и наказание» совпали со знаковым событием в истории России – 4 апреля 1866 года в Петербурге студентом Д. Каракозовым было совершено первое и далеко не последнее покушение на императора Александра II. Достоевский, буквально идеализировавший самого императора и членов его семьи, тяжело переживал случившееся [34]. В письме к издателю журнала «Русский вестник», в котором печатался роман, М.Н. Каткову от 25 апреля 1866 года Достоевский отмечал: «...4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова?» (28-2, 155).

Действительно, после покушения Каракозова усилилась правительственная цензура – были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», произошли аресты в Москве, Петербурге и других городах.

Покушение Каракозова на императора Александра II окончательно утвердило Достоевского в качестве решительного противника любых форм революционного насилия, выраженных в нигилизме, социализме, бунтарстве, атеизме. Если в «Преступлении и наказании» нигилизм представлен в

сатирическом образе Лебезятникова, то в романе «Бесы» писатель раскрыл целую галерею революционеров разных оттенков.

Роман «Преступление и наказание» открыл новую страницу в творчестве Достоевского, более глубоко представил его социально-исторические воззрения. В.А. Туниманов назвал роман «Преступление и наказание» «самым художественно совершенным романом Достоевского» [35].

Важным этапом в эволюции социально-исторических воззрений Достоевского стал роман «Идиот», который писатель начал в сентябре 1867 года в Женеве и завершил в январе 1869 года во Флоренции. Роман печатался в журнале «Русский вестник» М.Н. Каткова с января 1868 года. Достоевский поставил перед собой крайне сложную задачу – «изобразить положительно прекрасного человека». В письме племяннице С.А. Ивановой от 1 января 1868 года Достоевский так объяснял свое намерение: «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном появлении прекрасного)» (28-2, 251).

Писатель давно вынашивал план изображения «положительно прекрасного человека», постепенно приближаясь к нему [36]. В письме к А.Н. Майкову от 31 декабря 1867 года Достоевский писал: «Идея эта – *изобразить вполне прекрасного человека*. Труднее того, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно. <...> Идея эта и прежде мелькала в некотором художественном образе, но ведь только в *некотором*, а надобен полный» (28-2, 241). Писатель откровенно признавался, что «...в целом-то выйдет и совсем недурной роман. Но опять об романе говорю Вам – помешался на нем» (28-2, 244).

Аналізу романа «Идиот» посвящена следующая научная литература [37]. В основном исследованием проблематики романа занимались

представители филологической науки. Что касается христианских воззрений мыслителя, то им посвящена специальная глава настоящего исследования.

«Принято считать, что «Идиот» – самое загадочное из произведений Ф.М. Достоевского. И, пожалуй, так оно и есть. Во всяком случае, едва ли найдется еще какая-нибудь вещь у писателя, столь же превратно понятая как современниками, так и подавляющим большинством исследователей русской литературы», – пишет Е. Местергази [38]. Роман «Идиот» назван также самым музыкальным романом Достоевского [39].

В романе «Идиот» образ «положительно прекрасного человека» в изображении Достоевского противостоял положительным героям произведений революционных демократов, прежде всего героям-революционерам романа Н.Г. Чернышевского «Что делать»? Далекий от революционной борьбы, Достоевский вел поиск своего положительного героя в ином направлении. В том же письме к С.А. Ивановой писатель отмечал: «...Из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. <...> Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному – а, стало быть, является симпатия и в читателе» (28-2, 251).

Как и в других своих произведениях, в новом романе Достоевский дает критический анализ современной ему российской действительности. Он показывает усиливающуюся власть денег в формировавшейся капиталистической системе. Один из героев – Ганя Иволгин мечтает о богатстве и денежном могуществе, ради которого он готов совершить любой аморальный поступок. «Покровитель» Настасьи Филипповны – «человек высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства» Афанасий Иванович Тоцкий олицетворяет отживавший мир помещиков-крепостников, измерявших людей по степени их финансового состояния. Большинство образов в романе являются типичными представителями того общества, в котором жил сам Достоевский.

Главным героем романа «Идиот» является князь Лев Николаевич Мышкин (случайно ли имя-отчество героя совпадают с именем-отчеством Льва Николаевича Толстого). Князь происходил из древнего рода. Это имя действительно встречается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Достоевский на протяжении многих лет вел поиск идеального, «положительно прекрасного человека», лишенного свойственных человечеству пороков и недостатков. Князь настолько идеален, что всегда говорит правду, за что нередко страдает. Он открыт, кроток, незлобив, миролюбив. Писатель, очевидно, хотел отразить в образе князя те идеальные нравственные черты, к которым сам стремился.

Сюжет Достоевский – Мышкин весьма сложен и противоречив. В нем в общих чертах отразилась тоска русского грешника (Достоевский) по святости (Мышкин). Миссия Мышкина – спасение человечества. Достоевский также был своеобразным мыслителем-спасителем русского народа. Причины неурядиц, брожения в российском обществе Достоевский видел в нравственном расстройстве, отсутствии у народа общей нравственной цели и идеала. Своим романом писатель как будто исповедуется перед русским народом.

Мышкин стал пределом погружения Достоевского в душу идеального человека. В последующем писатель не выходил на такую глубину в исследовании положительного человека. Даже Алеша Карамзов – высоконравственный, верующий православный человек, не был столь нравственно идеален.

Князь Мышкин вырос без родителей – на природе, среди детей. И сам он по характеру своему невинен и чист, как ребенок. Его светлая душа, не омраченная страстями и пороками, сходна с детской душой. Писатель постоянно сравнивает своего героя с ребенком: «совершенный ребенок» (8, 44). «Умом не взрослый», - говорит о нем швейцарский доктор Шнейдер (8, 63). По словам Настасьи Филипповны, князь – «младенец»; по мнению

Рогожина, – «малый ребенок» (8, 302). «Малым ребенком» называет князя и Ипполит (8, 433). Дети тянулись к князю, чувствуя, что он отличается от других взрослых. В Швейцарии дети сначала обижали его, а впоследствии полюбили. Князь так говорил о детях: «Я потому их птичками зову, что лучше птички нет ничего на свете» (8, 58). В подготовительных материалах к роману Достоевский писал: «Отверженный с детства сын, Идиот страсть к детям получил. Везде у него дети» (9, 202).

Мышкин получил богатое наследство от дальнего родственника. Но богатство не изменило его личность – натура осталась прежней. Он по-прежнему раним и чувствителен ко всем социальным явлениям жизни. Мышкин, в конечном счете, должен погибнуть. Он не может жить в обществе, лишенном справедливости, правды, честности, добродетели, в обители порока и греха. Князь слишком открыт, искренен, не защищен от окружающих, которые тайно и иной раз и явно смеются над простоватым, искренним человеком. Сам князь признается: «С людьми мне будет, может быть, скучно и тяжело» (8, 64).

Не только люди, окружавшая князя социальная атмосфера, но и вся российская действительность пагубно влияли на него. «Россия действовала на него постепенно. Прозрения его», – указывал писатель в подготовительных материалах к роману (9, 242). После спокойной, тихой Швейцарии Мышкин оказался в динамичной, бурлящей России, идущей по пути коренных преобразований всех сторон общественной жизни. «Князь только *прикоснулся* к их жизни. Но *то*, что бы он мог сделать и предпринять, то всё умерло с ним» (9, 242).

Столкновение с действительностью привело князя к резкому обострению болезни. «Идиот видит все бедствия. Бессилие помочь. Цель и надежда. Сделать немного. Ясная смерть», – так записывал Достоевский в подготовительных материалах к роману (9, 241). Тонкая, ранимая натура Мышкина не выдержала выпавших на его долю суровых испытаний. «Князь сидел подле него (Рогожина.- Авт.) неподвижно на подстилке и тихо, каждый

раз при взрывах крика или бреда больного, спешил провести дрожащей рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его. Но он уже ничего не понимал, о чем его спрашивали, и не узнавал вошедших и окружавших его людей» (8, 507).

В конце романа флигель-адъютант Евгений Павлович Радомский – дальний родственник князя Щ., так характеризует Мышкина, обращаясь к нему: «Я не согласен, и даже в негодовании, когда вас, - ну, там кто-нибудь, - называют идиотом; вы слишком умны для такого названия; но вы и настолько странны, чтобы не быть, как все люди, согласитесь сами» (8, 481).

Однако духовно, нравственно князь гораздо здоровее других людей, он здоровый среди нравственно больных. В этом аспекте состоит двойственность Мышкина. С одной стороны, он – «князь Христос» – идеальный человек. С другой стороны, он эпилептик – подвержен падучей болезни, беснованию, по сути дьявольской болезни. «Затем вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный *внутренний* свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды; но он, однако же, ясно и сознательно помнил начало, самый первый звук своего страшного вопля, который вырвался из груди его сам собой и который никакою силой он не мог остановить. Затем сознание его угасло мгновенно и наступил полный мрак. С ним случился припадок эпилепсии...» (8, 195). Святость в князе сочетается с телесным злом и порождает неразрешимое диалектическое противоречие, в котором противоположности соединяются, притягиваются.

В евангельских повествованиях Иисус Христос неоднократно исцелял больных – бесноватых (Мф.15; 22, 28). «Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колена, Сказал: Господи! Помилуй сына моего; он в новолуния *беснуется* и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду... И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час» (Мф.17; 14-15, 18).

Достоевский в романе поставил тему юродства. Юродивые на Руси были особо почитаемыми святыми, к ним даже правители относились с

вниманием и осторожностью как к избранным Богом. Тема юродства звучит с самого начала – во время разговора Мышкина с Рогожиным в вагоне поезда. «...Совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких, как ты, бог любит!»,- говорил Рогожин, обращаясь к князю (8, 14). Само слово «юродивый», по подсчетам К. Степаняна, писатель использовал три раза, а «безумный» - свыше ста раз [40].

Нам представляется, что образ князя Мышкина для пореформенной России нетипичен – слишком положителен, идеален. Не случайно сам Достоевский в письме к Н.Н. Страхову от 26 февраля 1869 года называл этот образ «фантастичным» (29-1, 19).

Основной сюжет романа разворачивается в четырехугольнике: князь Мышкин – Рогожин – Настасья Филипповна – Аглая. Повествование романа начинается с встречи Мышкина с Рогожиным в поезде. Оба героя едут из Европы в Россию. Будучи в Европе, Мышкин мечтал о России. Россия в романе противопоставляется Европе, а Европа определяется через Швейцарию. В Швейцарии Мышкин проходил лечение у доктора Шнейдера (Шнейдер – от нем. Schneider – портной, либо глагола schneiden – отрезать, резать). Швейцарский доктор, по всей вероятности, в переносном смысле разрезал князя на части, урезал его целостную положительную натуру. Туда же, в Швейцарию князь вернулся неизлечимо больным в конце романа – в Заключение.

Швейцария – даже не европейская страна, а место пребывания героя часто упоминается в романе «Идиот» в отличие от «Преступления и наказания», где Достоевский назвал Швейцарию лишь единожды и абстрактно. Туда наряду с Америкой собирался уехать Свидригайлов. Но это намерение не отличалось конкретностью.

Двойственность общественного и внутреннего состояния свойственна не только Мышкину, но и Настасье Филипповне. Молодая женщина в начале повествования находится на содержании богатого купца Афанасия Ивановича Тоцкого. Наделенная умом, красотой, героиня стремится к

нравственной чистоте, несмотря на обвинения общества в аморальности. Стремление к новой жизни Настасьи Филипповны подорвано унижениями ее юности. Двойственность ее коренится в диалектике следующего типа: «беспорядок и красота (жертва судьбы)» (9, 280). Она мечется между нравственно безупречным князем Мышкиным (гармония), в котором она видит свое спасение, и миллионером Рогожиным (беспорядок), в котором коренится ее погибель.

Тема красоты (гармонии) и хаоса (беспорядка) мучила писателя на протяжении всей его творческой жизни. «Красоту трудно судить... Красота – загадка» (8, 66). «Такая красота – сила <...> С этой красотой можно мир перевернуть!» - говорит о Настасье Филипповне средняя дочь генерала Епанчина Аделаида (8, 69). Красота часто спасает женщину, помогает ей в определенных жизненных ситуациях, но она же может ее погубить, что и случилось с Настасьей Филипповной.

Настасья Филипповна – сильная натура. Ее сила и воля проявилась в сцене с сжиганием 100 тысяч рублей рогожинских денег – огромной по тем временам суммы. Настасья Филипповна «схватила каминные щипцы, разгребла два тлевшие полена и, чуть только вспыхнул огонь, бросила на него пачку. Крик раздался кругом; многие даже перекрестились» (8, 145). В этот сильный по накалу сцене, когда люди, видя горящие ассигнации, доходят до умопомрачения (с Ганей сделался нервный припадок), Достоевский запечатлел отношение к богатству. Женщина преодолела страсть к наживе, оказалась выше денежного соблазна.

Настасья Филипповна в то же время – «малое дитя» (8, 476). Несмотря на ее неодолимое желание, ей не удалось вырваться из круга жизненных испытаний. Она стала трагической жертвой рогожинской страсти. Достоевский считал, что он точно выписал образ этой женщины. «В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я, впрочем, до сих пор верю», - отмечал он в письме к А.Н. Майкову из Женевы от 21-22 марта 1868 года (28-2, 283).

В женских образах, начиная с Настасьи Филипповны, Достоевский стремился осмыслить новую роль русской женщины в пореформенной России, стремившейся выйти за круг только семейно-бытовых проблем, найти свое положение в обществе наравне с мужчиной. У его героини появляются сильные качества – борьба с социальным злом, стремление к социальному равенству, к просвещению и др.

Достоевский чрезвычайно быстро откликнулся на злободневные события российской общественной жизни второй половины 1860-х годов: земская реформа 1864 года, вызвавшая к жизни новые учреждения местного самоуправления. Особенно интересовала Достоевского новая судебная система как следствие судебной реформы 1864 года – суд присяжных, адвокатура, гласность, состязательность и открытость судопроизводства; проблема смертной казни. Писатель внимательно следил за процессом развития капитализма и порождаемыми им явлениями. Эти темы становились предметом обсуждений героев его произведений.

Находясь во время написания романа «Идиот» за границей, Достоевский понимал значение проводимых императором Александром II преобразований и стал окончательным монархистом. «У нас если кто сделал что-нибудь, то, конечно, один только он (да и не за это одно, а просто потому, что он царь, излюбленный народом русским, и лично потому, что царь. У нас народ всякому царю нашему отдавал и отдает любовь свою и в него единственно окончательно верит. Для народа – это таинство, священство, миропомазание)», - отмечал он в письме к А.Н. Майкову от 21-22 марта 1868 года (28-2, 281). И далее продолжал: «А нашему, а Александру дай Бог жить-поживать еще хоть сорок лет. Он чуть ли не больше всех своих предшественников, вместе взятых, для России сделал. А главное то, что его так любят. На этой *опоре* все русское движение теперь, все перерождение основано, и только на ней» (28-2, 282).

Монархические идеи Достоевского во второй половине 1860-х годов стали неотъемлемой частью его социально-исторических воззрений, основой подходов и оценок к происходившим в стране и за ее пределами событиям.

В романе «Идиот» нашла отражение проблема социального времени, тесно связанная с социально-историческими процессами. Мышкин рассказывает об ощущениях узника накануне смертной казни. «Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие; оторваться не мог от лучей; ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны... «Что если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь, – какая бесконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счетом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» Он говорил, что эта мысль у него, наконец, в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили» (8, 52).

Эти ощущения были свойственны самому Достоевскому, когда он в группе осужденных петрашевцев ожидал смертной казни на Семеновском плацу Петербурга в декабре 1849 года. В последний момент по высшему приказу казнь была заменена сибирской каторгой [41].

В ряде эпизодов романа представлена идейная полемика Достоевского с представителями революционной демократии. Карикатурное изображение идейных противников связано с образами «ложного сына Павлищева» Бурдовского и его друзей-нигилистов. Достоевский дает отталкивающий портрет Бурдовского. «Это был молодой человек, бедно и неряшливо одетый, в сюртуке с засаленными до зеркального лоску рукавами, с жирною, застегнутою доверху жилеткой, с исчезнувшим куда-то бельем, с черным шелковым замасленным донельзя и скатанным в жгут шарфом, с немывыми руками, с чрезвычайно угреватым лицом, белокурый и, если можно так

выразиться, с невинно-нахальным взглядом» (8, 215). Под стать ему и его товарищи – Докторенко, Келлер, Терентьев.

Нередко говорят, что Достоевский современен. В этом нет сомнения. За этой фразой – огромное влияние писателя на общественные процессы. Мыслитель по силе и масштабам своего влияния на исторические события находится вне времени и пространства. Его пророчества поэтому часто сбывались. В романе «Идиот» Достоевский впервые в своих художественных сочинениях, полемизируя с либералами, обратился к важной для него теме – роли и месту России в цивилизационных процессах того времени. «Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать. Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг. Он ненавидит народные обычаи, русскую историю, всё» (8, 277).

В письме к А.Н. Майкову от 18 февраля 1868 года из Женевы Достоевский резко критиковал ставших на путь идеализации Европы русских либералов за принижение ими роли России и славянства. «Наш либерал не может не быть в то же самое время закоренелым врагом России и сознательным» (28-2, 258). В состоянии эмоционального накала он причислял к либералам и В.Г. Белинского, которого рассматривал как «врага отечества сознательного» и «ретрограда» (28-2, 259). Бесспорно, ни тем, ни другим Белинский не был.

В последующих произведениях, особенно в «Дневнике писателя», Достоевский многократно возвращался к теме России, изучал ее в разных аспектах и взаимосвязях.

«Идиот» – один из самых сложных в мировоззренческом отношении художественных произведений Ф.М. Достоевского. В романе масса персонажей, уровней и форм человеческих отношений. Он как будто весь соткан из противоречий российской действительности конца 1860-х годов. Сам автор был не в полной мере удовлетворен своей работой. В письме к С.А. Ивановой от 25 января 1869 года он отмечал: «...Романом я не доволен;

он не выразил и 10-й доли того, что я хотел выразить, хотя все-таки я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор» (29-1, 10).

Таким образом, в первых крупных произведениях Ф.М. Достоевского – романах «Преступление и наказание» и «Идиот», автор наряду с многочисленными проблемами поставил проблему России и русского народа исходя из пореформенной российской действительности. Он резко обнажил нравственные пороки тогдашнего российского общества – социальную несправедливость, бедность одних и чрезмерное богатство других; пьянство, проституцию и т.п. явления повседневной жизни Петербурга. Анализ суровой правды позволил писателю стать одним из наиболее популярных российских авторов, продолжить исследование социальной тематики в последующих произведениях.

1870-е годы в творчестве Ф.М. Достоевского открылись романом «Бесы» – самым политизированным в русской литературе второй половины XIX столетия. Это произведение – первое и единственное политическое произведение Достоевского, написанное в связи с конкретными историческими событиями, по их горячим следам. Своим романом писатель отвечал на волновавшие его злободневные вопросы современной ему России, вывел социально-политический тип русского революционера. Роман «Бесы» стал пророческим сочинением Достоевского: многое из написанного им в то время сбылось в российских событиях первой половины XX века.

Роману «Бесы» посвящена определенная научная литература [42]. Хотя, надо сказать, роман «Бесы» содержит меньше социально-исторических тем, чем предыдущие романы писателя. Главная тема романа – формирование в России социального слоя нигилистов-радикалов, ставивших целью свержение самодержавного строя, не пренебрегавшими при этом никакими средствами, вплоть до уголовных. Параллельно с этой другая тема – социально-политические причины появления в России террора. Резко звучит в произведении полемика с идейными противниками Достоевского, порой даже оскорбительно.

Вторая половина 1860 – начало 1870-х годов отмечены в российском обществе появлением революционных кружков. Социальной базой их было столичное студенчество, разночинная интеллигенция. Среди них ведущие позиции занимали кружки Ишутина, Чайковского, Долгушина и др. Идейной основой стало народничество в различных формах – от сторонников пропагандистской идеологии П. Лаврова до заговорщической теории П. Ткачева и анархизма М. Бакунина. Во второй половине 1870-х годов была создана достаточно крупная народническая организация «Земля и воля». Наряду с ней в обществе нарастал террор, жертвами которого становились правительственные чиновники.

Одной из причин распространения революционных настроений среди молодежи стало противоречие между ожиданиями от либеральных реформ и половинчатостью самих проводимых преобразований. Особенно остро чувствовала это противоречие радикально настроенная разночинная молодежь крупных городов.

Замысел нового романа созрел, по-видимому, в начале 1870 года. Об этом Достоевский упоминал в письме к А.Н. Майкову от 12 февраля 1870 года: «Сел за богатую идею; не про исполнение говорю, а про идею. Одна из тех идей, которые имеют несомненный эффект в публике. Вроде «Преступления и наказания», но еще ближе, еще насущнее к действительности и прямо касается самого важного современного вопроса. Кончу к осени, не спешу и не тороплюсь» (29-1, 107). Это, пожалуй, одно из немногих произведения Достоевского, который он писал не в спешке, не подгоняемые жизненными обстоятельствами.

Обстоятельства эти, тем не менее, оказались более сложными, чем представлялось автору. Достоевский завершил роман только к ноябрю 1872 года, то есть работа над ним продолжалась почти три года. Замысел произведения неоднократно изменялся, производилась переработка начального текста. Первоначально роман задумывался как памфлет на идейных противников Достоевского – либералов-западников и

революционеров-членов тайных обществ. Форма политического памфлета со временем перестала удовлетворять автора. Летом 1870 года писатель расширил сюжет – соединил политический памфлет с романом-трагедией. Достоевский не мог ограничиться сюжетом произведения, лишённого преступления. Не случайно указанное им сравнение нового романа с «Преступлением и наказанием».

Не просто было подступиться к новой для писателя теме, связанной с идейной борьбой в российском обществе. Работа над сочинением шла трудно. В письме к литератору, издателю, редактору журнала «Заря» В.В. Кашпиреву от 15 августа 1870 года Достоевский ссылаясь на данное обстоятельство: «Я думал наверно кончить его (роман.- Авт.) к концу лета. Написано было у меня уж до 15 листов. Во все продолжение работы роман шел вяло и под конец мне опротивел. Между тем от первоначальной идеи я отказаться не мог. Она меня влекла <...> Теперь я решил окончательно: все написанное уничтожить, роман переделать радикально, и хотя часть написанного и войдет в новую редакцию, но тоже в радикальной переделке. Таким образом, я принужден начать работу почти всего года вновь сначала...» (29-1, 132-133).

Об этом Достоевский говорил и в письме к С.А. Ивановой от 17 августа 1870 года: «Роман, который я писал, был большой, очень оригинальный, но мысль несколько нового для меня разрядка, нужно было очень много самонадеянности, чтоб с ней справиться. Но я не справился и лопнул. Работа шла вяло, я чувствовал, что есть капитальный недостаток в целом, но какой именно – не мог угадать. <...> И вот две недели назад, принявшись опять за работу, я вдруг разом увидел, в чем у меня хромало и в чем у меня ошибка, при этом сам собою, по вдохновению, представился в полной стройности новый план романа. Все надо было изменить радикально; не думая нимало, я перечеркнул все написанное (листов до 15 вообще говоря) и принялся вновь с 1-й страницы. Вся работа всего года уничтожена» (29-1, 136).

Главной причиной отказа от прежней темы романа стала сложность того явления, которое пытался анализировать автор. Изучение радикальных политических течений предполагало наличие не только мощного писательского интеллекта, но и понимание истоков и причин происходивших в российском обществе рубежа 1860-1870-х годов социально-политических явлений. Только 7 ноября 1870 года Достоевский выслал из Дрездена редактору журнала «Русский вестник» М.Н. Каткову первую половину первой части романа. В середине января 1871 года писатель завершил вторую половину первой части романа. «Русский вестник» приступил к публикации романа в январе 1871 года.

Непосредственным поводом к написанию романа стало конкретное событие – убийство 21 ноября 1869 года слушателя Московской Петровской земледельческой академии И.И. Иванова членами тайного революционного общества «Народная расправа», руководимого Сергеем Нечаевым. Иванов раскусил авантюризм, аморальность Нечаева и был объявлен «предателем» и «шпионом». В «Московских ведомостях» 27 ноября 1869 года появилось первое сообщение о преступлении. В последующих номерах газеты публиковались материалы о ходе следствия и судебного разбирательства, а также материалы о тайной организации Нечаева. Находясь за границей, Достоевский внимательно следил за ходом процесса по газетным публикациям.

Программой «Народной расправы» стал документ под названием «Катехизис революционера» С. Нечаева, выдержки из которого свидетельствуют о подлинных целях и сущности организации. «1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нём поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единой страстью – революцией. 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми

условиями и нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный и если бы он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить. <...> Он знает только одну науку – науку разрушения. <...> Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. <...> Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение» [43]. Подобного рода призывы к разрушению общества и личности лежали в основе всей деятельности организации.

На Достоевского убийство Иванова произвело тяжелое впечатление. Мрачное настроение писателя усугубляло обострившееся психическое заболевание – припадки эпилепсии.

Название романа глубоко символично: к бесам Достоевский относил всех нигилистов без разбора, включая либералов, анархистов, революционных демократов, народников и проч. Их писатель отождествлял с бесами-силами тьмы, противостоявшими Богу. Не случайно, первым эпиграфом к роману Достоевский взял строки из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы»:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
.....
Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают?

Вторым эпиграфом к роману писатель избрал евангельское повествование: «Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы,

вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся; и пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся» (Лук.8, 32-36).

В письме к А.Н. Майкову от 9 октября 1870 года Достоевский, только приступивший к работе над романом, пересказывая евангельский сюжет о вошедших в свиней бесах, обрушился с резкой критикой на русских либералов: «Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили, и, уже конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. ...Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. ...Вот это-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы»...» (29-1, 145).

История России и русского народа неоднократно испытывала на себе влияние бесовщины. Народ в трудные – смутные периоды истории спасала православная вера. Когда же вера ослабевала, приступали бесы, начиналась смута. Так происходило на рубеже XVI-XVII столетий в годы первой смуты. Подобные события имели место в годы Первой мировой войны, революций 1917 года и Гражданской войны. Очевидно, Россия пережила смутное время и на рубеже 1980-1990-х годов. Бесовщина в романе символизирует духовно-нравственную трагедию русского народа.

Бесовство у Достоевского двоякого рода. С одной стороны, это – нигилисты, атеисты, социалисты, революционеры, террористы всех мастей. Они боролись против устоев Российского государства, хотели посеять смуту, раздор. Покушения на императора Александра II продолжались. В романе

представлена целая галерея представителей бесов-революционеров: Петр Верховенский, Алексей Кириллов, Николай Ставрогин, Шигалев, Эркель, Толкаченко, Виргинский, Липутин и др.

Не разбираясь в особенностях идеологии и оттенках взглядов различных представителей радикального течения (нигилизма), Достоевский ощущал тревогу за судьбы России, угрозу политической и социальной стабильности российскому обществу со стороны революционеров. Писатель был знаком с сочинением С. Нечаева «Катехизис революционера», идеи которого он переносил на все российское революционное движение. Достоевский тяжело переживал, когда был арестован его сосед по дому, обвиненный в принадлежности к тайной революционной организации.

С другой стороны, в романе представлены бесы – носители темных, злых сил, противостоявших свету, силам добра, Богу. К художественному изображению и воплощению этих сил писатель обратился в романе «Братья Карамазовы» в сцене разговора Ивана Карамазова с чертом.

В противоположность главному герою романа «Идиот» – «положительно прекрасному человеку», в новом романе Достоевский отобразил «то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству» (29-1, 141). Главный герой «Бесов» – Николай Ставрогин (говорящая фамилия – от греческого – крест). Ставрогин, по словам писателя, «русское и типическое лицо» (29-1, 142). Он – теоретик нигилизма, разрабатывавший принципы революционной борьбы. «...Подговорите четырех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что тот донесет, и тотчас вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать!» (10, 299). Такой подход, по его мнению, гарантировал революционеров от провалов. Его внешность резко отличалась от внутреннего содержания. «...Он был все тот же... так же изящен, так же важен, так же важно входил...» (10, 145).

Ставрогин, несмотря на его красивую внешность, богатство, аморальный тип, духовно-мертвая личность. Он признается в целом ряде

грехов и преступлений – растлении и доведении до самоубийства четырнадцатилетней девочки Матрешки, тайном браке с хромоножкой Марьей Лебядкиной, в подготовке с участием Федьки Каторжного убийства своей жены и ее брата штабс-капитана Игната Лебядкина.

Не случайно писатель пошел по пути противопоставления красавца-щеголя Ставрогина и пожилого, больного священника отца Тихона. Один – олицетворял собой мир бесов, второй – святости и правды. Как часто бывает в романах Достоевского, происходит столкновение двух символов-противоположностей: добра и зла, света и тьмы, преступления и наказания. В итоге побеждают силы добра, а зло уничтожается. Образ священника Тихона еще не четок, писателю еще предстоит долго работать, чтобы прийти к таким типам, как Макар Иванович в романе «Подросток» и старец Зосима в романе «Братья Карамазовы».

Символичен финал «революционной» деятельности Ставрогина – он покончил жизнь самоубийством. В отличие от самоубийц в других произведениях Достоевского (Свидригайлов в «Преступлении и наказании») Ставрогин покончил жизнь по идейным соображениям. «Я знаю,- писал он в предсмертном письме,- что мне надо бы убить себя, смести с земли, как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет еще обман, – последний обман в бесконечном ряду обманов» (10, 514). Прототипом Ставрогина в романе являлись лидер российских анархистов М.А. Бакунин и представитель радикального крыла петрашевцев Н.А. Спешнев.

Образ другого беса-революционера Петра Верховенского сходен с образом главы «Народной расправы» Сергея Нечаева. Достоевский при изображении своего героя несколько раз употребляет слово «вострый», то есть быстрый. «Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый вид, отчетливы и окончательны, – и это особенно выдается. Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки,

всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов» (10, 143-144).

Петрушу Верховенского отличает беспринципность, презрение к людям, неуемная жажда власти. Ради власти он может пойти на клевету, подлость, лжесвидетельство, на любое преступление. Верховенский предлагает четкую программу политических действий по захвату государственной власти с участием народа: «Мы проникнем в самый народ. <...> Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ. <...> Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> И застонет стоном земля: «Новый правый закон идет», и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы!» (10, 324, 322, 326). Главный удар наносится в первую очередь по образованию и науке, то есть, говоря современными терминами, по человеческому фактору.

Верховенский откровенно говорит о методах своей революционной деятельности: «Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи – очень нравится и отлично принялось» (10, 298). Бюрократический аппарат является социально-политической опорой и фундаментом радикальной идеологии. В образе Петра Верховенского, кроме Сергея Нечаева, угадывались некоторые черты М.В. Петрашевского и Д.И. Писарева.

Самым мрачным представителем революционного бесовства в романе является Шигалев. Его внешность отталкивающая: «В жизнь мою я не видал в лице человека такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Он смотрел так, как будто ждал разрушения мира, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, так-этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого» (10, 109-110).

Шигалев обезличен в романе. У него отсутствуют имя-отчество в отличие от других героев. Его мировоззрение выражает крайнюю степень нигилизма. Для конечного разрешения вопроса он предлагал «разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как первобытного рая...» (10, 312). Теория, которая в иных социальных условиях, с ориентацией на массовое потребление, развивает идеи Раскольникова.

О методах борьбы и социальной системе Шигалева высказывался Петр Верховенский: «...У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях – клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!» (10, 322).

Шигалев не стал главным героем романа. Даже среди нигилистов он слишком мрачен и циничен, поэтому уходит в тень. Однако каждое его появление на сцене порождает высокий уровень напряжения, обострение атмосферы. Его методы сводятся к следующему: «...Систематическую обличительную пропагандой непрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами как средствами народным по преимуществу, ввергнуть страну... в отчаяние» (10, 418).

Опасность шигалевщины, по Достоевскому, состояла в том, что сам Шигалев считал свое учение единственно верным: «Кроме моего разрешения

общественной формулы не может быть никакого» (10, 311). Достоевский понимал, что монополия на истину в последней инстанции – крайне опасна для любого общества, она подавляет свободу и творчество личности. Образ Шигалева воплотил черты нескольких знакомых Достоевскому В.А. Зайцева и Г.З. Елисеева.

Инженер-строитель Алексей Кириллов – один из самых сложных типов революционера, «помешанный на атеизме». «Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор» (10, 471). Он не признавал традиционного Бога. В его понимании стать Богом, «значит поднять низшее из высшего, довести свое несовершенство до божественного совершенства» [44].

Кириллов заканчивает жизнь самоубийством, приняв на себя в предсмертной записке-самооговоре, написанной под диктовку Верховенского, вину за убийство Шатова. Он разработал собственную философскую концепцию самоубийства: убить себя, чтобы самому стать человеком-Богом. «...Как мог до сих пор атеист знать, что нет бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе» (10, 471).

Кириллов полагал, что от самоубийства людей удерживают два обстоятельства – боязнь боли и «тот свет», то есть бессмертие души. «Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека...» (10, 472). Боязнь смерти свойственна любому живому организму, ибо за ним наступает неизвестность, тьма. Кириллов – эпилептик, пьет по ночам крепкий чай и ложится спать под утро, как и сам Достоевский. Эти размышления, очевидно, были свойственны и писателю. Прототипом Кириллова в романе стал петрашевец К.И. Тимковский.

Тема самоубийства постоянно волновала Достоевского: не случайно в его произведениях многие герои заканчивают жизнь самоубийством, либо близки к самоубийству по своему душевному состоянию [45].

Иным представляется в романе образ бывшего студента, родившегося крепостным, Ивана Шатова (говорящая фамилия – шатание, метание, перемена взглядов). Он с Кирилловым несколько лет жил и работал в Америке, познал все «прелести» американского образа жизни. «За границей Шатов радикально изменил некоторые из прежних социалистических своих убеждений и перескочил в противоположную крайность. Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем» (10, 27).

Его внешний облик более прост и прямолинеен, ближе к народным образам, чем облик других нигилистов. Шатов первоначально входил в организацию революционеров, но пробыл в ней недолго – только в последний год стал членом кружка. Разобравшись в сущности намерений своих сотоварищей, он решил покинуть группу. Шатов честен в своих намерениях, говорит о них прямо, без утайки. В отношении к окружающим его людям открыт и добр. Шатов не вписывался в круг бесов-нигилистов. Прототипом Шатова, возможно, стал брат Анны Григорьевны Достоевской (в девичестве Сниткиной) Иван Сниткин – студент Петровской сельскохозяйственной академии.

Апогеем проявления бесовства в романе становится убийство нигилистами студента Шатова, заявившего о прекращении сотрудничества с революционной организацией. Нигилисты боялись, что Шатов донесет полиции и решили его устранить физически. Это событие вошло в роман из реальной жизни – убийства студента Иванова членами «Народной расправы»

С. Нечаева. Высокие рассуждения о будущем переустройстве общества завершились уголовным преступлением.

Хотя, по нашему мнению, изображенные в романе революционеры все-таки не были типичными для России. К ним принадлежала лишь незначительная часть радикально настроенной молодежи. Однако идеи радикализма (и Достоевский хорошо это понимал) имели широкое распространение в молодежной среде второй половины 1860-1870-х годов. Вспомним, хотя бы, процесс Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Трепова, которую суд присяжных освободил от наказания под бурный восторг собравшейся молодежи [46].

Накануне смерти Степан Трофимович Верховенский подводит своеобразный итог и своей жизни, и говорит о крахе бесовства. «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней... за века, за века!» (10, 499).

Особняком изображен в романе «великий писатель» Кармазинов, прототипом которого стал писатель И.С. Тургенев. В молодости Достоевский был дружен с Тургеневым, а в конце 1860-х годов их пути разошлись из-за глубоких литературных (оценка Достоевский романа Тургенева «Дым») и идейных разногласий. Для Достоевского Тургенев стал образцовым представителем низкопоклонства перед Западом, носителем либерализма, против которого постоянно и резко выступал Достоевский.

В письме к А.Н. Майкову от 16 августа 1867 года из Женевы Достоевский так оценивал Тургенева: «Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно. Но вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они *любят Россию*. А между тем не только всё,

что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращаются в карикатуру...» (28-2, 210).

Достоевский, более четырех лет живя за границей (Германия, Швейцария, Италия), слабо разобрался в оттенках идейно-политической борьбы, не отличал идеологию революционных демократов (Чернышевского, Добролюбова) от идей анархистов (Бакунина), народников (Ткачева) и т.п. Несправедлива была его критика в адрес Чернышевского, которого он обвинял в нелюбви к России и русскому народу, а также Белинского, которого он ошибочно причислял к либералам. О своем отношении к Чернышевскому Достоевский писал, оправдываясь, в связи с обвинениями о рассказе «Крокодил», якобы сатирически изобразившим Чернышевского. Это – «низость, мне приписываемая», для этого «нужно иметь ум и поэтическое чутье Булгарина». <...> Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого «несчастливого»; мало того – написал на этот случай редкостный пасквиль. <...> Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально» (21; 24, 29).

Изображая русских революционеров, Достоевский был уверен, что они не знают Россию и русский народ, живут в отрыве от народной жизни. Отрицая революционное насилие, мыслитель уповал на преобразования, проводимые императором Александром II. Однако специфика российской действительности заключалась в том, что по мере углубления и расширения масштабов реформ, возрастала острота революционного напряжения в обществе. Достоевский скончался месяцем раньше последнего покушения на императора. Доживи писатель до 1 марта 1881 года, это трагическое событие стало бы для него тяжелым ударом.

Об этом писала в своих воспоминаниях жена писателя А.Г. Достоевская: «Во время пребывания нашего в Дрездене случилось событие, чрезвычайно взволновавшее нас обоих. Федор Михайлович от кого-то узнал,

что по городу ходят слухи, будто в нашего императора, посетившего всемирную выставку в Париже, стреляли (покушение Березовского) и что будто бы злодейство достигло цели. Можно представить, как был взволнован мой муж. Он был горячим поклонником императора Александра II за освобождение крестьян и за дальнейшие его реформы. Кроме того, Федор Михайлович считал императора своим благодетелем: ведь по случаю коронавания моему мужу было возвращено потомственное дворянство, которым он так дорожил. Государь же разрешил моему мужу возвратиться из Сибири в Петербург и тем дал возможность вновь заниматься столь близким его сердцу литературным трудом» [47].

С особой силой Достоевский поставил в романе «Бесы» вопрос о том, какие социальные силы доминируют в российском обществе – исконные исторические самобытные традиции русского народа, исходящие из православия, либо разрушительные теории нигилизма, популярные среди части молодежи в 1860-е годы. Ответ на этот сложный вопрос писатель и пытался найти в романе. В журнале «Гражданин» (1873, №50) Достоевский опубликовал статью «Одна из современных фальшей», в которой попытался найти ответ на причины появления в России «нечаевщины». «Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа, дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и современном обществе возможны – не Нечаев, а *Нечаевы*, и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?» (21, 125).

Причин появления в российском пореформенном обществе радикальных идейно-политических течений может быть названо много. Среди них – медлительность и половинчатость проводимых преобразований (а радикальная молодежь хотела все и сразу); и заигрывание власти с молодым поколением; и наличие радикальных теорий (П. Ткачев, Н. Михайловский), оправдывавших и фактически поощрявших террор.

Роман «Бесы» по праву назван пророческим произведением Достоевского [48]. Писатель с удивительной точностью предсказал многие

трагические социально-политические события и явления XX столетия – советской тоталитарной политической системы, основанные на насилии, доносах и преступлениях. Среди них – система иерархического централизма при диктатуре центра; физическое уничтожение политической оппозиции – «наблюдать и замечать друг за другом»; отчеты снизу вверх; внесудебные решения и т.п. «О, у них все смертная казнь и все на подписаниях, на бумагах с печатями, три с половиной человека подписывают» (10, 298).

Исследуя деспотизм, Достоевский пророчески писал: «Кричат: «Сто миллионов голов», – это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» (10, 315). Объяснением такого пророческого феномена служит глубокое проникновение писателя в социальную и психическую природу человеческой личности. Трагические пророчества писателя, к глубокому сожалению, сбылись в период казарменного социализма.

В начале 1874 года Достоевский приступил к работе над новым романом «Подросток». Роман был написан с февраля 1874 года по ноябрь 1875 года и опубликован в журнале Н.А. Некрасова, М.Е. Щедрина и Н.К. Михайловского «Отечественные записки» (1875.- №1,2,4,5,9,11,12). В 1876 году роман был издан отдельной книгой. С инициативной публикации нового романа к Достоевскому обратился Некрасов.

Тема «Достоевский и Некрасов» представляет собой актуальную и самостоятельную тему исторической, филологической и философской науки [49]. В этой теме нашли отражение содержание российской истории середины и второй половины XIX столетия, крайне противоречивой эпохи исчезновения старой и зарождения новой России, трансформационных процессов переходного периода, социально-политических противоречий и идейной борьбы различных научных теорий, политических и литературных направлений и многие другие проблемы.

В 1840-х годах Некрасов косвенно способствовал становлению Достоевского как литератора – он познакомил его с Белинским, высоко оценившим первое сочинение молодого писателя «Бедные люди». Как замечает А.Г. Достоевская, «Некрасов был один из первых, кто признал талант Федора Михайловича и содействовал его успеху в тогдашнем интеллигентном обществе» [50].

Некрасов и Достоевский находились в дружеских отношениях до ареста последнего. В дальнейшем пути их разошлись по идейным соображениям. Некрасов был представителем революционно-демократического направления в литературе, группировавшегося вокруг журнала «Современник», а Достоевский отстаивал почвеннические, охранительные позиции, нашедшие отражение в журналах «Время» и «Эпоха». Тем не менее, Некрасов принял для печати новый роман Достоевского. Федор Михайлович чрезвычайно дорожил возобновлением дружеских отношений с Некрасовым и сохранял их до самой смерти поэта.

Содержание и концепция романа «Подросток» получили освещение в ряде научных трудов отечественных исследователей [51]. «Подросток» – это не просто роман о социальной и духовной жизни прошлой России, о «случайной семье», не просто воспитательный роман. Это роман о юношеском самовоспитании, о самовыделке путем «припоминания и записывания», роман, заставляющий с самых ранних сознательных лет «беспрерывно возбуждать в себе вопрос: а верны ли мои убеждения?», роман об открытии дневника как орудия духовной самовыделки», – пишет Ю.Ф. Карякин [52]. Хотя, справедливости ради, отметим, что этот роман не получил еще должного исследовательского внимания. Об этом писал А.И. Солженицын в эссе, посвященном роману [53].

Трудно согласиться с мнением А.И. Солженицына по поводу широты и глубины проблематики романа. «От великих романов Достоевского эта книга отличается тем, что [в ней] почти не подняты великие вопросы и коллизии...

Но именно тут, не ворочая глыбами великих вопросов, он и больше всего выказывал художественное мастерство...» [54].

Сам Достоевский следующим образом объяснял главную проблематику – социально-нравственную суть своего романа, связанную с тематикой «отцов и детей». «...Случайность современного русского семейства, по моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующих их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передавали бы им эту веру в жизнь», - писал он (12, 185). Проблема «отцов» и «детей» в широком социальном смысле привлекала внимание писателя с 1870-х годов.

Ведущая, сквозная тема романа «Подросток» – социальная составляющая российского общества и критика человеческих пороков, порожденных новыми тенденциями его эволюции, разлагающе действующих на человека. Среди язв капитализма Достоевский выделил, по его мнению, основную – власть денег, преклонение человека перед всепоглощающей силой капитала. Тема для писателя не нова. Она звучала с самых первых сочинений молодого литератора и продолжалась, не отпуская, в течение последующих лет.

Капитализм получил импульс в пореформенной России в связи с расширением рынка рабочей силы за счет получивших свободу помещичьих крестьян. Быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность: по темпам роста и показателям производства металлургия и машиностроение уступали в Европе аналогичным показателям только Англии и Франции. С 1870-х годов набирал силу горный и металлургический комплекс в Донецком бассейне. В первое пореформенное десятилетие окончательно сформировались промышленные районы – Московский, Петербургский, Уральский и Южный. В Московском районе преобладала текстильная промышленность; в Петербургском – машиностроение и металлообработка; Уральский и Южный районы стали центрами российской металлургии. В

середине 1860-х годов в России наметился бурный рост предпринимательства. 1860-1870-е годы отмечены ростом строительства железных дорог. К строительству железных дорог активно привлекался частный капитал, в том числе иностранный. В 1862 году была построена дорога Москва – Нижний Новгород. Эта дорога связала центр России с Поволжьем, где ежегодно проводилась знаменитая Нижегородская ярмарка. В 1869 году была построена дорога Москва – Рязань – Козлов – Воронеж, связавшая центр с югом России. От Рязани железнодорожная линия ушла на восток – к Поволжью и Уралу. К 1870-м годам железнодорожное строительство вышло за пределы Европейской части России.

Протекавшие в пореформенном российском обществе социально-экономические процессы не могли не сказаться на восприятии их Ф.М. Достоевским, который живо реагировал на новые явления и тенденции эволюции страны в направлении капитализма. Главный герой романа «Подросток» – Аркадий Долгорукий (фамилия княжеская, но не князь) – молодой человек с хорошими нравственными чертами – «душа безгрешная» (22, 8). Он воспитывался без отца, но получил хорошее образование в пансионе, правдив, честен, добр. В то же время Аркадий мечтает о богатстве, хочет стать самым богатым – сродни известному миллионеру тех лет Ротшильду. Тем самым герой стремится преодолеть комплекс неполноценности, заложенный в нем с детства.

В начале повествования Аркадий Долгорукий заявил о наличии у него «своей идеи»: «В уединении мечтательной и многолетней моей московской жизни она создалась у меня еще с шестого класса гимназии и с тех пор, может быть, ни на миг не оставляла меня. Она поглотила всю мою жизнь. Я и до нее жил в мечтах, жил с самого детства в мечтательном царстве известного оттенка; но с появлением этой главной и все поглотившей во мне идеи мечты мои скрепились и разом отлились в известную форму; из глупых сделались разумными» (13, 14).

Идея Подростка – «стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд» (13, 66). Стать Ротшильдом, по мнению Подростка, – значит добиться не только богатства, но и получить при помощи денег огромную власть над людьми, превратиться в сверхчеловека, которому можно всё. «...Деньги – это единственный путь, который приводит *на первое место* даже ничтожество. Я, может быть, и не ничтожество, но я, например, знаю, по зеркалу, что моя наружность мне вредит, потому что лицо мое ordinarily. Но будь я богат, как Ротшильд, – кто будет справляться с лицом моим и не тысячи ли женщин, только свистни, налетят ко мне со своими красотами? Я даже уверен, что они сами, совершенно искренно, станут считать меня под конец красавцем. Я, может быть, и умен. Но будь я семи пядей во лбу, непременно тут же найдется в обществе человек в восемь пядей во лбу – и я погиб. Между тем, будь я Ротшильдом, – разве этот умник в восемь пядей будет что-нибудь подле меня значить? Да ему и говорить не дадут подле меня! <...> Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства» (13, 74).

Деньги для молодого человека превращаются в единственную цель жизни, в некий абсолют власти и влияния. «Мне нравилось ужасно представлять себе существо; именно бесталанное и серединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиры, вы фельдмаршалы и гофмаршалы, а вот я – бездарность и незаконность, и все-таки выше вас, потому что вы сами этому подчинились. Сознаюсь, я доводил эту фантазию до таких окраин, что похеривал даже самое образование», – признавался Подросток (13, 76-77).

Достоевский, будучи сам весьма небогатым человеком, с ранней юности и на протяжении всей своей жизни испытывавший постоянную нужду в финансах, жаловавшийся на их отсутствие, к тому же страстный, азартный игрок, проигрывавший огромные средства в рулетку, хорошо знал цену

деньгам. Поэтому в его произведениях постоянно всплывала тема денег, богатства, капитала. Писатель видел разлагающую роль денег в буржуазном обществе, когда погоня за прибылью разрушала духовно-нравственные устои даже сильной личности. Он анализировал как искусный врачеватель тяжелый недуг, поразивший российское общество – страсть к накопительству, стяжательству, обогащению любой ценой, сверх разумных человеческих потребностей. На пути к этой цели уничтожались любые нравственные качества личности. Денежный соблазн для человека – один из самых глубоких дьявольских соблазнов. Романом «Подросток» писатель сделал важное для общества открытие – бессмысленность и пагубность накопления богатства.

Отвратительным явлением, вызванным богатством, Достоевский считал духовное оскудение. Подросток вспоминал об одном из своих товарищей, с которым он воспитывался в пансионе, зараженным пагубной страстью. «...У меня был товарищ, Ламберт, который говорил мне еще шестнадцати лет, что когда он будет богат, то самое большое наслаждение его будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду; а когда им топить будет нечем, то он купит целый дровяной двор, сложит в поле и вытопит поле, а бедным ни полена не даст. Вот его чувства!» (13, 49).

Вообразая себя в будущем Ротшильдом, Подросток терялся, когда задумывался о конечных целях богатства. А оно за определенным пределом не имело ни малейшего смысла. «Будь я Ротшильдом, я бы ходил в стареньком пальто и с зонтиком. Какое мне дело, что меня толкают на улице, что я принужден перебегать вприпрыжку по грязи, чтоб меня не раздавили извозчики. Сознание, что я сам Ротшильд, даже веселило бы меня в ту минуту» (13, 74). До чего же мелочными оказывались мечты молодого человека о богатстве.

В черновом варианте «Подростка» Версиров задается таким же вопросом: для чего? «Я буду знать все открытия точных наук и через них приобрету массу комфортных вещей; теперь сижу на драпе, а тогда *все* будем

сидеть на бархате, ну и что же из того? Все-таки остается вопрос: что же тогда делать? При всем этом комфорте и бархате для чего, собственно, жить, какая цель? Человечество возжаждет великой идеи. Я согласен, что накормить и распределить права на корм человечеству в данный момент есть тоже великая идея, ибо задача. Но идея второстепенная и подчиненная, потому что после корма человек непременно спросит, для чего же мне жить» (16, 44-45).

Аркадию, как и многим другим персонажам произведений Достоевского, свойственна двойственность мышления и поведения. В его душе идет непрерывная борьба между двумя началами – духовным и материальным. После долгой борьбы победу одерживает духовное начало. «Все это выкидыши общества, - отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год, разъяняя характер своего главного героя, - «случайные» члены «случайных» семей» (22, 8).

Во второй половине XIX столетия по мере роста предпринимательства в российском обществе формировался феномен благотворительности и меценатства. Основными дарителями немалых денежных средств на культуру, науку, образование, здравоохранение были купцы-старообрядцы – люди глубоко верующие, оставшиеся на прочных православных позициях. Государство всячески поощряло подобного рода проявления милосердия и гуманности. Достоевский не застал массовой благотворительности – расцвет ее пришелся на рубеж XIX-XX веков, но он гениально предчувствовал необходимость подобного рода деятельности. Деньги должны служить благому делу на благо других людей. Среди поклонников таланта Достоевского был известный меценат, основатель московской картинной галереи П.М. Третьяков [55].

Воплощением православной линии в романе является Макар Иванович Долгорукий – странник, посетивший много городов и монастырей, бывший крепостной. Солженицын называет его «коренной фигурой, единственным представителем народного склада и православия, оазисом во всем романе»

[56]. В комнате «сидел седой-преседой старик, с большой ужасно белой бородой, и ясно было, что он уже давно там сидит» (13, 284). Образ Макара Ивановича стал для писателя продолжением социального типа священника Тихона, которому исповедовался Ставрогин, из романа «Бесы».

С образом Макара Ивановича Достоевский связывал лучшие черты русского народа. Он отстаивал православные духовные ценности, в ходе бесед с Аркадием развенчивал идею Подростка о роли богатства. В борьбе духовного и материального побеждает духовное. «И бога отвергнет, так идолу поклонится – деревянному, али златому, аль мысленному. Идолопоклонники это всё...» (13, 302).

Социальная сторона романа крайне актуальна для любого общества в любое историческое время. Разве в этом аспекте не современен Достоевский? В нынешнем обществе, и не только российском, страсть к богатству для многих затмила все иные человеческие ценности и стремления. Многие, считающие себя верующими люди, игнорируют евангельский закон-заповедь: «...Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк.10, 23). Ибо богатый человек сосредоточивает все свои помысли и действия на сохранении и приумножении своего богатства, а на духовные дела у него не остается времени и сил.

В духе евангельских изречений выражает свое отношение к богатству Макар Иванович. «Деньги хоть не бог, а всё же полбога – великое искушение; а тут и женский пол, а тут и самомнение и зависть. Вот дело-то великое и забудут. <...> То ли у Христа: «Поди и раздай твое богатство и стань всем слуга». И станешь богат паче прежнего в бесчисленно раз; ибо не пищею только, не платьями ценными, не гордостью и не завистью счастлив будешь, а умножившеюся бесчисленно любовью. Уж не малое богатство, не сто тысяч, не миллион, а целый мир приобретешь! Ныне без сытости собираем и с безумием расточаем, а тогда не будет ни сирот, ни нищих, ибо все мои, все родные, всех приобрел, всех до единого купил!» (13, 311).

Русский народ не преклонялся перед богатством, особенно нажитым бесчестным, несправедливым способом. В русском народе выше всех нравственных качеств ценились трудолюбие и честность. Эти чувства народа выражал Макар Иванович. «Малый человек и нуждается,- говорил он,- хлеба нет, ребятки сохранить нечем, на вострой соломке спит, а все в нем сердце веселое, легкое; и грешит и грубит, а все сердце легкое. А большой человек опивается, объедается, на золотой куче сидит, а все в сердце у него одна тоска. Иной все науки прошел, а все тоска» (13, 302).

Важным аспектом романа «Подросток» стал поиск главным героем своего социального идеала. Вторая половина 1870-х годов стала временем деятельности в российском обществе нескольких радикальных тайных обществ, ставивших целью борьбу с правительством. Среди этих обществ выделялась группа под руководством Долгушина.

В романе писатель изобразил революционный народнический кружок Дергачева. На заседании кружка присутствовал Аркадий Долгорукий. Прототипом Дергачева стал руководитель тайного кружка, революционер Долгушин. В состав кружка входили представители разных социальных сословий – студенты, учителя, рабочие, бывшая прислуга, сын сельского священника. Долгушинцы провозгласили своей целью «хождение в народ» и подготовку народного восстания против существующего строя и уничтожение, по возможности, императорской семьи. Достоевский внимательно следил за судебным процессом по делу долгушинцев в июле 1874 года.

Как и в случае с Нечаевым и нечаевцами, Достоевского интересовал не столько вопрос о содержании идеологии долгушинцев (он слабо разбирался в оттенках идеологических построений народников), сколько причины появления радикальных организаций в России. Писатель не принимал призывов к революции и дискутировал при помощи Подростка с революционерами. Достоевский сводил идеологию революционеров только к

примитивной физиологической стороне. «У вас будет казарма, общие квартиры, атеизм и общие жены без детей – вот ваш финал...» (13, 50).

Тема революции и революционеров не стала центральной темой романа. Она поднималась эпизодически. Достоевский сводил существо проблемы к недостаткам просвещения в России, к лености русского народа, а не к экономическим и политическим причинам. Одновременно писатель идеализировал преобразования Александра II. В них писатель видел «водворение» в России «царства мысли и света» (11, 173). Вместе с тем Достоевский опасался, сможет ли русский народ, обладавший наряду с положительными, многими отрицательными качествами, адаптироваться к новым общественным условиям. «Мы перенесли татарское нашествие, потом двухвековое рабство. Теперь надо свободу перенести. Сумеет ли, не споткнемся ли? <...> Нынешнее время – это время золотой середины, полупросвещения, невежества, лени, неспособности к делу, потребности всего готового и проч.» (16, 37).

Начиная с романа «Бесы», Достоевский все более превращался в мыслителя-пророка. В «Подростке» писатель пророчески высказывался относительно крайней опасности преклонения человека перед богатством, осуждал накопительство. Одновременно он ощущал угрозу истребления природный ресурсов России. Современнно и злободневно звучат слова автора романа: «Ныне безлесья Россия, истощают в ней почву, обращают в степь и готовят ее для калмыков. <...> Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» (13, 54).

Высокую оценку дал роману «Подросток» редактор «Современника» Н.А. Некрасов, напечатавший роман в своем журнале. В письме к А.Г. Достоевской от 9 февраля 1875 года Федор Михайлович рассказал о своей встрече с поэтом-другом молодости: «...Отворилась дверь и вошел Некрасов. Он пришел, «чтоб выразить *свой восторг* по прочтении конца первой части» («Подростка».- Авт.). <...> Такой свежести в наши лета уже не бывает и нет

ни у одного писателя. У Льва Толстого в последнем романе («Анна Каренина».- Авт.) лишь повторение того, что я и прежде у него же читал... Сцену самоубийства и рассказ он находит «верхом совершенства». <...> Вообще Некрасов доволен ужасно» (29-2, 13). Эта высокая оценка романа чрезвычайно льстила Достоевскому, ценившему поэзию Некрасова и крайне дорожившему восстановлением прежних дружеских отношений с ним.

Высокую оценку получил роман «Подросток» в трудах отечественных ученых. «Подросток», - писал Е.И. Семенов, - одно из лиричнейших произведений Достоевского. Выразительно до боли звучит в романе тема одиночества юноши, мучающегося ядовитыми, язвительными впечатлениями разлагающегося, расколотого бытия, раздробленного мира... где человек потерян...» [57].

А.И. Солженицын полагал, что после Толстого и Достоевского в русской истории вырыта бездна. «Условия жизни в новом веке – как бы из другой планеты. Сознание народа сотрясено до такой степени, что всякие линии связи с девятнадцатым веком и параллели с ним требуют все больше и больше поправок. И только великое искусство Достоевского, его «реализм в высшем смысле», способный проникнуть во все глубины души человеческой и провидеть будущее, в новом веке завораживает и потрясает с новой же силой» [58].

Вершиной художественного творчества Достоевского, квинтэссенцией его социально-исторической мысли является роман «Братья Карамазовы» [59]. Роман этот настолько многогранен, многолик, что невозможно охватить всю совокупную проблематику повествования. Среди заглавных тем романа – сущность капитализма, социальных и нравственных последствий и влияний на личность; проблема революционного или религиозного пути России; значение судебной реформы для российского общества; «карамазовщина» – господство стихийной силы разрушения перед созидающими началами – просвещением и культурой; кризис российского дворянского сословия; тема русской интеллигенции и народа; роль Русской православной церкви и

духовенства в преобразовании России; специфика России как социально-исторического феномена и др. Этими темами далеко не исчерпывается содержательная социально-историческая составляющая «Братьев Карамазовых». К тому же в романе Достоевский высказал многие сокровенные идеи, ранее волновавшие его, но не получившие должного отражения.

Это обстоятельство отмечают многие современные исследователи. В «Братьях Карамазовых» нашла воплощение «проблема «человека и истории», - пишет Е.И. Семенов.- Тема смысла исторической действительности станет основной в насыщенной разными философскими поворотами течении романа и достигнет своего пика в бунте Ивана, восстающего против «небесной бюрократии» и строящего опасные парадоксы на фактах, призванных подтвердить мысль об абсурдности человеческой истории, «равнодушной» к деятельности отдельных личностей, из которых она складывается» [60].

Достоевский замыслил новый роман в 1878 году. «В этот год отдыха от *срочного* издания я и впрямь займусь одной художественной работой, сложившейся у меня в эти два года издания «Дневника» неприметно и невольно» (26, 126). На протяжении 1878-1879 годов Достоевский в письмах неоднократно отмечал ход своей работы над романом. В письме к К.П. Победоносцеву, с которым Достоевский близко сошелся в последние годы, от 19 мая 1879 года он определил главную социальную идею нового романа: «...Смысл книги: богохульство и опровержение богохульства. <...> Богохульство... у нас теперь в нашей России у *всего* (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, то есть научное и философское опровержение бытия божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние *деловые социалисты* ... зато *отрицается* изо всех сил создание Божие, мир божий и *смысл его*» (30-1, 66).

Эволюция российского общества в сторону атеизма и нигилизма чрезвычайно волновала Достоевского в последние годы жизни. 1879 год

полностью был подчинен подготовке нового романа. В письме к владельцу и редактору журнала «Гражданин» В.Ф. Пуцыковичу от 28 июля 1879 года Достоевский замечал: «...Роман, который пишу теперь («Братья Карамазовы»), поглощает пока все мои силы и все мое время. По усилившемуся нездоровью моему... я с ним запоздал. А потому все время мое занято...» (30-1, 91).

В письмах 1879-1880 годов к профессору Московского университета, публицисту Н.А. Любимову, Е.Н. Лебедевой, председателю Литературного фонда В.П. Гаевскому Достоевский обращался к разъяснению различных аспектов романа «Братья Карамазовы». В письме к К.П. Победоносцеву от 16 августа 1880 года он замечал: «...Я опубликовал мои заветные убеждения» (30-1, 209).

Подготовительными материалами к «Братьям Карамазовым» послужили «Атеизм» и «Житие великого грешника», которые накапливались с конца 1860-х годов, и воплотились в новом произведении. В «Дневнике писателя» Федор Михайлович оттачивал многие аспекты тревоживших его социально-исторических проблем пореформенного российского общества.

В центре романа – жизнь провинциального дворянского семейства Карамазовых из города Скотопригоньевск (очевидно, город Старая Русса). Тема «отцов и детей» вызывала глубокий интерес писателя с 1870-х годов. На фоне трагедии одной семьи показан полный разрыв преемственности поколений, духовно-нравственное оскудение общества, состояние возрастающего по напряженности внутреннего конфликта в самой семье – между отцом и детьми и между братьями и т.п. Семейный конфликт в то же время является отражением социального конфликта в пореформенной России.

Достоевский не смягчает негативных красок в изображении главы семейства Федора Павловича Карамазова. «...Это был странный тип, довольно часто, однако, встречающийся, именно тип человека не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового, – но из таких,

однако, бестолковых, которые умеют отлично обделывать свои имущественные делишки...» (14, 7). Федор Павлович «начал почти что ни с чем, помещик он был самый маленький, бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщички, а между тем в момент кончины его у него оказалось до ста тысяч рублей чистыми деньгами. И в то же время он все-таки всю жизнь свою продолжал быть одним из бестолковейших сумасбродов по всему нашему уезду» (14, 7).

Очевидно, прототипом старшего Карамазова стал собственный отец Федора Михайловича Михаил Андреевич Достоевский, убитый в своем имении Чермашня крепостными крестьянами. Не случайно в романе в деревню с таким же названием посылает Федор Павлович своего сына Ивана.

От первого брака у Федора Павловича остался сын Митя, который воспитывался слугой Григорием по причине безнравственного, развратного поведения отца, которому дела не было до воспитания старшего сына. Конфликт отца с Митей из-за Грушеньки, а фактически конфликт поколений, стал одной из центральных тем романа. Столкнулись не только разные подходы и оценки жизни представителей поколений отцов и детей, но и глубокие ценностные противоречия. Образы Федора Павловича и Мити являлись типичными для русского общества – они нередко встречались в разных житейских ситуациях. В них вместились характерные для русского человека удаль, размах, желание погулять, покуражиться на людях по типу «на миру и смерть красна». В Мите, правда, сохранились остатки чести, совестливости, чего нельзя сказать об его отце – «ничтожном «мозгляке», сладострастнейшим человеком «во всю свою жизнь» (14, 8).

Достоевский ввел в художественный оборот феномен «карамазовщины» - тайной стихийной силы, противостоявшей правильному, разумному образу жизни. Все три брата – Митя (28-ми лет), Иван (24-х лет) и Алеша (20-ти лет), страдают двойственностью сознания и поведения. В каждом из братьев живет двойник, живет «карамазовщина».

Сам Митя так говорит о себе: «Любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое? Сказано – Карамазов!» (14, 100). В то же время в Мите есть совесть, что проявляется в сцене с Катей, которой он передает пятитысячный билет ради спасения от бесчестия ее отца.

Более сложен в романе образ второго из братьев Ивана. В его природе также уживалось два начала – стихия «карамазовщины» и стремление освободиться от нее, прийти к осмыслению действительности через нравственное очищение. Этот путь дается Ивану с большим трудом, посредством преодоления множества противоречий внутреннего и внешнего характера. Доходит до того, что Ивану является представитель темных сил – черт, с которым герой ведет социально-нравственные беседы. «Карамазовщина» в личности Ивана проявляется в следовании давнишнему тезису Достоевского – «всё позволено». «От формулы «всё позволено» я не отрекись...» - говорит он своему младшему брату Алеше (14, 240). Оставляя отца, зная, что ему угрожает, Иван, как евангельский Понтий Пилат, умывает руки. Иван постоянно подчеркивает свое неверие в бога. Это душевное состояние, в конечном счете, доводит его до сумасшествия.

Самым светлым образом в романе является младший из братьев Алеша. Этот образ продолжил галерею «положительно прекрасных» людей – князя Мышкина, Аркадия Долгорукого, Макара Девушкина. В образе Алеши почти нет противоречий, свойственных другим персонажам. Его герой нравственно чист, правдив, милосерден, глубоко религиозен. Сущность Алеши проявляется в его взаимоотношении с детьми – Лизой Хохлаковой, по-детски влюбленной в него, Илюшей, Колей Красоткиным, другими мальчиками. Эти настроения созвучны с настроениями князя Мышкина, который рассказывал о своем общении с детьми в Швейцарии.

Алеша Карамазов близок к церковно-монастырской среде. Достоевский видел в ней путь спасения России и народа. Эта среда помогала Алеше преодолеть тлетворное, гнетущее воздействие «карамазовщины». Отсюда –

то сильное влияние, которое оказывал Алеша на других героев романа, даже на своего отца, называвшего младшего сына «мой тихий мальчик» (14, 23).

Но и в Алеше время от времени проявляется «карамазовщина» – стихия разрушения. Еще в детстве характеризовали Алешу такими чертами: «Черта эта в нем была дикая, исступленная стыдливость и целомудренность» (14, 19). Дикость и целомудренность – исключают друг друга начала бытия. «Ты сам Карамазов,- говорит Алеше Ракитин,- ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу сладострастник, по матери юродивый» (14, 74). Подобным образом характеризует Алешу Митя: «И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это – бури, потому что сладострастье буря, больше бури!» (14, 100). В разговоре с Алешей в трактире Иван еще четче определяет «карамазовщину»: «Карамазовская... сила низости карамазовской». На что Алеша отвечает: «Это потонуть в разврате, задавить душу в растлении» (14, 240).

Однако Алеша, сопротивляясь «карамазовщине», сам задается нравственным вопросом о смысле жизни: «А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же жить-то будешь, чем ты любить-то их будешь? <...> С таким адом в груди и в голове разве это возможно?» (14, 240).

Как и другие «положительно прекрасные» образы сочинений Достоевского, образ Алеши, на наш взгляд, не типичен для русского пореформенного общества. Большинство российской молодежи все-таки не выбирало тот путь, которым шел младший из братьев Карамазовых.

Изображая Алешу, Достоевский хотел выступить против деградации, одичания русского общества, все более отходившего от Бога, поддававшегося соблазнам нигилизма. Социальная составляющая романа «Братья Карамазовы» проявилась в названии города, где разворачиваются основные события, – Скотопригоньевск. Духовный мир Алеши, как и мир

православного монастыря, противопоставляется повседневной жизни граждан города.

Духовным наставником Алеши Достоевский сделал настоятеля монастыря старца Зосиму. Образ Зосимы – одна из художественных вершин Достоевского в изображении представителей Русской православной церкви. К ней он шел сложно, через целую череду образов православных священников и христианских праведников в романах «Бесы», «Подросток». Но Зосима – не простой священник, а старец. Писатель обратился в романе к проблеме истории русского старчества, которому посвящен специальный раздел в первой книге романа.

Логично было бы предположить, что перед смертью в своем последнем разговоре с Алешей Зосима будет настаивать на том, чтобы он остался в монастыре. Однако писатель совершенно неожиданно поступил иначе – отправил Алешу в мир. «Ты там нужнее,- говорил ему старец.- Там миру нет. Прислужишь и пригодишься. Подымутся беси, молитву читай. И знай, сынок (старец любил его так называть), что и впредь тебе здесь не место» (14, 71). Зосима не обещал Алеше легкой жизни. Позднее, после смерти старца, Алеша вспоминал и другие его слова: «...Изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь – что важнее всего» (14, 259).

Какое будущее достанется Алеше по выходе из монастыря в мир? Вопрос далеко не праздный, а определявший судьбу всего молодого поколения России. Каким образом хотел Достоевский продолжить исследование человеческой души после «Братьев Карамазовых»? По воспоминаниям А.С. Суворина, писатель хотел сделать Алешу Карамазова революционером. В поисках правды и социальной справедливости, сам нравственно чистый и совершенный, Алеша совершил бы политическое

преступление и был приговорен к смертной казни [61]. Не хочется верить в подобную судьбу младшего из Карамазовых.

Подробнее проблематика романа «Братья Карамазовы», связанная с Русской Православной церковью, рассматривается в главе IV настоящего исследования.

В изображении «карамазовщины» Достоевский выходит за пределы границ семьи, переносит свои ощущения на общество. Этот феномен страшной разрушительной стихийной силы свойствен всему русскому народу, склонному к неповиновению, бунту, разрушению. Еще Пушкин сделал замечания относительно русского бунта – «бессмысленного и беспощадного». Стихийная сила «карамазовщины» проявилась в пьяной оргии Мити накануне его ареста. «Началась почти оргия, пир на весь мир. <...> Началось нечто беспорядочное и нелепое, но Митя был как бы в своем родном элементе, и чем нелепее все становилось, тем больше он оживлялся духом» (14, 390). «Карамазовщина» у Достоевского является воплощением многообразного зла. «В этом весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые!» - говорит Ракитин (14, 75). Вновь звучит в романе сквозная противоречивая проблема: исключают друг друга начала – святость (юродство) и грех (сладострастие и стяжательство).

Достоевский был далек от восприятия русского народа как идеального феномена. Во многих художественных и публицистических сочинениях он сурово осуждал такие негативные проявления в народной среде, как пьянство, лень, зависть и др. В статье «Нечто личное», опубликованной в журнале «Гражданин» (1873, №3) Достоевский писал: «Экономическое и нравственное состояние народа по освобождении от крепостного ига – ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно. Падение нравственности, дешевка <...> воровство и дневной разбой – все это несомненные факты, и все растет, растет» (11, 30).

Достоевский отчетливо понимал нравственное состояние русского народа, его долготерпение. «Есть в народе горе молчаливое многотерпеливое; оно уходит в себя и молчит. Но есть горе и надорванное: оно пробьется раз слезами и с той минуты уходит в причитывания. Это особенно у женщин» (14, 45).

Различные социальные слои русского общества получили изображение в сцене описания суда присяжных. Писатель с долей иронии относился к составу участников судебного заседания. Подобный состав присяжных заседателей, в основном из скотопригоньевских мещан и крестьян, не мог объективно разобраться в деталях преступления отцеубийства, якобы совершенного Дмитрием Карамазовым, и вынес ложное решение.

Как водится, в романах Достоевского обязательно должна быть представлена негативная, отталкивающая фигура настоящего преступника. Таким стал лакей (по должности и по сущности) Павел Смердяков – незаконнорожденный сын Федора Павловича Карамазова и Лизаветы Смердящей. «Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» (14, 114). После смерти матери (Лизавета умерла в родах) младенца взял на воспитание дворовый человек Карамазовых Григорий. Смердяков ко всем прочим моральным недугам страдает тяжелой психической болезнью – падучей (эпилепсией).

Смердяков – это также типичное проявление «карамазовщины», выраженное в лакействе, трусости, подлости, корысти и тщеславии. Митя не считает его за человека и дает ему уничижительную характеристику: «Смердяков человек низжайшей природы и трус. Это не трус, а совокупление всех трусостей в мире вместе взятых, ходящее на двух ногах. Он родился от курицы» (14, 428). Смердякову уготована участь лакея, обиженного жизнью, хотя по рождению он имеет такие же права, как и другие Карамазовы. Он

готов на любое предательство, преступление, в том числе убийство собственного отца Федора Павловича.

Наиболее близок Смердяков с Иваном – это две стороны «карамазовщины». Смердяков в романе воплощает абсолютное зло – оттенок зла, порожденного трусостью и подлостью. Кроме убийства отца, он совершает другие подлые поступки. Смердяков научил мальчика Илюшу Снегирева накормить собаку Жучку хлебным мякишем с булавкой внутри, чтобы потом мальчик мучился угрызениями совести от совершенного им убийства животного. Он же невольно сделал Ивана соучастником собственного преступления и сам покончил жизнь самоубийством.

В романе изображены два сильных, по-своему страстных женских образа – Аграфена Александровна (Грушенька) и Катерина Ивановна. Они противоположны по характеру, но посредством их изображения раскрываются характеры других героев. Обе женщины – молоды, красивы. Но красота каждой из них особая, отличная от другой.

Женские образы в романе целостны и типичны для пореформенного российского общества. В ходе реформ 1860-1870-х годов женщины получили многие права и свободы, прежде всего, в сфере образования, получили равные возможности с мужчинами. Достоевский внимательно следил за решением женского вопроса в России, уважительно относился к стремлению женщин к получению больших прав и свобод.

Достоевский с особым трепетом относился к красоте как эстетическому явлению. Женская красота представлялась ему, не избалованному женским вниманием, чем-то загадочным и удивительным. «Красота – это страшная и ужасная вещь! - говорит Митя Карамазов брату Алеше.- Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала

мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» (14, 100).

На размышления Достоевского о красоте человека ссылаются многие, не всегда разумно делая это. В само понятие красоты писатель вкладывал неоднозначный смысл, сводя это явление, скорее, к духовной и нравственной красоте. И в Грушеньке, и в Катерине Ивановне при их несомненной красоте, есть определенные, даже физические изъяны. Гораздо важнее для Достоевского красота душевная, в ней он ищет предельного совершенства и от нее исходит при описании портретов. Не случайно возвышенные и противоречивые слова о красоте произносит в романе самый аморальный из братьев Карамазовых Митя.

Тема женских образов в художественных произведениях Достоевского, начиная с Вареньки Доброселовой и завершая женскими образами в романе «Братья Карамазовы», представляет собой самостоятельную социально-психологическую тему в исследовании творчества писателя.

Глубочайшие, вечные социально-исторические и нравственно-философские проблемы поставлены автором в главе «Великий инквизитор». Это, на наш взгляд, – апогей всего творчества Достоевского, выше и глубже них он не поднимался ни в одном из своих произведений. Во-первых, писатель рассуждает о роли народа в истории. Народ пошел за Иисусом Христом, когда тот кормил его, творил чудеса врачевания и исцеления. Грозно звучит предупреждение инквизитора: «...И тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра по одному моему мановению бросится

подгрести к твоему костру угли...» (14, 228). Писатель далек от идеализации народа как исторического феномена. Великий инквизитор говорит откровенно и безжалостно о человеке. Человек «слаб и подл», он «слабее и ниже создан, чем ты о нем думал!» «Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им» (14, 233).

Во-вторых, Достоевским ставится исторически извечная проблема взаимосвязи свободы и хлеба, то есть духовного и материального. Вся история человечества связана с этой проблематикой, с двумя взаимоисключающими началами. «...Свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики» (14, 231). В противоположность христианским нормам звучит голос великого инквизитора: «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели! (14, 230).

В-третьих, христианская проблема борьбы абсолютного зла (великий инквизитор) и абсолютного добра (Иисус Христос). Речь идет о смысле жизни: «...Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше!» (14, 232). Тематика Достоевского в определенной мере созвучна сюжетной линии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где абсолютное добро в лице Иешуа противостоит абсолютному злу Воланда.

В-четвертых, в «Великом инквизиторе» поставлена сугубо историческая тема о роли и судьбах народов в истории человеческой цивилизации. «Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы,

тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. <...> Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их» (14, 235). Здесь просматривается нравственный аспект социально-исторического процесса, который ставит писатель, говоря о судьбах цивилизации.

Достоевский был знаком с сочинением Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», в котором историк ставил проблемы цивилизационного развития разных народов, в том числе и славянства. Достоевский встретился с Данилевским в конце зимы 1872 года. В свое время оба увлекались идеями Фурье, участвовали в кружке Петрашевского, где и познакомились в 1848 году. Они не виделись около двадцати пяти лет. А.Г. Достоевская вспоминала: «Федор Михайлович был в восторге от книги Данилевского «Россия и Европа» и хотел еще раз с ним побеседовать. Так как тот скоро уезжал, то муж тут же пригласил его к себе пообедать на завтра» [62].

В своих воспоминаниях о беседе с Достоевским В.Ф. Пуцыкович отмечал: «Федор Михайлович с этой легендой – о Великом инквизиторе – достиг кульминационного пункта в своей литературной деятельности или, как это прибавил он – в своем творчестве... Он тему этой легенды, так сказать, выносил в своей душе почти в течение всей жизни и желал бы ее именно теперь пустить в ход, так как не знает, удастся ли ему еще что-либо крупное напечатать. Относительно же самого содержания легенды он прямо объяснил, что она – против католичества и папства и именно самого ужасного периода католичества, то есть инквизиционного его периода, имевшего столь ужасное действие на христианство и все человечество» [63].

Поднятые Достоевским в «Великом инквизиторе» темы не устаревают и ныне звучат современно, злободневно и остро в социально-историческом аспекте.

Достоевский не мог обойти вниманием извечную для него детскую тему. В романе представлена целая галерея разнообразных детских образов – Илюша Снегирев, Коля Красоткин, Карташов, Смуров и др. Писатель детством, отношением к детям проверял социально-нравственное состояние общества, его духовную зрелость.

Наиболее целостное изображение среди детских образов получил тринадцатилетний Коля Красоткин – самый авторитетный среди мальчиков, в то же время формирующийся тип личности, претендовавший на взрослость, взрослые мысли и поступки. Коля считал себя атеистом, социалистом. Хотя плохо разбирался в оттенках этих идей. Коля был выразителем идей нового общества, будущего поколения. Вместе с детьми в финале романа Алеша Карамазов приносит клятву верности идеалам.

Достоевский глубоко переживал страдания детей за грехи взрослых. В книге «Иезекиль» Ветхого Завета об этом говорится следующим образом: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина» (Иез.18, 2). Достоевский вторит священному тексту Библии: «...За отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко...» (14, 216).

В раскрытии детской темы (а она не мыслится без соприкосновения с темой социальной жизни общества) писатель достиг философских пределов мироощущения. Писатель был хорошо знаком с детской тематикой по материалам печати, освещал неоднократно детскую тему в «Дневнике писателя». В романе даны ужасающие по степени жестокости картины изуверских, садистских издевательств над детьми: отец – «интеллигентный образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами» («прутья с сучками»); пятилетнюю девочку родители запирали на ночь в холодном сарае, лишали пищи и воды (14, 220); восьмилетний

мальчик был насмерть затравлен собаками за незначительный проступок – бросил камень в генеральскую собаку, и та охромела (14, 221) и т.п.

Описывая страдания маленьких детей, Достоевский восклицал: «Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке» (14, 220-221). В романе сделан глубочайший по смысловой сущности вывод о том, что вся гармония мира не стоит «слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка...» (14, 223). Феномен «слезинки ребенка» как социально-философский символ стал впоследствии критерием зрелости российского, да и любого иного общества.

В РГБ хранятся письма известного юриста, общественного деятеля, писателя А.Ф. Кони к Достоевскому. В одном из них (1875 год) он приглашал писателя посетить колонию малолетних преступников [64]. В декабре 1875 года они посетили колонию, произведшую сильное впечатление на Федора Михайловича. Эти впечатления нашли отражение в «Дневнике писателя» (январь 1876 года) в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке».

После смерти Достоевского Н.Н. Страхов в письме к Л.Н. Толстому от 28 ноября 1883 года клеветнически обвинил покойного писателя, с которым, кстати, много лет сотрудничал в журналах «Время», «Эпоха» и других изданиях, в аморальности и иных прегрешениях. «Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен»,- писал Страхов [65]. А.Г. Достоевская затратила немало усилий, чтобы восстановить доброе имя мужа и защитить его от подобных измышлений бывшего соратника.

Рубеж 1870-1880-х годов стал периодом бурного развития российского капитализма. Если в предыдущих произведениях, представители капитала выступали в индивидуальном виде, то в «Братьях Карамазовых» дана целая серия хозяев жизни – купец Самсонов, купец Горсткин (Лягавый), кабатчик Трифон Борисович, да и сам Федор Павлович Карамазов, разбогатевший на продаже спиртного.

Достоевский по собственной литературной традиции не жалуется своих героев-предпринимателей. Купец Самсонов – «открытый покровитель» Грушеньки, «ревнивый старик», «большой делец» (14, 310, 311). Купец Горсткин – беспробудный пьяница. Трифон Борисович – пример нарождавшегося в пореформенной России сословия разбогатевших крестьян-кулаков. Однако не эти типы являются главными персонажами романа. Не их характеры определяют направление эволюции и будущее российского общества.

Достоевский прекрасно понимал, на какие высоты художественного осмысления российской действительности вышел он в своем романе. Об этом он откровенно говорил А.Г. Достоевской в письме от 7 июня 1880 года из Москвы, где он находился по случаю открытия памятника А.С. Пушкину. «В антракте прошел по зале, и бездна людей, молодежи, и седых, и дам, бросались ко мне, говоря: «Вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли «Карамазовых» (30-1, 182). А.Г. Достоевская вспоминала, что «Братья Карамазовы» имели несомненный успех...» [66].

Еще раньше в письме к В.Ф. Пуцыковичу от 12 марта 1879 года он отмечал: «Братья Карамазовы» произвели здесь (в Петербурге.- Авт.) фурор – и во дворце, и в публике, и в публичных чтениях, что, впрочем, увидите из газет («Голос», «Молва» и проч.)» (30-1, 57).

В письме к И.С. Аксакову от 28 августа 1880 года из Старой Руссы Достоевский указывал на значение романа: «...Кончаю Карамазовых, следственно, подвожу итог произведению, которым я, по крайней мере, дорожу, ибо много в нем легло меня и моего» (30-1, 214). Не будет преувеличением сказать, что Достоевский оставил на страницах последнего романа всю свою огромную душевную силу, частичку самого себя.

В романе «Братья Карамазовы» воплотились раздумья Достоевского о вечных, всечеловеческих проблемах бытия. По нашему мнению, изучение этих проблем только по одному этому произведению может составить самостоятельное крупное научное исследование с выходами на многие

социальные и духовно-нравственные проблемы. Что стояло за следующей тайной человеческого бытия, к разгадыванию которой мог приступить Достоевский, остается только догадываться.

В последнем романе Достоевского нашли отражение все более ранние проблемы жизни российского пореформенного общества. Все они были типичны для России и оказались востребованы обществом после смерти писателя, далеко выходя за временные пределы его жизни. Как писала одесская газета «Правда» в номере 125 за 1879 год, «Братья Карамазовы» - это целый мир русских типов» [67].

Исследователь творчества Достоевского В.К. Кантор пишет: «Достоевский был, быть может, из всех великих русских писателей наиболее страстным обличителем тех порядков, которые сложились в пореформенной России и которые, по мысли писателя, вели к нравственному, духовному распаду и искажению человеческой личности, но критиковал их с позиций консервативного, мужицкого демократизма» [68].

Таким образом, анализ художественных произведений Достоевского 1870-х годов убедительно показывает, что одной из ведущих тем творчества писателя является социально-историческая тематика, а в ней одно из главных мест занимает тема России и русского народа.

3.3. Монархизм и народность Ф.М. Достоевского

Органической частью мировоззрения Ф.М. Достоевского, сердцевиной его социально-исторических воззрений являлись монархические настроения и мироощущения. В дореформенной и пореформенной России монархизм составлял неотъемлемую часть мироощущений русского народа, не знавшего иной формы правления, кроме абсолютной монархии. В то же время писатель исследовал роль русского народа как движущей социальной силы российского общества. В своем творчестве мыслитель стремился выступить примирителем интересов верховной российской власти и народа.

Как отмечалось ранее, Достоевский не был профессиональным историком. Однако с ранней юности он проявлял глубокий и постоянный интерес к истории России и русского народа, особенно к переломным периодам, к темам взаимоотношений монарха и народа. Об этом свидетельствует первое драматическое сочинение будущего писателя – драма «Борис Годунов», впоследствии уничтоженная автором.

В статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин, 1873.- №50) Достоевский отмечал свой ранний интерес к отечественной истории, раннее знакомство с историческими сочинениями Н.М. Карамзина. «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (21, 134).

По воспоминаниям А.Г. Достоевской в домашней библиотеке Федора Михайловича «было много книг, подаренных ему друзьями-писателями с их посвящениями; много было серьезных произведений по отделам истории и старообрядчества, которым Федор Михайлович очень интересовался» [1].

Хотя ряд событий российской истории получил отражение в некоторых художественных сочинениях Достоевского, исследование наиболее значительных исторических фактов и явлений наиболее полно освещено в публицистике писателя, прежде всего в журнальных статьях, заметках, письмах и в «Дневнике писателя» [2].

Достоевский делил историю допетровской Руси на период Древней Руси (до XVI века) и «московский период» (XVI-XVII века). В Древней Руси мыслитель, не различая социальных противоречий, видел «здоровое свободное земство, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта» (20, 11). Эти оценки истории Древней Руси носили утопический характер.

В журнальных публикациях Достоевский неоднократно обращался к российской исторической проблематике, прежде всего к узловым периодам и темам истории. Одной из таких узловых проблем для Достоевского стала эпоха Петра Великого, образ самого монарха-самодержца, сравнение

допетровской и послепетровской России. К этой же проблематике обращались и славянофилы. Мыслитель, в отличие от славянофилов, не идеализировал допетровскую Русь.

В статье «Два лагеря теоретиков» (Время.- 1862.- №2) Достоевский, полемизируя со славянофилами, отмечал: «Допетровская Русь привлекает к себе наше внимание, она дорога нам – но почему? Потому что нам видна целостность жизни, там, по-видимому, один господствует дух; тогда человек, не так, как теперь, чувствовал силу внутренних противоречий *самому себе* или, лучше сказать, вовсе не чувствовал; в той Руси, по-видимому, мир и тишина... Но в том-то и беда, что допетровская Русь и московский период только видимостью своей могут привлекать наше к себе внимание и сочувствие. А если повнимательнее взглядеться в эту, по-видимому, чудную картину, в отдалении рисующуюся нашему воображению, мы найдем, что не всё то золото, в ней, что блестит... Она потому и хороша, что вдалеке от нас, что её показывают при *искусственном* освещении. Посмотря на нее вблизи, найдешь, что тут и краски слишком грубы, и фигуры аляповаты, и в целом что-то принужденное, натянутое, ложное...» (20, 12).

И далее он продолжал: «Нельзя московскую, допетровскую жизнь признавать за истинное, лучшее выражение жизни народной. Действительно, лжи и фальши в допетровской Руси – особенно в московский период – было довольно... Ложь в общественных отношениях, в которых преобладало притворство, наружное смирение, рабство и т.п. Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за личность. ...В допетровской, московской Руси, было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи» (20, 12).

Достоевский при этом не отрицал в полной мере значения петровских преобразований. Рассуждая о характере реформ, отделял русское, национальное в их содержании от европейского, антинародного. В статье

первой «Книжность и грамотность» из серии «Ряд статей о русской литературе» (Время.- 1861.- №7-8) он писал: «Народ не мог видеть окончательной цели реформ, да вряд ли кто-нибудь понимал ее даже из тех, кто пошел за Петром, даже из так называемых «птенцов гнезда Петрова», они пошли за преобразователем слепо и помогали власти ради своих выгод. <...> Но то, что было в реформе нерусского, фальшивого, ошибочного, то народ угадал разом, с первого взгляда, одним чутьем своим...» (19, 18).

Реформы в действительности коснулись только верхушки, весьма узкой части российского общества, но практически содержательно не затронули народные массы, ощутившие только усиленную эксплуатацию, жестокость и громадное напряжение социальных сил. По справедливому замечанию Достоевского, петровские реформы раскололи российское общество. Как всегда, Достоевский на первое место выдвигал народ, его интересы. Реформы не дошли до народа. В статье «Два лагеря теоретиков» он писал: «...Реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. ...Преобразование и не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека. Развитие народа совершенствуется веками... Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу – за свою одну жизнь – переменить нравы, обычаи и воззрения русского народа. Деспотизм реформаторских приемов возбуждал только реакции в массе. ...Реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» (20, 14).

Достоевский отчетливо видел западническую, буржуазную направленность петровских преобразований. В статье «Два лагеря теоретиков» писатель отмечал данный аспект: «Запад приходил уже спасать нас в лице Петра и целые полтора года лет различными манерами принимался он благоустраивать нашу жизнь» (20, 7). «С Петровской реформой, с жизнью

европейской, - писал он в Записных тетрадях 1864-1865 годов,- мы приняли в себя буржуазию и отделились от народа, как и на Западе» (20, 194).

По мнению Достоевского, идея Петра имела народный характер. Эта идея была подготовлена всем ходом исторического развития страны. Предпосылки глубинным преобразованиям русской действительности сложились еще во время царствования отца Петра – царя Алексея Михайловича. «Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве...» (20, 14).

Антинароден был деспотизм, определявший содержание реформ и сопровождавший их. «Петра можно назвать народным явлением настолько, насколько он выражал в себе стремление народа обновиться, дать более простору жизни... Но Петр как факт был в высшей степени антинароден... Во-первых, он изменил народному духу в деспотизме своих реформаторских приемов, сделав дело преобразований не делом всего народа, а делом *своего* только произвола. Деспотизм вовсе не в духе русского народа... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям... То самое, что реформа главным образом обращена была на внешность, было уже изменою народному духу... Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, *суть* дела. А преобразование было таково, что простиралось на его одежду, бороду и т.д. <...> Борода и одежда сделались чем-то вроде лозунга. Может быть, именно под влиянием подобных обстоятельств и сложилась в нашем мужике такая неподатливая, упорная, твердая натура» (20, 15).

В статье «Книжность и грамотность» Достоевский с уверенностью высказывал мнение об ошибочности петровских реформ для России не по существу, а по форме: именно в связи с антирусским их характером: «Форма же, в которую он (Петр I.- Авт.) преобразовал Россию, была, бесспорно, ошибочна. Факт преобразования был верен, но формы его были не русские,

не национальные, а нередко и прямо, основным образом противоречившие народному духу» (19, 18).

В статье «Два лагеря теоретиков» Достоевский, давая оценку реформам Петра I, приходил к выводу о неприятии русским народом навязанных верховной властью реформ. «...Народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой – врозь с путями высшего общества... Земство разошлось с служилыми сословиями. Последовавшие за петровской эпохой исторические обстоятельства только усиливали это раздвоение общества от массы народной. О народе – о главном – часто забывали, думали больше о самих себе» (20, 15).

Правда, при этом Достоевский идеализировал реформы Александра II, также осуществлявшиеся сверху верховной властью без учета мнения широких слоев российского общества. О народе, то есть о главном, власть забывала и при жизни писателя. В записных книжках 1872-1875 годов Достоевский отмечал: «Все реформы нынешнего царствования суть прямая противоположность (по существу) реформам Петра Великого и упразднение их во всех пунктах. Освобождение народа есть, например, прямая противоположность взгляду Петра (закрепившего народ) на русский народ как на матерьял, платящий подати, деньгами и повинностями, и не более» (21, 268).

В реформах Петра Достоевский видел противоречивое начало слияния социальных сословий российского общества на почве просвещения. «Этот переворот есть слитие образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни,- народа, отшатнувшегося от Петровской реформы еще 170 лет назад и с тех пор разъединенного с сословием образованным, жившего отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» (18, 35).

Достоевский полагал, что подлинная роль реформ Петра, равно как и самой его личности, в отечественной исторической науке еще не изучены в

полной мере. «...Лицо Петра, несмотря на все исторические разъяснения и изыскания последнего времени, до сих пор еще очень для нас загадочно. Мы понимаем только одно: что нужно было быть слишком оригинальным, чтоб, быв московским царем, вздумать – не только полюбить, но даже поехать в Голландию. Неужели ж один женевец Лефорт был и в самом деле всему причиною? Во всяком случае, в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы» (18, 55).

Писатель считал, что «теперь, с уничтожением крепостного права, закончились реформы Петра...» (22, 40). Такое утверждение выглядело большой натяжкой, поскольку установление крепостного права (окончательное закрепощение крестьян) в России относилось к периоду конца XVI – первой половины XVII столетий – значительно раньше петровской эпохи.

Объективную оценку реформам Александра II и личности самого реформатора дал историк В.О. Ключевский: «Воображение и воля у него (Александра II.- Авт.) не шли дружно рядом, а вели постоянную взаимную борьбу, поочередно торжествуя друг над другом; когда обстоятельства побеждали мнительность, требуя быстрого решения, долго сдержанная воля проявлялась внезапным порывом. Эти характерные свойства Александра проявлялись в крестьянской реформе несколько преломленными под действием явлений, ею же и вызванных. ...Перед внезапной опасностью, в момент, когда потребовалась быстрая решимость, император был способен на решительный шаг, но, когда открывался долгий путь ежедневной работы над сложным и важным делом с мелочными затруднениями и возможными тяжкими последствиями, он вступал на него неохотно, в большом раздумье и шел неровно, с колебаниями и остановками, как бы ощупью. За минутной вспышкой решимости следовала долгая пауза раздумья, робких опасений и молчаливых уступок» [3].

Коренное отличие реформ Петра I от реформ Александра II состояло, на наш взгляд, в том, что Петр в ходе преобразований решительно разрывал со старой Россией, противопоставляя ей Россию новую, устроенную по европейскому образцу, а Александр стремился приспособить старую Россию к реалиям своего времени, сохранить фундамент прежней государственной системы. В половинчатых мерах Александра II коренились глубокие противоречия, вызвавшие подъем антиправительственного движения. Эти противоречия, в конечном итоге, привели к трем революциям в России в начале XX столетия.

Достоевский был далек от идеализации петровской эпохи, выступал за необходимость ознакомления народных масс с этим временем. Во второй части статьи «Книжность и грамотность» (Время.- 1861.- №7-8) писатель требовал «сперва сообщить что-нибудь о Петре, а потом воспеть его» (19, 41).

Достоевский обращал внимание еще на один аспект российской истории, связанный с расширением территории Российского государства. В этой связи мыслитель оценивал правление двух российских монархов, проводил сравнение политического курса Ивана IV и Петра I. В очерке «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (Дневник писателя.- 1876.- апрель), рассматривая процесс расширения территорий, он писал: «Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра... <...> Русские колонизировали дальние края своей бесконечной родины...» (22; 110, 111).

Другой значимой для мыслителя темой недавней российской истории стала крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. В «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год» он писал о «...великом крестьянском вопросе, начавшимся в наше время» (18, 35).

В статье «Книжность и грамотность» Достоевский давал более подробную оценку этой реформе. «В нынешнем году (1861.- Авт.) правительство высочайшим манифестом даровало народу новые права.

Таким образом призвало его к наибольшей самостоятельности и самодеятельности, одним словом, – к развитию. Мало того, оно до половины завалило ров, разделявший нас с народом, остальное сделает жизнь и многие условия, которые теперь необходимо войдут в самую суть будущей народной жизни. В то же время высшее общество, прожив эпоху своего сближения с Европой, свою эпоху цивилизации, почувствовало само собою необходимость обращения к родной почве. Эта необходимость предчувствовалась уже задолго прежде и, при первой возможности выразиться, – выразилась. Оба исторических явления совершились вместе и пойдут параллельно» (19, 8).

Налицо идеализация Достоевским крестьянской реформы, сглаживание острых углов и противоречий, упование на разумность политической воли верховной власти и высшего общества, отсутствие понимания их природы и классовой сущности.

Исторические темы становились предметом обсуждения и острых дискуссий на страницах издававшихся в первой половине 1860-х годов братьями М.М. и Ф.М. Достоевскими журналов «Время» и «Эпоха». В статье без авторства под названием «19 февраля 1861 года» в апрельской книжке журнала «Время» анализировалось значение крестьянской реформы. Ее автор сравнивал с другими значимыми историческими событиями – такими, как крещение Руси, окончание монголо-татарского ига, реформы Петра I, Отечественная война 1812 года. Идеализируя крестьянскую реформу 1861 года, безымянный автор статьи, игнорировал глубокие социальные противоречия. Он видел в реформе соединение различных частей народа в единой, гармоничное целое. А основой этого целого является, по его мнению, нация.

В очерке «Лучшие люди» (1876, октябрь) Достоевский дал высокую оценку крестьянской реформы 1861 года: «Но вдруг произошел один из самых колоссальных переворотов, которые когда-либо переживала Россия: уничтожилось крепостное право и произошла глубокая перемена во всем»

(23, 155). В крестьянской реформе и последующих преобразованиях российского общества мыслитель видел процесс единения верховной власти и народа.

Во многих журнальных материалах наряду с высокой оценкой крестьянской реформы содержались высказывания в защиту интересов крестьян. Так, в первых номерах журнала «Время» за 1862 год критиковалась позиция славянофильской газеты «День», выступавшей с позиции оценки исключительной роли дворянства в государстве. В мартовской книжке журнала была опубликована статья «Дворянство и земство (по поводу крестьянских толков)» без подписи. В ней давалась оценки исторической роли российского дворянства. Автор статьи полемизировал с позицией либерального ученого Б.Н. Чичерина, рассуждавшего об особой роли и правах российских дворян. На место дворянства автор предлагал земство как более близкое к народу учреждение. Историю земства он вел с первых веков Русского государства, вспоминая традиции народного вече, земских соборов, общин, союзов, артелей. Лейтмотивом статьи стала идея о единении народа с дворянством путем распространения просвещения среди народных масс.

Достоевский требовал более конкретной оценки роли земства XVI-XVII столетий, когда самодержавие уже ограничило свободу этих учреждений, и земств первых столетий Русского государства, когда они носили более демократический, народный характер, располагали большей степенью свободы.

В целом оценка крестьянской реформы 1861 года на страницах журнала «Время» была в целом положительной. Реформа оценивалась как крупное историческое событие в жизни русского народа. Особо отмечалась роль императора Александра II в подготовке и проведении реформы. В этом, несомненно, сказывалось влияние монархических настроений Ф.М. Достоевского, боготворившего императора. В то же время журнал сочувствовал крестьянам, вскрывал факты помещичьего произвола, угнетения.

Продолжатель начатого журналом «Время» журнал братьев Достоевских «Эпоха» в целом стоял на прежних позициях защиты интересов народа. Авторам нового журнала приходилось вступать в острые дискуссии по историческим проблемам с представителями славянофильской газеты «День» [4]. С другой стороны, журнал подвергал критике идеи революционных демократов, в частности, Д. Писарева [5].

Журналы братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» сыграли определенную роль в осмыслении отдельных событий российской истории. Однако эти публикации не сформулировали целостной исторической концепции. Многие предложения Достоевского по совершенствованию российского общества носили нравственный, но вместе с тем утопический в социальном отношении характер. Так, он предлагал главным способом преобразования общества распространение просвещения, что никоим образом не могло кардинально повлиять на социально-экономическую и политическую ситуацию в российском обществе, ослабить угнетение народа.

С января 1873 года Достоевский возглавил газету-журнал реакционного деятеля князя В.П. Мещерского «Гражданин». На страницах этого издания в том же 1873 году вышла первая публикация «Дневника писателя». Поясняя свое решение участвовать в редактировании «Гражданина», Достоевский в письме к М.П. Погодину от 26 февраля 1873 года отмечал: «...Многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. Но вижу, как трудно высказаться. В целом и мысль моя: социализм сознательно, и в самом нелепо-бессознательном виде, и мундирно, в виде подлости, – проел почти всё поколение. Факты явные и грозные. <...> Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей...» (29-1, 262).

На посту редактора «Гражданина» Достоевский отстаивал собственные позиции, которые нередко расходились с взглядами Мещерского, что вызывало неудовольствие последнего. Достоевский правил материалы, подготовленные Мещерским, – и по стилю, и по содержанию. В письме к

В.П. Мещерскому от 1-3 ноября 1873 года Достоевский отмечал: «Любезнейший князь, Ваш ответ «Санкт-Петербургским ведомостям» очень мило и дельно написан, но резок, заносчив (хочет ссоры) и – может быть, тон не тот. Вместо насмешливого тона, не лучше ли спокойный, ясный? Я именно так думаю: больше будет достоинства. <...> Я очень бы желал, чтоб Вы согласились на мою редакцию» (29-1, 306-307).

В письме А.Г. Достоевской от 15 июня 1875 года из Эмса Достоевский с долей иронии замечал: «Ну, уж до чего дописался князь Мещерский в своем «Лорде-апостоле», так это ужас» (29-2, 48). Писатель не принимал диктата со стороны князя и проводил самостоятельную политику, что приводило к конфликтам, в конечном счете, к уходу Достоевского из журнала в начале 1874 года.

На страницах журнала «Гражданин» Достоевский публиковал разнообразные материалы, в том числе по исторической тематике: очерки и заметки о русской жизни, отклики на актуальные социально-политические события российской и международной жизни, критические и полемические материалы.

«Дневник писателя» занимает особое место в творчестве Достоевского, да и в целом в русской литературе [6]. Данное издание представляло собой собрание мыслей, наблюдений, оценок, откликов Достоевского на самые злободневные события русской действительности. В «Дневнике писателя», кроме публицистики, публиковались художественные произведения автора – рассказы «Мальчик у Христа на ёлке», «Мужик Марей», «Кроткая», «Сон смешного человека», очерк «Пушкин», другие материалы.

Именно в «Дневнике писателя» 1876 и последующих годов с особой силой зазвучали острые, актуальные проблемы российской истории: отношения России и Запада (Западной Европы); Восточный вопрос в истории и современности; Русско-турецкая война 1877-1878 годов и ее социально-политические последствия для России и Европы; роль выдающихся личностей в российской истории, в том числе российских монархов, и др. Ко

многим историко-социальным проблемам мыслитель относился со свойственной ему страстностью, эмоциональностью, которая нередко не совпадала с общепринятым мнением, вызывала критические оценки.

Первые публикации «Дневника писателя» относятся к 1873 году. В очерке «Старые люди» (Гражданин.- 1873.- №1) Достоевский обратился к сложной теме – анализу причин и истоков появления социализма в России. Очерк содержал субъективные критические, упрощенные высказывания Достоевского в адрес Белинского и Герцена. Белинский представлялся таким типом социалиста, который «в новые нравственные основы социализма... верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг» (21, 10). Достоевский критиковал атеизм Белинского: «Он знал, что революция должна непременно начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания порицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально» (21, 10).

Причиной обращения Герцена к социализму писатель считал «сердечную пустоту на родине» (21, 9). Достоевский осуждал подстрекательства к революции со стороны Герцена, отрицание им собственности. Царистские настроения, боязнь и неприятие революции, революционного насилия в любых формах нередко приводили Достоевского к субъективистским, ложным выводам и оценкам.

В очерке «Нечто личное» (Гражданин.- 1873. - №3) Достоевский оправдывался по поводу обвинений в адрес Н.Г. Чернышевского в рассказе «Крокодил». Демократическая общественность увидела в этом сочинении пасквиль на Чернышевского, находившегося в сибирской ссылке. Достоевский отмечал, что, несмотря на расхождения во взглядах, он не мог допустить оскорблений человека, пребывавшего, как когда-то он сам, в ссылке. «Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально», - писал он (21, 29).

Очерк «Влас» (Гражданин.- 1873.- №4) поднимал проблему о роли русского народа и спасении России. Достоевский очень точно характеризовал главные черты русского народа: «...Потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдательная струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» (21, 36). Достоевский сам страдал в жизни, ему хорошо были знакомы разные оттенки и формы страданий – и физических, и моральных, и душевных. Его герои, в отличие от героев произведений других русских писателей, испытывают постоянные мучительные страдания.

Монархические настроения писателя не мешали ему ставить в своих публицистических сочинениях острые, злободневные проблемы российской действительности. В очерке «Смятенный вид» (Гражданин.- 1873.- №8) Достоевский уделил вниманию показу новых социальных условий, в которых оказалось российское общество после отмены крепостного права. Писатель говорил о «жажде правды»: «есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего» (21, 58).

В статье «Мечты и грёзы» (Гражданин.- 1873.- №21) Достоевский ставит исторически извечную для России тему пьянства. Эта тема всегда волновала писателя и нашла отражение во многих его произведениях. «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли» (21, 94). Писатель был убежден, что русский народ преодолет свой извечный порок, «найдет в себе охранительные силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие, – вот те самые, которых ни за что не находит в нем наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!...» (21, 95). Вместе с передовыми

представителями русской интеллигенции Достоевский выступал за нравственное оздоровление общества.

В этом же очерке писатель поднимает еще одну актуальную тему – роль денег в обществе. Тема эта звучала во многих его художественных произведениях. Совершенно справедливо Достоевский пишет: «Деньгами ни за что не купишь всего: так может только какой-нибудь необразованный купец рассуждать в комедии г-на Островского. Деньгами вы, например, настроите школ, но учителей сейчас не наделаете. Учитель – это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом» (21, 93).

Действительно, хотя в буржуазном обществе деньги выступают в роли абсолютной социально-экономической ценности, есть целый ряд нравственных явлений, неподвластных денежному мешку, которые нельзя купить. Речь идет о доброте, милосердии, уважении, любви и т.п. «Люди, люди – это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются...» (21, 93).

В очерке «О том же» (1876, октябрь) писатель сравнивал старых представителей золотого мешка – российских купцов с новыми представителями буржуазного сословия. «...Прежние рамки прежнего купца вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и биржевой игрок» (23, 159). Достоевский предостерегал российское общество от поклонения богатству – золотому мешку, от соблазна новым идолом. Средством борьбы с ним мыслитель считал просвещение. «Мы во всеоружии просвещения, мы можем отразить чудовище» (23, 157).

Достоевский отстаивал евангельскую идею о роли трудящихся: «трудящийся достоин пропитания» (Мф.10, 10). «...Правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью» (21, 95). По мнению Достоевского, «настоящие, правильные капиталы возникают в стране не

иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии его. <...> Не захочет он (народ.- Авт.) сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!..» (21, 95).

По всей видимости, писатель вновь определенным образом идеализирует простой народ, предлагая ему честный труд вместо кабака. Созвучные идеи пропагандировал близкий по взглядам и духу Достоевскому известный государственный деятель России, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев.

В очерке «Нечто о вранье» (Гражданин.- 1873.- №35) Достоевский анализирует роль женщины в российском обществе. Писатель последовательно выступал за равноправие русской женщины, отстаивал ее право на получение образования. «В нашей женщине всё более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине всё это было выше, чем у мужчин. <...> Женщина меньше лжёт, многие даже совсем не лгут, а мужчин почти совсем нет не лгущих, я говорю про теперешний момент нашего общества. Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она *серьезнее*, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб *казаться*» (21, 125).

Социально-исторический аспект публицистики Достоевского звучит в статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин.- 1873.- №50). Здесь Достоевский писал о петрашевцах, сравнивал их с нечаевцами. «Дело же петрашевцев – это такое давнопрошедшее дело, принадлежит к такой древнейшей истории, что, вероятно, не будет никакого вреда из того, что я о нем припоминаю...» (21, 130). В этом же материале писатель вспоминал о своих чувствах во время инсценировки казни на Семеновском плацу (21, 133). Эти воспоминания легли в основу рассуждений князя Мышкина в романе «Идиот».

В отличие от «Дневника писателя» образца 1873 года издание 1876 года предполагало ежемесячные публикации по разнообразным и злободневным, в том числе социально-историческим, темам российской действительности. В

«Объявлении о подписке на «Дневник писателя» 1876 года» Достоевский уточнял содержание нового жанра: «Это будет дневник в буквальном смысле слова, отчет о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях, отчет о виденном, слышанном и прочитанном. Сюда, конечно, могут войти рассказы и повести, но преимущественно о событиях действительных. Каждый выпуск будет выходить в последнее число каждого месяца и продаваться отдельно во всех книжных лавках...» (22, 136).

Во второй половине 1870-х годов Достоевский чередовал выпуск дневниковых очерков с подготовкой художественных произведений – фундаментальных романов, с публицистикой. Материалы своих дневниковых записей писатель часто использовал при написании романов.

«Дневник писателя» открылся в январе 1876 года изображением острых социальных проблем российской действительности. В главе «Мальчик с ручкой» Достоевский, верный собственной традиции поиска правды, обратился к теме обездоленного детства, страданиям маленьких детей в обстановке нищеты и беспросветного пьянства взрослых. «Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекающимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол...» (22, 13-14).

В рассказе «Мальчик у Христа на ёлке» в январском номере «Дневника писателя» Достоевский со свойственной ему прямоотой изобразил контраст между богатой Рождественской ёлкой и нищетой петербургских детей, погибавших от голода, холода и болезней в период рождественских праздников (22, 14-17).

Тема детства ставилась Достоевским в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год в связи с серией судебных процессов над истязателями детей (дела Корниловой, Джунковских, Кронеберга и др.). Темы родителей и детей, отношений между супругами в семьях, психологического и

нравственного состояния русской семьи волновали Достоевского на протяжении всех лет публикации «Дневника».

В «Дневнике писателя» тема обездоленного детства, бедственного положения детей выдвигалась на первый план. Монархические, охранительные воззрения Достоевского входили в противоречие с российской действительностью. Он, с одной стороны, идеализировал реформы, боготворил императора Александра II. Но, с другой стороны, как честный человек он видел, какие глубокие социальные противоречия в обществе породили реформы, к каким тяжелым для народа последствиям они приводили.

Тема роли русской женщины нашла продолжение в двух очерках майского номера «Дневника писателя» за 1876 год. «Женщины у нас поднимаются и, может быть, многое спасут... Женщины – наша большая надежда, может быть, послужат всей России в самую роковую минуту...» (23, 24). Русская женщина «твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно» (23, 28). Острота и актуальность поставленных вопросов была вызвана широкой общественной дискуссией по проблемам положения русской женщины в обществе и семье и женского образования в России.

В фантастическом рассказе «Кроткая», опубликованном в ноябрьском выпуске «Дневника» за 1876 год, Достоевский возвращался к женской теме. Социальный аспект рассказа заключен в необычности ситуации, связанной с одиночеством и безысходностью человека, не нашедшего любви, не боровшегося за любовь, понявшего трагизм случившегося лишь после самоубийства жены.

Писатель, верный исторической правде, видел социальные пороки российской действительности. В очерке «Российское общество покровительства животным» Достоевский продолжал и развивал начатую им в романе «Бесы» идею: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять

десятих должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не могу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может» (22, 31). Эту мысль писатель отождествлял с героем романа «Бесы» Шигалевым.

Несомненно, образование, просвещение, наука играют в любом обществе неоценимую роль, обеспечивают прогрессивное развитие экономики, социальной сферы и, прежде всего, самого человека. Однако в буржуазном обществе все указанные составляющие социального и нравственного прогресса служат единственной цели – обогащению незначительной кучки капиталистов-нуворишей, наживающихся на эксплуатации трудящихся.

В февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 года Достоевский поместил очерк «О любви к народу. Необходимый контракт с народом». Критикуя грубость, отсталость, невежество простого народа, он в то же время верил в возможность его возрождения: «...Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самой привлекательном гармоническом соединении» (22, 43). Писатель приводил примеры исторических идеалов русского народа – Сергей, Феодосий Печерский, Тихон Задонский.

Достоевский продолжал отстаивать мысль о единении русского народа с интеллигенцией, причем народу в этом союзе отводилась решающая роль. «Что лучше – мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом? <...> Я

отвечаю искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться перед правдой народа и признать ее за правду...» (22, 44-45).

Тему русского народа писатель продолжил рассказом «Мужик Марей», сюжет которого был навеян детскими воспоминаниями. Встреча десятилетнего Федора с крепостным крестьянином произошла в имении его отца Даровое в августе 1831 года. В крестьянине Достоевский увидел зрелую силу и такие свойственные русскому человеку качества, как храбрость, спокойствие, рассудительность, доброту и душевную щедрость. В 1850 году на каторге Достоевский встретил иной – противоположный тип мужика Марей. Оба типа уживались в одном человеке. Мужик Марей оказал сильное влияние на формирование личности писателя, который проникся глубоким уважением к простому русскому человеку.

В статье «Примирительная мечта вне науки» Достоевский вновь возвращался к теме величия русского народа как лидера других народов: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их все к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной» (25, 17). Писатель обращался к русскому народу: «У нас всех, русских, – эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьем в простом народе, которому и религия его повелевает этому самому верить» (25, 19-20).

Еще один аспект социальной жизни российского общества поставил Достоевский в рассказе «Столетняя» в мартовском выпуске Дневника писателя за 1876 год – о разрыве между русской интеллигенцией и правительством. Правящие круги Российской империи не могли найти пути примирения и сотрудничества с широкими кругами интеллигенции. Здесь звучит один из немногих упреков писателя в адрес правительства:

«Правительство наше, за все время двадцатилетних реформ своих, не нашло у нас *всей* поддержки интеллигентных сил наших?» (22, 83). Это обстоятельство сыграло свою негативную роль в процессе сужения социальной опоры самодержавия, что вылилось в события февраля 1917 года.

В очерке «Несколько заметок о простоте и упрощенности», опубликованном в октябрьской книжке «Дневника писателя» за 1876 год, Достоевский говорит о существовании двух типов России – высшей и народной, оторванности одной России от другой. Ранее в ряде публикаций Достоевский уже поднимал этот вопрос. В статье «Книжность и грамотность» он писал: «Русский народ отстал от высшего своего сословия, раздвоился с ним еще со времен реформ» (19, 113). А в статье «Два лагеря теоретиков» звучала близкая по смыслу мысль: «...Мы разобщены с народом, что история вырыла между им и нами пропасть...» (20, 17).

Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» предлагал собственный проект улучшения народной жизни. «Без соединения с народом никогда, пожалуй, не удадутся высшим классам и попытки улучшить общественный быт страны. <...> В чем сближение с народом? 1) Распространить в народе грамотность. ...Позаботиться об его умственном развитии. 2) Облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок... 3) ...Нужно несколько преобразиться нравственности и нам самим. Нам нужно отказаться от наших сословных предрассудков и эгоистических взглядов» (20, 19-20).

Сам того не подозревая, Достоевский выступал против фундаментальных основ Российского государства – сословного устройства и привилегий высшего сословия.

Во второй статье «Книжность и грамотность» Достоевский предлагал свой проект чтения для народа, в который включал биографии выдающихся исторических деятелей России – Ермака, Минина, Ломоносова, Кулибина; серию статей о русских городах и территориях – Москве, Петербурге, Киеве, Сибири; рассказы по всемирной истории об Александре Македонском,

Наполеоне, Колумбе, Царьграде (19, 41). Интересна мысль писателя о том, что народу следует дать возможность знакомиться с песнями русских поэтов, в частности, Алексея Кольцова. «Песни, разумеется, прекрасные, полные самой свежей поэзии, бессмертные произведения Кольцова» (19, 42).

Публицистическим сочинениям Достоевского свойственна определенная идеализация русского народа. В статье «Два лагеря теоретиков» автор писал: «Народ наш с беспощадной силой выставляет свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, - во имя негодующей любви к правде, истине...» (20, 22).

Мы при анализе роли русского народа в историческом развитии России в оценке Достоевского полагаем несколько тезисов, которые, на наш взгляд, важны при раскрытии представлений писателя о русском народе. Во-первых, Достоевский преувеличивал стремление русских людей к самоочищению, самосовершенствованию, нередко противоречил сам себе, говоря в то же время о социальных язвах, негативных сторонах образа жизни народа – пьянстве, разврате и других социальных пороках. Народ, безусловно, был в меньшей степени виноват в этих пороках, чем правители и государственная власть. Во-вторых, даже если народ в основной своей массе осознал бы необходимость преодолеть то зло, в котором он погряз, то что бы преодоление этого зла дало бы ему с точки зрения достижения благосостояния, социальной справедливости, душевного спокойствия и нравственного равновесия и т.п.

Достоевский размышлял о своеобразии русского народа. Что значит стать русским? – задавал он вопрос. И отвечал сам на него в статье «Мы в Европе лишь стрючки» (Дневник писателя.- 1877.- январь): «Стать русским, во первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским, значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать

народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать» (25, 22).

В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год (очерк «Ягодки») Достоевский обратил внимание на исторический возраст русского народа: «Мы, русские – народ молодой; мы только что начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет...» (22, 72).

Сквозной темой «Дневника писателя» на протяжении всех лет издания стала тема места и роли России в европейской и мировой цивилизации. Она получила всестороннее и полное освещение на страницах «Дневника писателя» в очерке «О том же»: «...Вдруг вся эта Россия просыпается, встает и смиренно, но твердо выговаривает всенародно прекрасное свое слово...» (23, 161).

С особой силой Достоевский подчеркивал роль Москвы в истории России. «...Потому и Москве, этому центру великоруса, – еще долго, по моему, жить, да и дай бы бог. Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не будет», а без Рима мир не обойдется. А Петербург теперь больше чем когда-нибудь вместе с Москвой заодно», – писал он в очерке «Областное новое слово» (Дневник писателя.- 1876.- май) (23, 7).

Мыслитель полагал одним из путей спасения и возрождения России единый народный дух. «Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой нищете, как теперь. Ее можно сохранять и вмещать в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия» (Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. 1880) (26, 132).

В очерке «Меттернихи и Дон-Кихоты» Достоевский писал об общечеловеческих интересах России: «...Этот взгляд на неподкупность

внешней политики России и на вечное служение ее общечеловеческим интересам даже в ущерб себе оправдывается историею, и на это слишком надо бы обратить внимание. В этом наша особенность сравнительно со всей Европой» (Дневник писателя. 1877.- февраль) (25, 49).

Эти мысли нашли продолжение в очерке «Анна Каренина» как факт особого значения» (Дневник писателя.- 1877.- июль-август): «...*Всемирность* России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира» (25, 199).

Мыслитель верил в способность России преодолеть все преграды и прийти к новой жизни: «Могуча Русь, и не то еще выносила. Да и не таково назначение и цель ее, чтоб зря повернулась она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она всё решительно...» (Разговор мой с одним московским знакомым. Заметка по поводу новой книжки // Дневник писателя.- 1877.- июль-август) (25, 174).

Многие теоретические рассуждения Достоевского в публицистических сочинениях перекликались содержательно с идеями его художественных произведений. Так, в романе «Братья Карамазовы» звучала мысль о русском народе как спасители России. «От народа спасение Руси... сей народ – богоносец» (14, 285). И далее: «А Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие...» (14, 286).

Достоевский готовил и издавал «Дневник» до самой смерти 28 января 1881 года (за исключением перерыва, связанного с написанием романа «Братья Карамазовы» в 1878 – 1880 годах). В 1880 году вышел единственный номер «Дневника» со знаменитой речью писателя о Пушкине. Последний номер «Дневника» был подготовлен в январе 1881 года незадолго до смерти. В нем Достоевский вновь вернулся к теме исторических корней русского народа.

«Дневник писателя» оказался чрезвычайно популярным изданием. Его читала, над его материалами задумывалась вся мыслящая Россия.

Посредством приобщения к проблемам «Дневника» Достоевский превратился в мыслителя-пророка. Публика с нетерпением ожидала выхода в свет его новых произведений.

Таким образом, анализ социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского, представленный в статьях, заметках, публицистических очерках «Дневника писателя», позволяет сделать вывод о глубоком и постоянном интересе мыслителя к актуальным и острым проблемам социальной истории России. Причем, он исследовал разные периоды и темы отечественной истории, начиная от эпохи средневековья и завершая современными проблемами, связанными с преобразованиями российского общества. Особое внимание писатель уделял роли российских правителей в проведении социально-политических и исторических преобразований. Достоевский верил в способность русского народа при поддержке со стороны верховной власти к преодолению социальных пороков, к возрождению, социальному и духовно-нравственному прогрессу. Эта вера значительно укрепилась при наблюдении преобразований Александра II, которого он боготворил и считал идеалом монарха.

Не всегда и не во всём в оценке исторических событий и процессов писатель был прав. Нередко историческая правда подменялась желанием видеть существующее положение дел лучше, чем было оно на самом деле. Но ему нельзя отказать в искренности мыслей и чувств, когда он говорил о роли и значении России и русского народа в развитии человеческой цивилизации. Многие поставленные писателем темы российской истории оказались весьма актуальными, полезными и современными для решения проблемы выбора путей развития России.

ГЛАВА 4. ВЕРА И САМОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА: РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

4.1. Ф.М. Достоевский и Русское Православие

Тема «Религиозные воззрения Ф.М. Достоевского» в последние годы стала одной из самых изучаемых в творческом наследии писателя. Причинами являются возрождение православия в постсоветской России, усиление интереса исследователей к истории, теории и практике православия, а также в равной степени к становлению и эволюции религиозных воззрений великого мыслителя. «Вопрос о вере Достоевского – один из наиболее сложных вопросов, связанных с писателем,- пишет В.В. Ерофеев.- Он еще ждет своего разрешения» [1]. Действительно, данная тема – одна из наиболее сложных для исследователей творчества писателя. Она поистине неисчерпаема. Подробнее о вкладе ученых в изучение данной тематики см. в разделе 1.1. настоящей диссертации.

Религия как неотъемлемая часть жизни любого человека сопровождала Ф.М. Достоевского на протяжении всей его жизни. Взгляды, представления, пристрастия, мировоззренческие ориентиры формировались с детства, под влиянием самых близких людей. Таковыми для Федора Михайловича, естественно, были отец и мать. Младший брат Андрей Михайлович оставил воспоминания, по которым можно сделать выводы о жизни семьи Достоевских, их жизненном укладе и привычках. В том числе из его воспоминаний можно узнать об отношении семьи к религии.

В своих дневниках Андрей Михайлович вспоминал: «Родители наши были люди весьма религиозные, в особенности маменька. Всякое воскресенье и большой праздник мы обязательно ходили в церковь к обедне, а накануне – ко всенощной. Исполнять это нам было весьма удобно, так как при больнице была очень большая и хорошенькая церковь» [2]. Эту церковь

посещала семья Достоевских. «Каждый день я молюсь со слезами богу...», - писал юный Федор в октябре 1837 года (28-1, 42).

Это воспоминание свидетельствует о том, что дети Достоевских с раннего возраста приобщались к Православной Церкви и религии. Все они, обучившись грамоте, совершенствовали свое умение на одной Священной книге – Библии. «Первая книга для чтения была у всех нас одна. Это Священная история Ветхого и Нового завета на русском языке (кажется, переведенная с немецкого сочинения Гибнера). Она называлась, собственно, «Сто четыре священных истории Ветхого и Нового завета». При ней было несколько довольно плохих литографий: Сотворения мира, Пребывания Адама и Евы в раю, Потопа и прочих главных священных фактов. Помню, как в недавнее уже время, а именно в 70-х годах, я, разговаривая с братом Федором Михайловичем про наше детство, упомянул об этой книге; и с каким он восторгом объявил мне, что ему удалось разыскать этот же самый экземпляр книги (т. е. наш детский) и что он бережет его как святыню» [3]. Данное обстоятельство красноречиво говорит об отношении писателя к этой книге. Конечно, прежде всего, она связана с детством и поэтому дорога, но именно эти «Сто четыре священных истории» стали для писателя олицетворением его прекрасных детских лет. Сам Федор Михайлович вспоминал: «Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства» (21, 134).

Примечательно еще одно воспоминание Андрея Михайловича, косвенно говорящее об отношении родителей Достоевского к религии: «Из чисто литературно-беллетристических произведений, помню, читали Державина (в особенности оду «Бог»)...» [4]. То есть даже среди литературы выделялись произведения, в которых речь шла о Боге.

Впоследствии в библиотеке Достоевского содержались церковные книги. В частности, там находился перевод книги Фомы Кемпийского «Подражание Христу» 1869 года издания. Главной мыслью книги было утверждение о том, что каждый может повторить искупительный путь

Иисуса Христа, изменить свой образ, обожиться, открыть Его божественную и человеческую сущность.

По воспоминаниям Андрея Михайловича, старшим его братьям Михаилу и Федору нанимались учителя, одним из которых был дьякон «преподававший закон божий. Дьякон этот чуть ли не служил в Екатерининском институте; по крайней мере, наверное, знаю, что он там был учителем. К его приходу в зале всегда раскладывали ломберный стол, и мы четверо детей, помещались за этим столом вместе с преподавателем. Маменька всегда садилась сбоку, в стороне, занимаясь какой-нибудь работой. Многих впоследствии имел я законоучителей, но такого, как отец дьякон, не припомню. Он имел отличный дар слова, и весь урок, продолжавшийся по-старинному часа полтора-два, проводил в рассказах, или, как у нас говорилось, в толковании Св. писания. Бывало, придет, употребит несколько минут на спрос уроков и сейчас же приступит к рассказам – о потопе, о приключениях Иосифа. О Рождестве Христове он говорил особенно хорошо, так что бывало и маменька, оставив свою работу, начинает не только слушать, но и глядеть на воодушевляющегося преподавателя. Положительно могу сказать, что он своими уроками и своими рассказами умилял наши детские сердца. Даже я, тогда 6-летний мальчик, с удовольствием слушал эти рассказы, нисколько не утомляясь их продолжительностью. Очень жалею я, что не помню ни имени, ни фамилии этого почтенного преподавателя, мы просто звали его отцом дьяконом. Несмотря на все это, уроки он требовал учить буквально по руководству, не выпуская ни одного слова... Руководством же служили известные «Начатки» митрополита Филарета, начинавшиеся так: «Един Бог, во святой Троице поклоняемый есть вечен, то есть не имеет ни начала, ни конца своего бытия, но всегда был, есть и будет» [5].

Наверняка учитель имел довольно большое влияние на детей (тем более что умел заинтересовать слушателя). И, поскольку учитель был дьяконом, то и нес он знания религиозные. В детстве религия представляла перед Федором

Михайловичем в виде легенд-сказок. В дальнейшем воззрения, естественно, развивались, наполняясь все более глубоким смыслом.

Можно утверждать, что Федор Михайлович с детства находился в обстановке веры в Бога, где проповедовалось христианство и немало внимания уделялось религии. Зерно мировоззрения будущего великого писателя, в том числе, религиозное, было заложено родителями и учителями. Детские годы коротки. А у Федора Михайловича детство закончилось очень быстро. Трагические события в семье начались со смерти матери, когда ему было всего 15 лет. Отцу трудно пришлось с семьей детьми, и старшие были отправлены в пансион К.Ф. Костомарова в Петербурге. В Петербурге Достоевский обучался в Главном инженерном училище, в которое он поступил в 17-летнем возрасте.

Позже, при довольно странных обстоятельствах умер отец Федора Михайловича. Есть мнение, что он был убит собственными крестьянами за жестокое с ними обращение. По другой версии, отец писателя очень тяжело переживал смерть жены, начал пить и умер от инфаркта. Можно только представить чувства сирот, оставшихся без родителей в достаточно юном возрасте. В подобной тяжелой жизненной ситуации в сердце даже искренне верующего человека может закрасться сомнение в справедливости Божьей, а также в самом существовании Бога.

Остро переживал смерть родных Федор Достоевский, отличавшийся впечатлительностью и чувствительным характером. Однако он оставался предан христианской вере. Вот что вспоминал воспитанник Инженерного училища А.И. Савельев: Достоевский «был очень религиозен, исполняя усердно обязанности православного христианина. У него можно было видеть и Евангелие, и «Die Stunden der Andacht» («Часы молитвы» (нем.) Цшокке, и др. После лекций из закона Божия о. Полуэктова Федор Михайлович еще долго беседовал со своим законоучителем. Все это настолько бросалось в глаза товарищам, что они его прозвали монахом Фотием» [6]. А.И. Савельев охарактеризовал Достоевского как верующего человека, интересовавшегося

религией, стремившегося проникнуть в сущность христианства, лучше понять его.

Служба в Инженерном училище была тягостна для Достоевского. По воспоминаниям его сокурсников (их тогда называли «кондукторов»), Достоевскому не нравилось служить, не нравилось изучать ряд предметов (точные науки – «расчеты», как их называл сам Достоевский). Его душа стремилась к литературе. Он с радостью вскоре подал в отставку.

Отказавшись от опекуна одного из родственников и выйдя в отставку, Достоевский занялся своим любимым делом (которое уже хорошо давалось ему в училище) – писательством.

Первое же его произведение произвело настоящий фурор в литературных кругах Петербурга. Сам Некрасов провозгласил Достоевского «новым Гоголем». А «неистовый» Виссарион с восторгом говорил ему: «Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» [7].

С момента встречи с Белинским начался новый виток в судьбе писателя. Виссарион Григорьевич поначалу восторженно (даже слишком – по признанию самого Федора Михайловича) воспринял Достоевского. Безусловно, искушенный критик понял величину таланта молодого писателя, но, по выражению Д.В. Григоровича «неумеренно-восторженные похвалы Белинского положительно вредно отразились на Достоевском... Возможно ли было такому человеку, даже при его уме, сохранить нормальное состояние духа, когда с первого шага на новом поприще такой авторитет, как Белинский, преклонился перед ним, громко провозглашая, что появилось новое светило в русской литературе?» [8].

Каким скорым и высоким был взлет начинающего автора, столь же быстрым и тяжелым стало его падение. Белинский, остыв от хвалебных од в адрес Достоевского, принялся с таким же воодушевлением ругать его последующие произведения. Вот что писал об этом сам Федор Михайлович в письме старшему брату Михаилу от 26 ноября 1846 года из Петербурга: «Что

же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе» (28-1, 134).

Чем же можно объяснить такую перемену в отношении Достоевского к Белинскому? Конечно, это могли быть и некоторые, с точки зрения Белинского, литературные огрехи молодого и еще неопытного писателя. Но основной причиной является не это. Дело в том, что они с Достоевским не сошлись во взглядах, в основном, по проблеме религиозного мировоззрения. Белинский с первого знакомства принялся обращать начинающего писателя в свою «религию», то есть в атеизм: «... Но тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращать меня в свою веру. Я нисколько не преувеличиваю его горячего влечения ко мне, по крайней мере, в первые месяцы знакомства. Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма» (21, 10).

Вера Достоевского никогда не была статичной, непоколебимой. Писатель – ищущий человек, философ с критическим мышлением, не мог не подвергать веру сомнению. Тем более что этому способствовали различные обстоятельства его жизни. Очередной серьезный кризисный период в отношении к религии и Богу связан с влиянием Белинского.

Будучи человеком увлекающимся, кидаящимся из крайности в крайность, «неистовый Виссарион» со свойственной ему горячностью увлекался философией Гегеля, французскими реалистами, социализмом и атеизмом. Причем атеизм его был агрессивным, воинствующим, не просто отрицающим существование бога, но даже отвергавшим его как нечто негативное. Белинский считал религию средством обмана и управления – простыми людьми, оружием угнетателей против угнетенных: «Истину я взял себе – и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре» [9].

Несомненно, что такой необычный и волевой человек как Белинский не мог не оказать влияние на Достоевского, который читал критические статьи

Белинского с 1840 года. Не исключено, что под влиянием критических статей возник замысел его первого романа. Поначалу Белинский увидел в молодом писателе единомышленника, разделявшего его социалистические взгляды. Действительно, произведением «Бедные люди» писатель явил миру социальный роман. В нем беспощадно и одновременно трогательно показана судьба «маленького человека», униженного, поставленного в тяжелые условия выживания существующими законами общества, но ранимого и доброго. Глубоко прочувствована и показана в романе социальная несправедливость российского общества, разделенного на богатых и бедных.

Во взглядах Достоевского и Белинского имели место глубокие разногласия. Прежде всего, из-за религиозных воззрений разгорелся конфликт между этими неординарными личностями. Особенно молодого писателя задевало издевательское, насмешливое отношение критика к Иисусу Христу, любовь и преданность к которому Достоевский пронес через всю свою жизнь, через все трудности и страдания. Писатель впоследствии вспоминал о спорах с Белинским – о непротивлении злу «подставь щеку». Белинский говорил: «Ваш Христос, если бы родился в наше время... так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества» (21, 11).

Говоря это, Белинский как будто бы оправдывал злодеяния и греховность людей. Кроме того, уже гораздо позже, Федор Михайлович вспоминал слова Белинского в «Дневнике писателя»: «Мне даже умилительно смотреть на него, - прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, - каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет...» (21, 11).

Знаком Достоевский с Белинским был всего около двух лет. Но даже за этот небольшой временной отрезок Белинский оказал огромное влияние на Достоевского, который до последних своих дней вел с ним полемику на страницах «Дневника писателя» и в своих произведениях.

Попытки постижения истины и религиозные искания Достоевского продолжились следующим трагическим «витком» жизненного пути. Весной 1846 года Достоевский познакомился с Петрашевским. К тому времени имя Федора Михайловича стало уже достаточно известным (после выхода «Бедных людей» и «Двойника»). Петрашевскому наверняка хотелось видеть молодого, но уже известного писателя в числе посетителей своего кружка. Как говорил сам Петрашевский про Достоевского на допросе: «не из маленьких в нашей литературе» [10].

К тому времени, когда Федор Михайлович начал ходить на пятничные собрания Петрашевского, среди участников уже было много представителей тогдашней молодой интеллигенции – писателей, ученых, философов. Среди них М. Салтыков (будущий писатель-сатирик Салтыков-Щедрин), В. Майков, А. Плещеев, В. Милютин, Н. Данилевский и др. Позже к ним примкнуло еще несколько известных людей.

В то время в Петербурге собиралось много политических кружков, а кружок Петрашевского был одним из первых социалистических. На собраниях обсуждался и осуждался существующий строй, классовое неравенство, фактическое рабство огромного количества людей – крепостное право. Петрашевский пропагандировал утопический социализм Фурье и Сен-Симона, члены кружка мечтали о переустройстве общества, о его демократических изменениях. Самим Петрашевским была разработана программа отмены крепостного права с полным освобождением крестьян и наделением их гражданскими правами и предоставлением обрабатываемого участка земли.

Молодому Достоевскому во второй половине 1840-х годов были близки социально-утопические идеи: «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма... Тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном свете. Действительно, правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти

новые тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским» (21, 131).

Достоевский в те годы воспринимал социализм как продолжение, и даже совершенствование христианской религии, как новый способ установить справедливость и благо для всех и каждого на земле. В 1840-х годах мыслитель воспринимал Иисуса Христа в качестве «идеала человека». Только после каторги и ссылки Достоевский пришел к догматическому пониманию сущности Христа.

В 1848 году Достоевский вместе с несколькими постоянными посетителями кружка Петрашевского создал свой кружок политической направленности. В него вошли С. Дуров, А. Пальм, А. Плещеев. Дело в том, что Достоевскому не нравился Петрашевский как личность. В письме к брату Михаилу от 28 февраля 1854 года он писал об идеологе фурьеризма в России как о человеке, лишенном «здорового смысла» (28-1, 174). Кроме личной неприязни, причиной создания отдельного кружка послужили религиозные взгляды Достоевского.

Отход от Петрашевского был обусловлен тем, что им не нравилось его общество и «они вознамерились перестать посещать его и открыть свой салон» (из показаний Н.А. Спешнева). Достоевский, кстати, тоже, по видимому, никогда не был в восторге от Петрашевского. А.Н. Майков так писал П.А. Висковатову в 1885 году: «Раз, кажется, в январе 1848 года, приходит ко мне Ф.М. Достоевский... И вот он начинает мне говорить, что ему поручено сделать мне предложение: Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун; у него не выйдет ничего путного, а что люди подальше из его посетителей задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда

не примут» [11]. По свидетельству А.Н. Майкова, Достоевский называл Петрашевского «дураком, актером и болтуном» (18, 191).

Таким образом, причиной отчуждения Достоевского от Петрашевского и его кружка, как ранее от В.Г. Белинского, было несовпадение в религиозных взглядах. Это характеризует Достоевского как глубоко верующего православного человека, защищавшего свои христианские идеалы.

Петрашевский заинтересовал власти еще в 1844 году, когда на него шефу жандармов А. Орлову были поданы первые доносы. После затеи Петрашевского с публикацией «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» он и вовсе стал объектом наблюдений Министерства внутренних дел. Дело в том, что «Словарь» под видом толкования новых иностранных слов был посвящен объяснению социалистических понятий.

Но не только пропагандой социалистических идей занимался кружок и его ответвления. Есть основания предполагать более серьезные намерения молодой интеллигенции, а именно – государственный переворот [12].

Свидетельством того, что заговор имел место, стали воспоминания самого Достоевского и его соратников. Так, в «Дневнике писателя» 1876 года Федор Михайлович писал о роли своего брата в кружке Петрашевского: «В сорок девятом году он был арестован по делу Петрашевского и посажен в крепость, где и высидел два месяца. По прошествии двух месяцев их освободили несколько человек (довольно многих), как невинных и неприкосновенных петрашевцев к возникшему делу» (22, 134).

Действительно, брат Михаил не участвовал ни в тайном обществе Петрашевского, ни Дурова. Он бывал на вечерах Петрашевского и пользовался их библиотекой, склад которой находился в доме Петрашевского. Он был тогда фурьеристом и изучал Фурье. То, что он был фурьеристом и пользовался библиотекой, – открылось, и он мог ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки. Федор Михайлович отделял себя от

брата, который не участвовал в «тайном обществе» и не знал о его планах. «Брата там не было», - показывал Федор Достоевский на допросе в Следственной комиссии [13].

В этой связи особое значение принимает отрывок из письма А.Н. Майкова к П.А. Висковатову, который мы уже упоминали выше в связи с комментированием отношения Достоевского к Петрашевскому: «... Люди подельнее... задумали дело, которое Петрашевскому неизвестно, и его туда не примут, а именно: Спешнев, Пав<ел> Филиппов (эти умерли, так я их называю, другие, кажется, еще живы, потому об них все-таки умолчу, как молчал до сих пор целые 37 лет обо всем этом эпизоде) и еще пять или шесть, не помню, в том числе Достоевский. И они решили пригласить еще седьмого или восьмого, то есть меня. А решили они завести тайную типографию и печатать и т. д.» [14].

Кроме того, есть устный рассказ А.Н. Майкова по этому поводу, записанный поэтом А.А. Голенищевым-Кутузовым, который завершился ответом Федора Михайловича на вопрос Майкова, с какой целью ему вступать в общество – с целью произвести переворот в России. Эти свидетельства А.Н. Майкова, сделанные намного позже самих событий, позволяют прийти к выводу о том, что заговор все-таки был. И заговорщикам удалось скрыть этот факт от Следственной комиссии и отделаться сравнительно мягким наказанием.

Обстоятельство готовящегося заговора как такового можно объяснить влиянием на Достоевского общего недовольства политическим режимом и состоянием общества внутри России, а также революционными веяниями Европы, где в 1848 году произошел ряд буржуазных революций.

16 апреля 1849 года агент Министерства внутренних дел, внедренный к петрашевцам, донес, что днем ранее, в собрании у Петрашевского, Достоевский читал запрещенное письмо Белинского Гоголю. В пятом часу утра 23 апреля 1849 года был произведен арест большинства петрашевцев, в том числе Ф.М. Достоевского. Одновременно был арестован по ошибке его

младший брат Андрей вместо старшего брата Михаила. Арест сопровождался обыском. Все арестованные и отобранные у них бумаги и книги были доставлены в III Отделение. Однако созданная Следственная комиссия не добралась до «глубин» намерений петрашевцев, не подвергла должному расследованию оборудование типографии, скорее всего, просто не придавала особого значения данному делу.

После обнародования «Дела петрашевцев» оказалось, что Достоевский вел себя весьма достойно, не слишком распространяясь на допросах и выгораживая, по возможности, соратников.

С точки зрения Николая I, сочувствие коммунистическим и республиканским идеям было равносильно тягчайшему государственному преступлению. Генерал-аудиториат (высшее должностное лицо судебного органа) нашел, что 21 подсудимый достоин за свои деяния смертной казни; однако, признавая «смягчающие вину» обстоятельства, он предлагал одним заменить смертную казнь вечной и срочной каторгой, другим – арестантскими ротами, третьим – ссылкой на поселение [15].

19 ноября 1849 года заключением генерал-аудиториат всем обвиняемым смертная казнь была заменена различными сроками каторжных работ. Последние коррективы в приговор внес при его утверждении Николай I. В частности, предложенный генерал-аудиториатом восьмилетний срок каторги Достоевскому и Дурову он заменил четырехлетним с последующей военной службой рядовыми, что возвращало им обоим, по замечанию Достоевского, гражданские права, которые по закону навсегда терял всякий приговоренный в каторгу. Как известно, окончательный приговор был объявлен петрашевцам 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу, когда первая тройка была уже выведена для расстрела (28-1, 161-165).

Эта инсценировка – один из самых (если не самый) важных и необыкновенных по своей глубине и критичности моментов жизни Достоевского. Он вспоминал об этом случае неоднократно на протяжении

жизни. Сцена подготовки к казни нашла отражение в романе «Идиот» в рассказе князя Мышкина (8, 51-52).

Среди дневниковых записей великого князя К.К. Романова – внука Николая I, есть сообщение о присутствии Достоевского на казни И.О. Млодецкого. Млодецкий совершил покушение на М.Т. Лорис-Меликова 20 февраля 1880 года, через несколько дней после учреждения Верховной распорядительной комиссии, которую тот возглавил. 22 февраля по приговору военного суда Млодецкий был казнен. Узнав о предстоящей казни, Достоевский вспомнил то другое, тоже морозное зимнее утро на Семеновском плацу, последние минуты перед предстоящей казнью, и его потянуло еще раз увидеть все своими глазами.

В 1880 году великий князь Константин Константинович внес в дневник шесть записей о Достоевском. Запись от 26 февраля гласила: «Достоевский ходил смотреть казнь Млодецкого <...> может быть, ему хотелось повидать, как везут на казнь преступника и мысленно вторично пережить собственные впечатления. Млодецкий озирался по сторонам и казался равнодушным. Федор Михайлович объясняет это тем, что в такую минуту человек старается отогнать мысль о смерти, ему припоминаются большею частью отрадные картины, его переносит в какой-то жизненный сад, полный весны и солнца. И чем ближе к концу, тем неотвязнее и мучительнее становится представление неминуемой смерти. Предстоящая боль, предсмертные страдания не страшны: ужасен переход в другой неизвестный образ...» [16].

Это размышления, может быть, верующего, но вовсе не уверенного человека. Достоевский предполагает, что существует нечто, во что воплощается человек после смерти, но не уверен в христианской трактовке загробной жизни.

Имеет место такое суждение: если бы не было инсценировки расстрела, четырех лет каторги и пяти лет ссылки, то не было бы тех произведений, которые подарил миру Достоевский. В испытаниях, выпавших на долю писателя, прослеживается аналогия с христианским догматом возрождения

через страдание. На наш взгляд, доля истины в этих суждениях есть. Достоевский как никто другой из русских литераторов узнал жизнь простого народа, проник в самое его сердце и ощутил потребность в вере. Можно сказать, что на каторге он спасался верой.

Многие русские литераторы прошли через тюрьму, каторгу или ссылку: Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чернышевский, Шаламов, Солженицын. Чехов лично поехал на Сахалин – место каторги и ссылки в царской России. Пройдя через страдания, унижения, они смогли донести свои мироощущения, переживания до людей посредством собственных произведений.

В самом названии «Записки из Мертвого дома» видно отношение Достоевского к тому месту, где он находится. Дом в христианской традиции «место жизни, символизирует охраняемое Богом пространство. Пространство Дома всегда сакрализировалось, как в язычестве, так и в христианстве. Живой дом в христианстве – это дом с образом, намоленное пространство» [17].

У Достоевского – противоположность – дом мертвый. Этот дом сравним с адом: «Черт трое лаптей сносил, прежде чем нас собрал в одну кучу!», – говорят каторжане (4, 13). В описании каторжной бани явно присутствуют картины ада: тесное помещение, битком набитое страшными уродливыми телами. Повествование изобилует отсылками к преисподней: «Когда мы растворили дверь в баню, я думал, что мы вошли в ад». «Это был уже не жар, это было пекло. Все орало и гоготало при звуке ста цепей, волочившихся по полу...», «мне пришло на ум, что если мы вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно очень будет похоже на это место» (4, 98-99). В этой банной сцене можно увидеть чистилище – предполагаемое христианским вероучением место, где «отмываются» души человеческие от грехов посредством искупления через страдания.

В конце первой части «Записок...» Достоевский произносит такие слова: «Не навсегда же я здесь, а только на несколько лет – думал я и склонял

свою голову на подушку» (4, 130). Надежда и в остроге не покинула Достоевского, он надеялся на освобождение, на возвращение к жизни.

Изучая период жизни, связанный с острогом, невозможно обойти вниманием интересный факт, связанный с религиозной составляющей в жизни Федора Михайловича. Известно, что в Тобольске, еще до того, как Достоевский был доставлен в острог, жены декабристов А.Г. Муравьева, П.А. Анненкова, Н.Д. Фонвизина подарили ему Евангелие. «Эту книгу, с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата», – писал Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого Дома» (4, 67). Не иначе как знак судьбы воспринял он подарок от жен декабристов и хранил его в течение всей жизни.

Позже Достоевский вспоминал об этом волнующем событии. «Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием – единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим. По ней выучил читать одного каторжного», – писал Достоевский в очерке «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 год (21, 12).

Подтверждением глубокой веры Достоевского по выходе его из каторги является письмо к Н.Д. Фонвизиной (февраль 1854 года) из Омска об истине и Христе. «...Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28-1, 176).

Достоевский четыре года был «один на один» с этой книгой, единственное, что разрешалось иметь в каторге. Он изучил ее досконально, до сих пор она существует (хранится в музее) и ее штудируют ученые всего мира: на полях оставлены более сотни пометок, сделанных писателем. «...Никто из писателей современной Европы не чувствовал так, как

Достоевский, всю неисчерпаемую, никем не открытую *новизну* величайшей книги прошлого – Евангелия», - писал Д.С. Мережковский [18].

Мало того, что Евангелие служило духовной опорой и источником сил для Достоевского, он также хранил в нем ценные для себя вещи. Самое страшное для писателя – невозможность писать. А на каторге это запрещалось. Но Достоевский все равно завел тетрадку (так называемая «Сибирская тетрадь»), в которую записывал наблюдения, своеобразие народного говора, сюжеты будущих произведений. По размеру тетрадка совпадала с форматом Евангелия.

В том же письме Н.Д. Фонвизиной Достоевский, рассуждая о своей вере, отмечал: «Этот Символ веры очень прост, вот он: верить, что нет ничего интереснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» (28-1, 176). Литератор не стремился убедить себя в своей вере, а откровенно высказывал собственные мысли и чувства близкому ему по духу человеку – жене ссыльного декабриста.

Тем не менее, некоторые исследователи ставят под сомнение искренность христианской веры Достоевского. Так, современный исследователь И.А. Кириллова в книге «Образ Христа в творчестве Достоевского: Размышления» пишет о том, что «Достоевский не являлся религиозным писателем, утешающими нас пиетическими решениями жизненных испытаний. Однако каждый великий роман Достоевского читается на уровне физической и духовной реальности». Кириллова отмечает при этом «глубокую двойственность в постижении образа Христа в сознании Достоевского». С одной стороны, наблюдается почитание Христа, с другой, – духовно обреченный образ «Князя-Христа», Идиота. Писатель то возносил Христа как воплощение идеала для человечества, то славословил Его как Бога [19]. Автор видит в данном подходе противоречие в оценке Достоевским личности Иисуса Христа.

На наш взгляд, в данном суждении нет противоречий. Иисус Христос, с одной стороны, Сын Божий, совершенный, идеальный человек, родивший в непорочном зачатии от земной женщины и вершивший свою земную жизнь как реальный человек. Свидетельствами тому являются многочисленные сочинения античных авторов. Сведения о Христе мы находим у римских историков Плиния Младшего (62-114 гг. н.э.); Тацита (55-120 гг. н.э.); Светония (70-140 гг. н.э.); иудейского историка Иосифа Флавия (37-100 гг. н.э.). Все они писали об Иисусе Христе как о реально жившем человеке. С другой стороны, Иисус Бог-Сын и является одной из ипостасей Святой Троицы. Сам Достоевский в очерке «Старые люди» (ДП за 1873 год) писал: Христос – «пресветлый лик Богочеловека» (22, 10).

В «Православно-догматическом богословии» архиепископа Харьковского Макария отмечается: «...Иисус Христос есть не кто другой, а именно Сын Божий, ипостасно воспринявший естество человеческое...» И далее: «по учению св. Писания, Иисус Христос есть не только Бог, но и человек...» [20].

«Вся притягательность Его Личности (Иисуса Христа.- Авт.) заключается в том, что Он – и Бог, и человек, а не только Бог или только человек. Достоевский по-подвижничски прочувствовал эту основную тайну Личности Христа и стоит за нее по-великомученически отважно и по-апостольски мудро», - пишет преподобный Иустин (Попович) [21].

Другое дело, что в начальный период своего творчества, до ареста, каторги и ссылки Достоевский мало внимания уделял вопросам христианства, войдя в русскую литературу в качестве социального, отчасти бытового писателя. Годы каторги круто изменили и судьбу, и мировоззрение Достоевского, восприятие им христианства.

Арест и заключение действовали на Достоевского весьма необычно. Можно предположить, то человек, попавший в заключение, должен быть возмущен несправедливостью содеянного, озлоблен на всё и вся. Но в случае с Достоевским это было не так. Сам писатель признавался, что в крепости

успокоился, что только там к нему пришло осознание Христа. Отсюда его воспоминания о хорошем настроении, благостных мыслях и добрых снах в заключении.

Каким бы тяжелым не было положение Достоевского на каторге, пребывание там, как это ни звучит парадоксально, привнесло положительный вклад в его судьбу. Будучи, несомненно, гениальным писателем, внимательным наблюдателем, мыслителем-аналитиком, способным делать выводы, проводить сравнения и систематизировать знания, Достоевский изучал окружающих его людей, накапливал их образы и характеры в своей памяти, позже воплощая в художественных произведениях.

Вс. С. Соловьев вспоминал слова Достоевского, сказанные им в середине 1870-х годов: «...Мне тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался. Я там себя понял... Христа понял... русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа» [22].

В данном тексте писатель не отделял Христа от русского народа. Более того, он считал, что «в народе даже сложилось понятие, что Россия для того только и живет, чтоб хранить христианство» (24, 308). «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие – всё» (27, 64).

Глубина веры у Достоевского была так велика, что все события жизни он измерял Христом, который был критерием истинности того или иного явления. «Нравственный образец и идеал есть у меня один, Христос. Спрашиваю, сжѐг ли бы он еретиков – нет. Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный». И далее: «Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос» [23].

«Достоевский,- пишет преподобный Иустин,- спас себя Христом. Чудесный образ Христов заполнил всю его душу, и он с непрестанной апостольской ревностью удивительно проповедовал чудотворную силу

Образа Христова» [24]. В предсмертных записках Достоевский говорил о намерении «написать книгу об Иисусе Христе» [25].

На протяжении всей своей жизни Достоевский постоянно обращался к текстам Священного Писания. «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача»,- писал он А.Г. Достоевской из Эмса (29-2, 43). Надо сказать, эта книга Ветхого Завета оказывала особо сильное влияние на религиозное мировоззрение писателя.

Достоевский полностью разделял христианскую идею о том, что вечное блаженство достигается только путем страданий, смирения. Этим близка была ему ветхозаветная книга Иова. Христианское смирение выступает высшим типом поведения человека. Эти мысли неоднократно повторяют многие герои его художественных произведений. «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества»,- говорит князь Мышкин (8, 192). «Говорят, смирение есть страшная сила; надо справиться об этом у князя, это его собственное выражение»,- вторит князю Ипполит в романе «Идиот» (8, 329). Зосима в «Братьях Карамазовых» восклицает: «Смирение любовное – страшная сила» (14, 289). Достоевский переносил на своих героев собственное восприятие христианской жизни, сам пройдя путем страданий и мученичества.

Исследователи творчества Достоевского наблюдают в художественных произведениях писателя, написанных после каторги, в 1860-1870-е годы, евангельские образы. Так, в романах «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» упоминаются евангельские сюжеты. Это эпизод, в котором Соня читает Раскольникову о воскрешении Лазаря, упоминание о свадьбе в Кане Галилейской. «Братья Карамазовы» начинаются эпитафией, взятой из Евангелия от Иоанна. Кроме того, в ряде произведений есть упоминание самого Евангелия: Соня передает Раскольникову книгу. В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) автор писал: «На столе лежали

две книги: краткая география и Новый завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (3, 176-177).

Евангелие открыто (предметно и в виде отрывков) и скрытно (образно) присутствует в произведениях Федора Михайловича. По сути своей Евангелие является повествованием о Спасении – спасении души, человека, о победе добра над силами зла.

Н.А. Бердяев, внимательно исследовавший религиозные воззрения Достоевского, полагал, что «творчество Достоевского насквозь эсхатологично, оно интересуется лишь конечным, лишь обращенным к концу» [26]. Действительно, многие герои его произведений кончают жизнь самоубийством, то есть тем способом, который категорически запрещала Православная церковь.

Эта мысль повторяется Г.В. Флоровским: «История открывалась ему (Достоевскому.- Авт.) как непрерывный Апокалипсис, как решение вопроса о Христе. Это он видел в истории» [27].

Во 2-м Послании к Тимофею Св. Апостола Павла говорится о том, какими будут люди накануне последних дней своих. «Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы» (2 Тим.3, 2-4). Хорошо знавший евангельские тексты Достоевский как будто черпал характеристики описываемых им художественных образов из апостольских посланий.

В науке дискуссионным является вопрос о степени и глубине веры Достоевского. Был ли мыслитель сам убежденным верующим? Н.О. Лосский в работе «Достоевский и его христианское миропонимание» отмечал, что тот сравнительно редко бывал в церкви, по крайней мере, до возвращения в Россию из-за границы в 1871 году. Известно, однако, что молиться он всегда любил и, по словам Яновского, считал молитву всегда «вернейшим

средством». Лосский считал, что «поворот от христианства вообще к осознанию ценности именно православия произошел во время пребывания Достоевских за границей» [52].

В письме к брату Достоевский писал, что отсюда «выпуклее кажется Россия». И возвратившись в 1871 году с женою после длительного пребывания за границей, он провел последние десять лет своей жизни в тесной связи с православием. Сразу оговоримся, что взаимоотношения Достоевского, как и Льва Толстого, с церковью были очень неоднозначны. Переписка Ф.М. Достоевского с К.Н. Леонтьевым и обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым вовсе не свидетельствовали о близости взглядов писателя с этими религиозными деятелями. Напротив, Леонтьев прямо указывал, что христианство Достоевского «какое-то розовое», мистическое и никакого отношения к церковному образу Христа не имеет.

В письме к В.В. Розанову от 24-27 мая 1891 года К.Н. Леонтьев отмечал: «Ведь я, признаюсь, хотя и не совсем на стороне «Инквизитора», но уж конечно не на стороне того безжизненно-всепрощающего Христа, которого сочинил Достоевский» [53]. Оговорка «хотя и не совсем» – драгоценное свидетельство, что все-таки Леонтьев на стороне Инквизитора. Леонтьев совмещал в своей душе веру во Христа с идеей насилия и рабства во имя торжества церкви и самодержавия.

К.П. Победоносцев был также озабочен неортодоксальностью веры Достоевского. В письме по поводу пятой книги «Братьев Карамазовых» «Pro и Contra» он вынужден был предупредить писателя, что сила отрицания Бога столь сильна, что он боится, найдет ли Достоевский достаточно доводов в пользу веры. Эти мысли содержатся в письмах Победоносцева к Достоевскому в 1880 году [54].

Не равнозначно можно оценить степень и глубину веры Достоевского на разных этапах его жизненного пути, что, впрочем, вполне естественно. Мироощущение любого человека может меняться по мере его становления и эволюции. Тем более, человека с такой сложной судьбой, как у Достоевского.

«У Достоевского,- писал С.И. Фудель,- было время угасания веры – его первый литературный период 1845-1849 годов, но, кажется, ладе и в эти темные годы в нем как-то сохранялся нерукотворный образ Христов. <...> Вера Достоевского была верой Голгофы, а не гуманизма, верой трагической, то есть стремящейся повторить в себе всю евангельскую быль...» [28].

Творчество Достоевского (касается произведений, написанных после четырех лет в остроге) буквально пронизано христианскими мотивами. Он восхищался идеалами православия, принципами веры, гордился исторической миссией России – хранительнице и защитнице христианских традиций. Мыслитель писал в очерке «Восточный вопрос», что Россия – «предводительница православия, покровительница и охранительница его...» (23, 49). «Христианство есть единственное убежище Русской земли от всех ее зол»,- замечал Достоевский в письме к Н.А. Любимову в июне 1879 года (30-1, 68).

Достоевский не воспринимал христианство абстрактно, отвлеченно. Он считал христианство носителем свободы, диалектически увязывая свободу с ответственностью. В очерке «Среда» из «Дневника писателя» за 1873 год он отмечал: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его» (21, 16).

1860-е годы стали благоприятным периодом в эволюции Русской Православной церкви благодаря церковным реформам Александра II. Министр внутренних дел П.А. Валуев (с 1861 по 1868 годы) – автор церковной реформы – выступал против вмешательства государства в дела Церкви, считал, что укрепить роль Церкви в российском обществе можно за счет развития внутренних сил самой Церкви при необходимости государственной политике. Данное остоятельство оказало влияние на мироощущение Достоевского, укрепление его религиозных воззрений.

Разнообразная христианская тематика пронизала все главные произведения писателя после его возвращения из ссылки. «Все романы Достоевского после 1865 года,- писал С.И. Фудель,- это книги об Иисусе

Христе. Именно в этих книгах современный читатель часто находит впервые слова любви и веры о Христе» [29].

Первым в ряду «христианских романов» Достоевского стоит роман «Преступление и наказание». Его идею писатель обозначил в рабочей тетради как «православное воззрение, в чем есть православие» (7, 75). Это – задание автора самому себе. Эту идею необходимо было воплотить в произведении.

Первоначально Достоевский намеревался вызвать раскаяние Раскольникова прямым явлением к нему Христа, что было бы слишком прямолинейно (7; 77, 135, 137, 139, 148, 166). Но впоследствии сделал это тоньше – через Соню Мармеладову. Так, она зачитывает Родиону сцену воскрешения Лазаря. Это повествование искусно вплетено в сюжетную линию романа. Стоит отметить, что воскрешение Лазаря произошло на четвертый день, и героиня читает сцену воскресения на 4-й день после совершения Раскольниковым убийства. Так происходит отождествление убившего с его жертвой. Достоевский ждал духовного воскрешения Раскольникова. Подобно Лазарю, герой «Преступления и наказания» должен воскреснуть для добрых дел и служения людям. Воскрешение Лазаря является важным событием в христианстве: после явления этого чуда Христос был признан Мессией.

Соня и Родион нашли первоначальную поддержку и источник света в своей мрачной жизни в любви друг к другу. Но интуитивно понимали, что одной земной любви для «воскрешения» им не достаточно. Родион пришел к Соне и просил почитать Евангелие. И осознал, что Мармеладова находится примерно в таком же положении, что и он: «Я сама была Лазарь умерший, и Христос воскресил меня» (7, 192). Раскольников заметил преображение Сони в момент чтения Священного текста и, проникнувшись увиденным и услышанным, «вдруг весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал ей ногу». Он осознал цену человеческому страданию: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился» (6, 246) .

Соня, соответствуя христианским канонам, увидела в убийце свет, через который есть возможность вернуть его к нормальной жизни. Она поняла, что не Раскольников – злой убийца, это внешнее зло проникло в его душу и заставило совершить преступление. Есть же в Родионе добрые качества: он помогает семье Мармеладовых, девочке на бульваре, университетскому товарищу и его отцу, спасает детей на пожаре.

Невероятно сложным с точки зрения христианских представлений писателя представляется образ главной героини – Сони Мармеладовой. Она зарабатывает на жизнь семьи (для детей) проституцией. Но автор преподносит ее личность и образ как целомудренный и чистый. Такое впечатление, что Соня – раздвоенный персонаж: ее телесная оболочка «живет» отдельно от души. Несмотря на ужасные обстоятельства, в которые попала Соня, она продолжает истово верить в Бога и, мало того, приводит к вере Раскольникова. «Юродивая» – осеняет Раскольникова.

В образе Сони открыто читается образ Марии Магдалины. Но Мария «пришла» к Богу через раскаяние. Соня же не раскаивается. Она изначально знает, что это грех, стыдится своей «деятельности», но не отождествляет себя с ней. Благодаря своей доброте, милосердию, вере и любви к Богу, она возвышается над вынужденным грехом, на ее примере духовное начало одерживает победу над телесным.

Близко к Евангельскому описанию сатаны описание окружающей Раскольникова реальности: «дух «немой и глухой» разлит во всей этой панораме. Я не умею выразиться, но тут даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо...». Г.К. Щенников вскрыл символический смысл этого образа: «Сравните определения сатаны в Евангелии: «Дух немый и глухой» (Мк.9, 25)» [30].

Во многих произведениях Достоевского героем является город – чаще всего Петербург. Автор не осуждал сам город, он осуждал социальные и нравственные пороки, распространенные в городе, – стяжательство, жажду наживы, себялюбие и гордыню, процветавшие под влиянием западной идеи,

которая выражалась в попытке изъять из человеческого существования Бога. Здесь город являлся выражением современной действительности (не только современной Достоевскому, который столь гениален, что предвидел и наше время). Западные веяния «позволяют» человеку решать за других, возомнить себя «наполеоном», уничтожать зло по своему усмотрению. Но человек не может брать на себя функции Бога. Это – одно из главных утверждений Достоевского в романе «Преступление и наказание».

Еще одну интересную деталь, демонстрирующую связь Евангелия с романом Федора Михайловича, заметил Р. Плетнев. Он отметил необычную фамилию портного, у которого живет Соня – Капернаумов [31]. Капернаум – город, который упоминается во всех четырех Евангелиях, где проповедовал Христос и из которого Его изгнали, не уверовав в Него. В дореволюционной России слово «капернаум» употреблялось в значении «кабак», «публичный дом» [32], что перекликается с тем, как зарабатывает на жизнь Соня.

В романе «Преступление и наказание» Достоевский использовал прием исповеди. Герои романа исповедуются друг перед другом: Свидригайлов перед Раскольниковым, раскольников перед Соней. Исповедь помогает не только глубже проникнуть во внутренний мир образов, но и оттеняет религиозные настроения произведения. Открытость души помогает снять грех, ослабить состояние внутреннего напряжения, в котором пребывают герои. Г.С. Померанц писал: «Каждый роман Достоевского – исповедь. Он не обличает Раскольникова, Рогожина, Ставрогина; он вместе с ними проделывает мучительный путь от помысла к преступлению – и вместе с ними ищет дорогу к покаянию. Думаю, что на этом основано мировое значение Достоевского» [33].

Стоит вспомнить о снах, которыми пронизано повествование романа [34]. Через сны Достоевский показывает внутреннее состояние героя, его терзания и душевные метания. Сон Раскольникова, данный в эпилоге, перекликается с текстами Апокалипсиса. Этот сон отражает теорию Раскольникова, только «наполеонами» стали все люди, решившие что «право

имеют». Но поскольку каждый мнит себя единственно «имеющим право», начинается борьба за право быть «главным», люди, впав в безумие, убивают друг друга: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. <...> Всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки» (6, 419-420).

Будучи тонким психологом, Достоевский не дал мгновенного «прозрения» и преобразования Раскольникова, тем самым сохранил реализм повествования. Ему предстояло дойти до этого самому, трудным путем раскаяния. Вспомним последние строки романа: «Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью» (6, 422).

«Великое Пятикнижие» Достоевского основано на христианском каноне: «творение – грехопадение – воскресенье». В «Преступлении и наказании» основное внимание он уделил грехопадению и лишь дал намек на воскресение. Но даже только намек способствовал воплощению главной идеи романа. «Истинный Достоевский... бесстрашный искатель божеских и сатанинских глубин... начался с «Преступления и наказания»,- писал Д.С. Мережковский [35].

В эпилоге к роману писатель говорит о том, насколько сильна была вера среди заключенных: они хотели убить Раскольникова «как безбожника...» (6, 419). Однако христианские мотивы не получили в романе подробного освещения, а только стали осмысливаться. В «Преступлении и наказании» Достоевский только приблизился к раскрытию христианской проблематики в

своем творчестве. Эта тема была продолжена и развита в последующих произведениях писателя.

«Роман «Преступление и наказание»,- пишет Т.А. Касаткина,- по праву считается шедевром даже среди пяти великих романов Ф.М. Достоевского. Он – как бы своеобразный эпицентр его творчества, в нем заложены зерна всех тех идей, что будут подробнее разрабатываться в других его произведениях; другие его романы – словно расходящиеся круги вокруг брошенного в воду камня, или словно аура вокруг алмаза...» [36].

Роман Достоевский «Идиот» в полном объеме поставил тему православия. Пожалуй, трудно выделить еще подобное, пронизанное христианской идеей, произведение. И хотя роман не носил прямого религиозного характера, всё же он тесно связан с верой в Бога.

Прежде, чем познакомиться с романом, читатель обращает внимание на название. Название весьма необычно и даже эпатажно: то ли медицинский диагноз, то ли ругательное, оскорбительное для человека слово «идиот». С чем угодно вяжется, только не с христианством и вообще с какой-либо религией. Что же хотел донести до читателя автор, нарекая свое произведение таким нестандартным названием? Само слово – греческого происхождения и не имело негативной окраски. По-гречески «идиот» – житель полиса, не принимающий участия в жизни общества. Таковым, отстраненным от общества предстает нам главный герой романа «идиот» – князь Лев Мышкин.

Известно высказывание Достоевского о замысле будущего романа – «изобразить положительно прекрасного человека» (28-2, 251). Но опять как-то не совпадает: «положительно прекрасный человек» и вдруг – «идиот»! Достоевский считал, что нет образца более положительного, чем Христос: «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос...» (28-2, 251).

Главный герой романа не должен быть прямым копированием образа Иисуса Христа [37]. Что же сделал Достоевский? Он оставил Мышкину такие

положительные качества, как доброту, сострадание, сопереживание, смирение. Но, как указывал сам писатель: «На свете есть только одно положительно прекрасное лицо – Христос...» (28-2, 376) и забрал у главного героя романа такие качества, решительность, преданность, ответственность. Особенно остро проявляется отсутствие этих черт в отношениях с главными женщинами в жизни князя: Аглаей Епанчиной и Настасьей Филипповной. Своей нерешительностью, нежеланием кого-либо из них обидеть, невозможностью осуществить выбор, он фактически обрек их на гибель. Сам того не желая, он стал участником интриг общества, в которое попал. И снова из-за нерешительности, неспособности быть твердым, когда это необходимо, Мышкин не мог противостоять этим интригам, влиять на их разрешение. Он не приспособлен к жизни, поскольку вышел из «тепличных» условий. Не имея опыта взаимоотношений, он путал любовь к женщине с жалостью и состраданием. Мышкин постоянно становился предметом насмешек и унижений, и даже не сопротивлялся этому, но и сам себя унижал, признаваясь в том, что он – «идиот».

Мышкин – положительный персонаж, имеющий прототипом самого Иисуса Христа. В романе главная миссия князя – проповедь Христа. Он совершает попытки (пусть даже неудачные) привести людей к Нему, как, например, происходит с Настасьей Филипповной. В силу сложившихся обстоятельств, она с юных лет становится содержанкой бесчестного человека, который ее потом еще и бросил. Поэтому Настасья Филипповна презирала всех вокруг, и в особенности саму себя, считала себя недостойной любви. Эту любовь вдруг проявил к ней Мышкин, причем из сочувствия даже предложил ей руку и сердце, от которых она отказалась, несмотря на то, что Мышкин уверял: «...я сочту, что вы мне, а не я сделаю честь. Я ничто, а вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много» (8, 138). Причем, это замужество могло решить многие ее проблемы: наличие денег и княжеского титула сделало бы ее независимой и уважаемой. Но она отказалась и, прощаясь с Мышкиным, произнесла: «Прощай, князь, в первый раз человека

видела!» (8, 148). Здесь проявилась еще одна из оценок Достоевского современного общества: враждебным и разрушительным видел он капитализм, несущий зло. Впервые в жизни несчастная женщина встретила человека (мужчину), который обошелся с ней по-человечески, по-доброму.

Без сомнения, Мышкин верит в Бога [38]. Но есть в романе два других взгляда на веру, воплощенные в образах Парфена Рогожина и Ипполита Терентьева. Рогожин тоже любит Настасью Филипповну, но любовь эта не платоническая, как у Мышкина, это – страсть. Желание полностью завладеть объектом страсти привело Рогожина к ужасному преступлению – он убил Настасью Филипповну. В любви Рогожина нет самого главного – доброты. И Достоевский показал, к чему может привести такое чувство, которое даже сложно назвать любовью.

Немаловажную роль, как в создании персонажа Рогожина, так и в романе в целом сыграла картина немецкого художника Ганса Гольбейна-младшего «Мертвый Христос». Достоевский увидел картину в Базельской картинной галерее в 1867 году. Его жена так вспоминала этот момент: «Картина произвела на Федора Михайловича подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный <...> В его взволнованном лице было то как бы испуганное выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии» [39]. Свои ощущения от увиденной картины Достоевский передал диалогом двух героев романа «Идиот» (8, 181-182).

Конечно, не только от картины Гольбейна Рогожин потерял веру, это было заложено в нем, но она способствовала укреплению этой мысли. Картина эта – символически выражает победу смерти над жизнью, торжество неверия над верой. Не зря Рогожин показывал «Мертвого Христа» еще одному сомневающемуся персонажу романа – Ипполиту. Он был тоже потрясен увиденным. Позже, в записке, в которой он объяснял самоубийство, он вспоминал «Мертвого Христа».

Ипполит был болен чахоткой, которая уже дошла до финальной стадии. Находясь на пороге смерти, молодой человек размышлял на мировоззренческие темы, которые в его ситуации приобретали особый смысл. Можно представить, какое впечатление оказала картина, на которой нарисован коченеющий труп, на человека, который знал, что скоро умрет. Ипполит представлял себе, что с ним произойдет то же самое, что и с человеком на картине. Он видел смерть, за которой есть ли вообще продолжение? Почитая Иисуса Христа как «великое и бесценное существо», Ипполит наталкивался на очень сложное противоречие: проявление Бога на земле было беспощадно убито. Для Ипполита это подтверждало уверенность в бессмысленности духовных ценностей, нравственности, добра. Продолжая считать Иисуса Христа идеалом человека, обреченный на смерть в столь юном возрасте, он убеждался в бессмысленности своего существования. Ипполит Терентьев – не атеист, а человек, сомневающийся в вере, ищущий Бога.

В романе «Идиот» есть еще одно упоминание картины Гольбейна. Это картина «Мадонна». Автор словами Мышкина сравнивал ее с одной из женщин романа – Александрой Епанчиной. В противопоставлении странной и ослепительной красоты Настасьи Филипповны и чрезвычайной красоты Аглаи Епанчиной, красота Александры в умиротворении, спокойствии, в доброте. Тогда как и Аглая, и Настасья Филипповна – обе они не добры. Между ними завязалось соперничество в отношении князя, которое он не сумел прекратить. Обе женщины своей гордыней, желанием показать свое превосходство, пришли к весьма печальному финалу: одна поплатилась честью и будущим, другая – жизнью. Незавидна и судьба главного героя – князя Мышкина. В отличие от своего прототипа – Иисуса Христа – воскресшего после телесной смерти, Мышкин умер в духовном плане, хотя тело его осталось живым.

Общехристианское осмысление мира Достоевского со временем уступило место православию, как истинному восхвалению Христа. Вера

Достоевского подвергалась множеству испытаний, но образ Христа для него всегда был непоколебим. Любовь к Христу как нравственному идеалу привела его к принятию православия и Церкви.

Достоевский противопоставлял абсолютную ценность – Христа – западному миру. В уже цитированном письме к Н.Д. Фонвизиной (февраль 1854 года) Достоевский обозначил основу своей веры, символ веры – он превыше всего ставил нравственно истинное содержание Христа: «...Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28-1, 176). Если было бы научно доказано (что невозможно практически), что учение Христа ошибочно, Достоевский предпочел бы нравственное совершенство Иисуса Христа доказательствам науки.

Причем, для Достоевского имела значение подлинность исторического существования Христа. Он считал, что вопрос существования Христа на самом деле подтвердил бы возможность воплощения Идеала в жизни: «Многие думают, что достаточно верить в мораль Христову, чтобы быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что «Слово плоть бысть» (11, 187-188). В адрес «безбожников» - Ренана и других Достоевский замечал: «А там и учения то нет, там только случайные слова, а главное – образ Христа, из которого исходит всякое учение» (11, 192).

Наука снова вернулась к вопросу об исторической достоверности личности Христа. Мы привели выше высказывания целого ряда античных авторов, подтверждавших реальное земное существование Иисуса Христа. Научные изыскания XX и XXI веков также в полной степени подтверждают существование Христа: найдены клинописи, множество новых фактов в пользу того, что Христос не миф, а реальное лицо. В известной записи в день смерти первой жены Марии Дмитриевны Достоевский отмечал: «Христос был вековечный, от века Идеал, к которому стремится и по закону природы

должен стремиться человек». Он называл его «идеалом человека во плоти» [40].

Достоевский боялся как бы усиливающееся влияние науки, культ разума не подчинил и нравственные идеалы прагматическим целям индивида. Необходимы абсолютные основы нравственности, находящиеся вне человека, и абсолютный нравственный Идеал. Где же критерий нравственности любых убеждений? – «недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос... но тут уже не философия, а вера, а вера – это красный цвет» [41]. В Христе сосредоточены те моральные качества, которые люди оценили превыше всего: доброта, кротость, прощение, любовь. Христоцентризм пронизывает все религиозное мировоззрение Достоевского, но к периоду создания романа «Преступление и наказание» Достоевский вступил в новую стадию духовной эволюции.

Современный человек – герой романов Достоевского противостоял личности Иисуса Христа, «но путь к нему, его идеалам столь труден, столь непонятен, что она, эта фигура, так и остается неким символом всё же существующего Божественного смысла человеческого существования, через который все и спасутся», - замечает Е.А. Костин [42].

Но современный человек у Достоевского страшно далек от Иисуса Христа. Даже князь Мышкин, по мысли автора – «князь-Христос», не Христос, а, в конечном счете, тяжело больной психически человек, нравственно более здоровый, чем остальные герои романа. Надо помнить, что вместе с Христом на кресте были распяты разбойники, один из которых, уверовав, попал в рай. Тем самым писатель показывал читателям, что даже последние его герои, совершившие аморальные поступки и преступления, не потеряны для жизни (Раскольников, Соня), а могут возродиться на основе христианской веры.

После романов «Преступление и наказание» и «Идиот» Достоевский вновь обращается к теме православия, только на ином, более высоком уровне. Героями его последующих произведений становятся не проститутка Соня, не больной князь Мышкин, а действительно православные, тесно связанные с церковью люди – Тихон, Макар Долгорукий, старец Зосима, Алеша Карамазов. Это другой круг православных христиан, для которых религия есть часть их внутреннего мира и главной миссией является служение Богу.

Следующее по хронологии из серии «Великого Пятикнижия» – роман «Бесы». Социально-политическое произведение, основанное (как и многие другие произведения Достоевского) на реальном событии – убийстве в ноябре 1869 года членами тайного общества «Народная расправа», главой которого был С.Г. Нечаев, студента И.И. Иванова. Конечно, не сам Нечаев и не убийство несчастного студента стали источником вдохновения для писателя, хотя это событие произвело на него крайне тягостное впечатление. Достоевский показал процессы, нараставшие в России, пока еще мало заметные, но уже усиливавшиеся волны революционного движения. Федор Михайлович, как тонкий психолог, столь глубоко проник в мировоззрение революционеров, что книга стала поистине пророческой.

И здесь не обошлось без христианских мотивов. Начинается роман эпиграфом из Евангелия от Луки. «Бесы сидели в человеке и имя им было легион, и просили Его: повели нам войти в свиней, и Он позволил им. Бесы вошли в стадо свиней, и бросилось все стадо с крутизны в море и все потонуло. Когда же окрестные жители сбежались смотреть совершившееся, то увидели бывшего бесноватого – уже одетого и смыслящего и сидящего у ног Иисусовых, и видевшие рассказали им, как исцелился бесноватый. Точь-в-точь случилось так и у нас. Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. Так и должно было быть. Россия выблевала

вон эту пакость, которою ее окормили, и, уже конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского. ... Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. ... Вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы»...» - так Достоевский охарактеризовал идею романа в письме к А.Н. Майкову от 9 октября 1870 года (28-1, 145).

В записных тетрадях к «Бесам» писатель замечал: «Христианство одно только заключает в себе живую воду и может привести человека на живые источники вод и спасти его от разложения. Без христианства же человек разложится и сгниет» (11, 182).

Само название «Бесы» связано с противоположностью света в христианском мире. У Достоевского два типа «бесов», взаимосвязанные между собой: бесы-революционеры, призывавшие народ к топору, к свержению существующего строя. Это – земное воплощение бесов, люди, в которых вселился второй тип бесов. Представители этого второго типа – сама нечистая сила, настоящие бесы. Не зря еще одним эпиграфом (кроме евангельской притчи о бесах, вошедших в свиней) стал отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы»: «В поле бес нас водит видно, / Да кружит по сторонам».

При подготовке нового романа Достоевский глубоко проник не только в сущность произошедшего преступления – убийства, но тщательно изучал «Лествицу» известного богослова VI века Иоанна Лествичника, одно из главных христианских сочинений, в котором приводится описание смертных грехов и способы противодействия им. Книга состоит из 30 глав как ступенях добродетелей, по которым христианин должен восходить на пути к духовному совершенству. Символ 30 объясняется в Лествице годами земного возрастания Иисуса Христа, начавшего служение в возрасте 30 лет. Видимо, этим сочинением навеяна глубокая мысль писателя в романе «Бесы»: «Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает» (9, 138).

Образ «Лестницы» (от ст. слав. – «лестница») заимствован из Библии, где описывается видение Лестницы Иакова, по которой восходят ангелы. «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт.28, 12).

Достоевский в своем романе вывел целую категорию разных по характеру, взглядам, образу действий революционеров. Но объединяет их одно: они безнравственны, не верят в Бога (более того, осуждают его), противопоставляют себя христианским ценностям. Главный отрицательный герой романа – Петр Верховенский, прототипом которого стал С. Нечаев. В противоположность герою романа «Идиот» Верховенский – воплощение отрицательных качеств человека, представитель темных сил, полностью овладевших его душой. Основные черты его характера – гордыня, презрение к другим, жажда власти, для достижения которой он мог использовать любые средства: подлость, клевету, лжесвидетельство и даже преступление.

Еще один представитель темной силы – «бес» Шигалев. В романе у этого человека нет ни имени, ни отчества. Он обезличен как идеолог революционной шайки. И идеология его ужасающа: «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая...» (10, 312). «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов <...> Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина!» (10, 322).

Еще один представитель бесовства в романе – Алексей Кириллов. Следуя своим атеистическим воззрениям, он, отрицая Бога, приходит к

самоубийству. У Кириллова не просто самоубийство, а идеологический акт. Отрицая собственную жизнь, он отрицает и мир. Кириллов сравнивает себя с Христом. Он согласен с принятием богочеловеческой сущности Христа, но понимает Его своеобразно, считая символом освобождения от страха при помощи смерти. Сложное философское мировоззрение привело Кириллова в ловушку: он считает, что Бога не существует, и, следовательно, остается только страх. Страх смерти. А чтобы его преодолеть, надо уничтожить себя. Убивая себя, Кириллов представлял себе, что станет подобным Богу. Идеи Кириллова оказались ложными и привели его к самоубийству. Сам автор называл своего героя «русским идеалистом» (25, 227).

Кириллов всю жизнь пребывал в религиозных метаниях: «Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога» (10, 471). Путь самого автора к Богу был также весьма сложен. В воззрениях Кириллова относительно Бога и веры просматриваются воззрения Достоевского.

Прикрытое идеологическими помыслами, революционными оправданиями всех антигероев романа объединяет одно чувство – отсутствие любви. Она им не ведома, сокрыта от них, как нечто, чего они не достойны и не смогут достичь никогда. Как подметила известный исследователь творчества Достоевского Л.И. Сараскина, «герои романа «Бесы», будто тяжелой болезнью, – поражены нелюбовью... Одни мучаются, что сами не любят, другие – что их не любят, третьим и вовсе любви не нужно» [43]. Христианское учение пронизано любовью. «Бог – есть любовь» – основной постулат христианства. И этого мнения придерживался сам Достоевский: «Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобно которой и нет ничего» (14, 289).

Основным событием романа, показывающим ужас бесовства, стало убийство студента Шатова – честного и совестливого человека, решившего

покинуть революционную организацию. Достоевский доказывал, что никакими благими намерениями, прикрывшись высокими идеями, нельзя оправдать преступление – в данном случае – убийство.

В «Бесах» у Достоевского появился новый персонаж, подобного которому еще не было в произведениях писателя. Это священник Русской Православной церкви Тихон. Образ этот был списан со святителя Тихона Задонского, которого почитал писатель. В письме М.Н. Каткову в октябре 1870 года Достоевский отмечал: «В первый раз, например, хочу прикоснуться к одному разряду лиц, еще мало тронутых литературой. Идеалом такого лица беру Тихона Задонского. Это тоже святитель, живущий на спокое в монастыре... В этом мире я кое-что знаю» (29-1, 142).

Целой главой «У Тихона» Федор Михайлович планировал закончить роман. Он возлагал на нее большую смысловую нагрузку, видел в ней финал своего произведения. «Бесы» должны были завершиться у священника. Но замыслу не суждено было осуществиться по причинам, не зависевшим от автора.

Следующей ступенью в развитии религиозного мировоззрения Достоевского стал роман «Братья Карамазовы». Он явился завершающим романом в творчестве писателя. В нем отразились последние мысли о религии, церкви и вере и окончательно сложившееся, состоявшееся мировоззрение автора. Основной идеей писатель назвал «опровержение богохульства». Он отмечал, что, особенно в среде молодежи это – модное явление, «отрицается изо всех сил создание Божие, мир божий и смысл его» (30-1, 66).

Атеизм и отрицание Бога воплотились в семействе Карамазовых: отце и старших сыновьях. Отец – вообще воплощение пороков и разврата настолько, что его чуть не убивает собственный сын. «Старик Карамазов,- писал В.В. Розанов,- это как бы символ смерти и разложения...» [44]. Старший сын Дмитрий, несмотря на то, что в нем много от Карамазова-отца, всё же не утратил некоторой человечности. Достоевский провел Дмитрия по

пути, который сам прошел когда-то: арест, допросы, суд, каторга, через страдания очищая душу. Его брат Иван понимал низменные качества своей души и пытался бороться с ними. Но тщетно: злое начало брало верх и явилось ему в виде черта, в конце концов, сведя с ума.

Как во многих произведениях, в романе представлены детские образы. «Детей будет выведено много,- писал Достоевский.- Я их изучаю и всю жизнь изучал, и очень люблю» (30-1, 12). В романе показано молодое поколение русских 1870-х годов – дети-гимназисты. В новом поколении Федор Михайлович видел угрозу: он наделял атеистическими взглядами представителя молодежи – гимназиста Колю Красоткина. На примере этого персонажа писатель показывал, что молодежь подвержена духовному разложению, прежде всего под влиянием западных идей, неверия и атеизма. Достоевский показал на примере Коли представителя нового общества, нового поколения молодежи.

В романе есть еще один детский характер – Илюша Снегирев. В апокрифическом Евангелии от Фомы Иисус Христос предстает в качестве злого мальчика, к тому же выступавшего против иудеев. Сравним с ним образ Илюши Снегирева, озлобленного, противостоявшего нападкам других детей, но сердечного, доброго и отзывчивого ребенка, защищавшего от унижений своего отца. Болезнь и смерть его тяжело поразили друзей и Алешу.

В завершающей главе романа автор объединил Алешу Карамазова и мальчиков. Они дали клятву сохранять чистоту и верность дружбе независимо от обстоятельств. Роман завершился сценой триумфа – принесения молодежью клятвы верности.

Есть еще один персонаж в романе, который воплотил в себе отрицательные качества человека – незаконнорожденный сын Федора Павловича Карамазова слуга Смердяков – воплощение неверия и всяческих пороков. «Смердяков – не тип, а антипод русского»,- замечал Д.С. Лихачев [45]. Смердяков стал убийцей собственного отца и не испытывал по этому

поводу ни малейших угрызений совести. Смердяков циничен, хитёр, далёк от Бога, что позволило ему совершить страшное преступление. «Смердяков человек низжайшей природы и трус», - говорил о нем Митя (14, 428).

Положительный герой во всей этой толпе отвратительных персонажей, младший из братьев – Алеша Карамазов. Он – образ идеального православного человека, а на фоне зла и бесчестия и подлости других выглядит почти святым. В Алеше Достоевский не выразил «карамазовских» черт, которые нивелировались в нем благодаря проживанию в монастыре. Алеша – тоже представитель молодого поколения, но он – верующий. «Верил, верую, и хочу веровать, и буду веровать», - восклицает он (14, 308).

Размышления младшего Карамазова о вере, Боге и духовности – мысли самого Достоевского. В соответствии с православными канонами, основой всех ценностей он считал любовь. К идеям и чистоте с уважением относился даже его отец – Федор Павлович Карамазов. Один из показателей чистоты Алеши (как и многих других положительных героев Достоевского) – его любовь к детям. Как Иисус Христос любил детей, так и Алеша Карамазов питал к ним добрые чувства. Достоевский противопоставлял образ Алеши другим персонажам романа. Алеша выступал символом чистоты, который может противостоять злу.

В диалоге Алеши с Иваном Карамазовым Достоевский поднял важную тему, порождавшую сомнения не только у героя, не только у автора, но у многих людей: «...Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо. Правда, он был бог. Но мы-то не боги» (14, 216). Достоевский ставил сложный вопрос, но и сам не находил ответа: почему Бог допускает страдания невинных, страдания чистых, детских душ, не успевших совершить греха?

Иван Карамазов явил собой образец двойничества – образ, который не единожды изучался Достоевским. В Иване всё в двойственном состоянии: он атеист, но пишет статью на религиозную тему; он сладострастен, и в то же время юродствует; благороден, но отбивает богатую красавицу-невесту у

своего брата; сознает подлость, но потворствует Смердякову в убийстве отца. Иван подвергал сомнению сами основы веры. «Я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» (14, 215).

Неверие, отрицание Бога Иваном Карамазовым, в конечном счете, привело его сначала к разговору с чертом, что само по себе есть отклонение от здравого смысла, а впоследствии к сумасшествию. «Физиономия неожиданного гостя была не то чтобы добродушная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствам, на всякое любезное выражение. Часов на нем не было, но был черепаховый лорнет на черной ленте. На среднем пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с недорогим опалом» (15, 71).

Сравним описание чёрта, данное Достоевским, с образом Воланда из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В обоих образах много схожего. У Булгакова иностранец «был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый – почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой» [46].

Неверие Ивана писатель трансформировал в тяжелую душевную болезнь. Без веры в Бога, как был убежден Достоевский, невозможно существование человека, более того, всего народа русского. Православие, по мысли писателя, важнейший источник русской идеи. «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие – всё. Православие есть Церковь, а Церковь – увенчание здания: и уже навеки» (27, 64).

В романе ярко звучит тема Православия, роли Православной церкви в обществе, его истории, современного состояния, роли православных священников, их влияния на укрепление положительных качеств народа. В

пореформенном российском обществе Русская Православная церковь играла важную роль как идеологическая и духовная скрепа, связывавшая народ, общество и государственную власть. На протяжении всего XIX века роль Церкви в обществе возрастала. Это обстоятельство можно проиллюстрировать ростом количества православных храмов: если в начале XIX века в стране насчитывалось 25,2 тыс. церквей, то в 1860 году – 36,2 тыс., а в 1880 году – 45,7 тыс. С ростом церквей возрастала и численность православного духовенства: в начале XIX века в стране насчитывалось 102 тыс. священников, в 1860 году – 113,6 тыс. [47].

Естественно, степень и глубина веры народа не измеряется лишь количеством храмов, однако данное обстоятельство весьма существенно влияет на религиозные настроения населения. Посещаемость православного храма также не всегда свидетельствует о степени веры – можно формально молиться в храме, можно посещать храм лишь по традиции и т.п. Кризис веры в российском обществе под влиянием обстоятельств наступил гораздо позже – в начале XX столетия, что стало одной из причин снижения роли Церкви в жизни общества.

Православие в романе «Братья Карамазовы» представлено разными ипостасями. Здесь автор впервые обратился к внутренней жизни Церкви, к старчеству как значительному духовному явлению в Православии. Достоевский посвятил старчеству целый раздел книги. «Старец, - отмечал он, - это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. <...> ...Старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою. Вот почему во многих монастырях старчество у нас сначала встречено было почти гонением. Между тем старцев тотчас же стали высоко уважать в народе. <...> Старчество удержалось и мало-помалу по русским монастырям водворяется» (14, 26-27).

В России рождение старчества как церковно-монастырского института относится к XVIII столетию и связано с именем преподобного Паисия

Величковского (1722-1794). Это имя Достоевский упоминал в разделе о старчестве. Ученики преподобного Паисия участвовали в возрождении Оптиной пустыни, которая прославилась именами своих старцев – Льва, Макария, Амвросия, живших в XIX веке. Оптинский старец Амвросий (Александр Михайлович Гренков, 1812-1891) был канонизирован Русской Православной церковью в 1988 году.

Значительную роль в сохранении и приумножении православных традиций играло православное монашество. Численность православных монастырей и монахов возросло во второй половине XIX века.

В романе «Братья Карамазовы» в развитие темы, начатой в «Бесах», появляется старец Зосима. Этот человек, убежденный в своей вере, видел собственное предназначение в помощи людям. При его содействии формировался характер Алеши, его религиозное мироощущение.

На Достоевского немалое оказало оптинское старчество. В статье В.А. Котельникова «Восточнохристианская аскетика на русской почве» говорится: «Оптинская аскетика – это, прежде всего старчество, а «Братья Карамазовы» – это роман о старце Зосиме и его излюбленном духовном чаде – Алеше Карамазове» [48]. Эта точка зрения на роман как произведение, в котором в очередной раз Достоевский демонстрирует борьбу добра и зла и торжество добра. Глубинное предназначение аскетизма – получать счастье и видеть радость не «извне», а внутри себя. Это сугубо христианское чувство. Внутреннее торжество любви порождает настоящую радость как торжество человеческого духа. Это внутреннее состояние счастья показано в описании духовного облика старца Зосимы: «Любите все создания Божие, и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь» (14, 115).

Религиозно-философские взгляды Достоевского нашли отражение в образе и поучениях старца Зосимы. В этом персонаже он показал духовное возрождение человека, раскаявшегося в своих грехах и пришедшего к Богу. До того писатель не говорил, что происходит с героем после раскаяния.

Жизнь старца Зосимы демонстрирует, что могло бы произойти в будущем с Раскольниковым, с Дмитрием Карамазовым. Достоевский вновь пустил своего героя по пути, который прошел сам. Через муки угрызений совести Зосима пришел к осознанию всеобщей греховности людей и это делает его близким к народу. Понимание общности с народом было свойственно писателю. Главный герой романа «Преступление и наказание» видел мир, в котором уничтожается человечество и через это осознавал, что он не один на свете. Свое предназначение Зосима видел в помощи людям. Он помогает беседой, сочувствием, добрым словом, молитвой. Открытость людям давала силу, которая позволяла Зосиме помогать и приносить страждущим пользу [49].

В разговоре с г-жой Хохлаковой Зосима поднял вопрос о неразрывной связи религиозной веры с опытом любви: «Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно» (14, 52).

Зосима фактически повторяет изречение Св. Апостола Иоанна. В 1-м Послании Св. Апостола Иоанна прямо сказано: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан.4, 16). Сам Зосима говорил о любви так: «Ненасытно люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего» (14, 292).

Достоевский поддерживал тесные контакты с представителями Русской православной церкви, образы которых нередко воплощались в его художественных произведениях. Так, одним из прототипов старца Зосимы послужил старец Амвросий Оптинский, с которым писатель встречался и дважды беседовал во время посещения Оптиной пустыни в июне 1878 года вместе с В.С. Соловьевым. В этом месте жили настоящие монахи, сохранявшие в чистоте основы православия. Оптинская Введенская

Макариева пустынь – известный монастырь в Козельском уезде Калужской губернии была основана в XVI веке.

В РГБ сохранились два письма архимандрита Леонида – наместника Троице-Сергиевой лавры к Достоевскому. Первое письмо от 12 апреля 1877 года с просьбой прислать «Дневник писателя». Письмо от декабря 1880 года содержит материал для статей Достоевского по Восточному вопросу [50].

Для светского человека, живущего вне церкви, Достоевский хорошо знал церковную и монастырскую жизнь. «В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства», - отмечал он в письме к А.Н. Майкову (29-1, 118). «Я знаю русский монастырь превосходно», - утверждал он в письме к Н.Н. Страхову (29-1, 112).

В «Братьях Карамазовых» Достоевский вновь возвращается к теме бренности телесной сущности человека. Он показал разложение тела Зосимы после его смерти. Автор вновь и вновь подвергает сомнению твердость веры, как будто колеблется в вере сам. Но это лишь видимость. «Для самых благородных целей и стремлений нельзя *искажать* христианство, то есть смотреть на православие, по крайней мере, как на второстепенную вещь» (29-1, 263).

Вместе с тем, мыслитель видел существенные изъяны в ослаблении православной веры в священстве, что вызывало у него крайнее беспокойство. «Духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже» (25, 174).

«Братья Карамазовы», - писал А. Волынский, - это художественное произведение, в котором Достоевский разрешает великую философскую и психологическую задачу. Он показал нам, из каких коренных начал состоит человеческая душа, и как эти коренные начала, богофобское и богофильское, постоянно борются между собою и усиливаются или ослабляются в зависимости от того, куда направляется человеческое сознание» [51].

Важной частью жизни и творчества Федора Михайловича в 1870-х годах стала работа над «Дневником писателя». Через него Достоевский высказывал свое отношение к российской действительности, погружался в

изучение острых социально-политических проблем. Его дневники – уникальное явление в истории русской политической мысли. Они глубоки по охвату проблем, оригинальности предложений их решения, отражению различных сторон жизни российского общества и государства. Конечно, не обошел Достоевский и вопросы религии и церкви.

«Дневник писателя» не был специально посвящен вопросам религии и церкви. Однако тема Церкви постоянно присутствовала в очерках. Так, после посещения колонии для малолетних преступников с известным юристом А.Ф. Кони Достоевский показал единственный, по его мнению, путь к спасению: «...И все-то они теперь здесь, все они теперь ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей...» (22, 17).

В очерке «Фома Данилов, замученный русский герой» Достоевский восхвалял подвиг русского унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона. Будучи плененным, он отказался перейти в мусульманство и принял страшные муки за Христову веру.

Трудно согласиться с подходом Достоевского к христианским оценкам войны. Оправдывая собственное позитивное отношение к войне, мыслитель ссылаясь на то, что «христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не перейдет до кончины мира: это очень замечательно и поражает» (22, 124).

Достоевский сам высоко оценивал «Дневник писателя». В письме к Л.А. Ожигиной от 17 декабря 1877 года из Петербурга он писал: «...Хоть в эти два года я и устал с «Дневником»... но зато и много доставил мне этот «Дневник» счастливых минут, именно тем, что я узнал, как сочувствует общество моей деятельности. Я получил сотни писем изо всех концов России и научился многому, чего прежде не знал» (29-2, 178).

Религиозные воззрения писателя не были статичны, не были однозначно и безоговорочно сформированы с детства. Всю жизнь, с изменениями в судьбе, они претерпевали переосмысление, становились все многограннее и

глубже. Федор Михайлович писал: «Стало быть не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла...» (27, 86).

Эти сомнения переживал Достоевский в течение всей жизни, находясь в поиске ответов на вопросы, связанные со взаимоотношениями Бога и человека: может ли человек существовать без веры в Бога; каким будет человек, если перестанет верить в Бога, отвергнет его; как будет раскрываться зло в человеке в этом случае; могут ли быть оправданы страдания и чем и др. Достоевский всю жизнь искал Бога, и этот глубокий внутренний процесс лежал в основе диалектики его духовных исканий.

Достоевский отразил в своих произведениях кризис религиозного сознания своих современников, борьбу Бога и дьявола в их душах и поиски нравственных основ бытия. Его собственная религиозность носила не традиционный характер, не случайно религиозные искания Достоевского были встречены с недоверием Русской Православной церковью. Для Толстого это кончилось отлучением, для Достоевского внешне все обстояло благополучно, однако мы указали ранее, что было на самом деле. Достоевский выделил две формы безбожия: революционное и церковное (взять хотя бы отца Ферапонта из «Братьев Карамазовых»). И те и другие презирают свободу и поклоняются земной власти, т.е. дьяволу.

У Достоевского же признание человеческой личности и свободы ее, а значит и ответственности, является столпом христианства. Человек создан по образу Божию, и, используя свободу воли, стремится к совершенствованию и приближению к Богу. Но пока люди – лишь потенции, они в состоянии эволюции. «Христианство – это идеал будущей окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном... Христос проповедовал свое учение только как Идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие» (5, 174).

Таким образом, христианство, православие, Русская Православная церковь занимали значительное место в творчестве Ф.М. Достоевского. С

детства знакомый с христианством посредством воспитания в семье на традициях и ценностях православия, Достоевский пронес веру в Бога, в Иисуса Христа на протяжении всей своей жизни. В начальный период творчества молодой писатель не ставил в своих произведениях проблемы христианства, касался их косвенно. В годы каторги и ссылки, предаваясь мучительным размышлениям о собственной судьбе, судьбе сотоварищей-каторжан, он постепенно приходил к утверждению веры в Бога, укреплял веру в душе.

В романе «Преступление и наказание» Достоевский в большей степени приблизился к ощущению христианства. В эпилоге Раскольников хранил Евангелие под подушкой, но еще не раскрывал его, не постигал великой сущности православия. Среди персонажей этого романа действительно верующей была Соня Мармеладова.

Роман «Идиот» стал поистине гимном православию. Писатель стремился изобразить идеального человека, князя-Христа. Главный герой – князь Мышкин – истинно верующий православный человек. Он настолько сильно верит в идеалы христианства, что не может обманывать, лукавить, в отличие от остальных героев. В своей истинной вере он кажется остальным идиотом, не в физическом, а, скорее, духовном отношении. Роман «Идиот» – одно из самых проникновенных сочинений писателя с точки зрения осмысления христианства, места человека в христианском мире.

Роман «Братья Карамазовы» продолжил религиозные изыскания автора. Идеальным человеком в романе становится Алеша Карамазов, воспитывавшийся в монастыре под началом старца Зосимы. Алеша – высоконравственный человек, истинно верующий и следующий христианским установлениям в повседневной жизни, чем вызывает уважение даже своего отца. Глубоки диалоги, которые ведут братья Карамазовы, выясняющие разнообразные оттенки мировоззрения, в том числе отношение к религии и православной вере. Достоевский погрузил читателя в небывалые глубины духовности, которые сам черпал в христианстве. Образ старца

Зосимы – также идеальный образ русского священника. Достоевский высоко чтит русское старчество и преклонялся перед этим явлением, познакомившись со старцами в Оптиной пустыне – хранительнице церковных традиций.

Значительное место в религиозных воззрениях Достоевского занимала идея просвещения русского народа посредством приобщения его к христианским ценностям и традициям. «Наш народ просветился уже давно,- говорил писатель,- приняв в свою суть Христа и учеников его», «вместе с ним, с Христом, уж конечно, принял и истинное просвещение» (26, 150-151). Писатель возражал оценкам, полагавшим плохое знакомство русского народа с христианством как религией. «Говорят, русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит его в своем сердце искони. В этом нет никакого сомнения. Как возможно истинное представление Христа без учения о вере? Это другой вопрос. Но сердечное знание Христа и истинное представление о нем существуют вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос и он любит образ его по-своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего», - писал он в очерке «Влас» из «Дневника писателя» за 1873 год (21, 38).

Справедливо в этом плане высказывание В.В. Розанова: «Неразъединимо это ощущение Достоевским своего народа сливалось с упомянутым уже чрезвычайно жизненным ощущением Христа» [55].

Религиозные взгляды Достоевского не были застывшими, неизменными. Мыслитель в течение всей своей жизни глубоко изучал религию, углублял и расширял веру в Бога. Эти тенденции четко прослежены в его художественных и публицистических сочинениях.

4.2. Отношение Достоевского к Римско-католической церкви

Всем, кто знаком с творчеством Достоевского, известно, как он относился к Западу, западным ценностям и к католицизму, как квинтэссенции западноевропейской цивилизации и идеологии.

Изучение отношения Достоевского к католицизму имеет не только сугубо историко-культурное, но и современное звучание: с февраля 2016 года наметились первые шаги в направлении сближения Русской Православной церкви с Римско-католической церковью. Во время Достоевского подобного рода контакты двух христианских церквей можно было представить только в самых необузданных и смелых фантазиях.

Федор Михайлович уделял значительное внимание изучению различных типов европейских народов и их религиозных воззрений, с которыми он сталкивался во время своих заграничных путешествий. Он часто сравнивал русский народ с западноевропейцами. Это происходило на фоне либеральных реформ 1860-1870-х годов при обострении вопроса о поиске пути развития России. По данному вопросу в различных слоях российского общества шли оживленные дискуссии, в которых принимал участие и Достоевский. К тому же на позицию Достоевского оказывала влияние военно-политическая ситуация в Европе. Активным участником этих событий после поражения в Крымской войне была Россия.

Сравнивая Россию и Запад, Достоевский обращал внимание в первую очередь на природу человека, при раскрытии которой он неизбежно соприкасался с западной религией – католицизмом. Главным ее недостатком он считал забвение самого человека, измену Христу ради материальных благ, земных выгод. В католицизме писатель не видел прочных, устойчивых религиозно-нравственных убеждений. Западные христиане действовали, по его мнению, в зависимости от конъюнктуры, в основании своей деятельности имея богатство и власть.

По мнению Достоевского, деформация западной цивилизации началась с западного христианства, которое подавало деформированную, искаженную форму веры. Практически все исследователи обратили внимание, что писатель стал выражать свое критическое отношение к Западу после возвращения из ссылки. Он критиковал как идеи эпохи Просвещения, так и основы западного христианства (прежде всего, католичества, в меньшей степени – протестантизма). Достоевский «отвергает западные способы решения проблемы личности и общества,- пишет Иустин,- отвергает католицизм и его порождения – социализм, анархизм, науку, цивилизацию, культуру. Прежде всего католицизм механизировал личность почти до уничтожения... Социализм не допускает личности, он требует полной безличности» [1].

Возможно, истоки такого отношения к католичеству (как и появление интереса к нему писателя), кроются в годах каторги, точнее, в окружении Достоевского в эти годы. В это время вместе с ним свои сроки отбывали поляки – участники восстаний 1830-1831 годов. Отношения поляков и русских в истории всегда были не самыми простыми. В условиях заключения эти отношения только обострялись. Откровенно сатирически изобразил писатель поляков в романе «Братья Карамазовы», показав их далеко не лучшие человеческие черты. Это, безусловно, только одна из причин негативного восприятия писателем католичества.

На каторге Достоевский столкнулся с разными характерами различных национальностей и вероисповеданий. Среди них и упомянутые выше поляки, калмыки, цыгане, представители кавказских народов, евреи. Кроме разных национальностей, они также были представителями различных религиозных течений (католицизм, ислам, буддизм, иудаизм). Достоевский впоследствии был горд тем, что познал народ «изнутри», что, безусловно, еще более обогатило его внутренний мир. Этому также способствовало знакомство Достоевского с Чоканом Валихановым – казахским просветителем, ученым, синтезировавшим культуру Востока и Запада [2].

После освобождения из каторги, находясь на службе, Федор Михайлович просил брата прислать ему весьма интересную подборку религиозной литературы (в основном церковной), в том числе и Коран. «У Достоевского был специфический интерес к Корану, который несколько раз упоминается в его произведениях, в частности в «Преступлении и наказании» и в «Идиоте». Создатель Корана, Магомет, был эпилептиком. Уже в этом своеобразном сближении себя с Магометом могла быть выдана претензия Достоевского на пророчество» [3].

Тема Корана и мусульманских мотивов в творчестве писателя мало изучена в научной литературе. Но по исследованиям ряда авторов (Х.Ш. Точиева и др.) можно прийти к выводу, что исламские мотивы также присутствовали в творчестве писателя. Достоевский говорил о «важности» (4, 54), «простодушной величавости» ислама (26, 146), называя его одной из «духовных драгоценностей» (26, 265). По мнению Достоевского, мусульманская религия выражает «нравственное чувство народа, и потребности его, и желания его, и идеалы его, и цели стремлений его», «жажду идеалов гражданских», «потребность устроиться в целое в соответствии с Идеалом и исповеданиями нравственными» (26, 324-326).

Почему же, уважая мусульманство, иную, весьма далекую от христианства веру, Достоевский проявлял открытую нетерпимость к католичеству? Он принимал иные религии, считая их разными путями народов к Богу, выражением «нравственного чувства и идеала» разных народов, проявлял религиозную терпимость и лояльность. Но в отношении католической религии у Достоевского предостаточно уничижительных и негативных оценок и высказываний, как прямых («Дневник писателя», переписка), так и посредством своих героев (Мышкин, Шатов).

В политической жизни России 1860-1870-х годов выделилось два течения, взявших за идеологическую основу отношение России к Западу: западничество и славянофильство. Они закрепились в русской культуре в 1840-1850-х годах как культурно-политическая оппозиция к идеологии и

философии Просвещения и Великой Французской революции. Ко времени критики Достоевским Запада и западных ценностей, это явление приобрело более широкое выражение. Конечно, идеи славянофильства, как и мысли Достоевского, не были ограничены только критикой. В противопоставление Западу, Достоевский, как и славянофилы, превозносил русские традиции, национальный характер русского народа и Православие.

Консервативным течением в российской идеологии второй половины XIX столетия стало близкое к славянофильству почвенничество, которое безоговорочно поддерживал писатель. Основой идеологии данного идейно-политического течения стали державность России и Российского государства, самобытность, преимущества социальных и нравственных черт русского народа в противоположность Западу. Эти идеи получили отражение на страницах журналов братьев Достоевский «Время» и «Эпоха».

Представители почвенничества надеялись объединить все тогдашние политические течения идеей уникальности русского народа, особой мессианской роли России в мировой цивилизации. «...Наша (теперешняя русская), заемная европейская цивилизация... не идет русскому народу. ...У нас есть свои элементы, свои начала, народные начала, которые требуют самостоятельности и саморазвития. ...Русская земля скажет свое новое слово... общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира. ...В элементах нашей народной цивилизации мы всегда видели признаки земщины, тогда как в европейской – признаки аристократизма и исключительности. ...Мы признаем, что мы, то есть все цивилизованные, по-европейски русские, оторвались от почвы, чутье русское потеряли до того, что не верим в собственные русские силы, не верим в свои особенности, падаем ниц, как рабы, перед петровской голландией, смеемся над словом «народные начала»... - писал Достоевский в статье «Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» (20, 98-99).

Основой возрождения русской идеи Достоевский полагал христианские законы: «Мы вовсе не такие почвенники, чтобы отвергать общечеловеческий

идеал и, призывая к почве, – тупить людей, суживать их горизонт и стеснять горизонт. Мы потому, главное, не таковы, что христиане, вполне христиане. А первый догмат христианства – общность закона для всех, общность идеала, все братья», – писал он в записной тетради 1864-1865 годов (20, 92).

Выдвигая идею самобытности России, представители почвенничества критиковали Запад, не отказываясь в то же время от использования в России передовых западных идей, которые казались им полезными, например, достижения науки и техники.

Основным отличием русского характера от западных Достоевский считал утрату европейцами христианских идеалов. «...В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческие интересы. У него инстинкт общечеловечности» (28, 55).

Несмотря на очевидную идеализацию русского характера, в самом главном согласиться с писателем можно: синтетичность характера целого народа позволила ему продержаться большой временной отрезок в историческом периоде, взять лучшее от других народов и не только сохранить себя в условиях постоянной агрессии извне. Россия не только сохранилась сама, но и смогла оказать военно-политическую помощь соседним народам, подвергавшимся внешней агрессии (Грузия, Армения, Сербия, Черногория, Болгария).

В дальнейшем Достоевский все больше и уничижительней обличал европейские народы: англичан, французов, немцев. Особенно резко стал он отзываться о западноевропейцах после поездки в Европу в 1862 году.

Творческим итогом поездки стал очерк «Зимние заметки о летних впечатлениях».

Уже до этого относясь критически ко всему западноевропейскому, Достоевский только больше укрепился в своем негативном мнении. Нелестны, а подчас и жестоки его оценки разных национальностей: «...К немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах» (28, 54). «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье» (5, 50).

В эту поездку Достоевский посетил Францию, Англию, Швейцарию, Италию, Германию. Впечатления остались не самые благоприятные. Достоевский почувствовал буржуазность Франции и французских обывателей, меркантильность немцев, увидел нищету и убогость лондонских кварталов. Свои впечатления от увиденного он подробно описал в «Зимних заметках».

Мыслитель усомнился в правильности европейского пути, которым восторгались многие русские, особенно западники. Путь Запада воспринимался ими как нечто прогрессивное, почти что идеальное. Иным было представление Достоевского.

Достоевский часто подчеркивал, что нравственность русского народа неизмеримо выше, чем народов Европы: «Нравственные вещи Европы нельзя копировать: мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская – все это очень плохо. Вера их хуже нашей. Гуманность же, которую вы столь цените, без сомнения ниже нашей (взгляд народа на преступника, прощение и забвение обид, широкое понимание исторической необходимости – это у нас лучше, чем на Западе... Гуманные же начала даны в нашей вере, и эти наши начала лучше» [4]. «Созидается общество, - писал Достоевский, - началами нравственными. В нравственных началах вы ничего народу не принесете лучшего, ибо у него православие, а у вас ничего» [5].

Достоевский задавался вопросом о причинах идейного и морального хаоса, который он так остро почувствовал в Европе. И находил эти причины

в католицизме. Казалось бы, католицизм – ответвление христианства, направление фактически той же христианской религии, апостольской церкви. Но Достоевский увидел в нем богоподмену: «Искаженного Христа проповедует», Христа, адаптированного для европейца, созданного по его образу и подобию. Посредством науки, философии, искусства европеец обожествил себя, провозгласил мерилom ценностей. Достоевский высказывал эту мысль через главного героя романа «Идиот» князя Мышкина: «Рим провозгласил Христа, поддавшегося на третье диаволово искушение, и, возвестив всему миру, что Христос без царства земного на земле устоять не может, католичество тем самым провозгласило Антихриста и тем погубило весь Западный мир» (8, 450).

Более того, в романе «Идиот» князь Мышкин прямо обвиняет католичество. «...Католичество римское даже хуже самого атеизма... Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше, он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного. Христа противоположного! Он антихриста проповедует... Римский католицизм (верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле... Римский католицизм даже и не вера, а решительное продолжение Западной Римской империи) и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, всё, всё променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого римского католичества!» (8, 450-451). И здесь же: «Католичество – все равно что вера нехристианская!» (8, 450).

Европеец оказывался самодостаточен, ему не нужен Христос в качестве идеала, к которому надо стремиться. Протестантизм послужил окончательному освобождению западного человека от христианских основ, положительно повлияв на материальную сферу (экономику, политику), в

духовной сфере еще больше отдалил от настоящего христианства. Католичество привело к подмене Бога человеком, протестантизм продолжил материализмом как философским течением и закончил атеизмом.

«Великое Пятикнижие» Достоевского предваряет роман «Игрок». Это – по сути, автобиографическое произведение, которое достаточно широко охватывает воззрения Достоевского на западный мир. «Игрок» – единственное произведение писателя, действие которого происходит в Европе. В основе романа – личные впечатления и ощущения самого автора, который в течение длительного времени был подвержен пагубной страсти – игре в рулетку.

Федор Михайлович делился намерениями относительно этого романа с Н.Н. Страховым: «... один тип заграничного русского. Я беру натуру непосредственную, человека, однако же, много развитого, но во всем недоконченного, изверившегося и смеющего не верить, восставшего на авторитеты и боящегося их. Он успокаивает себя тем, что ему нечего делать в России, и потому жестокая критика на людей, зовущих из России наших заграничных русских» (28-2, 50–51).

Европа предстала в произведении символом нравственного разврата и духовного опустошения, местом, где человека сопровождают различного рода искушения, а сама атмосфера европейского города приводит к греху. Азартные игры становятся символом европейского образа жизни. Еще до оформления антиевропейских воззрений в идеологию, в конце 1840-х годов, давая оценку событиям французской революции 1848 года, Достоевский писал: «Тридцать шесть миллионов людей каждый день ставят словно на карту всю свою будущность, имение, существование свое и детей своих!» (18, 122), сравнивая европейскую реальность с карточной игрой.

Помимо самих европейцев, Достоевский осуждал также русских, уехавших в Европу. В «Дневнике писателя» за 1880 год Достоевский называл этот национальный тип – «русские бездомные скитальцы», название,

отсылающее к евангельской притче про блудного сына. В «Игроке» поднимался вопрос и о покинувших Родину русских.

Бедность и любовь к Полине толкают главного героя «Игрока» Алексея Ивановича на поиски денег. Действие происходит в европейском городе Рулетенбурге (из названия уже всё ясно), который преподносится Достоевским как иллюзия рая, являющегося на самом деле адом. Внешне этот мир ярок и чрезвычайно привлекателен, но при более детальном рассмотрении оказывается лишь вывеской, за которой скрывается страшное и греховное.

Центральным местом города является рулетка, расположенная в воксале. Этим словом в бытность Достоевского обозначался не привычный нам вокзал с поездами и кассами, а увеселительное место для отдыха и развлечений. Рулетенбург выстроен так, что все дороги его ведут к центру – к рулетке. В течение всего повествования периодически упоминается воксал, а также описывает движение персонажей к нему, каждый раз как бы подчеркивая магнетическое притяжение игры.

Достоевский в течение многих лет сам был страстным, фанатичным игроком, болел игрой. В письме к А.Н. Майкову от 28 августа 1868 года из Женевы он писал о своей страсти: «С одной стороны – легкий выигрыш, а с другой – тревога душевная, невозможность воротиться в Россию. Но есть третье – и главное – сама игра. Знаете, как это втягивает?» [6]. И далее: «Это легкая возможность поправить всё!» [7].

В романе просматривается библейский сюжет об изгнании из рая. Главный герой – учитель Алексей Иванович – находится под опекой генерала. И это его угнетает, опека предстает не заботой, а ограничением свободы. Не выдержав проступков Алексея Ивановича, генерал, в конце концов, отвергает его. Но не только заботливый генерал тяготит главного героя. Главное – он стыдится своих русских истоков, возмущается «татарской породой».

Идеалом игрока стали деньги – выражение порока, причем не заработанные собственным трудом, а сомнительно выигранные на рулетке. Деньги, как понимал их писатель, сам непрерывно игравший на рулетке и проигрывавший крупные суммы, не имели чувства. Критикуя капитализм за бесчувственное отношение к человеку, Достоевский подверг критике и азартные игры, оставаясь в то же время рабом рулетки.

«Достоевскому не нужно было доказывать себе, что деньги – зло, что следует отречься от собственности: он мучился бедностью и придавал деньгам, по крайней мере, в своем сознании, большое значение; но только что они оказывались у него в руках, – он обращался с ними так, как будто считал их даже не злом, а совершенным вздором», - отмечал Д.С. Мережковский [8].

Достоевский в «Игроке» вновь обращался к архетипической ситуации: возлюбленная героя Полина становится искусительницей, посылая его на игру: « ...возьмите эти семьсот флоринов и ступайте играть, выиграйте мне на рулетке, сколько можете больше; мне деньги во что бы то ни стало теперь нужны» (5, 214). И Алексей Иванович теряет себя, свою личность, растворяясь в игре. Не зря приверженность к игре является пороком: человек забывает о семье, о долге, становится безразличен ко всему, что не связано с игрой. Даже если выигрывает, то не может остановиться – так затягивает его это дьявольское действо.

Как и многие другие герои Достоевского, от жизненной неустроенности героя начинают одолевать недуги психофизического свойства, он плохо себя чувствует, не контролирует свое поведение. Игрок постепенно сходит с ума: «Еще подходя к игорной зале, за две комнаты, только что я слышу дзеньканье пересыпающихся денег, – со мною почти делаются судороги» (5, 312).

Дальше – больше: хаотичнее становятся размышления героя, шире география его игры. Кажется, что вся Европа – одно большое казино. И нет в нем места человеческим чувствам, идеалам, нет места Богу. Игроку кажется,

будто игра на рулетке и есть жизнь. Причем он понимает, что попал в очень плохую ситуацию, но видит только ложный выход – выиграть как можно больше денег: «Неужели я не понимаю, что я сам погибший человек! Но – почему же я не могу воскреснуть! Да! Стоит только хоть раз в жизни быть расчетливым и терпеливым, и вот и все. Стоит только хоть раз выдержать характер, и я в один час могу всю судьбу изменить!» (5, 318). Иногда на него снисходит озарение, что надо бежать отсюда, от рулетки, бежать как можно дальше, но всякий раз он откладывает побег на иллюзорное «завтра», возвращение в Россию, на переезд в Швейцарию. Алексей Иванович теряет интерес и к когда-то любимой им женщине. Даже деньги теперь ему интересны только как инструмент для игры.

Один из персонажей подытоживает противопоставление Достоевским Москвы, как образа России, и Европы: «Ох, уж эта мне заграница! Говорил, что не к добру. И уж поскорее бы в нашу Москву! И чего-то у нас дома нет, в Москве? Сад, цветы, каких здесь и не бывает, дух, яблоньки наливаются, простор, – нет, надо было за границу!» (5, 281). В этих словах «мужика из народа» Потапыча прослеживается идея, близкая к почвенничеству.

После освобождения из каторги у Достоевского, что вполне естественно, наблюдался период, похожий на творческий кризис. «Записки из Мертвого дома» были написаны легко и быстро, но «Село Степанчиково» он писал почти полтора года, и то спустя три года после каторги, а «Униженные и оскорбленные» спустя еще три года. Чего не хватало Достоевскому? Очевидно, серьезной, глубокой опоры в мировосприятии. Вероятно, этим и объясняется обращение писателя к православию, способствовавшему расширению его сознания до гениальности. Возможно, сыграла свою роль и Анна Григорьевна (она была очень набожна), и знакомство с православным священником И. Янышевым, выдающимся деятелем Православной церкви, и критическое восприятие католицизма, атеизма и революционного социализма. Появилась глубина веры, как бы новая ступень в развитии личности писателя.

В статье «Социализм и христианство» Достоевский утверждал христианство высшим этапом эволюции человека. Не очень разбираясь в научных формулировках, в точности применения дефиниций, он писал: «Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация – среднее, переходное. Христианство – третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, достигается идеал...» (20, 194). По сути, замечание верное – христианство явило собой высшую ступень нравственности, приблизило человечество к осознанию нравственного идеала.

Роман «Преступление и наказание», написанный стремительно за полтора месяца, явился отражением того найденного Достоевским мировоззрения, которое повлекло за собой один за другим все романы «Великого Пятикнижия». В связи с идеей романа «Преступление и наказание» Достоевский в третьей записной книжке писал: «Идея романа. Православное воззрение; в чем есть Православие? нет счастья в комфорте, покупается счастье страданиями – человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье и всегда страданием» (6, 548). Писатель своим обостренным чутьем уловил глубокий внутренний смысл православия: счастье, блаженство достигаются только через страдание. В этом романе писатель не касался католичества, не сравнивал два течения христианства – западное и восточное.

Резкой критикой католицизма отмечен роман «Идиот». Достоевский непосредственно столкнулся с католичеством во время путешествия по Европе. Не всегда справедливой была критика писателем западного христианства. Так, он ставил знак равенства между католичеством и социализмом. Социализм,- писал он в Записных тетрадях 1864-1865 гг.,- «продукт западного христианства» (20, 190). Неприятие социализма, негативное отношение к социалистическим идеям отразилось и на отношении Достоевского к католичеству.

Достоевский проследил связь католицизма не только с европеизмом, атеизмом, но и с социализмом. Католицизм порождал атеизм, а тот был

непосредственно связан с социализмом, являлся его органической составляющей. «Атеизм прежде всего с них самих начался; могли ли они верить себе сами? Он укрепился из отвращения к ним; от порождения их лжи и бессилия духовного!» (8, 451). И даже: «Ведь и социализм – порождение католичества и католической сущности! Он тоже, как и брат его атеизм, вышел из отчаяния, в противоположность католичеству в смысле нравственном, чтобы заменить собой потерянную нравственную власть религии, чтоб утолить жажду духовную возрождавшегося человечества и спасти его не Христом, а тоже насилем! Это тоже свобода через насилие, это тоже объединение чрез меч и кровь!» (8, 451).

В романе «Идиот» писатель противопоставлял католичеству истинную веру – православие. «Надо чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся, мы должны теперь стать перед ними...» (8, 451-452).

Критика католицизма получила отражение на страницах «Дневника писателя». В очерке «Сила мертвая и силы грядущие» («Дневник писателя» за март 1876 года) мыслитель продолжил тему взаимоотношения двух христианских церквей – православия и католичества. Писатель вновь повторил свой тезис о том, что Римское католичество «не задумавшись, предало Христа за земное владение» (22, 88). Католичество отказалось от прежнего Христа, провозгласило Христа нового, «на прежнего, не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные...» (22, 88).

Достоевский с новой энергией подверг критике католицизм в связи с принятием Вселенским Ватиканским собором в Риме 18 июля 1870 года догмата о непогрешимости папы в вопросах веры и нравственности. Католическая церковь стремилась еще больше укрепить свое влияние. Писатель пояснил в данной ситуации: «...Продажа истинного Христа за царства земные совершилась» (22, 89). Сам собор он назвал «нечистивым».

В июне 1876 года в «Дневнике писателя» Достоевский снова обрушился с резкой критикой на католицизм, обвинив его в попытках «вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую идею, извратить само православие и совлечь Россию на путь гибели, «по примеру всех других народов» (23, 46).

Апогеем критики католицизма стала поэма-глава «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы». Содержание главы дается автором в пересказе Иваном Алеше. История католичества давно интересовала Достоевского. Писатель изучал преступления католической церкви, папства и инквизиции. Достоевский противопоставил инквизитору, олицетворявшему злое начало, абсолютное добро Иисуса. На злые слова Великого инквизитора Иисус ответил не злым словом, не бунтом-протестом, а тихим, кротким поцелуем. Смирение христианское одержало победу над инквизицией, над силами зла. Абсолютное добро как центральная идея христианства восторжествовало. Алеша после услышанной легенды проникся такими словами торжества жизни над смертью: «А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина! Как же жить-то будешь? С таким адом в груди и в голове разве это возможно?» (14, 239).

Любовь понималась писателем не только на высоком христианском, духовном уровне, но и на бытовом уровне «карамазовщины» – символе крайнего разложения и разврата. Алеша в споре с Иваном о проблемах мироздания поступил так же, как Иисус с инквизитором: «Алеша встал, подошел к нему и молча тихо поцеловал его в губы» (14, 240).

Н.А. Бердяев считал Достоевского «революционером духа». «Легенда о Великом Инквизиторе» одно из самых революционных, можно даже сказать, анархических произведений мировой литературы. К русской социальной теме он не стал равнодушен, у него была своя социальная утопия, утопия теократическая, в которой церковь поглощает целиком государство и осуществляет царство свободы и любви. Его можно было бы назвать

православным социалистом. Он противник буржуазного мира, капиталистического строя и пр. Он верит, что в русском народе правда, и исповедует религиозное народничество» [9].

Достоевский в своей записи в день смерти жены 16 апреля 1864 года сделал какой-то фантастический прорыв в далекое будущее, дав совершенно неожиданное определение Бога: человек «идет от многообразия к синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. Натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в анализе» (20, 174).

Возможно, это понимание Бога навеяно философией Гегеля, буддизмом. Достоевский, вероятно, и не подозревал, что оно ведет к пантеизму, обожествлению всего и вся. Это определение Бога прямо обращено в будущее, к более высокому уровню сознания человечества, объемлющему Вселенную и человека, космос и атом в единстве.

«Космическое» мышление, своеобразное понимание Пространства и Времени говорят о новом глобальном мировоззрении Достоевского, включавшем в себя и новые религиозные воззрения. Не случайно идеи Достоевского стали отправными для многих философских школ и течений XX века, начиная с экзистенциализма и кончая гуманистической философией А. Швейцера, Э. Фромма и др.

Религиозно-философская мысль Достоевского стала толчком для богоискательства и богостроительства в русской литературной среде конца XIX - начала XX века. Достоевский обратил общество к вопросам веры, т.е. к последним «проклятым» вопросам бытия. Его «пророческий жар и бред впервые потрясли нашу душу», - сказал о Достоевском Вячеслав Иванов в своей книге «Родное и Вселенское» [10].

Из Достоевского, его творчества «вышли» крупные русские философы и писатели В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский и др. Все они были хорошо знакомы с воззрениями Достоевского.

Как отразились мировоззренческие «прорывы» Достоевского на нем как художнике? Известно, что конкретные типы реализма (методы) связаны с миропознавательной платформой художника, его пониманием Истины.

В XIX веке сложился реализм, получивший название «критический», он был связан с эвдемоническим миропониманием, т.е. заострен на социальных вопросах и психологии, ему был присущ исторический или социальный детерминизм. У Достоевского дело обстоит несколько иначе, он категорически не приемлет детерминизм – сарказм по поводу «среда заела», «измените среду и человек изменится» звучит на многих страницах его художественных произведений и «Дневника писателя». Достоевского интересует не горизонтальная связь явлений, а духовная вертикаль. Речь идет о духовном мировосприятии художника и его героев. Если в предмет такого творчества включены духовные реалии, если признается онтологический статус Бога, идея бессмертия души и спасения ее в Вечности – то такое искусство представляет другую разновидность реализма.

Осью такого метода становятся духовные вопросы, духовная вертикаль, и сюда подпадает творчество не только Достоевского, но и творчество Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Льва Толстого. Такой реализм называют мистическим или духовным. Мистический реализм, особенно свойственный русскому восприятию христианства, согласно протоиерею В. Зеньковскому, «признает всю действительность эмпирической реальности, но видит за ней иную реальность; обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны: эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к мистической реальности... Идея христианства утверждает необходимость просветления всего видимого, всего эмпирического через связывание его с мистической сферой – все историческое бытие, все в жизни личности должно быть освещено через это преображающее действие Божьей силы в эмпирической сфере» [11].

Термин «духовный реализм» широко используется в применении к художественному методу Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского. Сами писатели

пытались как-то обозначить свой метод «вертикального освоения бытия» и подыскивали этому название. Достоевский назвал свой метод «фантастическим реализмом», «реализмом в высшем смысле». Н. Бердяев считал, что Достоевский в своих творениях углубляется до жизни духа, а не души, до встречи с Богом [12]. Художественный метод Достоевского соответствовал освоению духовной реальности, духовной сферы бытия [13].

Критическое отношение Достоевского к Западу, к католицизму как органической черте западного образа жизни, духовности связывалось в первую очередь с отрицательным восприятием западничества как явления, подражательности Западу, навязыванию западноевропейских стандартов устоям русской жизни. С этих позиций мыслитель исторически осуждал западничество и политиков-западников (Петра I, например). Именно в эпоху глубинных преобразований российского общества Достоевский усилил критику западников, что иногда звучало и не во всем справедливо (например, критика Чаадаева).

Достоевский стремился своей критикой Запады, идеализацией русского народа разбудить доселе дремавшие в русском народе силы, доказать, ссылаясь на исторические примеры, способность русского народа двигаться по пути прогресса в авангарде других европейских народов. Применительно к первой половине 1860-х годов такая позиция Достоевского во многом была оправданной.

Продолжая начатые в романе «Идиот» традиции, Достоевский противопоставлял Россию Западной Европе, православие – католичество, обвинял сторонников католицизма в искажении христианства. Ослабление христианства на Западе мыслитель связывал с распространением в странах Западной Европы революционных идей, либерализма, социализма, атеизма. В католичестве он видел в большей степени не христианскую религию, не веру, а политику завоевания, покорения мира, как было это во время Римской империи, в конечном счете, угрозу для России. «Христианская связь, до сих пор их (европейские государства.- Авт.) соединявшая, с каждым днем теряет

свою силу», - пророчески писал он в «Ряде статей о русской литературе» (1861) (18, 54).

Особенно страстно звучали критические оценки западного христианства в период Крымской и Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В Крымской войне западное христианство объединилось с турками против России, фактически предав христианские идеалы и традиции. «На Западе Христа потеряли», - писал по этому поводу Достоевский (29-1, 214).

Достоевский продолжал отстаивать свою стратегическую идею о русском народе – «едином народе богоносце». «Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь Бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов», - говорил герой романа «Бесы» Шатов (10, 200).

Достоевский не отделял судьбы России, русского народа от православия. В письме к А.Н. Майкову в феврале 1868 года Достоевский отмечал: «Русская мысль... плотно спаяна православием» (28-2, 260). В другом письме к А.Н. Майкову от 9 октября 1870 года Достоевский продолжал начатую ранее мысль: «Все назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Все несчастье Европы, все, все безо всяких исключений произошло оттого, что с Римскою церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся» (29-1, 146-147).

Писатель считал, что лишь восточное христианство сохранило в чистоте и неприкосновенности христианские традиции. «Не в Православии ли одном сохранился Божественный лик Христа во всей чистоте?..» - размышлял он в «Дневнике писателя» за 1873 год (21, 59-60).

Резко критикуя католичество, мыслитель меньше внимания уделял анализу протестантизма. Связано данное обстоятельство, очевидно, с тем,

что протестантские течения при жизни Достоевского не получили еще широкого распространения в России, появились значительно позже, за временными рамками жизненного пространства писателя. Хотя и в протестантизме мыслитель видел прямой путь к атеизму, о чем неоднократно говорил на страницах «Дневника писателя». «Протестантские секты... уж и теперь почти все склонны перейти в какую-нибудь «гуманность» или даже просто в атеизм» (22, 34-35). И далее: «Протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, изменчивое (а не вековечное) нравоучение» (26, 151).

Таким образом, в художественных и публицистических произведениях Достоевского, в его письмах и записках нашли отражение его религиозные воззрения. Глубоко с самого детства веря в Христа, воспитанный на православных традициях, будучи последовательно православным христианином, мыслитель постепенно углублял свое знание о христианстве. Во второй половине 1840-х годов христианские идеи не получили сколько-нибудь полного отражения в творчестве писателя, его занимали иные проблемы, иная тематика.

Краеугольным камнем углубленного приобщения к христианству стали годы каторги и ссылки, выпавшие на долю писателя. Пребывание на каторге заставило его переоценить многое в собственном мироощущении, равно как и в окружающем его мире, людях. Годы каторги и ссылки в корне изменили мировоззрения Достоевского: он стал православным писателем. Н.А. Бердяев писал: «Достоевский был глубоко христианский писатель. Я не знаю более христианского писателя» [14].

Вернувшись в Петербург, Достоевский приступил к созданию подлинно христианских произведений. Начало переходу на позиции христианства положило знакомство писателя с Западной Европой, европейским образом жизни, который писатель не мог принять. «Игрок», «Зимние заметки о летних впечатлениях» отразили взгляды Достоевского на Европу и

европейцев. Им он противопоставлял русский народ, который определенным образом идеализировал.

Роман «Преступление и наказание» стал первым сугубо христианским произведением Достоевского, хотя христианские мотивы еще не были представлены в полном объеме. В романе лишь одна Соня Мармеладова является носителем христианских идей, что противоречит ее образу жизни и роду деятельности. Однако сила христианства оказалась гораздо глубже иных влияний. В конце романа Раскольников пришел к христианству, хотя нераскрытое Евангелие пока лежало под его подушкой.

Подлинно православным романом стал роман «Идиот». Здесь автор представил своего главного героя – князь-Христос – Лев Мышкин. Мышкин глубоко верующий человек, отстаивающий православие. В романе писатель обрушился с резкой критикой на католичество как ложное направление в христианстве, подменившее Христа ложными ценностями. В дальнейшем Достоевский не раз возвращался к критике католицизма, противопоставляя ему православие в качестве истинной веры.

Роман «Бесы» – сугубо политический роман. В нем автор явил образ бесов-революционеров, ставших отражением бесов из преисподней. И те, и другие являлись, по мнению писателя, носителями злого начала, причиняли вред людям. Негативно относившийся к революционному насилию, ко всем его проявлениям, Достоевский вывел в романе целую галерею бесов-революционеров. В конечном счете, многие бесы-революционеры трагически закончили свое земное существование.

В романе «Бесы» Достоевский впервые показал образ священника, списанного им с образа святителя Тихона Задонского, которого писатель глубоко ценил и уважал. Эта традиция изображения священников Русской Православной церкви была продолжена в романе «Братья Карамазовы», где изображен старец Зосима – носитель истинной православной веры. Достоевский хорошо знал церковную и монастырскую жизнь и писал о ней со знанием дела.

Критика католицизма была продолжена писателем в «Легенде о Великом инквизиторе», где в непримиримой схватке сошлись представитель Римско-католической церкви – старец-инквизитор и Сын Божий Иисус Христос. В образе этих двух персонажей писатель противопоставил силы абсолютного добра и абсолютного зла. В острой схватке не на жизнь, а на смерть победу одержал Иисус Христос, победив зло своим смирением. Достоевский как православный мыслитель шел к Христу всю свою жизнь до самой смерти.

В целом можно отметить, что Достоевский был одним из наиболее значительных российских православных писателей, отразивший в своем творчестве многие идеи православия. «Никто, может быть, в такой мере, как Достоевский, не понимал того, что окончательные судьбы христианства – выше всех судеб исторических..., но он понимал также, что прежде, чем вступить на этот путь сверхисторический, надо пройти до конца, до крайней точки все пути исторические... Религия для Достоевского есть не отрицание, как для Л. Толстого, а высшее утверждение и завершение – преодоление истории. Никто, может быть, в такой мере, как Достоевский, не чувствовал живую связь прошлого с будущим, живую цепь всемирно-исторической религиозной преемственности, из которой нельзя вынуть ни одного звена, не разорвав всей цепи», - писал Д.С. Мережковский [15].

Продолжателями православных идей и оценок великого русского мыслителя Ф.М. Достоевского стала целая плеяда русских философов и писателей начала XX столетия, внесших неоценимый вклад в сокровищницу мировой социально-исторической, религиозной и философской мысли.

ГЛАВА 5. РОССИЯ НА «ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

5.1. Ф.М. Достоевский, Россия и Запад: заимствование и отторжение

Проблема «Достоевский и Запад» рассматривается в контексте глобальной проблемы «Россия и Запад» и имеет не только историческое, но и важное современное значение и звучание в рамках отношений России и Западной Европы. Ф. М. Достоевский внимательно следил за событиями, происходившими в Западной Европе, анализировал их, делал сравнения с российской действительностью. В 1849 году о своем интересе к европейской истории конца 1840-х годов Достоевский писал: «Это, наконец, история, а история – наука будущего» (18, 122).

Данный аспект творчества Достоевского не получил отражения в отечественной исторической литературе и требует научного обобщения и анализа.

В современных условиях перед Россией, как и в 1860-1870-е годы, стоит проблема выбора путей дальнейшей эволюции: каким путем развиваться, следует ли, даже, несмотря на санкции, продолжить курс на сближение с Европой, либо углублять и расширять направление восточной ориентации? Вопросы далеко не отвлеченные, не теоретические, а сугубо практические, связанные с возможностью эффективного решения внутренних социально-экономических и политических проблем в тесной взаимосвязи с внешнеполитическими проблемами. Обращение к творчеству Достоевского крайне важно с точки зрения изучения подходов и оценок мыслителя к проблемам внешней политики императорской России именно в период наивысшего расцвета могущества и влияния Российского государства, укрепления его международных позиций.

Во второй половине 1840-х годов Ф.М. Достоевский мало интересовался проблемами внешней политики России и в силу своего

возраста, и в силу обстоятельств, отвлекавших молодого литератора от внешнеполитических проблем

В этот период писатель знакомился с Западной Европой, изучая теоретического наследия французского социалиста-утописта Шарля Фурье в кружке М.В. Петрашевского. Достоевский свободно говорил и читал по-французски, по всей видимости, он хорошо знал труды этого классика европейского утопического социализма. Его привлекала идея социальной справедливости в новом обществе, которая была одной из центральных в творчестве социалистов-утопистов. «Все эти тогдашние новые идеи,- писал он в очерке «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя» за 1873 год),- нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будучи законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей» (21, 130-131).

Во время следствия по делу петрашевцев Достоевский всячески отрицал свое подробное знакомство с трудами Фурье, умалял значение утопического социализма применительно к российской действительности, что было связано со стремлением уменьшить свою роль в деле петрашевцев. Во время допросов Следственной комиссией Достоевский утверждал, что «всегда верил в правительство и самодержавие» (18, 161). Это утверждение имело под собой основание и соответствовало реальному положению дел.

После выхода с каторги Достоевский намного глубже стал интересоваться проблемами внешней политики России, что было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, этому способствовала первая поездка писателя в Западную Европу. В июне-сентябре 1862 года он посетил Германию, Францию, Италию, Швейцарию и Англию, знакомился с жизнью европейских народов, сравнивал их обычаи и нравы с российской действительностью. Анализу европейской жизни посвящено сочинение,

написанное в стиле путевых зарисовок, – «Зимние заметки о летних впечатлениях», напечатанных в журнале «Время» (1863).

Во-вторых, интерес Достоевского к внешнеполитическим проблемам значительно возрос в связи с участием и поражением России в Крымской войне (1853-1856), что болью отразилось в сердцах многих российских патриотов. Российская общественность негативно воспринимала участие Англии и Франции в войне против России на стороне Турции и последствия Парижского мирного договора 1856 года, ущемлявшего национальные интересы России. И до Крымской войны Россия с недоверием относилась к политике западноевропейских держав в отношении Петербурга. Западная Европа полностью игнорировала тот исторический факт, что Россия неоднократно в прямом смысле спасала Запад от порабощения монголами, турками. Крымская война усугубила международное положение Российской империи. Данное обстоятельство также сыграло свою отрицательную роль в восприятии Достоевским западноевропейцев.

В-третьих, в годы омской каторги и последовавшей за ней ссылки Достоевский непосредственно познакомился с многими русскими людьми, отбывавшими срок в омском остроге, представителями различных сословий, проник в самые глубины их сознания и поведения. Эти характеры были им подробно описаны и проанализированы в «Записках из Мертвого дома» – первом произведении подобного рода в русской литературе. Таким познанием разнообразных характеров русского народа не обладал в то время ни один писатель. Достоевский мог сравнивать характеры европейцев и русских. В этих сравнениях русские оказывались неизмеримо выше европейцев. До каторги Достоевский знал лишь городских жителей Петербурга и Москвы – купцов, ремесленников, мещан, чиновников, в среде которых он сам обитал. Учение в закрытом Инженерном училище также мало способствовало познанию народа. Пребывание в остроге открыло перед писателем новый, ранее не изведанный им мир.

В-четвертых, в оценках русского народа Достоевский исходил, в том числе, из воспоминаний детства, получивших отражение в очерке о мужике Марее. Этот простой крестьянин воплотил в себе лучшие нравственные качества русского человека-труженика – доброту, сострадание, милосердие.

Данные обстоятельства обусловили устойчивый интерес Достоевского к событиям европейской политики и участия в этих событиях России.

В 1860-х годах, когда писатель вернулся в Петербург, Россия только начинала масштабные реформы, преодолевая социально-экономическое отставание от Европы и приближаясь к европейской модели развития. Многие в Европе и в России надеялись, что XX век станет для человечества «золотым веком», имея в виду подъем литературы, искусства, образования, науки и техники. Создавалось впечатление, что изобретение динамита и пулемета сделает невозможным большие войны, которые были в прошлом. Ученые приступили к изучению сознания и подсознательных процессов в человеке. Русский химик Менделеев открыл периодическую систему элементов, была создана теория относительности, появились новые виды транспорта – автомобили, самолеты, океанские пароходы.

Россия реформами 1860-1870-х годов осуществила прорыв в буржуазное общество, стремясь приблизиться к европейскому уровню, европейской модели способа производства и образа жизни.

О том, насколько глубоко и в целом объективно Достоевский анализировал европейскую политику, внешнеполитический курс Российского государства в сложных условиях 1870-х годов свидетельствует его очерк «Иностранные события» из «Дневника писателя» (1873 год), подготовленный на основе анализа сообщений и материалов из Западной Европы за 1873 год (21, 180-247). Писатель дал подробное описание европейской политики после франко-прусской войны и объединения Германии. Весьма точны характеристики многих политических деятелей Западной Европы тех лет – Бисмарка, Мак-Магона, Наполеона III, Меттерниха, Кавура и др. Так, князя Бисмарка Достоевский считал «единственным политиком в Европе,

проникающим гениальным взглядом своим в самую глубь фактов» (26, 88). При этом, правда, писатель полагал, что в случае столкновения Германии с нашей страной «Бисмарк не устоит, разобьется о Россию» (24, 171).

В сочинениях Достоевского Европа не предстает как какое-то однородное явление. Писатель делает различие между Германией, Францией, Англией, между французами, немцами, англичанами. В то же время он, сравнивая русских и европейцев, по нравственным чертам ставит русского человека гораздо выше европейца.

Мыслитель дал точную и глубокую оценку положения ведущих европейских государств в 1870-е годы, показал их место в системе европейских политических процессов, взаимодействие их с Россией. Он определил положение Англии: «...Англия в самом критическом положении, в котором когда-либо находилась. Это критическое положение ее может быть формулировано точнейшим образом в одном слове: *уединение*, ибо никогда еще, может быть, Англия не была в таком страшном уединении, как теперь. О, как бы она рада была теперь найти в Европе союз, какой-нибудь *entente cordiale*» (25, 149).

Уделяя большое внимание объединению Германии, Достоевский писал о перспективах объединенного государства в очерке «Германский мировой вопрос»: «...Завершив свое объединение, Германия бросилась на противника и вступила с ним в новый период борьбы, начав ее железом и кровью» (25, 154). Новая Германия, по его мнению, «нуждается в союзе с Россией» (25, 156). Более того, писатель предвидел долгий союз России с Германией. «Мы нужны Германии... *навечно*» (26, 91).

Применительно к политической обстановке второй половины 1870-х годов Достоевский рассуждал о союзе России с новой Германией. «Идея воссоединенной Германии широка, величава и смотрит в глубь веков. Что Германии делить с нами? объект её – всё западное человечество. Она себе предназначила западный мир Европы, провести в него свои начала вместо римских и романских начал и впредь стать предводительницей его, а России

она оставляет Восток. Два великие народа, таким образом, предназначены изменить лик мира сего», - отмечал Достоевский в очерке «Надо ловить минуту» (26, 91).

Писатель исходил из новой политической ситуации в Европе, возникшей после объединения Германии, и искал выгоду от этой ситуации для России в союзе именно с Германией. Достоевский верно полагал, что России в союзе с Германией по силам решить многие международные проблемы. Однако он ошибался относительно перспектив подобного союза. «...Мы Германии нужны, нужны не на теперешнее лишь время, а надолго, на вечность, на решение судеб Европы. Делить нам нечего. Очевидно, предрешить, что оба мира – Германский и Восточный – могут жить независимо, не вредя друг другу» (26, 189).

В то же время в очерке «Довольно неприятный секрет» он признавал, что «...всякое славянское движение всегда несколько Германию беспокоило...» (25, 165). Определение писателя было настолько точно, что даже в конце XX столетия Германия приложила немало усилий для раскола славянского единства и государственности в Югославии и Чехословакии.

После франко-прусской войны положение Франции в Европе существенно изменилось, а ее роль ослабла. Франция переоценила свои военные силы и недооценила мощь Германии. Сокрушительное поражение французской армии под Седаном, где в плен попал французский император, привело страну к катастрофе. «...В стратегическом отношении Франция пропала», - замечал Достоевский (25, 155).

Приведем одно из самых замечательных и глубоких высказываний Достоевского о причинах поражения Франции в войне с Пруссией, которое приписывается Бисмарку. «...Не армия победила Францию, а школьный учитель» (27, 66). Это положение нередко вспоминается и современными политиками.

Оценивая положение Франции после поражения в войне с Пруссией, писатель делал поспешный вывод о том, что страна более не будет играть

прежней роли в европейской политике. «...Франция отжила свой век, эта нация разделилась внутренне и окончательно сама на себя навеки и в ней никогда уже более не будет твердого и единящего всех авторитетного правления, здорового национального и единящего центра» (26, 88). «Францию ждет судьба Польши, и политически жить она не будет...», - резюмировал Достоевский (26, 89). В тех условиях Франция вынуждена была искать союзников в Европе, и нашла таковых в лице России, составив основу нового военно-политического союза – будущей Антанты.

Что касается Австро-Венгрии, то Достоевский хорошо понимал уязвимость и непрочность монархии Габсбургов. «...Что такое Австрия? – задавался он вопросом в очерке «Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь, – решение не дипломатическое».- Сама-то она чуть не на ладан дышит, развалиться хочет, точно такой же «больной человек», как и Турция, да, может быть, еще и того плоше. Это образец всевозможных дуализмов, всевозможных внутри себя враждебных соединений, народностей, идей, всевозможных несогласий и противоречивых направлений; тут и венгры, тут и славяне, тут и немцы, тут и царство жидов...» (25, 148).

Достоевский в своих художественных и публицистических сочинениях, письмах часто обращался к характеристикам европейских народов, давая им порой не совсем справедливую, субъективистскую, основанную на личных впечатлениях, ничем не обоснованную негативную оценку. Так, в письме к А.Н. Майкову от 31 декабря 1867 (12 января 1868) года из Женевы Достоевский отмечал: «(В Германии меня всего более поражала глупость народа: они безмерно глупы, они неизмеримо глупы). У нас даже Николай Николаевич Страхов, человек ума высокого, - и тот не хочет понять правды: «Немцы, говорит, порох выдумали». Да их жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, сумели перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее... и все-таки наш народ безмерно выше,

благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон высочайшей христианской мысли, которую не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противуречающим себе самому лютеранством» (28-2, 243).

В своем раннем публицистическом сочинении «Петербургская летопись» (1847) Достоевский давал характеристику французам: «Это писал француз, то есть человек умный, как почти всякий француз, но верхогляд и исключительный до глупости...» (18, 25). Достоевский не был последователен при оценке европейских народов. В очерке «Иностранные события» (1873) он называл французов «гениальной нацией» (21, 236, 237), что противоречило многим его иным оценкам.

В более поздней публикации под общим названием «Ряд статей о русской литературе» (1861) он выражал недоумение по поводу пренебрежения европейцев (немцев, французов) в отношении к России: «...Явное или тайное, но во всяком случае беспредельное высокомерие перед русскими, – вот характеристика почти всякого немецкого человека во взглядах на Россию». И далее продолжал: «Самый бестолковый и беспутный из них (французов.- Авт.), поживя в России, уезжает от нас совершенно уверенный, что осчастливил русских и хоть отчасти преобразовал Россию» (18, 44). Такое пренебрежение вызывало возмущение у Достоевского, полагавшего, наоборот, неоспоримые преимущества русских, русского характера перед немцами или французами.

Достоевский во время своих поездок в Европу воочию наблюдал поведение и нравы европейских народов и делал из своих наблюдений надлежащие выводы-характеристики. «Английский народ на митингах весьма часто пускает в ход кулаки против противников своих, а во французской революции народ ревел от радости и плясал перед гильотиной во время ее деятельности», - указывал он в письме к студентам Московского университета от 18 апреля 1878 года (30-1, 24).

Преимущества русских перед европейцами Достоевский видел в способности русского народа быть выразителем общечеловеческих

ценностей и идеалов: «Сила духа русской народности... - писал он в очерке «Пушкин», - стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности» И далее: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» (26, 147). Подобная постановка вопроса стала возможной благодаря глубокому проникновению в события и процессы российской истории, истории русского народа, героически преодолевавшего все трудности, его духовно-нравственной силы, помогавшие ему выходить победителем в борьбе с многочисленными врагами, находить пути выхода в самые трагические периоды истории.

Писатель неоднократно обращался к теме всемирного предназначения русского народа, с разных позиций объясняя, анализируя и отстаивая данный тезис. «...В русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во всё вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всём, в чём хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности. Он инстинктом угадывает общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее...» (18, 55).

Достоевский верил в объединительную силу русского народа, на протяжении всей своей истории вбиравшего под свое начало многие народы Российской империи, что позволяло этим народам сохранить самобытные национальные традиции и обычаи, а нередко сохранить собственное существование (армяне, грузины). В 1880 году в своей Пушкинской речи писатель говорил, что русский народ «не враждебно <...> а дружественно, с полною любовью принял в душу нашу гении чужих наций, всех вместе <...> умея инстинктом <...> различать, снимать противоречия, извинять и

примирять различия» (26, 147). Всемирной миссией России Достоевский полагал способность «не мечом <...> а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» (26, 147). Именно таким способом действовало Российское государство, присоединяя соседние народы, которые за небольшим исключением, добровольно входили в состав России, приобретая ценный исторический опыт взаимного социально-экономического сотрудничества и обогащения культур.

Стремясь развеять страхи европейцев перед Россией, Достоевский говорил о том, что Россия во главе объединенного Востока никогда «не бросится на Европу с мечом, не захватит и не отнимет у нее ничего, как бы непременно сделала Европа, если б нашла возможность вновь соединиться вся против России» (25, 99). «Самый полный переворот в политической жизни России,- писал он в очерке «Нечто о политических вопросах»,- наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать. Тогда наступит новая эра и для нас, и для всей Европы. Убежденность в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы» (22, 121).

При этом, однако, писатель не исключал применения Россией военной силы. «...России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу с Европой...» (24, 302).

Исторический опыт внешней политики Российского государства полностью подтверждал слова русского мыслителя. Россия чаще всего вела оборонительные войны против иностранных, в том числе западных, захватчиков, посягавших на земли и богатые природные ресурсы страны, обороняла собственное население от порабощения, а нередко оказывала действенную помощь соседям в защите отечества от внешних врагов.

При этом сама Россия постоянно испытывала разнообразные формы агрессии со стороны Запада, и не только военные. Фёдор Михайлович подчеркивал исторически сложившиеся различные формы западной экспансии против России. Одну из таких форм он видел в реформах Петра I.

В статье «Два лагеря теоретиков» (1862) писатель отмечал: «Запад приходил уже спасать нас в лице Петра и целые полтора года различными манерами принимался он благоустраивать нашу жизнь. Но что вышло из всех подобных предприятий? Если и сделали что-нибудь они для нас хорошего, так это именно то, что доказали нам, что есть *почва* у нас, что на нее в некоторых случаях должно обращать очень и очень большое внимание» (20, 7).

В статье «Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» (1863) Достоевский писал: «Мы никогда в Европе не возбуждали симпатии, и она, если можно было, всегда с охотой на нас ополчалась. Она не могла не признать только одного: нашу силу, – и эта физическая, материальная сила... всегда возбуждала в ней негодование. Да ведь и не одна Европа» (20, 100).

Задолго до Достоевского на проблему враждебности Западной Европы к России обратил внимание один из лидеров славянофилов А.С. Хомяков. В статье «Мнение иностранцев о России», опубликованной в «Московитянине» в 1845 году (№4), он отмечал: «Недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы и на невольной досаде перед этою самостоятельною силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов» [1]. В статье «Мнение русских об иностранцах» («Московский сборник», 1846 год) А.С. Хомяков, развивая данную тему, упомянул о «громдном успехе всех тех книг, которых единственное содержание – ругательство над Россиею, а единственное достоинство – ясно выраженная ненависть к ней...» [2].

Россия, по мнению Достоевского, всегда была открыта для сотрудничества с Европой, налаживания, если не дружеских, то хотя бы конструктивных деловых отношений и связей. Ответный шаг, как правило, оставался за Европой. «Россия не боится,- подчеркивал он в очерке

«Иностранные события,- чтоб её всё более и более узнавали в Европе; напротив, желает того. Правда, Европа до сих пор никогда не верила в этом отношении России. Вся политическая жизнь России, в продолжении всего, может быть, девятнадцатого столетия, в сущности была лишь жертвою её Европе чуть не всеми своими интересами. И что же в результате? Поверила ли хоть раз Европа политическому бескорыстию России и не заподозревала ли её почти всегда в самых коварных намерениях против европейской цивилизации?» (21, 242).

Многие темы в произведениях Достоевского звучат удивительно современно. Запад и в нынешних условиях прилагает значительные усилия в целях трансформации российского общества, изменения духовно-нравственных ориентиров русского народа, адаптации российского образа жизни к западным стандартам.

Достоевский видел различие исходных национальных начал и путей эволюции российского и европейского общества. «Все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к европейской жизни и не сделались европейцами. Когда-то мы сами укоряли себя за неспособность к европеизму. Теперь мы думаем иначе. Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал...» (18, 36).

Изучая различия между Россией и Европой, Достоевский ошибочно полагал отсутствие в России сословного деления, исходя из распространенного в то время тезиса о том, что Россия не была завоевана. А в Европе завоеватели, победители становились господствующим сословием, а поработанные народы – угнетенными, рабами. «Не вражда сословий, победителей и побежденных, как везде в Европе, должно лечь в основание развития будущих начал нашей жизни. Мы не Европа, и у нас не будет и не должно быть победителей и побежденных» (18, 35). Писатель ошибочно предполагал, что в России не было бояр и севров, победителей и

побежденных. В статье «Книжность и грамотность» (1861) он продолжал развивать данную тему: «Взаимной вражды сословий у нас тоже развиться не может: сословия у нас, напротив, сливаются; теперь покамест еще всё в брожении, ничто вполне не определилось, но зато начинает уже предчувствоваться наше будущее. Идеал этого слития сословий воедино выразится яснее в эпоху наибольшей всенародной образованности» (19, 19).

В указанных подходах проявились, во-первых, упование Достоевского на осознание высшими классами России необходимости просвещения, образования русского народа. Образованный класс, - писал Фёдор Михайлович в той же статье, - оторван от народа по той причине, что «вся предыдущая наша история <...> взаимная слишком долголетняя отвычка друг от друга, основанная на разности интересов наших. Доверенность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться в него вполне. <...> Наш ответ: дорастаем и дорастем. Мы оптимисты, мы верим. Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент. Это необходимое условие его существования...» (19, 7).

Во-вторых, в этих оценках отразилось слабое понимание самим писателем сословно-классового устройства российского общества, существования глубоких антагонизмов, противоположных интересов между господствующими и угнетенными сословиями. В этом непонимании выразился утопизм воззрений Достоевского. Писатель не увидел четкой продворянской направленности проводимых преобразований. Самодержавие как последовательный выразитель классовых интересов российского дворянского сословия с его многочисленными и разнообразными привилегиями лишь частично делилось этими привилегиями и властью с нарождавшимся сословием российской буржуазии, прежде всего, в ходе земской и судебной реформ. Реформы 1860-1870-х годов, несмотря на их прогрессивный в целом характер, не вылились и не могли вылиться в преобразования общечеловеческие, о которых мечтал Достоевский, которые

бы отражали интересы всего трудового народа. Никто в правительстве и не думал стать выразителем простых интересов народа, тем более, заслужить его доверие и любовь.

В-третьих, именно в начале 1860-х годов Достоевский окончательно формирует собственные почвеннические воззрения, основное содержание которых составило его понимание сближения верховной государственной власти и русского народа на национальной почве как социально-политической и духовной основы единения и примирения российских сословий. «Мы возвращаемся на нашу почву с сознательно выжитой и принятой нами идеей общечеловеческого нашего назначения. К этой-то идее привела нас сама цивилизация, которую в смысле исключительно европейских форм мы отвергаем. Возвращение наше свидетельствует, что из русского человека цивилизация не могла сделать немца, и что русский человек все-таки остался русским» (19, 20). Само по себе просвещение народа, оторванное от глубоких социально-экономических и политических преобразований, не в состоянии изменить социально-политический строй и сущность государственной власти в стране.

Достоевский наблюдал, что часть отечественной интеллигенции слепо поклоняется европейским ценностям, и резко выступал против такого преклонения. «Перед авторитетом европейским, например, русский человек, как известно, со счастьем и поспешностью преклоняется, даже не позволяя себе анализа; даже особенно не любит анализа в таких случаях. О, другое дело, если гениальное лицо сойдет с пьедестала или даже просто выйдет из моды; тогда нет строже русской интеллигенции к такому лицу, нет предела ее высокомерию, презрению, насмешке», - отмечал он в очерке «Нечто о вранье» (21, 120-121).

В очерке «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика» из апрельского номера «Дневника писателя» за 1876 год Фёдор Михайлович продолжал поднятую им тему: «...Сами в Европу ездили, и оттуда учителей к себе привозили. Перед революцией французской, во

времена Руссо и переписки императрицы с Вольтером, была у нас мода на учителей швейцарцев» (22, 116).

Писатель упрекал видных представителей отечественной интеллигенции в преклонении перед Западом и европейскими ценностями, в игнорировании национальных интересов своей страны. «Вся интеллигенция России, с Петра Великого начиная, не участвовала в прямых и текущих интересах России, а всегда тянула дребедень отвлеченно-европейскую (Александр I, Мордвинов, Сперанские, декабристы, Герцены, Белинские и Чернышевские и вся современная дрянь)» (21, 267).

Особое неприятие у Достоевского вызывали попытки подражать европейской нравственности. «Нравственные же вещи Европы нельзя копировать; мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская – всё это очень плохо. Вера их хуже нашей» (24, 182).

Идеи Достоевского о неприятии феномена западничества, недопустимости подражания Западу были созвучны взглядам одного из теоретиков славянофильства К.С. Аксакова. «...Жизни заимствовать нельзя; заимствование же жизни переходит в обезьянство, болезнь, которою полтора-два года уже страдает Россия» - писал он в статье «О современном литературном споре» (опубликована в газете «Русь» в 1883 году) [3].

Достоевский всячески противился влиянию европейской литературы на литературу русскую, отстаивая ценности русской литературы как национального самобытного явления. «Да, конечно, европейский идеал, европейский взгляд и вообще европейское влияние сильно отозвалось в созданиях нашей литературы, отражается и до сих пор. Но разве мы рабски воспринимали их, разве не переживали их жизненным процессом, разве не вырабатывали своего русского взгляда на эти иноземные явления...» - писал Фёдор Михайлович в статье «Последние литературные явления. Газета «День» (19, 62).

В статье «Свисток» и «Русский вестник» (1861) он подчеркивал самобытность русской литературы. «В какой литературе, начиная с создания

мира, найдете вы такую особенность всепонимания, такое свидетельство о всечеловечности и, главное, в такой высочайшей художественной форме?» (19, 114).

Достоевский сравнивал Россию и Европу, прежде всего не по техническим достижениям (в этом отношении Европа находилась впереди России), а по положению человека и условиям его жизни. Писатель анализировал жизнь простого человека в буржуазном обществе, бездушное отношение капиталистов к своим работникам. Данный феномен, заключенный в подчинении человека власти и могуществу денег, мыслитель определял как европеизм. Достоевский видел «падение идеала в Европе» (20, 189).

Достоевский наблюдал эволюцию капиталистических отношений в ведущих европейских странах, формирование класса буржуазии со свойственными ей социальными и нравственными чертами, готовыми пойти на любое преступление ради получения прибыли. «Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных ими нищих рабов – вот картина!» - писал он в очерке «Мечты и грёзы» (21, 95). Писатель не мог принять тех порядков, которые нес в себе капитализм из Европы в Россию. С резкой критикой обрушивался он на представителей европейского капитализма: «...Никогда в России не было таких мошенников-купцов, какие теперь в Германии», - подчеркивал Фёдор Михайлович в письме к Анне Григорьевне Достоевской от 16 (28) августа 1879 года из немецкого Эмса (30-1, 113).

Сугубо отрицательными персонажами выглядят в произведениях Достоевского представители нового социального слоя российских капиталистов-предпринимателей, бывших крестьян и купцов. «Но чем более богател прежний купец, тем становился хуже. В сущности это был тот же мужик, но лишь развращенный», - отмечал Фёдор Михайлович в очерке «О том же» (23, 157). Российские капиталисты проявляют интерес только к получению прибыли, человеческие отношения измеряют исключительно в

денежном выражении. Что касается их нравственных качеств, то им свойственны жадность, скупость, алчность, нередко переходящие в подлость и подлые поступки, граничащие с преступлением против нравственности. Чего стоит, хотя бы, попытка представителя слоя новых русских буржуев г-на Лужина – жениха Дуни Раскольниковой, обвинить Сою Мармеладову в краже денег в романе «Преступление и наказание».

Не вызывает симпатий читателей и образ миллионера-купца Парфёна Рогожина из романа «Идиот», считавшего, что за большие деньги можно купить всё в мире, даже любовь женщины. Рогожин не стеснялся своих аморальных устремлений, когда предлагал Настасье Филипповне сто тысяч за поездку с ним. Подобные настроения характерны ныне для новых российских нуворишей, в одночасье путем различных махинаций и преступлений ставших богатыми людьми, но утратившими нравственные черты (если таковые у них были).

В противовес интересам новых российских капиталистов Достоевский приходит к выводу о том, что счастье человека состоит вовсе не в комфорте, в количестве определенных материальных благ, а совершенно в другом, в высоких нравственных качествах, в стремлении нести справедливость и добро людям, желании пострадать за них. В третьей (окончательной) редакции романа «Преступление и наказание» Достоевский, продолжая тему, писал: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, - есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страданий» (7, 154-155). Очевидно, сам писатель, много страдавший в жизни, постиг исключительную, высокую сущность счастья.

Было бы несправедливо обвинять Достоевского в полном принижении и неприятии Россией Европы. В отличие от славянофилов Достоевский принимал европейский исторический опыт, считал его важным для России. В очерке «Мы в Европе лишь стрюцкие» он отмечал: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый

страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* так же *всем* дорога, как Россия...» (25, 23). «...Стремление наше в Европу было законно и нормально...» - писал Фёдор Михайлович в «Объяснительном слове по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине» (26, 134). «Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем...», - отмечал он в очерке «Вопросы и ответы» (27, 36).

В романе «Идиот» князь Лев Мышкин лечился от своей душевной болезни в Швейцарии. С теплотой вспоминал он о швейцарских детях, к которым сам привязался, и они отвечали ему теплотой и добрым отношением. Впоследствии, будучи неизлечимо больным, он также был увезен в Швейцарию. Это обращение писателя к Европе как источнику оздоровления главного героя, по всей видимости, не случайно. Он сам неоднократно выезжал для лечения на воды, за границу.

Глубокое проникновение мыслителя в европейскую жизнь подтверждается его устойчивым интересом к идеям западноевропейской философии, прежде всего, философии позитивизма, получившим распространение в российском обществе 1860-х годов. Позитивизму была присуща апологетика науки, в первую очередь математики, односторонний подход к жизни, исключавший случайности и многовариантность развития.

Достоевский был знаком с идеями основоположника европейского позитивизма французского философа Огюста Конта. С его сочинениями молодой писатель познакомился еще в кружке Петрашевского. Имя Конта Достоевский упоминал в ряде своих произведений («Бесы» и черновые материалы к роману (9, 139), черновик романа «Житие великого грешника» (11, 144) и др.).

Впервые Достоевский обратился к позитивизму в «Записках из подполья», в котором подверг критике сциентизм, культ естественнонаучных знаний и методов в системе мировоззрения человека. В «Преступлении и наказании» мыслитель противопоставляет христианское и позитивистское мировоззрение.

Во многих произведениях писатель посредством высказываний своих героев полемизирует с позитивизмом. Раскольников в споре с Порфирием Петровичем говорит о применении математических методов в юриспруденции (6, 261), и в психологии (6, 350). Лебезятников преклоняется перед наукой. В романе «Идиот» представителем позитивизма выступает Ипполит Терентьев. Шигалев (роман «Бесы») математически обосновывает конец мира (10, 109-110). Влияние позитивизма испытывает Аркадий Долгорукий (роман «Подросток»), предлагавший математические способы решения жизненных проблем. Следы позитивизма наблюдаются в рассуждениях Ивана Карамазова, которого Достоевский называет «ученым атеистом» (13, 30), «ученым» (14, 31), «ученым академиком» (14, 178).

Достоевский полагал, что невозможно строить жизнь, исходя только из науки, отрицая нравственные и духовные ценности. Равно как невозможно при помощи математики объяснить те или иные поступки человека. Идеям позитивизма он противопоставлял христианство. В черновых материалах к роману «Бесы» мыслитель отмечал: «Все эти философские системы и учения (позитивизм и Конт и проч.) являлись не раз (новый факт и возрождение) и ужасно скоро, бесследно и почти неприметно ни для кого вдруг исчезали. И не потому, что их отвергали, о, нет, - просто потому что они никого не удовлетворяли... Тогда как другие идеи (христианство и пр.) вдруг расходились по всей земле, овладевали миром, и вовсе не потому, что были доказаны, а просто потому, что всех удовлетворяли» (11, 144).

Писатель критиковал и иные течения западноевропейской философской мысли, например, социал-дарвинизм. В романе «братья Карамазовы» он критикует социал-дарвинизм с позиции гуманизма и народного опыта (старец Зосима), тем самым защищая идеи гуманизма и христианства.

В свою очередь, Достоевский оказал влияние на философию индивидуализма Ницше. Идея Раскольникова «все позволено» привела немецкого философа к идее освобождения человека от моральных ценностей и породила феномен «сверхчеловека». Индивидуализм свойствен герою

романа «Подросток», стремившимся стать Ротшильдом и получить власть над миром, «Всё позволено» Смердякову: «Я всю Россию ненавижу» (14, 205). В конечном счете, эти идеи развенчиваются самой жизнью.

Достоевского по праву можно считать предшественником европейского экзистенциализма. Во многих произведениях писателя личность приобретала подлинное существование, реальные черты лишь в пограничной ситуации, находясь между жизнью и смертью. Сама личность проверялась на прочность существования в обстановке безысходности, безвыходности, максимального страдания и переживания. Многие герои Достоевского органически соединяли в себе трагизм личного, социально-исторического и мирового бытия. Эти характеристики можно в полной мере отнести к Раскольникову, Соне, Мышкину, Ивану и Алеше Карамазовым и др.

Традиции философии экзистенциализма Достоевского в России были продолжены и развиты Н. Бердяевым, В. Розановым, Д. Мережковским, С. Булгаковым, С. Франком и Л. Шестовым, а в Европе – Ж.-П. Сартром и А. Камю.

Достоевский изучал и остающуюся до настоящего времени актуальной проблему – почему в Европе столь распространено незнание России, исходя из строки стихотворения Ф.И. Тютчева: «умом Россию не понять»? Федор Михайлович писал в этой связи во введении к серии публикаций «Ряд статей о русской литературе» (1861): «Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных и сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех стран непонятую и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих. Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую минуту и даже, может быть, еще очень долго в будущем. Мы не преувеличиваем. Китай и Япония, во-первых, слишком далеки от Европы, а во-вторых, и доступ туда иногда очень труден; Россия же вся открыта перед Европою, русские держат себя совершенно нараспашку перед европейцами, а между тем характер русского, может быть,

даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер китайца или японца. Для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса. Скорее изобретётся *perpetuum mobile* или жизненный эликсир, чем постигнется Западом русская истина, русский дух, характер и его направление. В этом отношении даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия. По крайней мере, положительно известно, что там никто не живет; а про Россию знают, что в ней живут люди и даже русские люди, но какие люди. Это до сих пор загадка...» (18, 41).

Писатель удивлялся тому, сколь велико незнание России и русских людей в Европе: «Знают, что кроме собак в России есть и люди, очень странные, на всех похожие и в то же время как будто ни на кого не похожие; как будто европейцы, а между тем как будто и варвары» (18, 42). В очерке «По поводу выставки» (1873) он отмечал: «...Европейцы мало знают Россию и русскую жизнь, потому что не имели до сих пор еще и нужды ее узнавать в слишком большой подробности» (21, 69). Писатель полагал «...на долгие годы еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России...» (21, 70).

Главную причину подобного положения определял сам Достоевский: Европа разобщена, а Россия едина. В этом единстве писатель видел силу русского народа. «...Русская нация – необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нём всё наоборот. Все европейцы идут к одной и той же цели, к одному и тому же идеалу; это бесспорно так. Но все они разъединяются между собою почвенными интересами, исключительны друг к другу до непримиримости, и всё более и более расходятся по разным путям, уклоняясь от общей дороги. По-видимому, каждый из них стремится отыскать общечеловеческий идеал у себя, своими собственными силами, и потому все вместе вредят сами себе и своему делу...» (18, 54). Данное положение писателя не утратило своей актуальности, а более усилило её в настоящее время.

Другая причина заключается в силе и могуществе Российского государства, что особо отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» в преддверии Русско-турецкой войны 1877-1878 годов: «...Россия в то же время страшно сильна и организм её очевидно растёт и мужает не по дням, а по часам, что отлично хорошо понимают и видят в Европе (хотя подчас и кричат, что колосс расшатан), – то как же им не бояться?» (25,49). И далее он продолжал: «...Россия не только сильна и могущественна, она всегда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильная из всех стран Европы...» (25, 166).

Третья причина, на наш взгляд, состоит в феномене русской классической литературы, культуры в целом, по масштабности и глубине равной которой не было нигде в мире. Глубина проникновения в нравственную природу человека, в социум в русской литературе настолько велика, что во многом не понятна и не объяснима иностранцами – европейцами, тем более, американцами. Так, многим на Западе не понятен Пушкин, не оценено, не признано в полной мере величие его гения. Ни в одной стране нет гения, равного Пушкину. Может быть, в Англии – Шекспир, в Испании – Сервантес, а в Германии – Гёте? А рядом с Пушкиным или немного позади еще десятки великих, гениальных русских имен. Достоевский хорошо понимал и высоко ценил всемирное предназначение русской культуры. «...Явление Жуковского невозможно, например, у французов, а Пушкина и подавно», - писал он в 1861 году в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (18, 99).

Еще одной причиной писатель полагал слабое знание России самими русскими людьми, незнание России посреди России. «Где ж было им (иностранцам.- Авт.) разгадать нас, русских, когда мы и сами-то для себя загадка, по крайней мере постоянно задавали друг другу о себе загадки. Разве славянофилы не задавали загадок западникам, а западники славянофилам?» - спрашивал и в то же время отвечал на свой вопрос Достоевский (18, 46). Писатель считал необходимым пропагандировать в народе русскую историю

и культуру, предлагая книги для школьного чтения подрастающему поколению. Только та нация пользуется уважением в международном сообществе, которая умеет уважать саму себя, отстаивать собственные национальные интересы.

Тема незнания России в Европе привлекала внимание многих русских мыслителей. Так, Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» писал о предвзятом отношении и восприятии России в Европе: «Европа не знает России, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» [4].

Для России Достоевский видел два пути эволюции, связанные с предназначением России: либо идти по губительному европейскому пути, либо искать путь обновления мира и тем самым спасти Европу. В статье «Социализм и христианство» Достоевский писал: «...Наш собственно наш, *русский* почвенный идеал несравненно *выше* европейского... но что он-то и возродит всё человечество» (20, 202). Эти мысли неоднократно повторялись в других материалах писателя.

Находясь за границей, даже непродолжительное время, Достоевский испытывал тоску по России. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он отмечал: «Даже липы *мне* (в Германии.- Авт.) не понравились...» (5, 47). Пребывание в Европе отрицательно сказывалось на моральном самочувствии писателя: «...Что значит быть за границей и отвыкать от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России»,- писал он в письме к С.А. Ивановой от 29 марта 1868 года из Женевы (28-2, 293). Подобные настроения писатель высказал в письме к А.Н. Майкову от 26 октября 1868 года из Милана: «Русского воздуха нет и людей нет» (28-2, 322).

В этих настроениях нашли отражение чувства подлинного патриотизма Достоевского, тоски по Родине, по общению с русскими людьми, по известиям из России. В письме к А.Н. Майкову от 28/16 августа 1867 года из

Женева Достоевский отмечал, что, находясь в Европе, он скучает по родине. Чтение русских газет является для него отдушиной [5].

На тесную связь творчества и взглядов Достоевского с природой и характером русского народа обращали внимание исследователи. П.И. Новгородцев отмечал в работе «О своеобразных элементах русской философии права»: «О взглядах Достоевского можно утверждать, что они стоят в теснейшей связи с ходом развития русского народного характера...» [6].

Достоевский нередко идеализировал русский народ, приписывал ему такие черты, какие сам хотел бы у него видеть. «Народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особливой. Идея же эта заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу, а так как она совсем особливая и как ни у кого, то и история наша *не может быть похожею на историю других* европейских народов, тем более ее рабской копией» (27, 22). Исходя из личного, даже отягощенного годами сибирской каторги и ссылки опыта, писатель с долей идеализма говорил: «Характер русский добродушен: злых людей в России совсем даже нет. Но в России много иступленных» (21, 270).

Известно следующее высказывание Достоевского о русском народе и его идеалах из очерка «О любви к народу. Необходимый контракт с народом»: «...Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» (22, 43). В стремлении идеализировать русский народ сказывалось непреходящее чувство вины части представителей российской интеллигенции, в том числе и Достоевского, перед народом.

Раскрывая восприятие Достоевским характера русского народа. П.И. Новгородцев в работе «Восстановление святынь» писал, что народ у него

является «не предметом поклонения, а только средой обнаружения народного духа» и что надо «не народу поклоняться, а идеалам и святыням его. <...> А идеал народа Христос» [7].

Не только необходимость постоянного общения с русскими людьми вызывала у Достоевского подобные настроения, но и вся совокупность восприятия России как целостного, дорогого сердцу настоящего русского патриота явления. «А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина!» - восклицал в разговоре с братом Иваном Алёша Карамазов (14, 239). И в этих деталях также заключается часть глубоких патриотических чувств русского человека.

Великим и истинным патриотом России был А.С. Пушкин. Как не вспомнить в этой связи известные пушкинские строки:

«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам» [8].

Отстаивая патриотические идеи, чувства и настроения, Достоевский в статье «Нечто о политических вопросах» выражал уверенность в том, что «...в скором, может быть ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе» (22, 122). Писатель мечтал о превращении России в великую державу. «...Нам во что бы ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой. Положим, мы и есть великая держава...» - отмечал он в очерке «Мечты и грёзы» из «Дневника писателя» за 1873 год (21, 91).

В условиях XXI столетия перед современной Россией, как и в пореформенное время, вновь стала в полном объеме проблема самоидентификации – кто мы, великая мировая или региональная держава, каково наше место в мире, каковы перспективы эволюции?

Вместе с тем, Достоевский хорошо понимал, что представляет собой народ, только что получивший свободу, видел состояние его умственного и нравственного развития. «Нравственность народа ужасна. Вот плоды крепостного состояния», - писал он в «Записной тетради 1864-1865 гг.» (20, 191). Подобный анализ писатель проводил и в ряде художественных произведений.

Известно, что Достоевский был писателем-пророком, обладал удивительным даром предвидения. Этот дар был основан не на интуиции, а на глубоком знании закономерностей и тенденций эволюции мировой истории. В полной мере это касалось и вопросов внешней политики России, мировой политики в целом. Не будучи профессиональным дипломатом, он предвидел ряд будущих европейских политических процессов. Так, он верно определил геополитические интересы ведущих европейских держав, их политику в отношении России. Фёдор Михайлович предвидел складывание союза европейских государств – *Entente cordiale* (в его переводе – «доброе согласие»), направленное против России по восточному вопросу. Противоречия между Англией и Францией, если кто-либо из них получит больший перевес, по мнению Достоевского, могли привести к нарушению этого согласия, что было бы выгодно России. «Этого нам должно желать, - отмечал он в «Записной тетради 1864-1865 гг.». - Тогда ввяжется и Россия. Наверно, кончится разделом Турции между 3-мя державами: Францией, Англией и Россией, и этот раздел поставит нас во вражду с Австрией. Но это в отдаленном будущем» (20, 188-189).

Достоевский наблюдал за эволюцией Германии после её объединения Бисмарком, справедливо полагая, что Германия не может удовлетвориться второстепенной ролью в Европе, как, например, Италия. Лидерами Европы являлись Франция и Германия (21, 245). Такое положение дел, по его мнению, не может продолжаться длительное время. Он предвидел в будущем обострение противоречий между католической Францией и протестантской Германией (24, 75). «...Если только завяжется что-нибудь у Германии с

Францией, если клерикалы натолкнут на войну, то непременно сложатся две коалиции, и Европа разом разложится на две части» (26, 182). И далее: «Война Франции с Германией не только возможна, но почти неизбежна» (26, 182). История в полной мере подтвердила правоту мыслей писателя в оценках европейской действительности 1870-х годов.

Предвидение Достоевского касалось и судеб некоторых европейских держав. «Прежнее построение Европы искусственно-политическое всё более и более падает перед стремлением к национальным народным построениям и обособлениям (представительница этого построения – Австрия)» (20, 191). В этих же материалах Достоевский предвидел будущий распад Австро-Венгерской «лоскутной» империи. «Австрия будет разлагаться», - писал он (20, 203). Он подчеркивал неблагодарность Австрии в отношении военной помощи России, которая спасла империю от распада в 1848 году (23, 65). Достоевский видел непрочность Австро-Венгерского государства, раздираемого внутренними противоречиями. «Неестественна Австрия, неестественное соединение народов рано ли, поздно ли, уничтожится же» (23, 183). «Австрию сломит судьба» (26, 183).

Продолжая данную тему, писатель говорил о будущей судьбе европейских держав: «Сильных держав не будет, все силы будут разрушены междуусобной борьбой демоса с высшими (у нас и высших-то не будет). Надо быть России готовой. Почему Россия так будет сильна – об этом потом. Восточные окраины и Сибирь» (24, 147). Потенциал пореформенной России был поистине огромен и неисчерпаем.

В первой половине 1870-х годов общественность страны активно обсуждала идею строительства железной дороги, связывающей Центральную Россию с Сибирью и Дальним Востоком, – Транссиб. Идею строительства поддерживал и пропагандировал председатель Императорского географического общества, известный русский путешественник П.П. Семёнов-Тян-Шанский – знакомый Достоевского еще по Семипалатинску. Вполне вероятно, Фёдору Михайловичу были известны намерения

правительства осуществить важное строительство в Сибири, в которой он, как и его великий предшественник М.В. Ломоносов, видел будущее России.

Предвидя обострение противоречий между ведущими европейскими державами, Достоевский отмечал, что в Европе уничтожаются все великие державы. Они будут обессилены из-за внутренних противоречий – недовольства «пролетариев и нищих». «...В скором, может быть, ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе. <...> В России же этого не может случиться совсем: наш демос доволен, и чем далее, тем более будет удовлетворен, ибо всё к тому идет... <...> А потому и останется один только колосс на континенте Европы – Россия. <...> Будущность Европы принадлежит России» (22, 122).

В анализе европейских событий Достоевский делал в целом правильные выводы. Что касается рассмотрения внутреннего положения российского общества, то здесь писатель допускал типичную для него ошибку – идеализацию единства государственной власти и русского народа, отсутствия социальных противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В России второй половины 1870-х годов быстрыми темпами росло рабочее движение, которое к концу XIX столетия превратилось в самостоятельную политическую силу.

История подтвердила правильность выводов Достоевского относительно будущего европейских союзов и роли в них России. «Если б я был дипломатом, я, на месте России, не дарил бы никого своим союзом, а показывал бы величайшее равнодушие – быть или не быть в том или другом союзе. Загадочное положение придало бы мне много интересу» (20, 190).

Достоевский предлагал правительствам Европы иное мироустройство. «Построиться иначе – может быть, главная задача 19-го века. Тогда-то и возможны будут правильные международные отношения, и догадаются, может быть, народы, что не следует мешать друг другу и интриговать друг против друга» (20, 191).

Анализируя международное положение в «Записях литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872-1875 гг.», писатель делал пророческий вывод: «Мир ожидают в весьма скором времени страшные новости и перемены» (21, 267). И совсем неожиданное и весьма точное заключение относительно будущих судеб Европы: «...Нынешний век кончится в старой Европе чем-нибудь колоссальным...» (25, 148). «...Европу ждут огромные перевороты, такие, что ум людей отказывается верить в них, считая осуществление их как бы чем-то фантастическим» (26, 87). Действительно, кто из мыслителей того времени мог предсказать страшную европейскую бойню – Первую мировую войну.

Достоевский не надеялся на миролюбие европейских государств. В очерке «Новый фазис Восточного вопроса» он писал: «...И очень может быть, что Европа опять предложит мир еще хуже войны – мир усиленно вооруженный, мир с беспокойством и волнением народов, с мрачными ожиданиями...» (23, 149).

Анализируя проблемы внешней политики, Достоевский обращал внимание на славянский вопрос, который был неотъемлемой частью государственного курса России. Россия традиционно на протяжении многих лет поддерживала борьбу славянских народов против турецкого господства, неоднократно вела войны против Османской империи, ставя целью освобождение балканских народов от иноземного ига. Достоевский как патриот России, естественно, не оставался в стороне от этой борьбы. «Помогают черногорцам, а между тем вовсе не потому, что они черногорцы, православные славяне, родные наши братья, плоть от плоти и кровь от крови нашей, которым предстоит со временем слиться с землею русской, а потому только помогают, что они народ угнетенный, независимость свою поддерживают, за свободу сражаются, за принцип национальности», - писал он в статье «Славянофилы, черногорцы и западники, самая последняя

перепалка» в 1862 году, задолго до обострения российско-турецких отношений (20, 24-25).

В подобных оценках нам видится прямое продолжение пушкинских традиций обращения к истории славянских народов Балкан. С Пушкина в России все большую популярность приобретает идея освобождения народов Балкан от ига Османской империи (повесть «Выстрел», «Песни западных славян» и др.). Пушкин изучал фольклор народов Далмации, Хорватии, Боснии и Герцеговины, что нашло отражение в известных «Песнях западных славян» (1834). Одно из стихотворений с названием «Бонапарт и черногорцы» посвящено непосредственно этому славянскому народу.

«Черногорцы? что такое? –
Бонапарте спросил. –
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?» [9].

Обращался к тематике борьбы славянских народов против турецкого господства и И.С. Тургенев, описывая борьбу за независимость болгарского народа в романе «Накануне».

Идея славянского единения как нового направления внешнеполитического курса Российского государства, по мнению Достоевского, брала свое начало с эпохи Петра Великого. «...После Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства... под крылом России», - писал он в 1876 году в очерке «Утопическое понимание истории» (23, 47).

Достоевский продолжал развивать тематику славянского единства в преддверии Русско-турецкой войны. Особое внимание он обращал на феномен веротерпимости русского народа, давшего другим народам России «такое полное гражданское равноправие, которого вы, может быть, не

встретите в самых цивилизованных землях столь просвещенного... Запада» (23, 127). С этим утверждением можно вполне согласиться.

В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский поднял тему помощи русского народа славянским народам Балкан, страдавшим от турецкого гнета. Он полагал основой помощи братьям-славянам христианские мотивы. «Народ наш не знает ни сербов, ни болгар; он помогает, и грошами своими и добровольцами, не славянам и не для славизма, а прослышал о том, что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от «безбожных агарян»... (24, 61).

Особенно обострился вопрос славянского единства в связи с началом Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Достоевский внимательно следил за ходом военных действий на Балканском фронте и за политическим курсом европейских держав на Балканах. В очерке «Три идеи», опубликованном в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год, автор анализировал геополитические интересы европейских держав в балканской войне, делая акцент на роли в ней России. Писатель исходил из особой роли России в «разрешении судеб человеческих Европы» (25, 9).

Верный собственным оценкам единства русского народа и верховной монархической власти, Достоевский подчеркивал: «У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом» (25, 9).

Особое место в борьбе славянских народов за независимость Достоевский отводил Сербии. «Сербия вышла в поле, надеясь на свою силу, но, уж разумеется, она знает, что окончательная судьба зависит вполне от России; она знает, что только Россия сохранит ее от гибели в случае большого несчастья – и что Россия же, могущественным влиянием своим, поможет ей сохранить за собою, в случае удачи, возможный maximum выгоды» (23, 45). Писатель высоко отзывался о русском генерале Черняеве,

создавшем в Сербии армию и боровшемся малыми силами против превосходящей по численности и вооружению турецкой армии (23, 105).

В ноябрьском номере «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский выражал уверенность в том, что «все славянские племена Балканского полуострова непременно в конце концов освободятся от ига турок и заживут новой, свободной и, может быть, независимой жизнью...» (26, 78). Результатом победы над Турцией писатель видел создание Всеславянской империи во главе с Россией.

Идею объединения славянских народов как основу для развития славянской культуры отстаивал Н.Я. Данилевский: «Всеславянский союз есть единственная твердая почва, на которой может возрасти самобытная славянская культура...» [10].

Достоевский полагал, что объединение славян будет способствовать укреплению государственности, а также обогащению культуры, языка, литературы славянских народов. В то же время он видел и значительные трудности на пути подобного объединения. Сами славянские народы, по его мнению, еще не в полной мере осознали необходимость такого единства – «...славянского единения в братстве и согласии они не поймут тоже очень долго» (26, 81).

В период Русско-турецкой войны в российском обществе произошел подъем патриотизма, всемерной поддержки братьев-славян российской общественностью. Тысячи добровольцев из России отправились на Балканы сражаться за освобождение славянских братьев. Достоевский внимательно относился к проявлениям подобной поддержки, описывая эти события на страницах «Дневника писателя». «...За славян,- писал он в очерке «Комбинации и комбинации»,- пролита уже русская кровь, а кровь не забывается никогда» (23, 118).

Писатель полагал, что помощь славянам со стороны России имеет далеко идущие позитивные последствия для самих славянских народов. «Русские уйдут, но великая идея останется. Великий дух русский оставит

следы свои в их душах – и из русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть» (23, 152).

Достоевский исходил из долговременного сотрудничества России и славянских народов, из неуклонного стремления России помогать славянам «и никогда от этой помощи не намерены отказаться» (24, 63). При этом он не разделял великорусов, малороссов и белорусов – «это всё одно» (23, 127). Характерным типом великоруса писатель считал былинного богатыря Илью Муромца (24, 309).

По мнению Достоевского, негативную роль в проведении антиславянской политики играли ведущие европейские державы, стремившиеся не допустить усиления России в европейских делах и воспрепятствовать объединению славянских народов. «Да Россия виновата уже тем,- писал Фёдор Михайлович в очерке «Самое последнее слово цивилизации»,- что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, les esclaves, дескать, рабы...» (23, 62). Писатель возлагал ответственность за разжигание войны с Турцией на Европу, ненавидевшую Россию, русских и славян в целом (24, 63).

В современном мире Запад под руководством, при попустительстве, более того, прямом участии Вашингтона принимает участие в разжигании антиславянских настроений, в том числе в практической политике. В то же время всячески заигрывает с мусульманами, с радикальным крылом ислама.

Тема единения славянских народов не утратила своей актуальности и злободневности в настоящее время, особенно в связи с событиями на Украине. Образ России, несмотря на сложности современного мира, по-прежнему, как и во времена Достоевского, является привлекательным для многих православных славянских народов.

К сожалению, в современных условиях славянское единство до сих пор не достигнуто. Ряд славянских православных народов нарушили исторические традиции дружбы с Россией, предали забвению ту помощь, которую Россия и русский народ оказывали братьям-славянам на протяжении

многих столетий, забыли о совместной борьбе против общих врагов и пролитой крови за освобождение от иноземного гнета.

Провидческий дар Достоевского в полной мере проявлялся и в подходе к проблеме славянского единения. Мыслитель полагал, что после освобождения от турецкого ига некоторые славянские страны начнут постепенный отход от курса России и забудут о той братской помощи, которую казала Россия в их борьбе за независимость. «Нам в Восточном вопросе,- писал он,- необходимо иметь в виду неустанно одну истину: что славянская главная задача не в том только, чтоб освободиться от своих мучителей, а и в том, чтоб освобождение это совершить, хоть и с помощью русских... но по крайней мере оставаясь как можно меньше обязанными русским» (25, 44).

Более того, в очерке «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» мыслитель развил свою идею: «...По внутреннему убеждению моему самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» (26, 78).

Писатель с тревогой наблюдал вражду между самими славянскими народами. Он обращал внимание на то, что привезенные в Россию сербские дети отказывались играть с болгарскими детьми, потому что болгары, по их мнению, плохо сражались с турками. «Славянского единения в братстве и согласии они (славяне.- Авт.) не поймут тоже очень долго»,- писал он в том же очерке (26, 81).

Эта озабоченность Достоевского в полной мере проявилась в Балканских войнах, когда одни славянские государства начали войну против других (во второй Балканской войне 1913 года Болгария сражалась против Сербии и Черногории). Балканские войны привели к обострению

противоречий между славянскими государствами в регионе накануне Первой мировой войны.

Начало Русско-турецкой войны 1877-1878 годов Достоевский воспринял восторженно. Он увидел в этих событиях народную войну. «Это сам народ поднялся на войну, с царем во главе. <...> Когда читали царский манифест, народ крестился и все поздравляли друг друга с войной», - отмечал автор в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год (25, 94). И далее: «...Нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется новая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня как прежде...» (25, 96). Мыслитель определял цель войны с турками следующим образом: «Русский народ (то есть народ) весь, как один человек, хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута» (26, 44).

В Русско-турецкой войне Фёдор Михайлович видел спасение России, «подъем духа нации ради великодушной идеи» (25, 98). «Война,- писал он в «Записках к «Дневнику писателя» 1876 г. Из рабочих тетрадей 1875-1877 гг.», - есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и к *участию* в них (песни солдатские и народные)» (24, 90).

Война подтверждала тезис Достоевского, основанный на его понимании специфики российской действительности, о единстве народа и верховной власти. Он оправдывал войну как патриотическое событие, способствующее единению народа с императором: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь «братьев-славян», измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте» (25, 95).

Идеализируя войну как социальное явление, Достоевский исходил из тезиса о непобедимости России и русского народа. «...Мы непобедимы ничем в мире,- писал он,- ...мы можем, пожалуй, проиграть битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным. <...> ...Нас не победят ни жидаы всей Европы вместе,

ни миллионы их золота, ни миллионы их армий...» (25, 97). «Будь окончание нынешней войны благополучно – и Россия несомненно войдет в новый и высший фазис своего бытия...» (26, 82).

К сожалению, писатель, кроме положительного значения войны, не увидел огромных жертв, приносимых народом на алтарь войны, какой бы справедливый характер она не носила и какие благие цели не преследовала. Правда, писатель делал оговорку, что не всякая война ведется во благо человеку. Война «из-за приобретения богатств, из-за потребности ненасытной биржи» есть несчастье (25, 98). Изучая историю европейских войн, писатель с сожалением говорил, что «не проходило поколения в истории европейской... без войны» (25, 103).

Достоевский слабо понимал причины и характер войны вообще как социально-политического феномена. Так, в письме к С.А. Ивановой от 17 августа 1870 года Фёдор Михайлович следующим образом характеризовал роль войны в истории человечества. «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам и непременно ожесточается и впадает в варварство. Я говорю про народы в целом. Без страдания и не поймешь счастья. Идеал через страдания переходит, как золото через огонь. Царство небесное усилием достается» (29-1, 137-138). Подобная оценка войны не справедлива, поскольку отражает сущность данного явления весьма однобоко, односторонне, не ставит целью анализ причин самой войны, ее характер.

Стремясь оправдать собственную позицию в отношении войн, Достоевский обращался к христианству. «Христианство само признает факт войны и пророчествует, что меч не прейдет до кончины мира: это очень замечательно и поражает» (22, 124). Он считал, что современный мир намного хуже войны, «до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать: нечего ценить, совсем нечего охранять, совестно и пошло сохранять. Богатство, грубость наслаждений порождает лень, а лень порождает рабов. <...> Человек по природе своей страшно склонен к

трусливости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство. Война развивает братолюбие и соединяет народы. <...> Заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы» (22, 125).

В очерке «Спасет ли пролитая кровь?» Достоевский оценивал влияние войны и мира на общество и человека. «...Скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное – умственный застой. В долгий мир жиреют одни лишь палачи и эксплуататоры народов. <...> Буржуазный долгий мир... в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит ее сам из себя как жалкое следствие...» (25, 101-102).

Война «из-за великодушной цели,- утверждал Достоевский,- ради бескорыстной и святой идеи, такая война – лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию...» (25, 102).

Данные суждения писателя-гуманиста, как это ни парадоксально, глубоко антинаучны, направлены против человека. Война несет народам разрушения, бедствия, сеет смерть. Россия, как никакая другая европейская страна, пережила множество иноземных нашествий, войн. Русский народ на протяжении всей своей истории страдал от ужасов войны. Как совместить рассуждения писателя о том, что все богатства мира не стоят слезинки ребенка с бесчеловечными выводами о некой пользе войны, о ее благом влиянии на общество и человека?

Подобного рода восприятие войны Достоевским было вызвано позицией европейских держав (Англии, Франции, Германии, Австрии) в отношении России в период после Крымской войны 1853-1856 годов. Негативное отношение к России этих государств сохранялось и в последующие годы, что было следствием боязни усиления позиций России на Балканах и в Средиземноморье. Западные страны всячески препятствовали этому.

В то же время, будучи непосредственным свидетелем многих европейских событий, в том числе военных конфликтов, Достоевский объективно оценивал, например, франко-прусскую войну – «...ужасная франко-прусская война...» (21, 245). Писатель осознавал губительный характер этой войны.

Победа России в Русско-турецкой войне, несмотря на поддержку западными странами Турции, оказала огромное воздействие на всю европейскую политику, превратила Россию в ведущую европейскую державу. В статье с характерным названием «Никогда Россия не была столь могущественною, как теперь – решение не дипломатическое» Достоевский с воодушевлением писал: «...Россия не была столь сильна и могущественна, как всегда была, но теперь, особенно теперь, она самая сильная из всех стран Европы...» (25, 166).

Одной из характерных черт русского народа Достоевский считал потребность в страдании. «Я думаю,- писал он в очерке «Влас»,- самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не

имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид... Страданием своим русский народ как бы наслаждается...» (21, 36).

Во многих художественных произведениях писателя его герои проходят через невероятные страдания, которые, кажется, никогда не кончаются. Нередко они приводят к гибели, смерти. Здесь, очевидно, сказалось влияние христианской этики, в которой страдания, мученичество рассматривается как путь очищения.

Исследуя характер русского народа, писатель нередко ссылался на суровый исторический опыт, трагические уроки российской истории. «Да, великий народ наш был взращен как зверь, претерпев мучения еще с самого начала своего, за всю свою тысячу лет, такие, каких ни один народ в мире не вытерпел бы, разложился бы и уничтожился, а наш только окреп и сплотился в этих мучениях» (25, 124). Действительно, русский народ с честью выходил из самых тяжелых испытаний, социально-политических катастроф, войн, смуты, находил в себе внутренние силы для их преодоления.

В произведениях Достоевского в меньшей степени, чем Европа, нашли отражение и Соединенные Штаты Америки. Правда, эта страна, в отличие от Европы, упоминается лишь вскользь без достаточного анализа. Так, в Америку Иван Карамазов предлагал бежать из тюрьмы своему брату Дмитрию. В первой (краткой) редакции романа «Преступление и наказание» писатель рассуждал о возможном бегстве Раскольникова сначала в Финляндию, а затем в Америку. «К утру, сквозь сон, мне мерещился всё проект уехать, убежать, как-нибудь сначала в Финляндию, а потом в Америку...» (7, 72). Уехать в Америку собирался и другой персонаж романа Свидригайлов: «Я в Америку хоть сейчас рад...» (7, 204).

В очерке «Одна из современных фальшей», ссылаясь на публикацию в «Камско-Волжской газете», Достоевский с удивлением констатировал факт намерения бегства трех гимназистов 3-го класса казанской гимназии в Америку. «Двадцать лет назад известие о каких-то бегущих в Америку гимназистах из 3-го класса гимназии показались бы мне сумбуром» (21, 135).

Данное обстоятельство, свидетельствовавшее о падении патриотизма в среде российского молодого поколения, чрезвычайно обеспокоило и встревожило писателя. В ряде других сочинений Достоевский не раз говорил о желании некоторых русских бежать в Америку.

Таким образом, в художественных, и особенно публицистических произведениях, Достоевским были поставлены, достаточно глубоко и всесторонне проанализированы многие актуальные проблемы внешней политики России, прежде всего взаимоотношения России с ведущими европейскими государствами. Будучи подлинным русским патриотом, писатель мечтал о том, что Россия пойдет путем объединения славянских народов, превратится в великую европейскую державу и встанет во главе всего человечества.

5.2. Восточная политика Российской империи в оценках писателя

Особое место в творчестве Достоевского занимала восточная политика России, так называемый Восточный вопрос, ставший частью политического курса Московского государства со времен Золотой Орды. «Восточный вопрос,- писал Достоевский,- есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени...» (26, 30).

Восточный вопрос, по нашему мнению, берет свое начало с государственного курса Ивана IV, начавшего присоединение к России земель Поволжья и Урала. В допетровской России Восточный вопрос являлся фактором освоения новых территорий и расширения восточных границ Московского царства. «...Молодой царь Иван Васильевич, тогда еще не Грозный, решил кончить с этим тогдашним Восточным вопросом и взять Казань», - писал Фёдор Михайлович в очерке «Халаты и мыло» (23, 120). При этом он отмечал гуманное отношение российской власти к коренному населению Казанского ханства. Русский царь никого не выселил из Казани, «отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство»

(23, 120). Местное население получило право заниматься торговлей, традиционными ремеслами.

Позже, в петровскую эпоху, Российское государство неоднократно стремилось участвовать в решении Восточного вопроса. Достаточно вспомнить Прутский поход Петра I 1711 года, а также расширение влияния России в регионе Восточного Кавказа с выходом в пределы Южного Кавказа (Персидские походы Петра I). В первой половине XIX века Россия вела длительные войны с Персией и Турцией за усиление своего влияния на южных рубежах.

В этой связи нам представляется не совсем верным утверждение отечественного историка С.Л. Чернова о том, что возникновение Восточного вопроса относится к XVIII столетию, а во второй четверти XIX века он приобрел самостоятельное значение как крупнейшая проблема международных отношений [1].

В своих публицистических произведениях Достоевский называл Восточный вопрос «бесконечным Восточным вопросом» (23, 38); «вечно неразрешимым Восточным вопросом» (23, 43), «страшным Восточным вопросом» (25, 74) и т.п.

Восточный вопрос в международной политике представляет собой сложный комплекс взаимоотношений и глубинных противоречий между великими державами и азиатскими, африканскими и европейскими территориями, а также проливами, находившимися под контролем Османской империи. Содержание восточной политики Европы составило колониальное господство европейских государств над народами Азии и Африки.

Восточный вопрос не был придуман кем-то, а вызревал в течение нескольких столетий из объективных условий эволюции Запада, России и Востока. «Но Восточный вопрос,- справедливо писал Достоевский,- не *выдумали* славянофилы. Он родился раньше вас, раньше нас, раньше русской империи, раньше Петра Великого, родился он при первом сплочении

великорусского племени в сильное государство, он родился вместе с Москвой, и есть великая идея, оставленная Москвой, которую вынес из Москвы Пётр, в высшей степени понимавший её органическую связь с русским назначением и с русской душой» (26, 185).

Достоевский проявлял постоянный интерес к восточной политике Российского государства, к Восточному вопросу, особое внимание уделяя азиатскому вектору государственного курса. Так, в письме неустановленного лица к писателю он разъяснял собственную позицию по Восточному вопросу [2]. Мыслитель неоднократно подчеркивал международное значение Восточного вопроса: «Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начинается новый день» (25, 51). «...Наш русский Восточный вопрос раздвинется в мировой и вселенский...» (26, 22).

Достоевский обращал внимание на геополитическое положение России как страны, расположившейся на территории Европы и Азии. «...Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!», - писал он в очерке «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» (27, 33). «На Азию надо бы обратить внимание как можно скорее. Это корень, который как можно скорее надо оздоровить» (27, 87). В этом смысле он может считаться предшественником российского евразийства [3].

Достоевский четко показывал отличие западного, европейского вектора политического курса Российского государства от азиатского направления внешней политики. Будущее России, считал писатель, – в Азии. «...Европа нас готова хвалить, по головке гладить, но своими нас не признает, презирает нас втайне и явно, считает низшими себя как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями. Но от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем... Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш больной

корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо. Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо!» (27, 35-36).

Достоевский полагал, что азиатское направление внешней политики Российского государства является более перспективным, чем европейское, что именно восточная политика России может придать новую дополнительную энергию русскому народу. «С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, – тотчас найдем что нам делать, а с Европою, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями» (27, 36). Он связывал будущее России с Азией. «...В будущем Азия – наш исход, ...там наши богатства, ...там у нас океан...» (27, 38). Эти слова писателя звучат настолько современно, будто бы он произнес их в наше время.

Во второй половине XIX века содержание Восточного вопроса было связано с решением ряда острых международных проблем: во-первых, с освобождением родственных христианских (большой частью православных) славянских народов Балканского полуострова от османского ига. Русский народ понимал данный аспект Восточного вопроса с позиции освобождения всего православного христианства и создания единой христианской церкви (25, 73).

Во-вторых, Восточный вопрос был связан с усилением влияния России на Ближнем Востоке и установлением российского контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. После Крымской войны и подписания унижительного Парижского мирного договора эта задача имела для России стратегическое значение.

В-третьих, решение Восточного вопроса увязывалось со стремлением западных держав к разделу наследия Турции, которая к этому времени представляла собой «больного человека». При содействии российской дипломатии России, с учетом противоречий среди европейских государств, удалось достаточно быстро преодолеть негативные последствия Парижского

мирного договора и приступить к осуществлению задуманных планов. «Россия уже не может отказаться от движения своего на Восток...», - полагал Достоевский (24, 62).

В-четвертых, в середине 1860-х годов Россия, наконец, завершила Кавказскую войну, которую вела 46 лет, начав ее в царствование императора Александра I. В отличие от Льва Толстого, непосредственно участвовавшего в военных действиях на Кавказе и посвятившего этим событиям несколько художественных сочинений, у Достоевского нет произведений о Кавказской войне. Однако российская общественность проявляла повышенный интерес к событиям на Кавказе. Фёдор Михайлович интересовался историей ислама, что нашло отражение в ряде его произведений.

В-пятых, в 1860-е годы Россия активно осваивала территории Дальнего Востока, граничившие с Маньчжурией, что открывало новые геополитические возможности для российской внешней политики. Дальний Восток начал осваиваться преимущественно русскими первопроходцами еще в XVII-XVIII веках. Пореформенная Россия, накопившая значительные силы, вела более интенсивное освоение восточных территорий на границах с Китаем.

В-шестых, Достоевский внимательно наблюдал за деятельностью русских на территории Сибири. Правда, писатель ошибочно, в духе современных отечественных неолибералов понимал отношение к сибирским природным ресурсам, полагая возможным продажу их за рубеж. «Сибирь – продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев. Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп, или если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию... с гарантией 5 процентов» (27, 79). Это высказывание свидетельствует вовсе не об отсутствии патриотизма писателя, а о его заботливом отношении к Сибири с точки зрения принесения пользы и прибыли Отечеству и народу. Хотя согласиться с подобными утверждениями Фёдора Михайловича чрезвычайно трудно.

Историю решения Восточного вопроса в период правления императора Александра II можно разделить на два этапа. Первый этап включал борьбу российской дипломатии за отмену решений Парижского договора и продолжался с 1856 по 1871 год. Второй этап был связан с восстановлением влияния России на Балканах, стремлением добиться свободного плавания по проливам, укреплением обороноспособности страны на Черном море и в Малой Азии.

Достоевский в своих работах стремился более точно определить содержание и пространственно-временные границы Восточного вопроса, исходя из коренных интересов России. «...Взгляд на Восточный вопрос должен принять несравненно более определенный вид и для всех нас. Россия сильна народом своим и духом его, а не то что лишь образованием, например, своим богатством, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших за дряхлостью и потерей живой национальной идеи, совсем искусственными и как бы даже ненатуральными», - писал он в очерке «На какой теперь точке дело» (24, 62). При этом Восточный вопрос, по мнению автора, был критерием российской духовности и нравственности тесно связывался с «историей нашего самознания» (24, 294). И далее: «...У России нравственные интересы в Восточном вопросе пересилили матерьяльные» (24, 295).

Писатель неразрывно связывал Восточный вопрос с судьбами православия, с судьбами живших на востоке православных христиан. «Россия «будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его. <...> Ибо что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России» (26, 85).

Достоевский неоднократно подчеркивал всемирно-историческое значение Восточного вопроса. «Восточный вопрос есть... один из мировых вопросов, один из главных *отделов* мирового и ближайшего разрешения судеб человеческих, новый грядущий фазис этих судеб», - писал он в очерке

«Дипломатия перед мировыми вопросами» (25, 144). «...С разрешением Восточного вопроса выдвинется в человечество новый элемент, новая стихия, которая лежала до сих пор пассивно и косно и которая... не может не повлиять на мировые судьбы чрезвычайно сильно и решительно» (25, 9).

Фёдор Михайлович хорошо понимал остроту Восточного вопроса, его влияние на ход европейских и российских событий: «...Загорелся Восточный вопрос, загорелся он и во всей Европе тотчас же, как и у нас, даже раньше...» (25, 144). С Восточным вопросом писатель связывал судьбу России в будущем. «...Этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем» (25, 74).

Достоевский неоднократно обсуждал Восточный вопрос со своими читателями в письмах. Так, педагог В.В. Михайлов писал Достоевскому в 1878 году о Восточном вопросе, интересовался его мнением [4].

Западная Европа с тревогой следила за проведением Российской империей восточной политики, делая ставку на поддержку Турции в борьбе против России. «Парижским трактатом 1856 года,- писал в своих мемуарах российский генерал, участник Русско-турецкой войны 1877-1878 годов Эдуард Васильевич Экк,- Турецкая империя была включена в сонм великих держав. Но это включение счастья ей не принесло. <...> Турция оказалась банкротом...» [5].

Во многих своих произведениях Достоевский обращался к восточной тематике. По всей видимости, писатель стремился провести параллель между христианским и мусульманским вероучением. Применительно к роману «Преступление и наказание» Достоевского интересовавала трактовка таких нравственных качеств личности, как смирение, покорность судьбе. Эти качества входили в явное противоречие с действиями Раскольникова, ставшего на путь тяжкого преступления – убийства. Не случайно Раскольникову накануне убийства снится сон, навеянный образами Востока. «Ему все грезилось, и всё странное были такие грезы: всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе.

Караван отдыхает, смиренно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают. Он же все пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку...» (6, 56).

Вода у многих народов, в разных религиях, была символом жизни, ассоциировалась с насыщением человека духовной жизнью. В Откровении Иоанна Богослова приводятся такие слова: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола, Бога и Агнца» (Отк.22, 1). Сны в романах Достоевского, как известно, играли важную роль, сопровождая и дополняя основную канву повествования.

Большое место Восточному вопросу и роли России в его решении Достоевский уделил в «Дневнике писателя». Восточная тематика получила широкое освещение в публицистических произведениях Достоевского в связи с Русско-турецкой войной 1877-1878 годов, а также с началом процесса присоединения к России территорий Средней Азии.

Восточный кризис 1875-1878 годов был связан с подъемом национально-освободительного движения славянских народов против Османской империи. Начало восточному кризису положило восстание в Боснии и Герцеговине летом 1875 года. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии, поддержанное Сербией и Черногорией, еще более обострило балканский кризис. Кульминацией кризиса стала Русско-турецкая война 1877-1878 годов.

Размышляя о причинах резкого обострения ситуации на Балканах, в очерке «Восточный вопрос» Достоевский говорил о росте насилия, о том, что там произошла «вспышка мусульманского фанатизма, ужасное избиение башибузуками и черкесами шестидесяти тысяч мирных болгар, стариков, женщин и детей – всё это разом зажгло и двинуло войну» (23, 44).

Тема насилия над славянскими народами со стороны турок неоднократно поднималась Достоевским в «Дневнике писателя». В очерке

«Самое последнее слово цивилизации» он отмечал: «В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви разбиваются в щепы, всё сводится поголовно – и это дикой, гнусной мусульманской ордой, заклятой противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно, во время смуты и беспорядка войны... Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжению министров и правителей государства, самого султана. А Европа, христианская Европа, великая цивилизация смотрит с нетерпением... «когда же это передавят этих клопов!»» (23, 61-62). Не напоминает ли эта фраза современное положение, при котором Запад попустительствует исламским террористическим организациям вроде ИГИЛ и т.п.

Российское правительство оказывало действенную помощь славянским народам в освобождении от турецкого ига. Русское общество сплотилось вокруг славянского вопроса. Кроме правительства, в этом благородном деле участвовала Русская православная церковь. Покровская община сестёр милосердия приняла сербских и болгарских детей, о чем Достоевский писал в очерке «Самозванные пророки и хромые бочары» (25, 38-39). Писатель с грустью констатировал, что сербские и болгарские дети в этой общине отказывались играть друг с другом – сербы обвиняли болгар в том, что они плохо сражались с турками.

Решение Восточного вопроса для России Достоевский тесно связывал с идеей объединения славянства. «А между тем на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и неслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся...», - писал он в очерке «Три идеи» (25,9). Славянский вопрос писатель считал лишь одним из этапов на пути полного решения всего Восточного вопроса. «После разрешения Славянского вопроса,- писал он в очерке «Одно совсем особое словцо о

славянах», - России, очевидно, предстоит окончательное разрешение Восточного вопроса...» (26, 81).

Вместе с тем, писатель полагал, что, будучи инициатором и лидером объединения славянских народов, Россия не будет навязывать им собственные идеи и пути эволюции. «...России вовсе нечего будет брать у славян ни из их идей, ни из литературы, и чтоб учить нас, все они страшно не доросли» (26, 81).

Достоевский обращал внимание на стремление правящих кругов ведущих государств Западной Европы не допустить усиления позиций России на Балканах. «Европа придумала мечту,- писал он.- Турция. Главное, ей надо было унижить Россию» (26, 186). Запад всячески препятствовал тому, чтобы Россия в полной мере воспользовалась результатами собственной победы в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Свидетельством такого положения стали итоги Берлинского конгресса 1878 года, существенно снизившими положительные последствия военной победы над Турцией для России и славянских народов. «Огромный английский флот стоит у Константинополя... из политических соображений, а вернее – на всякий случай. У Австрии уже готова огромная армия – тоже на всякий случай. Австрийская пресса раздражительно относится к восставшим сербам и – к России», - рассуждал писатель о внешнеполитических проблемах в очерке «Опять о женщинах» (23, 51). Достоевский приводил примеры помощи западных стран Турции в войне против России: Америка и Англия поставляли туркам вооружение (пули) (26, 72).

На основе изучения обстановки на Балканах Достоевский предчувствовал возможное перерастание войны России против Турции в войну против Европы. «Россия обнажает меч против турок, но кто знает, может быть, столкнётся и с Европой...» - писал он в очерке «Признания славянофила» (25, 197). «...Восточная война,- отмечал писатель в очерке «То да не то», - может в самом скором времени обратиться во всеевропейскую...» (26, 13).

Сан-Стефанский договор 1878 года создал благоприятные условия для создания на Балканах суверенных славянских государств, положительного решения вопроса о проливах. По договору к России отходила часть турецкой территории в Закавказье – города Карс, Ардаган, Баязет, Батум. Особую роль играл Батум – важный порт и торговый центр на Чёрном море.

Сан-Стефанский договор носил прелиминарный (временный) характер. Англия и Австро-Венгрия выступили против договора, то есть против усиления российских позиций на Балканах. Запад обвинил Россию в захватнических целях на Балканах. Россия не обладала достаточными возможностями для решения балканской проблемы в свою пользу, несмотря на усилия российской дипломатии, не воспользовалась в полной мере выгодами от победы в Русско-турецкой войне.

Берлинский конгресс в июне 1878 года с участием шести великих держав и Турции ограничил влияние России на Балканах. Россия лишилась части территории в Малой Азии. Решения конгресса привели к изменению расстановки сил в Европе, к формированию австро-германского союза, к усилению позиций Англии и Австро-Венгрии на Балканах. Эти решения заложили основу глубоких противоречий на Балканах, приведших в 1914 году к Первой мировой войне.

Восточный вопрос был настолько сложным, что вносил разногласия и раскол в политику европейских держав. Англия, Германия, Австрия, Россия имели собственные геополитические интересы на Востоке. «...Каждый раз, именно с Восточного вопроса вся Европа из видимого целого, тотчас же и слишком уж явно, начинает распадаться на свои личные, отдельно-национальные эгоизмы», - писал Достоевский в очерке «Piccola bestia» (23, 108). Англия и Австро-Венгрия усилили вмешательство во внутренние дела Турции.

После объединения Германии Достоевский отводил этой стране главную роль в решении Восточного вопроса. «Восточный вопрос, - писал он, - теперь в Берлине, да и всё теперь таится и гнездится в Берлине» (24,

163). Фёдор Михайлович понимал агрессивный характер европейских держав. «Вся суть Восточного вопроса в эту минуту заключается в союзе Германии с Австрией, да еще в австрийских захватах Турции, поощряемых князем Бисмарком» (27, 39).

К концу 1877 года Достоевский, предвидя скорую победу России в войне с Турцией, анализировал варианты будущего политического устройства Европы. При этом он постоянно примерял судьбу России к будущему мироустройству. Необходимо «такому огромному великану как Россия выйти наконец из запертой своей комнаты, в которой он уже дорос до потолка, на простор, дохнуть вольным воздухом морей и океанов. <...> Константинополь не может миновать России»,- писал он в очерке с характерным названием «Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш» (25, 67).

Фёдор Михайлович полагал не только возможным, но и необходимым переход Константинополя (извечная мечта российской дипломатии со второй половины XVIII столетия) под контроль России. В этом стремлении писатель шел даже дальше российской дипломатии. «Константинополь,- писал он в очерке «Толки о мире»,- должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, еще сверх того, на самых широких основаниях...» (26, 83).

Основываясь на результатах Русско-турецкой войны, Достоевский отстаивал стратегическую для внешней политики России идею приобретения Константинополя. «...Константинополь – рано ли, поздно ли, должен быть наш...» (23, 48). Тема Константинополя – старинного Царьграда, стала стратегической для российской внешней политики с конца XVIII столетия, когда в результате победы Русской армии над Турцией в двух русско-турецких войнах стала реальностью.

Идея Константинополя неоднократно поднималась писателем в последние годы публикации «Дневника писателя» [6]. «Идея о

Константинополе и о будущем Восточном вопросе... есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а *древняя* русская историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III»,- писал он в очерке «Нечто о петербургском Баден-Баденстве» (23, 57-58). Тем самым писатель воспроизводил исторический факт женитьбы великого московского князя Ивана Васильевича на византийской принцессе Софье Палеолог.

«Константинополь должен быть *наш*, завоеван *нами*, русскими у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать...»,- подчеркивал писатель в очерке «Толки о мире» (26, 83). Константинополь рассматривался Достоевским как форпост славянства на востоке. «Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей, не различая их с славянами» (26, 85).

В очерке «Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения» (мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1877 год) Достоевский рассуждал об усилении роли России в исторических судьбах Востока. «...Весь русский народ совершенно подтвердил новое назначение России и царя своего в грядущих судьбах всего Восточного мира» (24, 68).

В силу приверженности монархии, монархическим взглядам Достоевский полагал, что русский император мог бы стать правителем Востока, не расшифровывая, однако, это понятие. «...Меч России уже несколько раз сиял на Востоке в защиту его. Само собою, что и народы Востока не могли не видеть в царе России не только освободителя, но и будущего царя своего» (25, 67). Более того, Достоевский стремился распространить власть российского императора на весь мусульманский мир. «...Русский царь,- писал он,- есть царь и повелитель всего мусульманского Востока. Пусть приучаются к этой мысли в Константинополе...» (27, 86).

В силу успехов внешнеполитического курса России писатель упрощенно подходил к роли самодержавия в судьбах народов Востока. «Нашему царю,- писал Фёдор Михайлович,- определено судьбой поправить наше упущенное влияние на Востоке. Задача очень легка теперь, ибо 2/3 дела уже сделано самой логикой вещей» (24, 297). На практике задача подчинения Востока русскому царю оказалась куда более трудной.

Размышляя о роли Восточного вопроса в судьбах цивилизации, Достоевский в очерке «Кто стучится в дверь?» отмечал: «Восточный вопрос и восточный бой, силою судеб, сольется тоже с всеевропейским боем» (26, 22). «Я уверен,- продолжал он далее,- что бой окончится в пользу Востока, в пользу Восточного союза, что России бояться нечего, если Восточная война сольется с всеевропейской...» (26, 22-23).

Писатель неоднократно повторял, что «бой окончится в пользу Востока и России» (26, 181). Сказывались идеализированные оценки Фёдором Михайловичем характера Русско-турецкой войны как войны за освобождение славянских народов, за торжество христианства. «Русский народ... весь, как один человек, хочет, чтоб великая цель войны за христианство была достигнута» (26, 44).

Достоевский резко протестовал против искажения роли России в проведении восточной политики. Он давал отповедь различного рода измышлениям западной прессы о роли России на востоке. Так, в очерке «О воинственности немцев» писатель решительно протестовал против клеветнических выпадов германской прессы о том, что «русские хотят захватить Восток и славян» (23, 61).

Стратегическим направлением восточной политики России в 1870-е годы стала Средняя Азия, где располагались три мусульманских государства – Кокандское ханство, Хивинское ханство и Бухарский эмират, на территории которых проживали узбеки, таджики, туркмены, киргизы и каракалпаки. Эти государства находились на стадии феодальных и дофеодальных отношений, в них процветало рабство. С середины 1860-х

годов Россия начала наступление на Среднюю Азию. Этот регион привлекал внимание Англии, которая опасалась угрозы со стороны России Афганистану и Индии. В 1873 году русские войска захватили Хиву, в 1875 году – Коканд. Кокандское ханство вошло в состав России как составная часть. Бухара и Хива утратили самостоятельность внешней политики, сохранив автономию в решении внутренних вопросов.

Достоевский приветствовал успехи российской дипломатии и армии в решении вопроса присоединения Средней Азии к России. «...Русская среднеазиатская политика твердо может теперь надеяться достигнуть вполне своих целей...» (21, 241). В очерке «Иностранные события» он подчеркивал международное значение этих событий. «...У нас и в Европе... даже и Англия стала наконец смотреть на успехи наши в Азии с несколько большею к нам доверчивостью» (21, 241).

Особенно высоко Достоевский отмечал успехи Российской армии. «Покорение хивинского хана еще раз заставило русских гордиться своею армией, а в Европе, где на этот раз сумели оценить важность события, подвиг русских войск возбудил даже удивление. Факт, что Европа удивляется наконец русскому воину...» (21, 241).

Достоевский постоянно обращал внимание на героические эпизоды, в которых проявлялись мужество и стойкость русских воинов. В очерке «Фома Данилов, замученный русский герой» он описал подвиг простого русского солдата – унтер-офицера 2-го Туркестанского стрелкового батальона, попавшего в плен к кипчакам – местным племенам Средней Азии, отказавшегося перейти в ислам и принявшего за Христа смертные мучения. На этом примере писатель показал идеал простого русского воина, вчерашнего крестьянина, совпавшего с идеалом народа, – «всецелое изображение народа русского» в подвиге отдельного человека.

Присоединение Средней Азии к России имело положительные последствия. В регионе прекратились кровопролитные междоусобные, родоплеменные и феодальные войны, было уничтожены работорговля и

рабство, началось строительство железных дорог, новых городов, более открытым и веротерпимым стало местное общество. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия» (27, 37).

Анализируя воззрения Достоевского на значение для России Востока, значение, безусловно, весомое, приведем высказывание современного российского писателя А. Иванова: «Всегда хорошо дружить и всегда плохо враждовать. Но породниться с Востоком мы не сможем. Это не наша ментальная природа, и нашей она не станет никогда. <...> Главная ценность в Европе – свобода, в России свобода – тоже ценность, но не главная, а на Востоке – вообще не ценность. Поэтому Россия – версия Европы, и генетически мы не скрещиваемся с Азией. «Запад есть Запад, Восток есть Восток» [7]. Мы разделяем данное суждение.

С Востоком (Китай, Япония, Корея, исламский мир) России надо стремиться поддерживать конструктивные, взаимовыгодные отношения. По возможности, налаживать и сохранять дружбу. При этом помнить о собственных национальных интересах. Однако полного сближения с Востоком из-за противоположности менталитета с Востоком Россия достичь не сможет.

Итак, в художественных и особенно публицистических произведениях Достоевского уделялось большое внимание восточной политике Российского государства, участию России в решении Восточного вопроса. Писатель исходил из того, что Восточный вопрос для России уходил своими корнями в далёкое историческое прошлое – ко времени Московского царства и Ивана Грозного. При Петре Великом Восточный вопрос приобрел для России самостоятельное значение. Во второй половине XIX столетия Россия приобрела достаточное военно-политическое влияние для непосредственного участия в разрешении Восточного вопроса, приступила к осуществлению

стратегического курса на Балканах, вступив в 1877 году в войну с Турцией за освобождение славянских народов Балканского полуострова. Воспользоваться плодами военной победы в полной мере в силу ряда обстоятельств Россия не смогла в силу противодействия западных держав. Однако в итоге значительно повысился авторитет Российского государства и армии среди славянских народов.

К сожалению, многое из достигнутого русской дипломатией в те годы в реализации восточной политики не удалось сохранить и приумножить. Не сбылись мечты Достоевского о формировании Всеславянского союза, о присоединении к России Константинополя и др. Однако размышления Достоевского о роли России в решении Восточного вопроса остаются актуальными до сегодняшних дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великий русский писатель-мыслитель Ф.М. Достоевский прожил не лёгкую, полную тяжелых испытаний, жизнь. Рано оставив военную службу, вступив на литературное поприще, он посвятил всю свою жизнь литературному творчеству: сразу же после написания первого романа «Бедные люди» получил общественное признание и похвалу со стороны известного литературного критика В.Г. Белинского.

Во второй половине 1840-х годов Достоевский, будучи человеком совестливым, чутким к несправедливости, увлекался идеями французского утопического социализма Фурье, принимал участие в кружке Петрашевского, отрицательно отзывался о крепостном праве, обсуждал на собраниях возможности освобождения крестьян. За публичное чтение письма Белинского Гоголю он подвергся аресту, заключению в Петропавловскую крепость, инсценировке смертной казни на Семёновском плацу, четырехлетней ссылке на каторгу в Омский острог. Годы, проведенные на каторге, кардинально изменили мирозерцание Достоевского, полностью порвавшего с идеями утопического социализма и со всеми иными его разновидностями. По выходе с каторги Достоевский познал тяготы солдатской службы и только в конце 1859 года получил разрешение вернуться в Петербург и заняться литературным трудом.

Общественная деятельность писателя 1860-1870-х годов складывалась из литературно-издательской работы по руководству изданием журналов «Время» (совместно с братом М.М. Достоевским), «Эпоха», «Гражданин», участия в литературных и общественно-политических дискуссиях по злободневным проблемам российской действительности, общения с коллегами-литераторами, встреч с читателями, поездок по стране и сборе материалов для «Дневника писателя».

С рубежа 1850-1860-х годов Ф.М. Достоевский совместно с братом М.М. Достоевским, А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым возглавил общественно-литературное течение, получившее название «почвенничества», главной идеей которого было установление неразрывной связи интеллигенции с русским народом, просвещение народа с целью преодоления его вековой отсталости. Почвенничество в структуре российской социально-политической мысли заняло охранительно-консервативные позиции, направленные на сохранение и укрепление существовавшего в России монархического строя.

Почвенничество стало своеобразным отражением стремительных перемен, происходивших в российском обществе в 1860-е годы в условиях подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года и последующих либеральных реформ под руководством императора Александра II. Идеи почвенничества нашли отражение в ряде литературных произведений Достоевского, в его публицистических статьях и очерках.

Не будучи профессиональным историком, Достоевский не только живо интересовался историческими событиями, но и глубоко их анализировал. Из отечественной истории его более всего интересовала эпоха Петра I, характер и последствия реформ, влияние петровских преобразований на последующую историю России. Достоевский изучал также историю земского движения, его взаимодействие с государственной властью. Особое внимание уделял мыслитель крестьянской реформе, теме освобождения крестьян. Эта тема постоянно обсуждалась на страницах издаваемого братьями Достоевскими журнала «Время», выступавшего в защиту крестьян от произвола помещиков. Сквозной темой социально-исторических исследований Достоевского стала извечная русская тема взаимоотношений верховной власти, интеллигенции и народа.

Особенностью творчества Достоевского является его глубокая связь с современными событиями. Творчество писателя настолько многообразно, что посредством его анализа исследователь может проникать в любое время

и пространство, любое историческое явление, равно как в глубины человеческой психики, сложных нравственных отношений в социуме. «Достоевский,- отмечал сербский православный священник Иустин,- весь воплотился в современности, он стал вдохновителем и отправной точкой почти всех наших писателей, поэтов, философов, современное религиозное сознание всё целиком вышло из Достоевского, творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровения, его бездонную и вечную глубину» [1].

Еще одной особенностью творчества Достоевского стала способность писателя предвидеть будущее, исходя из исследования закономерностей и тенденций исторической эволюции российского общества. Так, в романе «Бесы» Достоевский, изображая российских нигилистов 1860-х годов, гениально предсказал, какие трагические события ожидают Россию в XX веке. Эта способность предвидения вытекала из глубокого осмысления природы человека, человеческих отношений. Как никто другой из русских писателей, Достоевский проник в душу русского человека, познал тайные механизмы сознания и поведения в самых разных, часто трагических, жизненных ситуациях. Достоевский, по мнению И.Л. Волгина, является «последним духовным резервом нации в наш безумный век» [2]. Изучение человека, его внутренней природы Достоевским намного важнее изучения окружающей социальной среды, хотя среда, безусловно, влияет на характер личности. Данную диалектику взаимодействия личности и окружающей ее социальной среды писатель исследовал в полной мере.

В его художественных и публицистических произведениях нашли отражение многие аспекты истории, теории и практики Русского православия. С раннего детства приобщаясь к ценностям православной культуры, мыслитель сохранил эти мироощущения в течение всей своей жизни. Переломным моментом, вызвавшим более полное и всестороннее осмысление христианства, стали годы каторги, из которых Достоевский вынес глубокую веру в Бога. В его романах получили освещение

человеческие отношения, основанные на вере в Христа или неверии. Если в романе «Преступление и наказание» писатель только подступает к осмыслению роли христианства в жизни главного героя Раскольникова посредством его любви к Соне, то в романе «Идиот» поднимаются животрепещущие вопросы повседневности – возможна ли жизнь вне веры, без Бога. Мыслитель дал вполне обоснованный ответ – жизнь без Бога невозможна.

Многие герои романов Достоевского (Раскольников, Свидригайлов, Верховенский, Ставрогин, Кириллов, Иван Карамазов) представляли себя в качестве человека-бога – вне законов и нравственных норм, вне логики человеческих отношений, их лозунг – «всё дозволено». Они стремились достичь абсолютной власти, могущества вне Бога, возвыситься над окружающими. Все они потерпели полный крах, совершив тяжелые преступления (Раскольников, Верховенский), либо покончив жизнь самоубийством (Свидригайлов, Ставрогин, Кириллов).

Будучи последовательным сторонником православия, мыслитель резко критиковал Римско-католическую церковь за искажение сущности христианства. Устами князя Мышкина Достоевский обрушился с критикой на католицизм, который считал отступлением от истинного христианства. Римский престол, по его мнению, подменил Христа жадой наживы, власти. Римская церковь, по мнению писателя, проповедовала ложного Христа. Католицизм мыслитель сравнивал с разновидностью атеизма, либерализма и даже социализма, что, конечно, не совсем верно.

Тема христианства была продолжена писателем в романе «Бесы», где впервые появился новый герой – священник Русской Православной церкви – Тихон, прототипом которого стал известный русский святой Тихон Задонский. Достоевский высоко ценил духовное наследие этого русского православного святого.

В итоговом романе Достоевского «Братья Карамазовы» автор вывел целую галерею православных священников во главе с Зосимой. Здесь

появился новый тип православного священника – старец, который обладал особым рода духовностью. Институт старчества чрезвычайно интересовал Достоевского, равно как и церковная и монастырская жизнь, с которой он был хорошо знаком и которую знал не понаслышке.

В романе «Братья Карамазовы» на фоне грубой, развратной повседневности писатель осмыслил роль идеального православного человека, во многом похожего на князя Мышкина из романа «Идиот», но в отличие от него здорового и душой, и телом. Это – Алеша Карамазов – младший брат Дмитрия и Ивана, воспитанный в монастыре, где его наставником был старец Зосима. Алеша всем своим поведением, благими поступками противостоит мирской жизни, стремится помочь страждущим. В то же время Зосима советовал Алеше не идти в монастырь, выбрать служение людям в миру.

Из подходов и оценок Достоевским православия, Русской Православной церкви во многом выросла великая русская православная философия рубежа XIX-XX веков, ставшая подлинной сокровищницей мировой духовной культуры.

В публицистических сочинениях, в частности, в «Дневнике писателя» Достоевский выдвинул целый ряд социально-политических и социально-исторических тем, связанных с ролью России и русского народа в развитии европейской и мировой цивилизации. Неприятие Запада, западного образа жизни, идеологии новых европейских буржуа, главной целью которых были деньги, прибыль, капитал, достигаемый любой ценой, даже ценой преступления, характерны для мировосприятия мыслителя. Россия, по представлению Достоевского, должна была не только указать правильный путь Западу, но и со временем стать спасительницей Европы.

Особенно остро писатель ставил эти проблемы во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, когда Русская армия вела борьбу с турками в целях освобождения братьев-славян от турецкого ига. Эта тема и сегодня не утратила своей актуальности в связи с осмыслением Россией своего нового места и роли в современном миропорядке.

Достоевский был одним из первых деятелей русской культуры, высказавшим мысли о необходимости освоения Россией восточного пространства, увидел в переориентации России на восток новое направление внешней политики Российского государства. Тема эта также весьма современна. Наша страна осуществляет стратегический прорыв в восточном направлении, открывая для себя новые экономические, социально-политические и культурные пространства на Востоке.

Во всех практически художественных и публицистических произведениях Достоевского героями становились дети. Через призму отношения к детям писатель рассматривал социальные, политические, духовно-нравственные проблемы российского общества. Эти проблемы преломлялись через евангельские тексты, где также много говорится о детях, возможности постичь Царство Божие. Тема детей и детства всегда оставалась больной темой для неравнодушного, остро чувствующего ритм жизни писателя.

Жизненный путь Достоевского во многом сходен с судьбой России. Идеи разрушения, которые проповедовали российские радикалы, противоречили мировосприятию писателя, ратовавшего за распространение просвещения, знаний как главного средства переустройства общества, воспитания русского народа. Россия, к сожалению, пошла иным путем, чем тот, на который указывал Достоевский, путем революций, разрушения, бунта, что в XX столетии привело к величайшей в российской истории смуте.

Творчество Ф.М. Достоевского принадлежит не только России и русскому народу, но и всему миру, всему человечеству. Поэтому Достоевского, его творчество с полной уверенностью можно назвать моделью не только российской, но и мировой истории. Вне всякого сомнения, Достоевский является наиболее известным, исследуемым и читаемым за рубежом русским писателем-классиком.

Творчество Достоевского оказало огромное влияние на формирование литературных талантов таких всемирно известных писателей, как Акутагава

Рюноскэ (Япония), Рабиндранат Тагор (Индия), Джордж Оруэлл (Англия), Борис Можжев (СССР) и др. [3].

«Достоевский,- говорил писатель В.Г. Распутин,- стоит не в ряду самых великих имен мировой литературы, впереди или позади кого-то, а над ними, выше их. Это писатель другого горизонта, где ему нет равных. <...> Человеческая мысль дошла в нем, кажется, до предела и заглянула в мир запредельный. <...> Благодаря Достоевскому человек в миру и без того узнал о себе слишком многое, к чему он, судя по всему, не был готов. Он остается самой строгой, взыскующей совестью литературы. Он остается, кроме того, духовной наукой огромного нравственного и общественного действия, наукой, сознательное и серьезное приобщение к которой не проходит бесследно для любого человека, а для писателя тем более» [4].

В ноябре 2021 года российская и мировая культурная общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения великого писателя. Целесообразно в этой связи, на наш взгляд, объявить 2021 год «годом Достоевского» в целях популяризации его творчества, социально-исторических и религиозных воззрений. Подготовка к любой знаменательной дате в нашей стране вызывает концентрацию усилий общественности, научных работников, деятелей культуры по изучению и популяризации наследия того или иного деятеля.

Вне зависимости от юбилея мыслителя специалистам различных отраслей науки в столице и в провинции, исследующим творчество Ф.М. Достоевского, следовало бы подготовить комплексное монографическое исследование, посвященное различным аспектам жизнедеятельности мыслителя, осветить его социально-исторические, философские, религиозные воззрения.

В образовательных учреждениях средней и высшей школы можно ежегодно проводить «уроки Достоевского» по основным вехам его жизни и творчества, духовно-нравственным ориентирам, социально-историческим,

философским и нравственным воззрениям. Учащейся молодежи полезно приобщаться к духовному наследию великого мыслителя.

Целесообразно проводить регулярные семинары, консультации ведущих специалистов с преподавателями вузов, учителями школ по методике изучения творчества Достоевского в средней и высшей школе. Эти мероприятия обеспечат взаимодействие ученых с вузами и школами. На наш взгляд, нельзя ни в коем случае идти на поводу тех деятелей отечественной культуры, которые предлагают исключить из школьной программы произведения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого как сложные для восприятия учащимися. В совокупности с ЕГЭ по гуманитарным дисциплинам это приведет не только к примитивизации образования, но и к деградации личности молодого человека.

Целесообразно объединить усилия отечественных и зарубежных специалистов, изучающих творчество Ф.М. Достоевского, и издать ряд тематических исследований по основным вехам жизненного и творческого пути писателя. Следует продолжить публикацию и распространение недорогих, доступных для учащихся изданий произведений Достоевского, рекомендовать их изучение в средней школе.

Кроме того, для более углубленного исследования наследия мыслителя следует открыть Культурно-просветительский центр по изучению и пропаганде творчества Достоевского. В Воронеже и других городах Черноземья желательно открыть отделения Российского общества Достоевского, которое бы объединило исследователей его творчества.

Целесообразно на постоянной основе практиковать организацию выставок в музеях Достоевского в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Старой Руссе, других городах, связанных с жизнедеятельностью писателя, с привлечением широкого экспозиционного материала о жизни писателя, с приглашением школьников, студентов, всех любящих его творчество. К мероприятиям следует привлекать специалистов – ученых, учителей, пропагандистов творчества Достоевского.

Русская классика на протяжении многих лет вызывала потребность анализировать, заставляла думать, находить ответы на сложные и противоречивые жизненные вопросы. Писатель в России был значительно больше, чем просто писатель. Он всегда вызывал у думающей части общества потребность сверять собственную жизнь с теми нравственными идеалами, которые предлагала русская литература.

XX век в лице представителей русской классической литературы (И. Бунин, А. Куприн, М. Шолохов, А. Платонов, М. Булгаков, А. Твардовский, писатели-«деревенщики» В. Шукшин, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Б. Можаев, В. Крупин, В. Лихоносов, Е. Носов и др.) уточнял отдельные позиции поставленных ранее проблем, отвечая одновременно с не меньшей силой и страстностью на вызовы нового времени.

Современный российский писатель Захар Прилепин, оценивая творчество Достоевского, говорит: «...Самый влиятельный писатель в мире – Фёдор Михайлович Достоевский. Он самый переводимый, самый цитируемый, самый продаваемый писатель в мире, где тысяча литератур. Во всех списках он всегда в десятке лучших – никто не может его победить» [5].

Все творчество Достоевского протекало в условиях жесточайшего временного цейтнота, когда ему приходилось работать ради насущного заработка. «Я знаю наверно, что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы», - признавался писатель (29-1, 136), намеренно принижая значение собственного творчества.

Творчество Достоевского – важная веха в истории культуры русского и славянских народов, в истории русского национального самосознания, сопряженного с историей культуры России, с историческим опытом русского народа. Творчество Достоевского имеет не только национальный, но и международный характер. Без Достоевского не состоялись бы мировая и отечественная художественная культура. «Достоевский, - писал П.И. Новгородцев, - один из немногих, значение которых со временем возрастает

и выходит за границы их отечества, которые завладевают и душою тех, кто мыслит, чувствует иначе» [6].

Со смертью писателя в русской литературе образовался духовный вакуум, который не смогли заполнить ни Л. Толстой, ни Лесков, ни Чехов, ни другие классики русской литературы. К 30-летию со дня смерти писателя московская газета «Раннее утро» опубликовала искреннюю по душевной теплоте статью «Жестокий талант» за анонимной подписью Д., в которой, в частности, говорилось: «После его ухода осталась пустота, которую еще никто не заполнил» [7].

Глубокий исследователь творчества Достоевского Д.С. Мережковский отмечал: «Мы окончили вместе с Достоевским длинный страшный путь: как Данте за Вергилием по суживающимся подземным кругам, так мы прошли за Достоевским все ступени раздвоения, спускаясь все ниже и ниже от Раскольникова через Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова до Кириллова...» [8].

Отчасти можно согласиться с мнением В.В. Розанова, считавшего, что «...тяжелую громадою нашего общества Достоевский не только еще не понят, но и не прочитан внимательно, задумчиво...» [9]. До сих пор исследователи продолжают изучать многогранное творчество Достоевского. До сих пор они стараются разгадать неразгаданные тайны его жизни и творчества.

О произведениях Достоевского, его гениальном творчестве говорят, внимательно исследуют, анализируют уже гораздо более 100 лет. Его будут исследовать дальше, пока на нашей планете существует человек разумный, нравственный, просветленный ценностями духовной жизни, пока существует сама жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ**ВВЕДЕНИЕ**

1. Кайгородов В.И. Об историзме Достоевского / В.И. Кайгородов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.4 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1980.- С.27.
2. Бурсов Б.И. Личность Достоевского: Роман-исследование / Б.И. Бурсов.- М.: Сов. писатель, 1979.- С.145.
3. Бурсов Б.И. К спорам о Достоевском / Б.И. Бурсов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.5 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1983.- С.31.
4. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права / П.И. Новгородцев. Сочинения.- М.: Раритет, 1995.- С.373.
5. Костин Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России / Е.А. Костин.- СПб.: Алетейя, 2016.- С.41.
6. Розанов В.В. На лекции о Достоевском / В.В. Розанов // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского.- М.: Республика, 1996.- С.539.
7. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев.- М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.- С.155-156.
8. Фридендер Г.М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.4 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1980.- С.12.
9. Костин Е.А. Указ. соч. - С.54-55.
10. Палиевский П.В. Место Достоевского в литературе XIX века / П.В. Палиевский // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.6 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1985.- С.46.
11. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Иустин (Попович), преподобный.- Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2008.- С.20.
12. См.: Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Сов. писатель, 1990.
13. Пантин В.И. историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития / В.И. пантин, В.В. Лапкин.- Дубна: Феникс+, 2014.- С.72.
14. Туган-Барановский М.И. Нравственное мировоззрение Достоевского / М.И. Туган-Барановский // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сборник статей.- М.: Книга, 1990.- С.128.

15. См.: Степанян К. «Мы и через 300 лет не станем современниками Достоевского» / К. Степанян // Литературная газета.- 2011.- №44.
16. Официальный интернет-портал правовой информации publication.pravo.gov.ru.
17. См.: Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. / Ф.М. Достоевский.- М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1956-1958.
18. См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / Ф.М. Достоевский.- Л.: Наука, 1972-1988.
19. См.: Кудрявцев Ю.Г. Бунт или религия (О мировоззрении Ф.М. Достоевского) / Ю.Г. Кудрявцев.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.- С.4.
20. См.: Белов С.В. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1944-2004 гг. / С.В. Белов.- СПб.: Российская национальная библиотека, 2011.- С.11-13.
21. См.: Кудрявцев Ю.Г. Бунт или религия / Ю.Г. Кудрявцев.- С.4.
22. См.: Страхов Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском / Н.Н. Страхов // Фёдор Достоевский. Полное собрание сочинений: Т.1.- СПб., 1883; Ризенкампф А. Воспоминания о Достоевском // Там же; Яновский С. Воспоминания о Достоевском / С. Яновский // Русский вестник.- 1885.- апрель; Григорович Д. Литературные воспоминания / Д. Григорович // Д. Григорович. Полное собрание сочинений: Т.12.- СПб., 1896, и др.
23. См.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х т. – М.: Худ. литература, 1964; 2-е изд. воспоминаний в двух томах опубликовано в 1990 году.
24. См.: Достоевская А.Г. Дневник 1867 года / А.Г. Достоевская.- М.: Наука, 1993; Ее же. Воспоминания.- М.: Захаров, 2002 (Воспоминания А.Г. Достоевской в 1990-е годы издавались и переиздавались неоднократно в разных российских издательствах).
25. См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 13 т./ Ф.М. Достоевский. - СПб., 1882-1883; Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 14 т./ Ф.М. Достоевский.- СПб., 1895; Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 23 т./ Ф.М. Достоевский.- Пб.: Просвещение, 1911-1918.
26. См.: Достоевский А.М. Воспоминания / А.М. Достоевский.- М.: Аграф, 1999.
27. См.: Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери: Первое полное русское издание: пер. с нем. / Л.Ф. Достоевская.- СПб.: Андреев и сыновья, 1992.
28. См.: Панаева А.Я. Воспоминания / А.Я. Панаева.- М.: Правда, 1986.
29. См.: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т.- СПб.: Гуманитарное агентство «Академ. проект», 1993-1995; Громова Н.А. Достоевский: Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философия / Н.А. Громова.- М.: Аграф, 2000; Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение:

Энциклопедический словарь: в 2 т.- СПб.: Алетейя, 2001; Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия / Н.Н. Наседкин.- М.: Алгоритм, 2003; Белов С.В. Указатель произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844-2004 гг. / С.В. Белов.- СПб.: Российская национальная библиотека, 2011; Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского: пер. с яп./ К. Накамура.- СПб.: Гиперион, 2011, и др.

30. См.: Белов С.В. Фёдор Михайлович Достоевский: энциклопедия / С.В. Белов.- М.: Просвещение, 2010.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАКТИК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

1.2. Степень научной разработанности диссертационной темы

1. См.: Страхов Н.Н. Наша изящная словесность. «Преступление и наказание» / Н.Н. Страхов // Отечественные записки.- 1867.- №3.- С.325-340; Страхов Н.Н. Литературная критика / Н.Н. Страхов.- М.: Современник, 1984.
2. См.: Соловьев В.С. Три речи в память о Достоевском / В.С. Соловьев // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей.- М.: Книга, 1990.- С.32-54.
3. См.: Михайловский Н.К. Жестокий талант / Н.К. Михайловский // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов.- С.59-63.
4. См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. Т.1-2 / Д.С. Мережковский.- СПб., 1901-1902. Репринтное издание данного произведения см.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М.: Республика, 1995; Мережковский Д.С. Вечные спутники: Достоевский, Гончаров, Майков / Д.С. Мережковский.- Пб.: П.П. Перцов, 1897; изд. 3-е.- Пб.: М.В. Пирожков, 1908; Мережковский Д.С. Пророк русского общества: к юбилею Достоевского / Д.С. Мережковский.- СПб.: изд-во М.В. Пирожкова.- 1906, и др.
5. См.: Шестов Л.И. Достоевский и Нитше (философские трагедии).- 2-е изд. / Л.И. Шестов.- СПб., 1909.
6. См.: Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / В.В. Розанов.- СПб., 1909. Репринтное издание данного произведения см.: Розанов В.В. Мысли о литературе / В.В. Розанов.- М.: Современник, 1989; Розанов В.В. Собр. соч. в 30 т.: Т.7 (под общей ред. А.Н. Николюкина) / В.В. Розанов. - М.: Республика, 1994. Перу В.В. Розанова принадлежит целая серия статей и материалов о творчестве Достоевского. См.:

«Размолвка между Достоевским и Соловьевым»; «Экономический и социальный вопрос у Достоевского»; «На лекции о Достоевском»; «О происхождении некоторых типов Достоевского» и др.

7. См.: Леонтьев К.Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф.М. Достоевского на Пушкинском празднике / К.Н. Леонтьев // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей.- С.9-31; Леонтьев К.Н. Достоевский о русском дворянстве / К.Н. Леонтьев // Собрание сочинений.- Пб.: Деятель, 1913: Т.7.- С.438-448.

8. См.: Волынский А. Ф.М. Достоевский / А. Волынский. СПб.: Энергия, 1906. Репринтное издание данного произведения см.: Волынский А. Ф.М. Достоевский / А. Волынский.- СПб.: Академ. проект, 2007. Книга содержит серию статей о Достоевском, написанных автором в конце XIX - начале XX века.

9. См.: Покровский В.И. Ф.М. Достоевский. Его жизнь и сочинения / В.И. Покровский.- М., 1908.

10. См.: Булгаков С.Н. Русская трагедия. О «Бесах» Ф.М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском художественном театре / С.Н. Булгаков // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей.- С.193-214.

11. Михайловский Н.К. Литературно-критические статьи / Н.К. Михайловский.- М.: Гослитиздат, 1957.- С.234.

12. Цит. по: Ямпольский И.Г. Из неизданных писем А.Н. Майкова о Достоевском / И.Г. Ямпольский // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.4 [Ред. Г.М. Фридлендер].- Л.: Наука, 1980.- С.281.

13. Волынский А. Указ. соч./ А. Волынский.- С.105.

14. См.: Абрамович Н.Я. Христос Достоевского.- 2-е изд. / Н.Я. Абрамович.- М.: URSS, 2012 (репринт. изд.).

15. См.: Фридлендер Г.М. Художественный мир Достоевского и современность / Г.М. Фридлендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.5 [Ред. Г.М. Фридлендер].- Л.: Наука, 1983.- С.23.

16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 томах: Т.48.- С.295.

17. Луначарский А.В. Достоевский как художник и мыслитель / А.В. Луначарский // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей.- С.234-242.

18. Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т.: Т.7 / А.В. Луначарский.- М.; Л.: Худ. литература, 1967.- С.58.

19. Горький М. Собр. соч.: в 30 т.: Т.24 / М. Горький.- М.: Худ. литература, 1954.- С.146.

20. Там же.- С.151-152.

21. См.: Достоевский Ф.М. Бесы. Роман: В 2 т. / Ред., вступит. статья и коммент. Л.П. Гроссмана. Предисл. П.П. Парадизова. Т.1-2.- М.; Л., 1935.
22. См.: Лейкин В. Реакционная демократия 60-х годов. Почвенники / В. Лейкин // Звезда.- 1929.- №6.- С.168-181.
23. Покровский Г.А. Мученик богоискательства (Ф.М. Достоевский)» / Г.А. Покровский.- М.: Атеист, 1929.- С.3, 81, 88.
24. Термин «достоевщина» употребил А. Блок в беседе с историком Д. Кузьминым-Караваевым. См.: Блок А.А. Сочинения: в 8 т.: Т.8 / А.А. Блок.- М.-Л.: Худ. литература, 1963.- С.102.
25. См.: Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский / В.В. Ермилов.- М.: Гослитиздат, 1956.- С.24, 29, 210-211.
26. Заславский Д. Ф.М. Достоевский / Д. Заславский.- М.: Гослитиздат, 1956.- С.61-62.
27. См.: Евнин Ф.И. Роман «Бесы» / Ф.И. Евнин // Творчество Ф.М. Достоевского.- М.: Гослитиздат, 1959.- С.253.
28. См.: Базанов В. Из литературной полемики 60-х годов (О «Бесах») / В. Базанов.- Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941.
29. См.: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского / Л.П. Гроссман.- М.; Л., 1935; Его же. Рулетенбург: Роман-биография. - М.: Захаров, 2002 (репринт. изд.).
30. См.: Кирпотин В.Я. Молодой Достоевский / В.Я. Кирпотин.- М.: Гослитиздат, 1947.
31. См.: Чулков Г.И. Жизнь Достоевского / Г.И. Чулков.- М.: ИМЛИ РАН, 2015 (репринт.изд.).
32. См.: Бердяев Н.А. Мироззрение Достоевского / Н.А. Бердяев.- Прага, 1923 (Данная работа неоднократно переиздавалась в современной России); Его же. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России.- М: ЗАО «Сварог и К», 1997; Его же. Миросозерцание Достоевского.- М.: Захаров, 2001.
33. См.: Бердяев. Русская идея / Н.А. Бердяев.- С.88.
34. См.: Фридлиндер Г.М. Достоевский в эпоху нового мышления / Г.М. Фридлиндер // Достоевский: Материалы и исследования: Т.9 [Ред. Г.М. Фридлиндер].- Л.: Наука, 1991.- С.3-10.
35. См.: Долинин А.С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы» / А.С. Долинин.- М.- Л.: Сов. писатель, 1963.
36. См.: Бурсов Б.И. Личность Достоевского: Роман-исследование / Б.И. Бурсов.- М.: Сов. писатель, 1979.
37. См.: Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская.- Л.: Худ. литература, 1977; Ее же. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди».- Л.: Худ.

литература, 1988; Ее же. Роман Достоевского «Братья Карамазовы».- СПб.: Пушкинский Дом, 2007, и др.

38. См.: Волгин И.Л. Достоевский и царская цензура (к истории издания «Дневника писателя») / И.Л. Волгин // Русская литература.- 1970.- №4; Его же. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1974; Его же. Последний год Достоевского // Новый мир.- 1981.- №10; Его же. Колеблюсь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. - М.: Центр гуманитарного образования, 1988; Его же. Родиться в России: Достоевский и современники: жизнь в документах.- М.: Книга, 1991; Его же. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года.- М.: Либерия, 2000, и др.

39. См.: Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский, творческий путь / В.Я. Кирпотин.- М.: Гослитиздат, 1960; Его же. Достоевский в шестидесятые годы. - М.: Худ. литература, 1966; Его же. Достоевский – художник. Этюды и исследования.- М.: Сов. писатель, 1972; Его же. Достоевский и Белинский.- 2-е изд. - М.: Худ. литература, 1976; Его же. Мир Достоевского: Статьи и исследования.- 2-е изд. - М.: Сов. писатель, 1983; Его же. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова.- 4-е изд. - М.: Худ. литература, 1986, и др.

40. См.: Туниманов В.А. Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского / В.А. Туниманов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1966; Его же. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский – художник и мыслитель: Сб. статей.- М.: Худ. литература, 1972; Его же. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856-1863) // Достоевский: Материалы и исследования: вып.3.- Л.: Наука, 1978; Его же. Творчество Достоевского (1854-1862).- Л.: Наука, 1980, и др.

41. См.: Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского / Г.М. Фридлиндер.- М.-Л.: Наука, 1964; Его же. Наука о Достоевском сегодня. (Спорные вопросы. Искания. Проблемы) // Русская литература.- 1971.- №3; Его же. У истоков «почвенничества» (Ф.М. Достоевский и журнал «Свисток») // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка.- 1971.- №5; Его же. Достоевский и мировая литература.- 2-е изд. - Л.: Сов. писатель, 1985; Его же. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»: Сборник.- СПб.: Наука, 1995; Его же. Проблема народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) // Достоевский: Материалы и исследования: Т.16.- СПб.: Наука, 2001, и др.

42. См.: Фудель С.И. Наследство Достоевского / С.И. Фудель // Собр. соч.: в 3 т.: Т.3.- М.: Русский путь, 2005, и др.

43. См.: Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г.С. Померанц.- М.: Сов. писатель, 1990; Его же. Дороги духа и зигзаги истории.- М.: РОССПЭН, 2008.

44. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время: 1861-1863 / В.С. Нечаева. – М.: Наука, 1972; Ее же. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864-1865) - М.: Наука, 1975.
45. См.: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская.- М.: Наука, 1978; Ее же. Достоевский в общественной жизни России (1861-1881).- М.: Наука, 1990; Ее же. Социальный кадастр пореформенной России в романе «Братья Карамазовы» // Отечественная история.- 2002.- №1.- С.72-83, и др.
46. См.: Ермакова М.Я. Романы Достоевского и творческие искания в русской литературе XX века (Л. Андреев, М. Горький) / М.Я. Ермакова.- Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1973.
47. См.: Назиров Р.Г. Социальная и этическая проблематика произведений Ф.М. Достоевского 1859-1866 годов / Р.Г. Назиров: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1966; Его же. Творческие принципы Ф.М. Достоевского.- Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982, и др.
48. См.: Щенников Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского / Г.К. Щенников.- Свердловск: Сред.- Урал. книжное изд-во, 1978; Его же. Достоевский и русский реализм.- Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987; Творчество Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г.К. Щенникова.- Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991; Его же. Целостность Достоевского.- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001, и др.
49. См.: Косенко П.П. Сердце остается одно. Достоевский в Казахстане / П.П. Косенко.- Алма-Ата: Жазуши, 1969; Станюта А.А. Постигание человека. Творчество Достоевского 1840-1860-х годов / А.А. Станюта.- Минск: Изд-во БГУ, 1976; Гранис И.П. Ф.М. Достоевский и романтизм / И.П. Гранис.- Вильнюс: Б.и., 1979; Осмоловский О.Н. Достоевский и русский психологический роман / О.Н. Осмоловский.- Кишинев: Штиинца, 1981; Косенко П.П. Жизнь для жизни: Хроника нескольких лет Ф.М. Достоевского / П.П. Косенко. - Алма-Ата: Жазуши, 1986; Его же. Неэвклидовы параллели: Хроника последних лет жизни Достоевского и некоторых его современников.- Алма-Ата: Жазуши, 1988, и др.
50. См.: Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850-1854 гг. / Отв. ред. К.Н. Покровский / М.М. Громыко.- Новосибирск: Наука, 1985; Вайнерман В.С. Достоевский и Омск / В.С. Вайнерман.- Омск: Книж. изд-во, 1991, и др.
51. См.: Достоевский: Материалы и исследования: Сб. в 20-ти вып.- Л.- СПб.: Наука, 1974-2013.
52. См.: Guardini R. Il mondo religioso di Dostojevskiy / R. Guardini.- Brescia, 1968; Terras V. The Young Dostoevsky (1846-1849): A Critical Study / V. Terras.- The Hague, Paris, 1969; Peace R. Dostoevsky. An Examination of the Major novels / R. Peace.- Cambr. Univ. Press,

- 1971; Oates J.C. Tragic and comic visions in *Brothers Karamazov* / J.C. Oates // *The Edge of Impossibility, Tragic Forms in Literature*.- N.Y.: The Vanguard Press Inc., 1972; Linner S. *Starets Zosima in the Brothers Karamazov. A Study in the Mimesis of Virtue* / S. Linner.- Stockholm, 1975; Miller R.F. *Dostoevsky and The Idiot* / R.F. Miller.- Cambr. MA; Harvard Univ. Press, 1981; Dennis P. *Slattery Dostoevsky's Fantastic Prince: A Phenomenological Approach* / P. Dennis.- N.Y.: Lang, 1983; Minihan N.N. *On the Influence of the Gospel Conception and Main Literary Sources of the Idiot* / N.N. Minihan.- Brown Univ., 1989, а. о.
53. См.: Кудрявцев Ю.Г. Бунт или религия (о мировоззрении Ф.М. Достоевского) / Ю.Г. Кудрявцев.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.- С.82.
54. Палиевский П.В. Место Достоевского в литературе XIX века / П.В. Палиевский // *Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.6 [Ред. Г.М. Фридендер]*.- Л.: Наука, 1985.- С.54.
55. См.: Белов С.В. Вокруг Достоевского: статьи, находки и встречи за 35 лет / С.В. Белов.- СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001; Его же. Ф.М. Достоевский: энциклопедия.- М.: Просвещение, 2010; Его же. Ф.М. Достоевский.- 2-е изд.- М.: URSS, 2010, и др.
56. См.: Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский: очерк творчества / В.Н. Захаров.- М.: Индрик, 2013.
57. См.: Исупов К.Г. Метафизика Достоевского / К.Г. Исупов.- М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
58. См.: Кантор В.К. Проблема искушения: Достоевский и «русский путь» / В.К. Кантор // *Русская интеллигенция: история и судьба*.- М.: Наука, 2000; Его же. Фрейд versus Достоевского // *Вопросы философии*.- 2001.- №10; Его же. Кого и зачем искушал черт? (Иван Карамазов: соблазн «русского пути») // *Вопросы литературы*.- 2002.- №2; Его же. Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца XIX- начала XX века // *Вопросы философии*.- 2002.- №9; «Карамазовщина» как символ русской стихии // *Вопросы философии*.- 2005.- №4; Его же. Судить Божью тварь: Пророческий пафос Достоевского: Очерки.- М.: РОССПЭН, 2010; Его же. Любовь к двойнику: миф и реальность русской культуры.- М.: Научно-политическая книга, 2013; Его же. Любовь к двойнику, или Самокастрация русской культуры // *Гуманитарное знание и вызовы времени* / Отв. ред. С.Я. Левит.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014, и др.
59. См.: Касаткина Т.А. Характерология Достоевского: Типология эмоционально-ценностных ориентаций / Т.А. Касаткина.- М.: ИМЛИ РАН, 1996; Ее же. Священное в повседневном: двусторонний образ в произведениях Ф.М. Достоевского.- М.: ИМЛИ РАН, 2015, и др.

60. См.: Костин Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России / Е.А. Костин.- СПб.: Алетейя, 2016.- 456 с.
61. См.: Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Сов. писатель, 1990; Ее же. Ф. Достоевский: Одоление демонов.- М.: Согласие, 1996; Ее же. Достоевский в созвучиях и притяжениях: от Пушкина до Солженицына.- М.: Русский путь, 2006; Ее же. Испытание будущим. Достоевский как участник современной культуры.- М.: Прогресс Традиция, 2010, и др.
62. См.: Степанян К.А. Достоевский и язычество: (Какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?) / К.А. Степанян. М.: Б.и., 1992; Его же. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского.- М.: Раритет, 2005; Его же. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени.- М.: Языки славянской культуры, 2013, и др.
63. См.: Галкин А.Б. Образ Христа в творческом сознании Ф.М. Достоевского / А.Б. Галкин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1992; Борисова В.В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского (проблема этно-конфессионального синтеза) / В.В. Борисова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Екатеринбург, 1997; Тарасов Ф.Б. «Евангельский текст» в художественных произведениях Ф.М. Достоевского / Ф.Б. Тарасов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1998; Белякова Е.Н. Христианская идея в художественном мире И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского / Е.Н. Белякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2000; Куликовская Н.В. Влияние Ф.М. Достоевского на русскую религиозную философию конца XIX – начала XX века / Н.В. Куликовская: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Ростов-на-Дону, 2000; Иванов В.В. Христианские традиции в творчестве Ф.М. Достоевского / В.В. Иванов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Вел. Новгород, 2004; Мороз С.Н. Текст Откровения Иоанна Богослова в произведениях Ф.М. Достоевского / С.Н. Мороз: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2004; Сизова И.И. Проблема богоборчества и ее художественное решение в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского / И.И. Сизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2005; Кунильский А.Е. Христианские основы мировосприятия и изображения героя в произведениях Ф.М. Достоевского / А.Е. Кунильский: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Петрозаводск, 2006; Тихомиров Б.Н. Религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского: проблемы интерпретации, комментирования, текстологии / Б.Н. Тихомиров: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Петрозаводск, 2006; Шариков С.Л. Идея спасения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С.Л. Шариков: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Петрозаводск, 2006; Гогина Л.П. Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского / Л.П. Гогина: автореф. дис.

- ... канд. филос. наук.- М., 2007; Ионина М.А. Ветхозаветная книга Иова в творчестве Ф.М. Достоевского / М.А. Ионина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2007; Шовина Е.Н. Осмысление представлений о бессмертии в русской религиозной философии конца XIX века (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой) / Е.Н. Шовина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Мурманск, 2007; Габдуллин В.И. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского / В.И. Габдуллин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2008; Иустин (Попович). Философия и религия Ф.М. Достоевского.- Минск: Изд. Д.В. Харченко, 2008; Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис / Ю.Ф. Карякин.- М.: Фолио, 2009; Щетинин Р.Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Р.Б. Щетинин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2009; Тарасова Н.А. Христианская тема в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: проблемы изучения / Н.А. Тарасова.- М.: Квадрига, 2015, и др.
64. См.: Carter St. The Political and Social Thought of F.M. Dostoevsky / St. Carter.- N.Y., 1991; Knapp Liza. The Annihilation of Inertia. Dostoevsky and Metaphysics / Liza Knapp.- Evanston Ill., 1996; Kostalevsky Marina. Dostoevsky and Soloviev : The Art of Integral Vision / Marina Kostalevsky.- New Haven, Conn., 1997, а.о.
65. Terras V. Reading Dostoevsky / V. Terras.- Madison, 1998.
66. Williams R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction / R. Williams.- L., 2008.
67. Jones M.V. Dostoevsky: the Dynamics of Religious Experience / M.V. Jones.- L., 2005.
68. Hudship S.F. Dostoevsky and the Idea of Russianness. A New Perspective of Unity and Brotherhood / S.F. Hudship.- L.; N.Y., 2004.
69. Duncon P.J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After / P.J.S. Duncon.- L.; N.Y., 2000.
70. Aspects of Dostoevsky: Art, Ethics and Faith / Ed. R. Reid, J. Andrew.- Amsterdam; N.Y., 2012.
71. См.: Пачини Дж. О философии Достоевского: пер. с итал./ Дж. Пачини.- М.: Прометей, 1992; Бэлнеп Р. Генезис романа «Братья Карамазовы»: эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста: пер. с англ. / Р. Бэлнеп.- СПб.: Академ. проект, 2003; де Лазари Анджей. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество: пер. с польск. / Анджей де Лазари.- М.: Наука, 2004; Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель: пер. с англ./ Дж. Сканлан.- СПб.: Академ. проект, 2006; Жирар Р. Достоевский: От двойственности к единству: пер. с франц. / Р. Жирар.- М.: ББИ, 2012; Карпи Гуидо. Достоевский – экономист. Очерки по социологии литературы: пер. с итал./ Гуидо Карпи.- М.: Фаланстер, 2012, и др.

72. См.: XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества: Материалы международной конференции в университете Тиба (Япония) 22-25 авг. 2000 г. – М.: Грааль, 2002; Достоевский: философское мышление, взгляд писателя: сборник статей по материалам Международного Симпозиума общества Достоевского 2010 г., Неаполь / под ред. Ст. Алоэ.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2012, и др.
73. См.: Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- М.: Наследие, 2001.
74. См.: Разумов А.С. Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы»: читаем ненаписанное продолжение романа / А.С. Разумов.- М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2014.
75. См.: Пекуровская Ася. Страсти по Достоевскому: механизм желаний сочинителя / Ася Пекуровская.- М.: Новое литературное обозрение, 2004.
76. Кантор В.К. Любовь к двойнику, или Самокастрация русской культуры / В.К. Кантор // Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. С.Я. Левит.- М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2016.- С.362.
77. См.: Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин.- М.: Мысль, 1968; Третьяков Н.Ф. Проблемы человека, России и русского народа в творчестве Достоевского / Н.Ф. Третьяков // Очерки истории русской социальной философии XVIII-XX веков.- Омск: Омский гос. ун-т, 1999.- С.92-120; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского: (по материалам «Дневника писателя») / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- М., 2006; Исупов К.Г. Историческое познание в художественном опыте Ф.М. Достоевского / К.Г. Исупов // Русская философская культура.- СПб.: Университетская книга, 2010.
78. См.: Волкова Е.А. Формирование социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского в 1840-е годы / Е.А. Волкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки.- Вып.№4 (8).- 2015.- С.5-10; Она же. Исторические взгляды Ф.М. Достоевского в романе «Подросток» // Известия Волгоградского государственного университета.- 2016.- №4.- С.144-149; Она же. Литературно-издательская деятельность Ф.М. Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2016.- №2.- С.41-45; Она же. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского (на примере художественных произведений первой половины 1860-х годов) // Известия Воронежского государственного педагогического университета.- 2016.- Т.271.- №2 (271).- С.109-122; Она же. Российское общество и государство в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Серия: Социально-гуманитарные науки.- Вып.№2 (10).- 2016.- С.138-144; Она же. Социально-историческая тематика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Научные ведомости Белгородского государственного университета.- 2016.- №15 (236).- Вып.39.- С.108-114; Она же. Исторические взгляды и деятельность Ф.М. Достоевского в 1840-1870-е годы // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета.- 2016.- №3 (39).- С.3-10; Она же. Россия и русский народ в творчестве Ф. М. Достоевского // Власть и общество: история взаимоотношений: Материалы X региональной научной конференции (г. Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под ред. В.Н. Глазьева.- Воронеж: Истоки, 2016.- С.99-104; Она же. «Воззвать к России новой»: общественная деятельность и социально-исторические взгляды Ф.М. Достоевского.- Воронеж: Изд-во VG, 2016; Она же. Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского.- Воронеж: Изд-во VG, 2017, и др.

1.2. Концепция «почвы», самобытности русской идеи в «картине мира» писателя

1. См.: Селезнёв Ф. Огарёвские погорельцы / Ф. Селезнёв // Литературная газета.- 2015.- №42-43.
2. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1986.- С.109.
3. Иванова А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского / А.А. Иванова.- М.: Наука, 1995.- С.6.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.- С.76.
5. См.: Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.2.- М.: Худ. литература, 1990.- С.5-6.
6. См.: Фридендер Г.М. У истоков «почвенничества» (Ф.М. Достоевский и журнал «Светоч») / Г.М. Фридендер // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка.- 1971.- №5.- С.411-416; Гуральник У.А. Достоевский, славянофилы и «почвенничество» / У.А. Гуральник // Достоевский – художник и мыслитель: Сборник статей.- М., Худ. литература, 1971.- С.427-461; Chances E.B. The Ideology of “Pochvennicestvo” / E.B. Chances // Dostoevskiy’s Journals “Vremja” and “Epocha”.- Princeton: Univ. Press, 1972; Андреев И.И. Социально-философская концепция почвенничества / И.И. Андреев: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1973; Осповат А.Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) / А.Л. Осповат // Достоевский. Материалы и исследования: Т.3 [Ред. Г.М.

Фридлиндер]. - Л.: Наука, 1978.- С.144-150; Попов В.П. Учение ранних славянофилов и творчество Ф.М. Достоевского / В.П. Попов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1979; Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev and Native Soil Conservatism / W. Dowler.- Toronto, 1982; Седельникова О.В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского / О.В. Седельникова // Достоевский: материалы и исследования: Вып.16 / отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2001.- С.62-79; Богданов А.В. Политическая теория почвенничества (А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов) / А.В. Богданов: автореф. дис. ... канд. полит. наук.- М., 2002; де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество: пер. с польск. / А. де Лазари.- М.: Наука, 2004; Тупеев М.А. Идея почвы и образ Христа в русской литературе конца XIX века (Ап. Григорьев, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский) / М.А. Тупеев: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2004; Смольняков К.П. Социально-философские идеи почвенничества в творчестве Ф.М. Достоевского / К.П. Смольняков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 2005; Белов А.В. Достоевский и русские почвенники / А.В. Белов // Духовное наследие Ф.М. Достоевского: вып.4.- Ростов-на-Дону, 2006.- С.69-72; Онищенко Е.В. Сущность социально-философских идей Ф.М. Достоевского / Е.В. Онищенко: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 2006, и др.

7. Соловьев Э.Г. Почвенничество / Э.Г. Соловьев // Новая философская энциклопедия в 4 т.: Т.3 / Рук. проекта В.С. Степин и Г.Ю. Семигин.- М.: Мысль, 2001.- С.303.

8. Цит. по: Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1966.- С.13.

9. Шарапов А.В. Классическое славянофильское почвенничество в контексте русской истории 1850-1860-х гг. / А.В. Шарапов.- Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009.- С.6-8.

10. Васильев А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX веке (славянофильство и почвенничество) / А.А. Васильев.- С.139.

11. Белов С.В. Фёдор Михайлович Достоевский: Энциклопедия / С.В. Белов.- М.: Просвещение, 2010.- С.498.

12. Тарасов Б.Н. Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианских традиций) / Б.Н. Тарасов.- СПб.: Алетейя, 2001.- С.265.

13. Васильев А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX веке (славянофильство и почвенничество) / А.А. Васильев.- М.: Юрлитинформ, 2011.- С.6-7.

14. Там же.- С.11.

15. Седельникова О.В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского / О.В. Седельникова // Достоевский. Материалы и исследования: Вып.16.- СПб.: Наука, 2001.- С.62.

16. Там же.- С.70-71.
17. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - С.7.
18. Цимбаев Н.И. Московские споры либерального времени / Н.И. Цимбаев // Славянофильство.- 2-е изд. - М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.- С.413.
19. Седельникова О.В. О формировании почвеннических взглядов... / О.В. Седельникова. - С.79.
20. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе / Ф.М. Достоевский // Время.- 1861.-№1.- С.1-34.
21. Селезнев Ю.И. Достоевский.- 2-е изд. / Ю.И. Селезнев.- М.: Молодая гвардия, 1985.- С.237.
22. Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev and Native Soil Conservatism / W. Dowler.- Toronto, 1982.
23. Васильев А.А. Указ. соч.- С.130.
24. Там же.- С.130-131.
25. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №29625.- ССХІБ.1.- Л.1.
26. См.: Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель: пер. с англ./ Дж. Сканлан.- СПб.: Академ. проект, 2006.- С.194.
27. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев.- С.58.
28. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев.- М.: КоЛибри, 2016.- С.57.
29. См.: Лотман Л.М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века / Л.М. Лотман // Достоевский. Материалы и исследования: сборник [Ред. Г.М. Фридлендер] / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом): Т.7.- Л.: Наука, 1987.- С.152-165; Виноградова Э.И. Повесть Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Э.И. Виноградова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1989.
30. См.: Курляндская Г.Б. Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого / Г.Б. Курляндская.- Орел: Вариант, 2011.- С.278.
31. См.: Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского: (Событийное, социальное, философское) / Ю.Г. Кудрявцев: 2-е изд.- М.: Изд-во МГУ, 1991.- С.399-400.
32. Глава VIII «Достоевский – Григорьев – Страхов» в книге В.Я. Кирпотина «Достоевский в шестидесятые годы» специально посвящена взаимоотношениям Достоевского с Григорьевым и Страховым. См. также: Wittaker R. A Grigor'ev and the

- Evolution of "Organic Criticism" / R. Wittaker.- Indiana: Univ. Press, 1970; Gerstein L. Nikolai Strakhov: Philosopher, Man of Letters, Social Critic / L. Gerstein.- Cambr., 1971; Allain L. Dostoevski et l'Autre / L. Allain.- Lille, 1984; Туниманов В.А. Ап. Григорьев в письмах и «Дневнике писателя» Достоевского / В.А. Туниманов // Достоевский. Материалы и исследования: сборник [Ред. Г.М. Фридлендер] / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом): Т.7.- Л.: Наука, 1987.- С.22-47; Dowler W. An Unnecessary Man: The Life of Apollon Grigor'ev / W. Dowler.- Toronto, 1995, a.o.
33. См.: Григорьев А. Стихотворения Н. Некрасова / А. Григорьев // Время.- 1862.- №7.- С.14.
34. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №29683.
35. Шелгунов Н.В. Пророк славянофильского идеализма / Н.В. Шелгунов // Шелгунов Н.В. Литературная критика.- Л.: Лениздат, 1974.- С.343.
36. См.: Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия. (Серия «Русские писатели») / Н.Н. Наседкин.- М.: Алгоритм, 2003.- С.563.
37. См.: Богданов А.В. Политическая теория почвенничества (А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов) / А.В. Богданов: автореф. дис. ... канд. полит. наук.- М., 2002.
38. Труайя А. Фёдор Достоевский / А. Труайя.- М.: Эксмо, 2005.- С.475.
39. См.: Осповат А.Л. Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы) / А.Л. Осповат // Достоевский. Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом).- Л.: Наука, 1976.- С.175-181.
40. См.: Воскобойников Н.Н. Заметки по крестьянскому вопросу / Н.Н. Воскобойников // Время.- 1861.- №7.
41. Григорьев А.А. Взгляд на книги и журналы, касающиеся истории русского народного быта / А.А. Григорьев // Время.- 1861.- №4.- С.176.
42. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев.- М: ЗАО «Сварог и К», 1997.
43. РГБ.- Ф.93П. 1.20.
44. Страхов Н.Н. Заметки летописца / Н.Н. Страхов // Эпоха.-1864.- №12.- С.20.
45. Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин.- С.199.
46. Кэррик Л. Достоевский и «другая Европа»: афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма: пер. с нем./ Л. Кэррик.- СПб.: Изд-во Пушкинский Дом, 2017.- С.92).
47. Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1986.- С.120.

48. Из последних работ, посвященных мировоззрению Н.Г. Чернышевского см.: Чесноков Г.Д. Мировоззрение Чернышевского / Г.Д. Чесноков.- М.: Социально-гуманитарные знания, 2016.
49. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы: (Философские портреты мыслителей от Ф.М. Достоевского до А.Ф. Лосева) / А.В. Гулыга.- М.: Сора́тник, 1995.- С.26.
50. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - С.23.
51. См.: Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // Русская идея: собрание произведений русских мыслителей.- М.: Республика, 2002.- С.243.
52. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - С.4-5.
53. Там же.- С.60-61.
54. Там же.- С.62.
55. См.: Сизов В.С. Русская идея в творчестве Ф.М. Достоевского / В.С. Сизов.- Киров: Вятский социально-экономический институт, 2001; Гидиринский В.И. Русская идея как философско-исторический и религиозный феномен / В.И. Гидиринский.- М.: ПСТГУ, 2012; Янов А.А. Русская идея от Николая I до Путина: в 2-х кн.: Кн.1: 1825-1917 / А.А. Янов.- М.: Новый хронограф, 2014; Янов А.А. Русская идея от Николая I до Путина: в 2-х кн.: Кн.2: 1917-1990 / А.А. Янов.- М.: Новый хронограф, 2014; Нарочницкая Н.А. Русский код развития.- 2-е изд./ Н.А. Нарочницкая.- М.: Книжный мир, 2015, и др.
56. Конституция Российской Федерации.- СПб.: ООО «Виктория плюс», 2016.- С.7.
57. Гидиринский В.И. Указ. соч.- С.157.
58. См.: Сентов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение / М.М. Сентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2010.
59. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.- 4-е изд. / М.М. Бахтин.- М.: Советская Россия, 1979.- С.36-37.

ГЛАВА II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В 1840-1870-е ГОДЫ: ПРАКТИКИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

2.1. Ф. М. Достоевский и петрашевцы: споры о революции и социализме

1. См.: Твардовская В.А. Достоевский в общественной жизни России / В.А. Твардовская.- М.: Наука, 1990.

2. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1972; Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864-1865) / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1975.
3. Выскочков Л.В. Николай I / Л.В. Выскочков.- М.: Ось-89, 2003.
4. См.: Егоров Б.Ф. Возникновение социалистической мысли в России / Б.Ф. Егоров // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружка петрашевцев в Петербурге.- Л.: Лениздат, 1984.- С.5.
5. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- М.: Художественная литература, 1990.- С.242-243.
6. Там же.- С.176.
7. Литературное наследство: Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования.- Т.86. - М.: Наука, 1973. - С.549.
8. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.177.
9. Там же.- С.207-209.
10. Там же.- С.208.
11. Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: в 2 т.: Т.1 / С.В. Белов.- СПб.: Алетейя; Российская национальная библиотека, 2001.- С.213.
12. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.220-221.
13. Там же.
14. Там же.- С.263.
15. Там же.- С.265.
16. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.3.- Д.20.- Л.5.
17. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.3.- Д.23.- Л.2.
18. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.3.- Д.23.- Л.4.
19. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.3.- Д.20.- Л.119.
20. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.300.
21. См.: Егоров Б.Ф. Указ. соч.- С.22.
22. Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. / И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 2000.- С.345-346.
23. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.245-246.
24. Там же.- С.246.
25. Там же.- С.301.
26. См.: Архипова А.В. Дворянская революционность в восприятии Ф.М. Достоевского / А.В. Архипова // Литературное наследие декабристов / Отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацуро. - Л.: Наука, 1975.- С.219-246.

**2.2. Ф. М. Достоевский и другие течения в русской интеллектуальной элите:
проблемы взаимоотношений и сотрудничества**

1. РГИА.- Ф.772.- Оп.1.- Д.4520.
2. РГИА.- Ф.1120.- Оп.1.- Д.97.
3. РГИА.- Ф.772.- Оп.1.- Д.4520.- Л.25.
4. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861-1863 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1972.
5. Цит. по: там же. - С.311-312.
6. См.: Эпоха.- 1864.- №11.- С.10.
7. Твардовская В.А. Достоевский в общественной жизни России / В.А. Твардовская.- М.: Наука, 1990. – С.58-59.
8. Эпоха.- 1864.- №9.- С.54.
9. См.: Эпоха.- 1865.- №2.- С.152-182.
10. РГБ.- Ф.93.- К2.- Д.62.
11. РГБ.- Ф.93 (2).- К2.- Д.32.
12. См.: Антонович М.А. О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени») / М.А. Антонович // Современник.- 1861.- №12.- С.180-188.
13. Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1966.- С.159.
14. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- М.: Правда, 1987.- С.275.
15. См.: Кирпотин В.Я. Достоевский и Белинский.- 2-е изд. / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1976; Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1979, и др.
16. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.220.
17. Цит. по: Гроссман Л.П. Жизнь и труды Достоевского: Биография в датах и документах / Л.П. Гроссман.- М.- Л.: 1935.- С.52.
18. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т.: Т.2.- М.: Искусство, 1994.- С.21.
19. ИРЛИ - Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.
20. См.: Долинин А.С. Достоевский и Герцен // А.С. Долинин. Последние романы Достоевского.- М.- Л.: Сов. писатель, 1963.- С.215-230; Лищинер С.Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий / С.Д. Лищинер // Русская литература.- 1972.- №2.- С.37-61.

21. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- С.188.
22. См.: Ланщиков А.П. Чернышевский, Достоевский и социализм // А.П. Ланщиков. Чернышевский.- 2-е изд.- М.: Современник, 1987.
23. См.: Добролюбов Н.А. Забытые люди / Н.А. Добролюбов // Современник.- 1861.- №9.- С.99-149.
24. См.: Достоевский Ф.М. Г-н –бов и вопрос об искусстве / Ф.М. Достоевский // Время.- 1861.- №2.- С.165-205.
25. См.: Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов. Сборник научных трудов / Науч. ред. Н.Н. Скатов.- Л.: ЛГПИ, 1974; Гин М.М. Достоевский и Некрасов / М.М. Гин.- Петрозаводск: Карелия, 1985; Кладова Н.А. Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог / Н.А. Кладова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2009, и др.
26. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.3.- Д.9.
27. См.: Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство. Сборник статей.- М.: Сов. писатель, 1971.
28. ИРЛИ - Пушкинский Дом. - Ф.100.- №16640. - Л.9.
29. ИРЛИ - Пушкинский Дом. - Ф357.- Оп.2.- №118.
30. См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.С. Мережковский.- М.: Республика, 1995 (репринт. изд.); Курляндская Г.Б. Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого / Г.Б. Курляндская.- Орел: Вариант, 2011; Шаваринская С.Р. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой в 1870-е годы (творческий диалог и типологические параллели) / С.Р. Шаваринская: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Иваново, 2015; Костин Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России / Е.А. Костин.- СПб.: Алетейя, 2016, и др.
31. Булгаков В.Ф. В споре с Толстым: На весах жизни / В.Ф. Булгаков.- М.: Кучково поле, 2014.- С.53.
32. Пospelов Г.Н. Достоевский и реализм русских романов 1860-х годов / Г.Н. Пospelов // Достоевский и русские писатели.- С.183.
33. См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.С. Мережковский.- М.: Республика, 1995; ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №29947.- ССХІ6.15.
34. См.: Тонких В.А. Россия и Пушкин: исторические воззрения поэта / В.А. Тонких, О.Е. Фарберова.- LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken, Deutschland, 2015.
35. См.: Волгин И.Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом / И.Л. Волгин.- М.: Центр гуманитарного образования, 1998.

36. См.: Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев / Н.Ф. Бельчиков.- М.: Наука, 1971; Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. / И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 2000.
37. Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен // Сочинения в 9 томах: Т.4.- М.: Худ. литература, 1956.- С.61.
38. Тютчев Ф.И. Лирика: в 2 т.: Т.1 / Ф.И. Тютчев.- М.: Наука, 1966.- С.165.
39. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская. - С.177-178.
40. РГБ.- Ф.93 П.- К.1.- Д.28.
41. РГБ.- Ф.93.- К5.- Д.113.
42. РГБ.- Ф.93/П.- К.5.- Д.114.
43. Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911-1915 / Отв. ред. В.М. Хрусталева.- М.: ПРОЗАИК, 2013.- С.13.
44. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская. - С.390.
45. РГАЛИ.- Ф.212.1.16.- С.160.
46. РГБ.- Ф.93.- К6.- Д.1в.
47. РГБ.- Ф.93П.- К5.- Д.16.
48. РГБ.- Ф.100.- №29638.- ССХІ 6.2.
49. РГБ.- Ф.93П.- К5.- Д.95.
50. РГБ.- Ф.93П. К5.- Д.96.
51. РГБ.- Ф.93П 1.106.
52. РГАЛИ.- Ф.212.- Оп.1.- Д.92.
53. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- С.397.
54. Русь.- 1881.- 31 января.- №12.
55. ИРЛИ - Пушкинский Дом.- Ф.100.- №30198.

ГЛАВА III. РОССИЯ, РУССКИЙ НАРОД И ГОСУДАРСТВО: ВИДЕНИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

3.1. Россия и русский народ в творчестве Ф.М. Достоевского 1840-1850-х годов

1. См.: Черепнин Л.В. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского / Л.В. Черепнин // Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы.- М.: Мысль, 1968.- С.146-182; Третьяков Н.Ф. Проблемы человека, России и русского народа в творчестве Достоевского / Н.Ф. Третьяков // Очерки истории русской социальной философии XVIII-XX веков.- Омск: Омский гос. ун-т, 1999.- С.92-120; Фридлиндер Г.М. Проблема народа и

- народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Т.16.- СПб.: Наука, 2001.- С.390-404;
- Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского: (по материалам «Дневника писателя») / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- М., 2006;
- Исупов К.Г. Историческое познание в художественном опыте Ф.М. Достоевского / К.Г. Исупов // Исупов К.Г. Русская философская культура.- СПб.: Университетская книга, 2010.- С.114-143;
- Тарасов Б.Н. Историческая память как принципиальная составляющая «тайны человека» в творчестве Достоевского / Б.Н. Тарасов // Достоевский: философское мышление, взгляды писателя: сборник статей по материалам Международного Симпозиума общества Достоевского, 2010 г., Неаполь, / под ред. Ст. Алоэ.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.- С.437-447, и др.
2. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства / А.А. Григорьев // Григорьев А.А. Сочинения: в 2 т.: Т.2.- М.: Худ. литература, 1990.- С.37, 43.
3. Черепнин Л.В. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского / Л.В. Черепнин // Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. - С.172.
4. Федор Михайлович в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- М.: Худ. литература, 1990.- С.61, 85.
5. Там же.- С.179.
6. См.: Станюта А.А. Идея человека в творчестве Ф.М. Достоевского (1840-1860-е годы) / А.А. Станюта: автореф. дис. канд. филол. наук.- Минск, 1973; Станюта А.А. Постигание человека. Творчество Достоевского в 1840-1860-е годы / А.А. Станюта.- Минск.: БГУ, 1976; Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1979; Туниманов В.А. Творчество Ф.М. Достоевского, 1854-1862 / В.А. Туниманов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Л., 1981, и др.
7. Цит. по: Белопольский В.Н. Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека / В.Н. Белопольский.- Ростов-на-Дону: Ростовский государственный ун-т, 1987.- С.5.
8. Гоголь Н.В. Нос / Н.В. Гоголь. Собрание сочинений в девяти томах: Т.3.- М.: Русская книга, 1994.- С.41.
9. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 9 т.: Т.7 / Н.А. Добролюбов.- М.: Гослитиздат, 1963.- С.258.
10. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т.: Т.10.- М.: Изд-во АН СССР, 1956.- С.351.

11. См.: Березкина С.В. О повести Достоевского «Хозяйка» / С.В. Березкина // Достоевский: Материалы и исследования: вып.19.- СПб.: Наука, 2010.- С.282-295.
12. См.: Виноградова Э.И. Повесть Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Э.И. Виноградова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1989; Кибальник С.А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия / С.А. Кибальник // Достоевский: Материалы и исследования: вып.19.- СПб.: Наука, 2010.- С.108-142.
13. См.: Ким Юн Кюн. Типология двойников в творчестве Ф.М. Достоевского и повести «Двойник» (1846-1866): автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2003; Кантор В.К. Любовь к двойнику: миф и реальность русской культуры / В.К. Кантор.- М.: Научно-политическая книга, 2013.

3.2. Народ и государство в восприятии и оценках Ф.М. Достоевского (1860-1870-е гг.)

1. См.: Достоевский Ф.М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / Ф.М. Достоевский.- Красноярск, 1985. См. также: Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850-1854 гг. / М.М. Громыко.- Новосибирск: Наука, 1985; Дьяков В.А. Каторжные годы Ф.М. Достоевского (По новым источникам) / В.А. Дьяков // Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX веков: Историография и источники.- Новосибирск, 1987.- С.196-220.
2. См.: Фарберова О.Е. Россия и Пушкин: исторические воззрения поэта / О.Е. Фарберова, В.А. Тонких. - Saarbrücken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2015.
3. Бурсов Б.И. Личность Достоевского. Роман-исследование / Б.И. Бурсов.- М.: Советский писатель, 1979.- С.34.
4. Достоевский Ф.М. в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- М.: Худ. литература, 1990.- С.275.
5. См.: Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России / Л.Г. Захарова.- М.: РОССПЭН, 2011.
6. ИРЛИ – Пушкинский Дом. Ф100.- №29542. ССХ625.
7. См: Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия / Н.Н. Наседкин.- М.: Алгоритм, 2003.- С.98-99.
8. Цит. по: Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3-х т.: Т.1. - СПб.: Академ проект, 1993.- С.220.
9. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1972.

10. См.: Добролюбов Н.А. Забытые люди / Н.А. Добролюбов // Современник.- 1861.- №9.- С.99-149.
11. См.: Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9 т.: Т.7 / Н.А. Добролюбов.- М.- Л.: Гослитиздат, 1963.- С.228.
12. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863 / В.С. Нечаева.- С.288-313.
13. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха», 1864-1865 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1975.
14. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.- Л.96.
15. См.: Щедрин Н. Литературные мелочи / Н. Щедрин // Современник.- 1864.- №5.
16. См. подробнее: Борщевский С.С. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы / С.С. Борщевский.- М.: Гослитиздат, 1956; Туниманов В.А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856-1863) / В.А. Туниманов // Достоевский. Материалы и исследования: Т.3.- Л.: Наука, 1978.- С.92-113.
17. См.: Соловьев М. Теория пользы и выгоды / М. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №11.
18. См.: Соловьев Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.-1864.- №12.
19. См.: Заметки летописца // Эпоха.- 1864.- №7.
20. Новые письма А. Григорьева (публик. Н. Страхова) // Эпоха.- 1865.- №2.- С.177.
21. Там же.- С.176.
22. См.: Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха», 1864-1865 / В.С. Нечаева.- С.230.
23. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.- Л.7.
24. https://www.pitportal.ru/new_articles/8593.html
25. См.: Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1966; Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» / Ю.Ф. Карякин // Достоевский и его время: Сб. / Под ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридлендера.- Л.: Наука, 1971.- С.166-195; Кожинов В.В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского / В.В. Кожинов // Три шедевра русской классики.- М.: Б.и., 1971.- С.107-186; Карякин Ю.Ф. Самообман Раскольникова / Ю.Ф. Карякин.- М.: Худ. литература, 1976; Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова.- 4-е изд. / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1986; Сыромятников О.И. Особенности воплощения русской идеи в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / О.И. Сыромятников: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Пермь, 2004; Ма Вэньин. Антропонимика романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2015, и др.

26. См.: История и историческое сознание / под ред. И.М. Клямкина.- М.: Либеральная миссия, 2011.- С.58-59.
27. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин.- М.: Советский писатель, 1989.- С.76.
28. Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова.- 4-е изд. / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1986.- С.406.
29. См.: Мартыненко Н.К. Российское государство и общество в борьбе с проституцией (1843-1917 гг.) / Н.К. Мартыненко: автореф. дис. ... д-ра ист. наук.- Воронеж, 2012.- С.19.
30. См.: Ветловская Е.В. Достоевский и Пушкин: петербургская тема в «Преступлении и наказании» / Е.В. Ветловская // Достоевский: Материалы и исследования: вып.19.- СПб.: Наука, 2010.- С.152-168.
31. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т.: Т.1 / Н.А. Некрасов.- Л.: Наука, 1981.- С.69.
32. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX века): в 2 т.: Т.2 / Б.Н. Миронов.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.- С.31-32.
33. Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г.С. Померанц.- М.: Советский писатель, 1990.- С. 54-55.
34. См.: Волгин И.Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом / И.Л. Волгин.- М.: Центр гуманитарного образования, 1998.
35. Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854-1862) / В.А. Туниманов.- Л.: Наука, 1980.- С.171.
36. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- Д.16640.- Л.92.
37. См.: Померанц Г.М. Князь Мышкин / Г.М. Померанц // Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. - М.: Советский писатель, 1990.- С.255-301; Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- М.: Наследие, 2001; Сальникова О.М. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема веры и неверия в морально-нравственных позициях героев / О.М. Сальникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2006; Щетинин Р.Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Р.Б. Щетинин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2009; Баталова А.Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов / А.Н. Баталова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Екатеринбург, 2013, и др.
38. Местергази Е. Вера и князь Мышкин / Е. Местергази // Роман «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых.- С.291.

39. См.: Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза / под ред. Г.К. Щенникова и Р.Г. Назирова.- Екатеринбург: Издательство Уральского ун-та, 1991.- С.163.
40. См.: Степанян К. Юродство и безумие, страсть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» / К. Степанян // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- С.138.
41. См.: Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года / И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 2000.
42. См.: Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин.- М.: Советский писатель, 1989; Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Советский писатель, 1990; Гогина Л.П. Христианская нравственность как альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского / Л.П. Гогина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 2007, и др.
43. Цит. по: Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- С.252-253).
44. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского: (Событийное, социальное, философское) / Ю.Г. Кудрявцев.- М.: Издательство МГУ, 1991.- С.257.
45. См.: Наседкин Н.Н. Самоубийство Достоевского: Тема суицида в жизни и творчестве писателя / Н.Н. Наседкин.- М.: Алгоритм, 2002; Кузнецов О.Н. Достоевский над бездной безумия / О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев.- М.: Когито-Центр, 2003.
46. См.: Кони А.Ф. Дело Веры Засулич / А.Ф. Кони.- М.: Терра, 2015.
47. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- М.: Издательство «Правда», 1987.- С.177-178.
48. См.: Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение.
49. См.: Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов. Сборник научных трудов / Науч. ред. Н.Н. Скатов.- Л.: ЛГПИ, 1974; Кладова Н.А. Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог / Н.А. Кладова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2009, и др.
50. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- С.340.
51. См.: Долинин А.С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы» / А.С. Долинин.- М.- Л.: Советский писатель, 1963; Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр) / Е.И. Семенов.- М.: Наука, 1979; Митюрёв С.Н. Проблема подростка в творчестве Достоевского 1870-х годов / С.Н. Митюрёв: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Тарту, 1988, и др.
52. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин.- С.276-277.

53. Цит. по: Сараскина Л. «Роман высшей напряженности» / Л. Сараскина // Литературная газета.- 2003.- №1.
54. Цит. по: там же.
55. См.: Юденкова Т.В. Братья Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы: мировоззренческие аспекты коллекционирования во второй половине XIX века / Т.В. Юденкова.- М.: БуксМАрт, 2015.
56. Цит. по: Сараскина Л. «Роман высшей напряженности».
57. Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр) / Е.И. Семенов.- С.90.
58. Цит. по: Сараскина Л. «Роман высшей напряженности».
59. См.: Кантор В.К. «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского / В. Кантор.- М.: Худ. литература, 1983; Бэлнеп Р. Генезис романа «Братья Карамазовы»: эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста / Р. Бэлнеп.- СПб.: Академ. проект, 2003; Кантор В.К. «Карамазовщина» как символ русской стихии / В.К. Кантор // Вопросы философии.- 2005.- №4; Ковина Е.В. Художественная картина мира в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Е.В. Ковина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 2005; Сизова И.И. Проблема богоборчества и ее художественное решение в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского / И.И. Сизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2005; Шараков С.Л. Идея спасения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С.Л. Шараков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Петрозаводск, 2006; Разумов А.С. Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы»: читаем ненаписанное продолжение великого романа / А.С. Разумов.- М.: URSS, ЛИБРОКОМ, 2014, и др.
60. Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр) / Е.И. Семенов.- С.143.
61. См.: Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- С.503.
62. Там же.- С.260.
63. Цит. по: Гроссман Л.П. Примечания к роману «Братья Карамазовы» / Л.П. Гроссман // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т.: Т.10 / Ф.М. Достоевский.- М.: Худ. литература, 1958.- С.483.
64. РГБ.- Ф.93П.- К5.- Д.1046.
65. Цит. по: Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская. - С.417.
66. Там же. - С.371.
67. Цит по: Гроссман Л.П. Указ. соч. / Л.П. Гроссман.- С.484.
68. Кантор В.К. «Братья Карамазовы» Федора Достоевского / В.К. Кантор.- М.: Худ. литература, 1983.- С.9-10.

3.3. Монархизм и народность Ф. М. Достоевского

1. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- М.: Издательство «Правда», 1987.- С.228.
2. См.: Мелешенко Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя / Е.В. Мелешенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Барнаул, 2004; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- М., 2006; Любятинская У.С. Концепция Ф.М. Достоевского о всемирно-историческом развитии / У.С. Любятинская // Мир культуры: история и современность.- М.: Б.и., 2006.- С.80-96.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории: часть 5. Отмена крепостного права / В.О. Ключевский // Сочинения в 9 томах: Т.5. - М.: Мысль, 1989.- С.352.
4. См.: Заметки летописца // Эпоха.- 1864.- №7.
5. См.: Соловьев М. Теория пользы и выгоды / М. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №11; Соловьев Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №12.
6. См.: Туниманов В.А. Художественные произведения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского / В.А. Туниманов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1966; Волгин И.Л. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского / И.Л. Волгин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1974; Смыслова О.Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф.М. Достоевского / О.Н. Смыслова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2000; Щурова В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология / В.В. Щурова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Воронеж, 2005; Тарасова Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского (1876-1877): критика текста / Н.А. Тарасова.- М.: Квадрига, 2011, и др.

ГЛАВА IV. ВЕРА И САМОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА: РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

4.1. Ф.М. Достоевский и Русское Православие

1. Ерофеев В.В. Найти в человеке человека: Достоевский и экзистенциализм / В.В. Ерофеев.- М.: Зебра Е; Эксмо, 2003.- С.51.
2. Достоевский А.М. Воспоминания / А.М. Достоевский.- М.: Аграф, 1999.- С.50.
3. Там же.- С.64-65.
4. Там же.- С.70.
5. Там же.- С.65.

6. Савельев А.И. Воспоминания о Ф.М. Достоевском / А.И. Савельев. // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- М.: Худ. литература, 1990.- С.163.
7. Достоевский Ф.М. Из «Дневника писателя» за 1877 год / Ф.М. Достоевский // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.228.
8. Григорович Д.В. Из «литературных воспоминаний» / Д.В. Григорович // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.209.
9. Белинский В.Г. Письмо А.И. Герцену от 26 января 1845 г. / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т.: Т. XII.- М.: АН СССР, 1956.- С.250.
10. Дело петрашевцев.- М.; Л.: Госиздат, 1937: Т.1.- С.148.
11. Майков А.Н. Из письма к П.А. Висковатову / А.Н. Майков // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.252.
12. См.: Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев / Н.Ф. Бельчиков.- М.: Наука, 1971; Волгин И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г./ И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 1990.
13. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3-х т.: Т.1.- СПб.: Академ. проект, 1993.- С.159.
14. Майков А.Н. Из письма к П.А. Висковатову / А.Н. Майков // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.1.- С.252-253.
15. http://histerl.ru/periodi_istorii/ideinaia_boriba/petrashevci.htm.
16. Ф.М. Достоевский: Новые материалы и исследования // Литературное наследство: Т.86.- М.: Наука, 1973.- С.93.
17. Габадулина В.И. Мотив смерти – воскресения в сибирском тексте Ф.М. Достоевского / В.И. Габадулина // Сюжетология и сюжетография.- 2015.- №2.- С.101-108.
18. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М.: Республика, 1995.- С.540.
19. Кириллова И.А. Образ Христа в творчестве Достоевского: Размышления / И.А. Кириллова.- М.: Центр книги Рудомино, 2011.- С.10-11; 19.
20. Макарий. Православно-догматическое богословие / Макарий.- Санкт-Петербург, 1868.- С.219, 227.
21. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Иустин (Попович), преподобный.- Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2008.- Сю137-138.
22. Соловьев Вс.С. Воспоминания о Ф.М. Достоевском // Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т.: Т.2.- М.: Худ. литература, 1990.- С.212.
23. РГАЛИ.- 212.1.17.- С.14.

24. Иустин (Попович), преподобный. Указ. соч.- С.305.
25. Цит. по: там же.
26. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев.- М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.- С.175.
27. Флоровский Г.В. Религиозные темы Достоевского / Г.В. Флоровский // Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сборник статей.- М.: Книга, 1990.- С.388.
28. Фудель С.И. Наследство Достоевского / С.И. Фудель.- М.: ЗАО «Русский путь», 1998.- С.36.
29. Там же.- С.33.
30. Щенников Г.К. Целостность Достоевского / Г.К. Щенников.- Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001.- С.216.
31. Плетнев Р. «Достоевский и Евангелие» / Р. Плетнев // Путь.- 1930.- №. 246. Октябрь.- С. 60 (адрес статьи в Интернете <http://www.odinblago.ru/path/23/3>).
32. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук.- СПб., 1908. - Т.4.- Вып.2. - С.395, 631-632. Адрес в Интернете <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=qugI03hmv9Q=&tabid=10082>.
33. Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г.С. Померанц.- М.: Сов. писатель, 1990.- С.13.
34. Тонких Н. Сны и явь. (Реальное и мистическое в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / Н. Тонких, В. Тонких // Подъем.- 2016.-№7.-С.170-174.
35. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Религия / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М.: Республика, 1995.- С.214.
36. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусторонний образ в произведениях Ф.М. Достоевского / Т.А. Касаткина.- М.: ИМЛИ РАН, 2015.- С.187.
37. См.: Галкин А.Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / А.Б. Галкин // Роман Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- М.: Наследие, 2001.- С.319-336.
38. См.: Местергаза Е. Вера и князь Мышкин: Опыт наивного чтения романа «Идиот» / Е. Местергаза // Роман Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. - С.291-318.
39. Достоевская А.Г. Воспоминания / А.Г. Достоевская.- М.: Правда, 1990.- С.186
40. Неизданный Достоевский // Литературное наследство.- М.: Наука, 1971.- С.173.
41. Там же.- С.675.

42. Костин Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России / Е.А. Костин.- СПб.: Алетейя, 2016.- С.53.
43. Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Сов. писатель, 1990.- С.149.
44. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / В.В. Розанов. - М.: Республика, 1996.- С.41.
45. Лихачев Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев.- М.: КоЛибри, 2016.- С.62.
46. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков // Булгаков М.А. Собрание сочинений в трех томах: Т.3.- М.: Панпринт, 1998.- С.9.
47. <http://drevo-info.ru/articles/11316.html>
48. Котельников В.А. Восточно-христианская аскетика на русской почве / В.А. Котельников // Христианство и русская литература: Сб.2. - СПб.: Наука, 1996.- С.111.
49. См.: Беловолов Г.В. Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов / Г.В. Беловолов // Достоевский: Материалы и исследования: сборник: Т.9 / Ред. Г.М. Фридендер.- Л.: Наука, 1991.- С.167-178.
50. РГБ.- Ф.93.- К6.- Д.1в.
51. Волынский А.Л. Достоевский / А.Л. Волынский.- СПб.: Академ. проект, 2007.- С.311 (репринт. изд.).
52. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский.- М.: Прогресс, 1994.- С.99.
53. Письмо К.Н. Леонтьева В.В. Розанову от 24-27 мая 1891года / К.Н. Леонтьев // О великом инквизиторе Достоевского и последующие.- М.: Молодая гвардия, 1992.- С.188.
54. РГБ.- Ф.93 (П).- К7.- Д.94.
55. Розанов В.В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым / В.В. Розанов // Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского.- М.: Республика, 1996.- С.440.

4.2. Отношение Ф. М. Достоевского к Римско-католической церкви

1. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Иустин (Попович), преподобный.- Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2008.- С.295.
2. Точиева Х.Ш. К вопросу о религиозном мировоззрении Достоевского/ Х.Ш. Точиева // Литературное обозрение: история и современность.- 2011.- № 1.- С.158.
3. Бурсов Б.И. Личность Достоевского: Роман-исследование / Б.И. Бурсов.- Л.: Сов. писатель, 1979.- С.70.
4. Неизданный Достоевский // Литературное наследство.- М.: Наука, 1971.- С.461.
5. Там же.- С. 463.

6. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.- Л.7.
7. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.- Л.8.
8. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.С. Мережковский.- М.: Республика, 1995.- С.46.
9. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев. - С.106.
10. Иванов В.И. Родное и вселенское (Сост. В.М. Толмачева) / В.И. Иванов.- М.: Республика, 1994.- С.337.
11. Зеньковский В. История русской философии: в 2 т.: Т.1 / В. Зеньковский. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1989.- С.44-45.
12. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т.: Т.2. - М.: Искусство: ИЧП «Лига», 1994.- С.218.
13. См.: Борисова. В.В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского. (Библия и Коран) / В.В. Борисова // Творчество Достоевского: искусство синтеза.- Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 1991; Борисова В.В. Достоевский и Коран / В.В. Борисова // Достоевский и современность. Тезисы выступлений на «Старорусских чтениях».- Новгород, 1989; Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М., Б.и., 2002, и др.
14. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т.: Т.2. - С.138.
15. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Религия / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М.: Республика, 1995.- С.247.

ГЛАВА V. РОССИЯ НА «ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА»

Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

5.1. Ф.М. Достоевский, Россия и Запад: заимствование и отторжение

1. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.72.
2. Хомяков А.С. Мнение русских об иностранцах / А.С. Хомяков // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения. - С.93.
3. Аксаков К.С. О современном литературном споре // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Избранные труды.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.175.

4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.71.
5. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №16640.- Л.6.
6. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права / П.И. Новгородцев. Сочинения.- М.: Раритет, 1995.- С.386.
7. Новгородцев П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев. Сочинения. - С.432.
8. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 5 т.: Т.1 / А.С. Пушкин.- СПб.: Библиополис, 1993.- С.450.
9. Там же.- Т.2.- СПб.: Библиополис, 1993.- С.333.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа.- С.438.

5.2. Восточная политика Российской империи в оценках писателя

1. См.: Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг. / С.Л. Чернов.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.- С.3.
2. ИРЛИ – Пушкинский Дом.- Ф.100.- №29942.- ССХІБ.15.
3. См.: Сентов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение / М.М. Сентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2010.
4. РГБ.- Ф.93.- К6.- Д.2.
5. Экк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868-1918 / Э.В. Экк.- М.: Кучково поле, 2014.- С.61.
6. См.: Белова К.А. Константинополь и «Третий Рим» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского (1876-1877) / К.А. Белова // Восток в русской литературе XVIII – начала XIX века. Знакомство. Переводы. Восприятие.- М.: Б. и., 2004.
7. Иванов А. «Породниться с Востоком мы не сможем» / А. Иванов // Новая газета.- 2016.- №131.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Иустин (Попович), преподобный.- Минск: Издатель Д.В. Харченко, 2008.- С.307.
2. Цит. по: Липатова Е. С Достоевским в XXI век / Е. Липатова // Литературная газета.- 2000.- №52.
3. См.: Сараскина Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Сов. писатель, 1990.- С.167-258, 409-471.
4. Цит. по: Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.5 [Ред. Г.М. Фридлиндер].- Л.: Наука, 1983.- С.66-67.

5. Цит. по: Комсомольская правда.- 2016.- 29 марта.
6. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права / П.И. Новгородцев. Сочинения.- М.: Раритет, 1995.- С.373.
7. Жестокий талант // Раннее утро.- 1911.- 28 января.
8. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Религия / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.- М.: Республика, 1995.- С.453.
9. Розанов В.В. На лекции о Достоевском / В.В. Розанов // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе.- М.: Республика, 1996.- С.541.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. Сочинения Ф.М. Достоевского и его современников

- 1.1. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. / Ф.М. Достоевский.- М.: Худ. литература, 1956-1958.
- 1.2. Достоевский, Ф.М. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг. [Статьи Л.М. Розенблюма и Г.М. Фридлиндера].- М.: Наука, 1971.- 727 с.
- 1.3. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. / Ф.М. Достоевский.- Л.: Наука, 1972-1988.
- 1.4. Достоевский, Ф.М. Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) / Ф.М. Достоевский.- Красноярск, 1985.
- 1.5. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х т.: Т.1.- М.: Худ. литература, 1990.- 622 с.
- 1.6. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2-х т.: Т.2.- М.: Худ. литература, 1990.- 622 с.
- 1.7. Достоевский, Ф.М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) / Ф.М. Достоевский // Время.- 1862.- №2.- С.143-163.
- 1.8. Достоевский, Ф.М. Славянофилы, черногорцы и западники / Ф.М. Достоевский // Время.- 1862.- №9.- С.132-137.
- 1.9. Достоевский, Ф.М. Необходимое литературное объяснение по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов / Ф.М. Достоевский // Время.- 1863.- №1.- С.29-38.
- 1.10. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя.- Гражданин.- 1873.- №I - XVI.
- 1.11. Достоевский, Ф. Воспоминания об Ап. Григорьеве / Ф. Достоевский // Эпоха.- 1864.- №9.- С.51-55.

- 1.12. Аксаков, К.С. О современном литературном споре / К.С. Аксаков, И.А. Аксаков. Избранные труды.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.174-183.
- 1.13. Белов, С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: в 2-х т.: Т.1: А-К / С.В. Белов.- СПб.: Алетейя: Российская национальная библиотека, 2001.- 573 с.
- 1.14. Белов, С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение: Энциклопедический словарь: в 2-х т.: Т.2: Л-Я / С.В. Белов.- СПб.: Алетейя: Российская национальная библиотека, 2001.- 544 с.
- 1.15. Белинский, В.Г. Петербургский сборник, изданный Н.А. Некрасовым / В.Г. Белинский // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: в 13 т.: Т.9 / Ред. В.А. Десницкий. - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- 1.16. Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т.: Т.9 / Ред. В.А. Десницкий. - М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- 1.17. Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. / В.Г. Белинский // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т.: Т.10 / Ред. В.А. Десницкий. - М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- 1.18. Григорьев, А. Мои литературные и нравственные скитальчества / А. Григорьев // Эпоха.- 1864.- №5.- С.144-168.
- 1.19. Григорьев, А. Парадоксы органической критики (письма к Ф.М. Достоевскому) / А. Григорьев // Эпоха.- 1864.- №5.- С.255-273.
- 1.20. Григорьев, А.А. Воспоминания / Ред. Иванов-Разумник / А.А. Григорьев.- М.- Л.: АCADEMIA, 1930.- 700 с.
- 1.21. Григорьев, А.А. Литературная критика / А.А. Григорьев.- М.: Худ. литература, 1967.- 631 с.
- 1.22. Григорьев, А.А. Искусство и нравственность: статьи и письма / под ред. Б.Ф. Егорова / А.А. Григорьев.- М.: Современник, 1986.- 349 с.
- 1.23. Григорьев, А.А. Сочинения в 2 т.: Т.2 / А.А. Григорьев.- М.: Худ. литература, 1990.- 509 с.

1.24. Добролюбов, Н. Забытые люди / Н. Добролюбов // Современник.- 1861.- №IX.- С.99-149.

Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский.- М.: РОССПЭН, 2010.- 644 с.

1.25. Хомяков, А.С. О старом и новом: Статьи и очерки / А.С. Хомяков.- М.: Современник, 1988.- 461 с.

1.26. Хомяков, А.С. Мнение иностранцев о России / А.С. Хомяков // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.71-92.

1.27. Хомяков, А.С. Мнение русских об иностранцах / А.С. Хомяков // Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.93-125.

2. Архивные материалы

2.1. Институт русской литературы (ИРЛИ) – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив И.А. Гончарова.- Ф.357.- Оп.2.- №118.

2.2. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив А.А. Григорьева.- Ф.100.- №29683.- ССХІб.3.

2.3. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив А.Н. Майкова.- Ф.168.- №16640.- СVIIб.6

2.4. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив В.П. Мещерского.- Ф.100.- №29777.- ССХІб.7.

2.5. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив Н.А. Некрасова.- Ф.134.- Оп.11.- №12.

2.6. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив К.П. Победоносцева.- Ф.100.- №30198.

2.7. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив Я.П. Полонского.- Ф.241.- №12065.- LXIXб.8.

- 2.8. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив К.К. Романова.- Ф.136.- Д.66.
- 2.9. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив Н.Н. Страхова.- Ф.100.- №29560.- ССХІб.11; Ф.257.- №52.
- 2.10. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Архив С.Д. Яновского.- Ф.100.- №28915.- ССХІб.14.
- 2.11. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Письма неустановленных лиц к Ф.М. Достоевскому.- Ф.100.- №29947.- ССХІб.15.
- 2.12. ИРЛИ – Пушкинский Дом (Санкт-Петербург).- Письмо Ф.М. Достоевского Александру П.- Ф.100.- №29625.- ССХІб.1.- Л.1.
- 2.12. Российский государственный исторический архив (РГИА) (Санкт-Петербург).- Дело о разрешении М.М. Достоевскому издавать журнал «Время».- Ф.772.- Оп.1.- Д.4520.- Лл.1-25.
- 2.13. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому редакции «Русской газеты» от 14 октября 1877 года.- Ф.93.- К2.- Д.62.
- 2.14. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письма к Ф.М. Достоевскому от К.Р.- Ф.93/П.- К5.- Д.113.
- 2.15. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письма к Ф.М. Достоевскому от К.П. Победоносцева.- Ф.93/П.- К7.- Д.94.
- 2.16. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от В.В. Михайлова (1878 год).- Ф.93.- К6.- Д.2.
- 2.17. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от архимандрита Леонида.- Ф.93.- К6.- Д.1в.
- 2.18. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от протоирея М.М. Зефирова от 11 января 1881 года.- Ф.93/П.- К5.- Д.16.

- 2.19. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письма к Ф.М. Достоевскому от А.Ф. Кони.- Ф.93/П.- К5.- Д.1046.
- 2.20. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от будущего императора Александра III.- Ф.93/П.- К1.- Д.28.
- 2.21. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от И.С. Аксакова (1880 год).- Ф.93/П.- 1.20.
- 2.22. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от В.И. Аристова (1880 год).- Ф.100.- №29638.- ССХІБ.2.
- 2.23. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от Ю.М. Богушевича (1872 год).- Ф.93/П. 1.106.
- 2.24. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от Комитета общества литераторов за подписью А. Краевского от 10 января 1874 года.- Ф.93/П.- К5.- Д.96.
- 2.25. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к А.Г. Достоевской от К.Р. от 14/26 февраля 1881 года.- Ф.93/П.- К5.- Д.114.
- 2.26. Российская Государственная библиотека (РГБ), отдел рукописей (Москва).- Письмо к Ф.М. Достоевскому от Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербурга (1880 год).- Ф.93/П.- К5.- Д.95.
- 2.27. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Письма Н.А. Некрасова к Ф.М. Достоевскому.- Ф.212.- Оп.3.- Д.9.
- 2.28. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Выписка из документов о деле петрашевцев и связи с ним Ф.М. Достоевского.- Ф.212.- Оп.3.- Д.23.

- 2.29. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Следственное дело об отставном инженере-поручике Ф.М. Достоевском, преданным суду по делу петрашевцев.- Ф.212.- Оп.3.- Д.20.
- 2.30. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Письмо Русской библиотеки в Цюрихе к Ф.М. Достоевскому (1876 год).- Ф.212.- Оп.1.- Д.92.
- 2.31. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Письмо Ф.М. Достоевского к будущему императору Александру III (1876 год).- Ф.212.- Оп.3.- Д.111.
- 2.32. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва).- Письмо Ф.М. Достоевского в редакцию журнала «Русский вестник» от 24 декабря 1867 года.- Ф.212.- Оп.3.- Д.4.

3. Мемуарная литература

- 3.1. Достоевская, А.Г. Воспоминания /А.Г. Достоевская.- М.: Захаров,2002.- 392 с.
- 3.2. Достоевская, А.Г. Дневник 1867 года / А.Г. Достоевская.- М.: Наука, 1993.- 452 с.
- 3.3. Достоевская, Л.Ф. Достоевский в изображении своей дочери: Первое полное русское издание: пер. с нем./ Л.Ф. Достоевская.- СПб.: Андреев и сыновья, 1992.- 105 с.
- 3.4. Достоевский, А.М. Воспоминания/А.М. Достоевский.- М.: Аграф,1999.- 432 с.
- 3.5. Достоевский, Ф.М. Воспоминания об Ап. Григорьеве / Ф.М. Достоевский // Эпоха.- 1864.- №9.- С.51-55.
- 3.6. Кэррик, Л. Достоевский и «другая Европа»: афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма: пер. с нем. / Л. Кэррик.- СПб.: Изд-во пушкинский Дом, 2017.- 700 с.
- 3.7. Панаева, А.Я. Воспоминания / А.Я. Панаева.- М.: Правда, 1986.- 508 с.

3.8. Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге.- Л.: Лениздат, 1984.- 392 с.

3.9 Страхов, Н.Н. Воспоминания о Ф.М. Достоевском: Материалы для жизнеописания / Н.Н. Страхов.- СПб., 1883.

4. Статьи в прижизненных периодических изданиях

4.1. Добр-бов Н. Забитые люди: Критика романа «Униженные и оскорбленные» Достоевского / Н. Добр-бов // Современник.- 1861.- №IX.- С.99-149.

4.2. Григорьев, Ап. Мои литературные и нравственные скитальчества / Ап. Григорьев // Эпоха.- 1864.- №5.- С.144-68.

4.3. Григорьев, Ап. Парадоксы органической критики (письма к Ф.М. Достоевскому) / Ап. Григорьев // Эпоха.- 1864.- №5.- С.255-273.

4.4. Г-н Щедрин или раскол в нигилистах // Эпоха.- 1864.- №5.- С.274-294.

4.5. Заметки летописца / Эпоха.- 1864.- №7.- С.1-14.

4.6. Соловьев, Н. Теория пользы и выгоды: Критика доутрины эгоизма Д. Писарева / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №11.- С.1-16.

4.7. Соловьев, Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №12.- С.1-14.

5. Справочная литература

5.1. Белов, С.В. Ф.М. Достоевский: энциклопедия / С.В. Белов.- М.: Просвещение, 2010.- 743 с.

5.2. Накамура, К. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского: пер. с япон./ К. Накамура.- СПб.: Гиперион, 2011.- 399 с.

5.3. Наседкин, Н.Н. Достоевский. Энциклопедия / Н.Н. Наседкин.- М.: Алгоритм, 2003.- 800 с.

ЛИТЕРАТУРА**6. Монографии и статьи**

- 6.1. Акелькина, Е.А. Формирование философской прозы в «Дневнике писателя» / Е.А. Акелькина // Творчество Достоевского: искусство синтеза.- Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991.- С.224-250.
- 6.2. Алеева, Л.М. Концепт идеального в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Л.М. Алеева // Современность русской и мировой классики / под ред. Б.Т. Удодова.- Воронеж: Изд-во ИОТОУР, 2007.- С.209-216.
- 6.3. Архипова, А.В. Дворянская революционность в восприятии Ф.М. Достоевского / А.В. Архипова // Литературное наследие декабристов: Сборник / Отв. ред. В.Г. Базанов, В.Э. Вацуро.- М.: Наука, 1975.- 400 с.
- 6.4. Архипова, А.В. Семипалатинские замысли Достоевского (У истоков «Униженных и оскорбленных») / А.В. Архипова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.13 [Ред. Г.М. Фридендер, Н.Ф. Буданова].- СПб.: Наука, 1996.- С.50-64.
- 6.5. Бабович, М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского / М. Бабович // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.1 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др.- Л.: Наука, 1974.- С.100-107.
- 6.6. Балашов, Н.В. Спор о Библии и Достоевский / Н.В. Балашов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.13 [Ред. Г.М. Фридендер, Н.Ф. Буданова].- СПб.: Наука, 1996.- С.3-15.
- 6.7. Баршт, К.А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте / К.А. Баршт // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.19 / Отв. ред. Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2010.- С.259-281.
- 6.8. Бачинин, В.А. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом / В.А. Бачинин.- СПб.: Алетейя, 2005.- 365 с.

- 6.9. Белов, С.В. Вокруг Достоевского: статьи, находки и встречи за 35 лет / С.В. Белов.- СПб.: Изд-во СПб университета, 2001.- 444 с.
- 6.10. Белов, С.В. Ф.М. Достоевский.- 2-е изд./ С.В. Белов.- М.: URSS, 2010.- 206 с.
- 6.11. Беловолов, Г.В. Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов / Г.В. Беловолов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1991.- С.167-178.
- 6.12. Белопольский, В.Н. Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека / В.Н. Белопольский.- Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 1987.- 206 с.
- 6.13. Бельчиков, Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев / Н.Ф. Бельчиков.- М.: Наука, 1971.- 296 с.
- 6.14. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России / Н.А. Бердяев.- М.: ЗАО «Сварог и К», 1997.- 540 с.
- 6.15. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев.- М.: Захаров, 2001.- 174 с.
- 6.16. Березкина, С.В. О повести Достоевского «Хозяйка» / С.В. Березкина // Достоевский: Материалы и исследования: Вып.19.- СПб.: Наука, 2010.- С.282-295.
- 6.17. Буданова, Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог / Н.Ф. Буданова.- Л.: Наука, 1987.- 196 с.
- 6.18. Буданова, Н.Ф. Достоевский и Константин Леонтьев / Н.Ф. Буданова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1991.- С.199-222.
- 6.19. Буданова, Н.Ф. Достоевский о Христе и истине / Н.Ф. Буданова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.10 [Ред. Г.М. Фридендер].- СПб.: Наука, 1992.- С.21-29.
- 6.20. Бузина, Т.В. Достоевский: динамика судьбы и свободы / Т.В. Бузина.- М.: РГГУ, 2011.- 349 с.

- 6.21. Бурсов Б.И. Личность Достоевского: Роман-исследование / Б.И. Бурсов.- Л.: Сов. писатель, 1979.- 680 с.
- 6.22. Бэлнеп, Р. Генезис романа «Братья Карамазовы»: Эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста: пер. с англ./ Р. Бэлнеп.- СПб.: Академ. проект, 2003.- 264 с.
- 6.23 Вайнерман, В.С. Достоевский и Омск / В.С. Вайнерман.- Омск: Кн. изд-во, 1991.- 125 с.
- 6.24. Васильев, А.А. Очерки истории русской консервативной правовой мысли в XIX веке (славянофильство и почвенничество) / А.А. Васильев.- М.: Юрлитинформ, 2011.- 255 с.
- 6.25. Ветловская, В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская.- Л.: Худ. литература, 1977.- 199 с.
- 6.26. Ветловская, В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» / В.Е. Ветловская.- Л.: Худ. литература, 1988.- 205 с.
- 6.27. Ветловская, В.Е. Логическое опровержение противников в «Преступлении и наказании» Достоевского / В.Е. Ветловская // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.13 [Ред. Г.М. Фридендер, Н.Ф. Буданова].- СПб.: Наука, 1996.- С.74-87.
- 6.28. Ветловская, В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская.- СПб.: Пушкинский Дом, 2007.- 636 с.
- 6.29. Ветловская, В.Е. Достоевский и Пушкин: петербургская тема в «Преступлении и наказании» / В.Е. Ветловская // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.19 / Отв. ред. Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2010.- С.152-168.
- 6.30. Волгин, И.Л. Достоевский и царская цензура (к истории издания «Дневника писателя») / И.Л. Волгин // Русская литература.- 1970.- №4.- С.106-120.
- 6.31. Волгин, И.Л. Завещание Достоевского / И.Л. Волгин // Вопросы литературы.- 1980.- №6.- С.154-196.

- 6.32. Волгин, И.Л. Последний год Достоевского / И.Л. Волгин // Новый мир.- 1981.- №10.- С.100-183.
- 6.33. Волгин, И.Л. Последний год Достоевского: Исторические записки.- 2-е изд./ И.Л. Волгин.- М.: Сов. писатель, 1991.- 543 с.
- Волгин, И.Л. Родиться в России: Достоевский и современники: жизнь в документах / И.Л. Волгин.- М.: Книга, 1991.- 605 с.
- 6.34. Волгин, И.Л. Колеблюсь над бездной: Достоевский и русский императорский дом / И.Л. Волгин.- М.: Центр гуманитарного образования, 1998.- 656 с.
- 6.35. Волгин, И.Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г./ И.Л. Волгин.- М.: Либерия, 2000.- 703 с.
- 6.36. Волкова, Е.А. Формирование социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского в 1840-е годы / Е.А. Волкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.- 2015.- №4(8).- С.5-10.
- 6.37. Волкова, Е.А. Взаимодействие власти и общества в произведениях Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России: Материалы 2-й межрегиональной научно-практической конференции.- Воронеж: РИО Воронежского филиала РАНХ и ГС, 2016.- С.39-45.
- 6.38. Волкова, Е.А. Исторические взгляды Ф.М. Достоевского (по материалам романа «Записки из Мертвого дома») / Е.А. Волкова // Гуманитарные науки в XXI веке: Материалы XXXI Международной научно-практической конференции.- М.: Изд-во «Спутник+», 2016.- С.14-17.
- 6.39. Волкова, Е.А. Исторические взгляды Ф.М. Достоевского в романе «Подросток» / Е.А. Волкова // Известия Волгоградского государственного университета.- 2016.- №4.- С.144-149.
- 6.40. Волкова, Е.А. Литературно-издательская деятельность Ф.М. Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха» / Е.А. Волкова // Известия

Воронежского государственного университета. Серия6 История. Политология. Социология.- 2016.- №2.- С.41-45.

6.41. Волкова, Е.А. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского (на примере художественных произведений первой половины 1860-х годов) / Е.А. Волкова // Известия Воронежского государственного педагогического университета.- 2016.- Т.271.- №2 (271).- С.109-122.

6.42. Волкова, Е.А. Динамика развития исторических процессов в сочинениях Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова, Е.В. Фролова // Мегатренды мировой политики: Вып.3: Сборник научных статей по материалам III межвузовской научно-практической конференции молодых ученых.- Воронеж: РИО Воронежского филиала РАНХ и ГС, 2016.- С.9-15.

6.43. Волкова, Е.А. Российское общество и государство в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.А. Волкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки: Вып.2 (10).- С.138-144.

6.44. Волкова, Е.А. Социально-историческая тематика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Е.А. Волкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета.- 2016.- Вып.39.- №15 (236).- С.108-114.

6.45. Волкова, Е.А. Становление социально-исторических воззрений Ф.М. Достоевского в 1840-1850-е годы / Е.А. Волкова, А.Б. Левицкий // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета «Теория и практика инновационных технологий в АПК». Секция «Гуманитарные и социально-политические науки».- 2016.- С.74-82.

6.46. Волкова, Е.А. Исторические взгляды и деятельность Ф.М. Достоевского в 1840-1870- гг./ Е.А. Волкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.- 2016.- №3 (39).- С.3-10.

- 6.47. Волкова, Е.А. Россия и русский народ в творчестве Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова // Власть и общество: история взаимоотношений: Материалы X региональной научной конференции (г.Воронеж, 19 марта 2016 г.) / под ред. В.Н. Глазьева.- Воронеж: Истоки, 2016.- С.99-104.
- 6.48. Волкова, Е.А. «Воззвать к России новой»: общественная деятельность и социально-исторические взгляды Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова.- Воронеж: Изд-во VG, 2016.- 252 с.
- 6.49. Волкова, Е.А. Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского / Е.А. Волкова.- Воронеж: Изд-во VG, 2017.- 330 с.
- 6.50. Володин, А. Раскольников и Каракозов / А. Володин // Новый мир.- 1969.- №11.- С.212-231.
- 6.51. Володин, А.И. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х годов XIX века / А.И. Володин, Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак.- М.: Мысль, 1976.- 295 с.
- 6.52. Волынский А.Л. Достоевский / А.Л. Волынский.- СПб.: Академ. проект, 2007.- 463 с. (репринт. изд.).
- 6.53. Выскочков, Л.В. Николай I / Л.В. Выскочков.- М.: Ось-89, 2003.- 694 с.
- 6.54. Гаджиев, К.С. Апология Великого Инквизитора / К.С. Гаджиев // Вопросы философии.- 2005.- №4.- С.3-22.
- 6.55. Гарин, И.И. Многоликий Достоевский / И.И. Гарин.- М.: Terra, 1997.- 396 с.
- 6.56. Гачева, А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев) / А.Г. Гачева.- М.: ИМЛИ РАН, 2004.- 637 с.
- 6.57. Гачева, А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре / А.Г. Гачева.- М.: ИМЛИ РАН, 2008.- 576 с.
- 6.58. Гиголов, М.Г. Типология рассказчиков раннего Достоевского (1845-1865 гг.) / М.Г. Гиголов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.8 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1988.- С.3-20.
- 6.59. Гин, М.М. Достоевский и Некрасов: Два мировоззрения / М.М. Гин.- Петрозаводск: Карелия, 1985.- 184 с.

- 6.60. Громова, Н.А. Достоевский: Документы, дневники, письма, мемуары, отзывы литературных критиков и философия /Н.А. Громова.- М.: Аграф, 2000.- 239 с.
- 6.61. Громыко, М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского 1850-1854 гг./ М.М. Громыко.- Новосибирск: Наука, Сиб. отдел., 1985.- 168 с.
- 6.62. Гроссман, Л.П. Достоевский / Л.П. Гроссман.- М.: Молодая гвардия, 1962.- 543 с.
- 6.63. Гулыга, А.В. Русская идея и ее творцы: (Философские портреты мыслителей от Ф.М. Достоевского до А.Ф. Лосева) / А.В. Гулыга.- М.: Сора́тник, 1995.- 306 с.
- 6.64. Гус, М.С. Идеи и образы Достоевского.- 2-е изд./ М.С. Гус.- М.: Худ. литература, 1971.- 592 с.
- 6.65. XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества: Материалы международной конференции.- М.: Грааль, 2002.- 560 с.
- 6.66. Джексон, Р.Л. Проблема веры и добродетели в «Братьях Карамазовых» / М. Джексон // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридлендер].- Л.: Наука, 1991.- С.124-131.
- 6.67. Джоунс, М. К пониманию образа князя Мышкина / М. Джоунс // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1976.- С.106-112.
- 6.68. Долинин, А.С. В творческой лаборатории Достоевского: (История создания романа «Подросток»)/А.С. Долинин.- М.: Сов. писатель,1947.-173 с.
- 6.69. Долинин, А.С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы» / А.С. Долинин.- М.: Сов. писатель, 1963.- 344 с.
- 6.70. Достоевский в конце XX века: Сборник / Сост. и ред. К. Степанян.- М.: Классика плюс, 1996.- 621 с.
- 6.71. Достоевский в русской критике.- М.: ГИХЛ, 1956.- 471 с.
- 6.72. Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. В 2-х т.: Т.1.- М.: ИМЛИ РАН, 2007.- 752 с.

- 6.73. Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. В 2-х т.: Т.2.- М.: ИМЛИ РАН, 2007.- 574 с.
- 6.74. Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформация.- М.: Водолей, 2013.- 589 с.
- 6.75. Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство: Сборник статей.- М.: Сов. писатель, 1971.- 447 с.
- 6.76. Ф.М. Достоевский как проповедник христианского возрождения и вселенского православия.- М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908.- 59 с.
- 6.77. Достоевский: Материалы и исследования: Вып.1-20.- Л.- СПб.: Наука, 1974-2013.
- 6.78. Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов: Сборник научных трудов / Науч. ред. Н.Н. Скатов.- Л.: ЛГПИ, 1974.- 267 с.
- 6.79. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске: Сборник / Сост. И.Ф. Мельникова.- Семипалатинск: Кн. изд-во, 1992.- 49 с.
- 6.80. Достоевский: философское мышление, взгляды: Сборник статей по материалам Международного симпозиума общества Достоевского, 2010 г., Неаполь / под ред. Ст. Алоэ.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.- 480 с.
- 6.81. Дрыжакова, Е.Н. Достоевский и Герцен (У истоков романа «Бесы») / Е.Н. Дрыжакова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.1 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1974.- С.219-239.
- 6.82. Дрыжакова, Е.Н. Достоевский и нигилистический роман 1860-х годов / Е.Н. Дрыжакова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.17. Отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2005.- С.3-29.
- 6.83. Дьяков, В.А. Каторжные годы Ф.М. Достоевского (По новым источникам) / В.А. Дьяков // Политическая ссылка в Сибири XIX - начала XX веков: Историография и источники / Отв. ред. Л.И. Горюшкин.- Новосибирск: Наука, Сиб. отдел., 1987.- С.196-220.
- 6.84. Евдокимова, О.В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX века и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского / О.В.

- Евдокимова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.8 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1988.- С.177-191.
- 6.85. Ермакова, М.Я. «Двойничество» в «Бесах» / М.Я. Ермакова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1976.- С.113-118.
- 6.86. Ермилова, Г.Г. Тайна князя Мышкина: О романе Достоевского «Идиот» / Г.Г. Ермилова.- Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1983.- 128 с.
- 6.87. Ерофеев, В.В. Найти в человеке человека: Достоевский и экзистенциализм / В.В. Ерофеев.- М.: Зебра Е : Эксмо, 2003.- 287 с.
- 6.88. Ефимова, Н. Мотив библейского Иова в «Братьях Карамазовых» / Н. Ефимова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.11 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1994.- С.122-131.
- 6.89. Живолупова, Н.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19 – 20-го века / Н.В. Живолупова.- Ниж. Новгород: Дятлова гора, 2015.- 735 с.
- 6.90. Жилиякова, Э.М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844-1849) / Э.М. Жилиякова.- Томск: Томск. гос. ун-т, 1989.- 272 с.
- 6.91. Жуков, Д.А. Петербург Достоевского / Д.А.Жуков // Заветное: Литературно-критические статьи.- М.: Современник, 1981.- С.103-117.
- Заметки летописца // Эпоха.- 1864.- №7.- С.1-14.
- 6.92. Захаров, В.Н. «Парадокс на парадоксе»: Достоевский о будущем России / В.Н. Захаров // Север.- 2001.- №1.- С.135-138.
- 6.93. Захаров, В.Н. Имя автора – Достоевский: очерк творчества / В.Н. Захаров.- М.: Индрик, 2013.- 455 с.
- 6.94. Захарова, Т.В. Три приговора. Диалог о человеке (Л. Толстой – Вл. Соловьев – Ф. Достоевский) / Т.В. Захарова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.10 [Ред. Г.М. Фридендер].- СПб.: Наука, 1992.- С.113-128.

- 6.95. Зильберфарб, И.И. Идеи Фурье в России в 30-40-е годы XIX века / И.И. Зильберфарб // Исторические записки.- 1948.- Т.27.- С.258-259.
- 6.96. Золотарев, В.А. Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. – апофеоз восточного кризиса/В.А. Золотарев.- М.: Animi Fortitudo,2005.- 568 с.
- 6.97. Иванов, А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли / А.А. Иванов.- СПб.: Владимир Даль, 2016.- 511 с.
- 6.98. Иванова, А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского / А.А. Иванова.- М.: Б.и., 1995.- 194 с.
- 6.99. Идея католичества Ф.М. Достоевского.- Сергиев Посад, 1914.- 45 с.
- 6.100. Иконников-Галицкий, Анджей. Самоубийство империи. Терроризм и бюрократия 1866-1916.- 2-е изд./ Анджей Иконников-Галицкий.- СПб.: ООО ТД «Современная интеллектуальная книга», 2015.- 366 с.
- 6.101. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза).- М.: Международные отношения, 1999.- 384 с.
- 6.102. Исупов, К.Г. Введение в метафизику Достоевского (Статья первая) / К.Г. Исупов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.18. Отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2007.- С.27-61.
- 6.103. Исупов, К.Г. Историческое познание в художественном опыте Ф.М. Достоевского / К.Г. Исупов // Русская философская культура.- СПб.: Университетская книга, 2011.- С.114-143.
- 6.104. Исупов, К.Г. Метафизика Достоевского / К.Г. Исупов.- М.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.- 208 с.
- 6.105. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Достоевского / Иустин (Попович).- Минск: Изд-во Д.В. Харченко, 2008.- 311 с.
- 6.106. Кантор, В.К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского / В.К. Кантор.- М.: Худ. литература, 1983.- 192 с.

- 6.107. Кантор, В.К. Проблема искушения: Достоевский и «русский путь» / В.К. Кантор // Русская интеллигенция: История и судьба.- М.: Наука, 2000.- С.366-381.
- 6.108. Кантор, В.К. Фрейд versus Достоевский / В.К. Кантор // Вопросы философии.- 2001.- №10.- С.27-32.
- 6.109. Кантор, В.К. Кого и зачем искушал черт? (Иван Карамазов: соблазны «русского пути» / В.К. Кантор // Вопросы литературы.- 2002.- №2.- С.157-181.
- 6.110. Кантор, В.К. Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца XIX – начала XX века / В.К. Кантор // Вопросы философии.- 2002.- №9.- С.54-67.
- 6.111. Кантор, В.К. «Карамазовщина» как символ русской стихии / В.К. Кантор // Вопросы философии.- 2005.- №4.- С.93-111.
- 6.112. Кантор, В.К. Судить Божью тварь: Пророческий пафос Достоевского: Очерки / В.К. Кантор.- М.: РОССПЭН, 2010.- 421 с.
- 6.113. Кантор, В.К. Любовь к двойнику: миф и реальность русской культуры / В.К. Кантор.- М.: Научно-политическая книга, 2013.- 654 с.
- 6.114. Кантор, В.К. Любовь к двойнику, или Самокастрация русской культуры / В.К. Кантор // Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. С.Я. Левит.- СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.- С.351-376.
- 6.115. Карасев, Л.В. Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры / Л.В. Карасев.- М.: Изд. дом ЯСК, 2016.- 336 с.
- 6.116. Карпи, Гуидо. Достоевский – экономист. Очерки по социологии литературы: пер. с итал./ Гуидо Карпи.- М.: Фаланстер, 2012.- 220 с.
- 6.117. Карху, Э.Г. Достоевский и финская литература / Э.Г. Карху.- Петрозаводск: Карелия, 1976.- 136 с.
- 6.118. Карякин, Ю.Ф. Достоевский, антикоммунизм и «достоевщина» / Ю.Ф. Карякин // Проблемы мира и социализма.- 1963.- №5.- С.33-41.
- 6.119. Карякин, Ю.Ф. Правда посюстороннего мира / Ю.Ф. Карякин // Вопросы философии.- 1967.- №9.- С.147-158.

- 6.120. Карякин, Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» / Ю.Ф. Карякин // Достоевский и его время.- Л.: Наука, 1971.- С.166-195.
- 6.121. Карякин, Ю.Ф. Самообман Раскольникова / Ю.Ф. Карякин.- М.: Худ. литература, 1976.- 158 с.
- 6.122. Карякин, Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю.Ф. Карякин.- М.: Сов. писатель, 1989.- 646 с.
- 6.123. Карякин, Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис / Ю.Ф. Карякин.- М.: Фолио, 2009.- 702 с.
- 6.124. Касаткина, Т.А. Священное в повседневном: двусторонний образ в произведениях Ф.М. Достоевского / Т.А. Касаткина.- М.: ИМЛИ РАН, 2015.- 521 с.
- 6.125. Кацахян, М.Г. Мироззрение и художественное творчество / М.Г. Кацахян.- Ереван: АН Армянской ССР, 1986.- 198 с.
- 6.126. Кашина, Н.В. Человек в творчестве Достоевского / Н.В. Кашина.- М.: Худ. литература, 1986.- 318 с.
- 6.127. Кашина, Н.В. Эстетика Достоевского.- 2-е изд./ Н.В. Кашина.- М.: Высшая школа, 1989.- 286 с.
- 6.128. Кибальник, С.А. «Село Степанчиково и его обитатели» как криптопародия / С.А. Кибальник // Достоевский: Материалы и исследования: Вып. 19.- СПб.: Наука, 2010.- С.108-142.
- 6.129. Кийко, Е.И. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков) / Е.И. Кийко // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1976.- С.125-129.
- 6.130. Кирпотин, В.Я. Молодой Достоевский / В.Я. Кирпотин.- М.: Гослитиздат, 1947.- 376 с.
- 6.131. Кирпотин, В.Я. Ф.М. Достоевский, творческий путь / В.Я. Кирпотин.- М.: Гослитиздат, 1960.- 608 с.

- 6.132. Кирпотин, В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1966.- 560 с.
- 6.133. Кирпотин, В.Я. Достоевский – художник. Этюды и исследования / В.Я. Кирпотин.- М.: Сов. писатель, 1972.- 319 с.
- 6.134. Кирпотин, В.Я. Достоевский и Белинский.- 2-е изд./ В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1976.- 301 с.
- 6.135. Кирпотин, В.Я. Мир Достоевского: Статьи и исследования.- 2-е изд./ В.Я. Кирпотин.- М.: Сов. писатель, 1983.- 471 с.
- 6.136. Кирпотин, В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольников.- 4-е изд./ В.Я. Кирпотин.- М.: Худ. литература, 1986.- 412 с.
- 6.137. Клейман, Р.Я. Сквозные мотивы в творчестве Достоевского в историко-культурной перспективе / Р.Я. Клейман.- Кишинев: Штиинца, 1985.- 201 с.
- 6.138. Климова, С.М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры / С.М. Климова.- СПб.: Алетейя, 2004.- 329 с.
- 6.139. Колесникова, В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр / В.В. Колесникова.- Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2009.- 70 с.
- 6.140. Кольцова, В.А. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского / В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович.- М.: Институт психологии РАН, 2013.- 304 с.
- 6.141. Косенко, П.П. Неэвклидовы параллели: Хроника последних лет жизни Достоевского и некоторых его современников / П.П. Косенко.- Алма-Ата: Жазуши, 1988.- 366 с.
- 6.142. Костин, Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России / Е.А. Костин.- СПб.: Алетейя, 2016.- 456 с.
- 6.143. Котов, А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860-1870-х годов / СПб.: Владимир Даль, 2016.- 487 с.
- 6.144. Кроо, К. «Творческое слово» Ф.М. Достоевского – герой, текст, интертекст / К. Кроо.- СПб.: Академ. Проект, 2005.- 286 с.

- 6.145. Крюков, В.М. След птицы тройки: другой сюжет «Братьев Карамазовых» / В.М. Крюков.- М.: Памятники исторической мысли, 2008.- 533 с.
- 6.146. Кудрявцев, Ю.Г. Бунт или религия (о мировоззрении Ф.М. Достоевского) /Ю.Г. Кудрявцев.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.- 172 с.
- 6.147. Кудрявцев, Ю.Г. Три круга Достоевского: (Событийное, социальное, философское).- 2-е изд./ Ю.Г. Кудрявцев.- М.: Изд-во МГУ, 1991.- 400 с.
- 6.148. Куплевацкая, Л.А. Символика хронолога и духовное движение героев в романе «Братья Карамазовы» / Л.А. Куплевацкая // Достоевский: Материалы и исследования: Т.10 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1992.- С.90-100.
- 6.149. Курляндская, Г.Б. Онтология свободы в системе религиозно-философских взглядов Достоевского и Толстого / Г.Б. Курляндская.- Орёл: Вариант, 2011.- 372 с.
- 6.150. Лазари де Анджей. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество: пер. с польск. / Анджей де Лазари.- М.: Наука, 2004.- 207 с.
- 6.151. Лаут, Р. К вопросу о генезисе «Легенды о Великом инквизиторе» (Заметки к проблемам взаимоотношений Достоевского и Соловьёва) / Р. Лаут // Россия и Германия: опыт философского диалога.- М.: Медиум, 1993.- С.307-321.
- 6.152. Лаут, Р. Философия Достоевского в систематическом изложении: пер. с нем./ Р. Лаут.- М.: Республика, 1996.- 447 с.
- 6.153. Левина, Л.А. «Новый Иов» в творчестве Достоевского и в русской культуре XIX века / Л.А.Левина // Достоевский: Материалы и исследования: Т.11 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1994.- С.204-220.
- 6.154. Ленин, В.И. О литературе: Статьи и речи / В.И. Ленин.- М.: Худ. литература, 1957.- 135 с.
- 6.155. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев.- М.: КоЛибри, 2016.- 480 с.

- 6.156. Лищинер, С.Д. Герцен и Достоевский / С.Д. Лищинер // Русская литература.- 1972.- №2.- С.37-61.
- 6.157. Лурье, Л.Я. Петербург Достоевского: исторический путеводитель / Л.Я. Лурье.- СПб.: БХВ Петербург, 2012.- 350 с.
- 6.158. Лютых, А.А. Социально-политические взгляды Ф.М. Достоевского / А.А. Лютых, В.А. Тонких, Н.В. Тонких.- Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2005.- 260 с.
- 6.159. Мелетинский, Е.М. Заметки о творчестве Достоевского / Е.М. Мелетинский.- М.: РГГУ, 2001.- 190 с.
- 6.160. Мережковский, Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д.С. Мережковский.- М.: Республика, 1995.- 621 с. (репринт. изд.)
- 6.161. Миджиферджян, Т.В. Раскольников – Свидригайлов – Порфирий Петрович: поединок сознания / Т.В. Миджиферджян // Достоевский: Материалы и исследования: Т.7 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1987.- С.65-80.
- 6.162. Миронов, Б.Н. Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX века): в 2 т.- 2-е изд.: Т.1.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.- 548 с.
- 6.163. Миронов, Б.Н. Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX века): в 2 т.- 2-е изд.: Т.2.- СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.- 567 с.
- 6.164. Мотылева, Т.Л. Достоевский и Толстой (О некоторых общих чертах их международной судьбы) / Т.Л. Мотылева // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1976.- С.208-216.
- 6.165. Назиров, Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского / Р.Г. Назиров.- Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982.- 160 с.
- 6.166. Нечаева, В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1972.- 317 с.
- 6.167. Нечаева, В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» (1864-1865) / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1975.- 303 с.

- 6.168. Нечаева, В.С. Ранний Достоевский. 1821-1849 / В.С. Нечаева.- М.: Наука, 1979.- 288 с.
- 6.169. Никитин, Т.Н. К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» / Т.Н. Никитин // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.19 / Отв. ред. Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2010.- С.169-181.
- 6.170. Ниязатов, М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век) /М. Ниязатов.- СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.- 640 с.
- 6.183. Новгородцев, П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев // Новгородцев П.И. Избранные труды.- М.: РОССПЭН, 2010.- С.367-877.
- 6.171. Новгородцев, П.И. О своеобразных элементах русской философии права / П.И. Новгородцев. Сочинения.- М.: Раритет, 1995.- С.367-387.
- 6.172. Новгородцев, П.И. Восстановление святынь / П.И. Новгородцев. Сочинения.- М.: Раритет. 1995.- С.424-443.
- 6.173. Новые советские исследования этических воззрений Ф.М. Достоевского и Н.Г. Чернышевского: Научно-аналитический обзор.- М.: ИНИОН, 1991.- 43 с.
- 6.174. Носов, С.Н. Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф.М. Достоевского / С.Н. Носов // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.8 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1988.- С.52-71.
- 6.175. Обломиевский, Д.Д. Князь Мышкин / Д.Д. Обломиевский // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. - Л.: Наука, 1976.- С.284-294.
- 6.176. Одинокое, В.Г. Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского / В.Г. Одинокое.- Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981.- 145 с.
- 6.177. О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1934 гг.: Сборник статей.- М.: Книга, 1990.- 428 с.

- 6.178. Орнатская, Т.И. К истории создания романа «Преступление и наказание» / Т.И. Орнатская // Достоевский: Материалы и исследования: Т.7 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1987.- С.48-52.
- 6.179. Осмоловский, О.Н. Достоевский и русский психологический роман / О.Н. Осмоловский.- Кишинев: Штиинца, 1981.- 167 с.
- 6.180. Осповат, А.Л. Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы) / А.Л. Осповат // Достоевский: Материалы и исследования: Т.2 / Ред. коллегия: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др.- Л.: Наука, 1976.- С.175-181.
- 6.181. Осповат, А.Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) / А.Л. Осповат // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.3 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1978.- С.144-150.
- 6.182. Палиевский, П.В. Место Достоевского в русской литературе XIX века / П.В. Палиевский // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.6 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1985.- С.46-54.
- 6.183. Пачини, Джанлоренцо. О философии Достоевского: эссе: пер. с итал./ Джанлоренцо Пачини.- М.: Прометей, 1992.- 78 с.
- 6.184. Пекуровская, Ася. Страсти по Достоевскому: механизм желаний сочинителя / Ася Пекуровская.- М.: Новое литературное обозрение, 2004.- 601 с.
- 6.185. Переверзев, В.Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования / В.Ф. Переверзев.- М.: Сов. писатель, 1982.- 511 с.
- 6.186. Поддубная, Р.Н. Двойничество и самозванство / Р.Н. Поддубная // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.11.- СПб.: Наука, 1994.- С.28-40.
- 6.187. Покровский В.И. Ф.М. Достоевский. Его жизнь и сочинения / В.И. Покровский.- М., 1908.- 195 с.
- 6.188. Померанц, Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским / Г.С. Померанц.- М.: Сов. писатель, 1990.- 382 с.
- 6.189. Померанц, Г.С. Дороги духа и зигзаги истории / Г.С. Померанц.- М.: РОССПЭН, 2008.- 384 с.

- 6.190. Пономарева, Г.Б. Житийный круг Ивана Карамазова / Г.Б. Пономарева // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1991.- С.144-166.
- 6.191. Пономарева, Г.Б. Достоевский: Я занимаюсь этой тайной / Г.Б. Пономарева.- М.: Академкнига, 2001.- 303 с.
- 6.192. Пospelов, Г.Н. Творчество Ф.М. Достоевского / Г.Н. Пospelов.- М.: Знание, 1971.- 64 с.
- 6.193. Пруцков, Н.И. Социально-этическая утопия Достоевского / Н.И. Пруцков // Идеи социализма в русской классической литературе / под ред. Н.И. Пруцкова.- Л.: Наука, 1969.- С.334-373.
- 6.194. Разумов, А.С. Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы»: читаем ненаписанное продолжение великого романа / А.С. Разумов.- М.: URSS, ЛИБРОКОМ, 2014.- 121 с.
- 6.195. Розанов, В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / В.В. Розанов // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т.: Т.7 / Под общей ред. А.Н. Николюкина.- М.: Республика, 1994.- 701 с.
- 6.196. Розенблюм, Л.М. творческие дневники Достоевского / Л.М. Розенблюм.- М.: Наука, 1981.- 368 с.
- 6.197. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения: Сборник работ отечественных и зарубежных ученых / Ред. Т.А. Касаткина.- М.: Наследие, 2001.- 560 с.
- 6.198. Сараскина, Л.И. «Бесы» - роман-предупреждение / Л.И. Сараскина.- М.: Сов. писатель, 1990.- 478 с.
- 6.199. Сараскина, Л.И. Ф. Достоевский. Одоление демонов / Л.И. Сараскина.- М.: Согласие, 1998.- 462 с.
- 6.200. Сараскина, Л.И. Ф.М. Достоевский и «восточный вопрос» / Л.И. Сараскина // The Dostoevski Journal.- 2001.- Vol.2.- P.87-102.
- 6.201. Сараскина, Л.И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: от Пушкина до Солженицына / Л.И. Сараскина.- М.: Русский путь, 2006.- 608 с.

- 6.202. Сараскина, Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры/Л.И. Сараскина.- М.: Прогресс-Традиция,2010.- 600 с.
- 6.203. Седельникова, О.В. О формировании почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского / О.В. Седельникова // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.16.- СПб.: Наука, 2001.- С.62-79.
- 6.204. Селезнев, Ю.И. В мире Достоевского / Ю.И. Селезнев.- М.: Современник, 1980.- 376 с.
- 6.205. Селезнев, Ю.И. Достоевский.- 2-е изд./ Ю.И. Селезнев.- М.: Молодая гвардия, 1985.- 543 с.
- 6.205. Семенов, Е.И. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр) / Е.И. Семенов.- Л.: Наука, 1979.- 167 с.
- 6.207. Середенко, Н.И. Мир детей в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Н.И. Середенко // Проблемы детской литературы.- Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1984.- С.115-121.
- 6.208. Сизов, В.С. Русская идея в миросозерцании Ф.М. Достоевского / В.С. Сизов.- Киров: Вятский социально-экономический ин-т, 1998.- 167 с.
- 6.209. Сизов, В.С. Русская идея в творчестве Ф.М. Достоевского / В.С. Сизов.- Киров: Вятский социально-экономический ин-т, 2001.- 170 с.
- 6.210. Сканлан, Дж. Достоевский как мыслитель: пер. с англ./ Дж. Сканлан.- СПб.: Академ. проект, 2006.- 255 с.
- 6.211. Соина, О.С. К источникам поэмы «Великий инквизитор» / О.С. Соина // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.6 [Ред. Г.М. Фридендер]. - Л.: Наука, 1985.- С.129-136.
- 6.212. Соловьев, В.С. Избранное / В.С. Соловьев.- М.: РОССПЭН,2010.- 789 с.
- 6.213. Соловьев, Н. Теория пользы и выгоды: Критика доктрины эгоизма Д. Писарева / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №11.- С.1-16.
- 6.214. Соловьев, Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №12.- С.1-14.

- 6.215. Станюта, А.А. Постижение человека. Творчество Достоевского 1840-1860-х годов / А.А. Станюта.- Минск: Изд-во БГУ, 1976.- 158 с.
- 6.216. Степанова, Т.А. Тема детства в творчестве Достоевского / Т.А. Степанова // Вестник Московского ун-та: Серия 9. Филология.- 1988.- №4.- С.88-93.
- 6.217. Степанян, К. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского/К. Степанян.- М.: Раритет, 2005.- 512 с.
- 6.218. Степанян, К.А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени / К.А. Степанян.- М.: Языки славянской культуры, 2013.- 363 с.
- 6.219. Страхов, Н.Н. Наша изящная словесность. «Преступление и наказание» / Н.Н. Страхов // Отечественные записки.- 1867.- №2-4.
- 6.220. Тарасов, Б.Н. «Будущее человечество...» Особенности изображения детства в творчестве Достоевского / Б.Н. Тарасов // Литературная учеба.- 1973.- С.170-179.
- 6.221. Тарасова, Н.А. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: критика текста / Н.А. Тарасова.- М.: Квадрига, 2011.- 391 с.
- 6.222. Тарасова, Н.А. Христианская тема в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н.А. Тарасова.- М.: Квадрига, 2015.- 192 с.
- 6.236. Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская.- М.: Наука, 1978.- 279 с.
- 6.223. Твардовская, В.А. «Экономическое поветрие» в творчестве Достоевского / В.А. Твардовская // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.8 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1988.- С.126-158.
- 6.224. Твардовская, В.А. Достоевский в общественной жизни России (1861-1881) / В.А. Твардовская.- М.: Наука, 1990.- 340 с.
- 6.225. Твардовская, В.А. Родион Раскольников и Петр Ткачев / В.А. Твардовская // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1991.- С.76-91.
- 6.226. Твардовская, В.А. Художник и диктатор (Достоевский и Лорис-Меликов) / В.А. Твардовская // Достоевский: Материалы и исследования:

Сборник: Вып.18 / Отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2007.- С.115-134.

6.227. Твардовская, В.А. Социальный кадастр пореформенной России в романе «Братья Карамазовы» / В.А. Твардовская // Отечественная история.- 2002.- №1.- С.72-83.

6.228. Творчество Ф.М. Достоевского: искусство синтеза / Под ред. Г.К. Щенникова и др.- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991.- 285 с.

6.229. Тихомиров, Б.Н. О «христологии» Достоевского / Б.Н. Тихомиров // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.11 [Ред. Г.М. Фридендер].- СПб.: Наука, 1994.- С.102-121.

6.230. Тонких, Н.В. Сны и явь. (Реальное и мистическое в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / Н.В. Тонких, В.А. Тонких // Подъем.- 2016.- №7.- С.170-174.

6.231. Третьяков, Н.Ф. Проблемы человека, России и русского народа в творчестве Достоевского / Н.Ф. Третьяков // Очерки истории русской социальной философии XVIII-XX веков.- Омск: Омский гос. ун-т, 1999.- С.92-120.

6.232. Туниманов, В.А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» / В.А. Туниманов // Достоевский – художник и мыслитель: Сборник статей.- М.: Худ. литература, 1972.

6.233. Туниманов, В.А. Творчество Достоевского (1854-1862) / В.А. Туниманов.- Л.: Наука, 1980.- 294 с.

6.234. Тяпугина, Н.Ю. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: опыт интерпретации / Н.Ю. Тяпугина.- Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1995.- 102 с.

6.235. Фаустов, А.А. Универсальные характеры русской литературы / А.А. Фаустов, С.В. Савинков.- Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2015.- 312 с.

6.236. Федоренко, Б.В. К истории газеты-журнала «Гражданин» / Б.В. Федоренко // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.11 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1994.- С.246-259.

- 6.237. Фокин, П.Е. К вопросу о генезисе «Дневника писателя» за 1876-1877 гг. (Историко-литературные аспекты) / П.Е. Фокин // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.13 [Ред. Г.М. Фридендер, Н.Ф. Буданова].- СПб.: Наука, 1996.- С.120-130.
- 6.238. Фокин, П.Е. Достоевский. Перепрочтение / П.Е. Фокин.- СПб.: Амфора, 2013.- 286 с.
- 6.239. Фридендер, Г.М. Реализм Достоевского / Г.М. Фридендер.- М.- Л.: Наука, 1964.- 404 с.
- 6.240. Фридендер, Г.М. Наука о Достоевском сегодня (Спорные вопросы. Исследования. Проблемы) / Г.М. Фридендер // Русская литература.- 1971.- №3.- С.3-24.
- 6.242. Фридендер, Г.М. У истоков «почвенничества» (Ф.М. Достоевский и журнал «Свечеч») / Г.М. Фридендер // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка.- 1971.- №5.- С.411-416.
- 6.243. Фридендер, Г.М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.4 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.:Наука,1980.- С.7-26.
- 6.244. Фридендер, Г.М. Достоевский и мировая литература.- 2-е изд./ Г.М. Фридендер.- Л.: Сов. писатель, 1985.- 456 с.
- 6.245. Фридендер, Г.М. Достоевский: об истоках и перспективах изучения / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.6 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1985.- С.32-45.
- 6.245. Фридендер, Г.М. Достоевский и Гоголь / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.7 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1987.- С.3-21.
- 6.246. Фридендер, Г.М. Путь Достоевского к роману-эпопее / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.8 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1988.- С.159-176.

- 6.247. Фридендер, Г.М. Достоевский в эпоху нового мышления / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1991.- С.3-10.
- 6.248. Фридендер, Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»: Сборник / Г.М. Фридендер.- СПб.: Наука, 1995.- 522 с.
- 6.249. Фридендер, Г.М. Проблема народа и народности в творчестве Достоевского (Из неопубликованной статьи) / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.16 / Отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2001.- С.390-404.
- 6.250. Фридендер, Г.М. Человек в мире Достоевского / Г.М. Фридендер // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.18 / Отв. ред. И.Д. Якубович, Н.Ф. Буданова. - СПб.: Наука, 2007.- С.422-433.
- 6.251. Фудель, С.И. Наследство Достоевского / С.И. Фудель.- М.: ЗАО «Русский путь», 1998.- 288 с.
- 6.252. Хайруллин, В.И. Справедливое общество или «утопизм» Достоевского / В.И. Хайруллин // Государство и право.- 2004.- №8.- С.100-105.
- 6.253. Цимбаев, Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века.- 2-е изд. / Н.И. Цимбаев.- М.: Гос. публичная историческая библиотека, 2013.- 447 с.
- 6.254. Черепнин, Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин.- М.: Мысль, 1968.- 383 с.
- 6.255. Чернов, С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875-1878 гг. / С.Л. Чернов.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.- 144 с.
- 6.256. Чесноков, Г.Д. Мировоззрение Чернышевского / Г.Д. Чесноков.- М.: Социально-гуманитарные знания, 2016.- 195 с.
- 6.257. Чирков, Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы / Н.М. Чирков.- М.: Наука, 1967.- 303 с.
- 6.258. Шульц, О. Светлый, жизнерадостный Достоевский / О. Шульц.- Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999.- 367 с.

- 6.259. Щенников, Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского / Г.К. Щенников.- Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1978.- 175 с.
- 6.260. Щенников, Г.К. Достоевский и русский реализм / Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1987.- 349 с.
- 6.261. Щенников, Г.К. Целостность Достоевского / Г.К. Щенников.- Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.- 438 с.
- 6.262. Якубович, И.Д. Достоевский в работе над романом «Бедные люди» / И.Д. Якубович // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Т.9 [Ред. Г.М. Фридендер].- Л.: Наука, 1991.- С.39-55.
- 6.263. Янг, С. Восприятие и изучение творчества Достоевского в Великобритании (1971-2011 гг.) / С. Янг // Достоевский: Материалы и исследования: Сборник: Вып.20 / Отв. ред. К.А. Баршт, Н.Ф. Буданова.- СПб.: Наука, 2013.- С.119-142.
- 6.264. Aspects of Dostoevsky: Art, Ethics and Faith / Eds. R. Reid, J. Andrew.- Amsterdam; N.Y., 2012.- 306 p.
- 6.265. Dostoevsky and the Critical / Eds. G. Pattison, D.O. Thompson.- Cambr., 2001.- 186 p.
- 6.266. Duncon, P.J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After / P.J.S. Duncon.- L.; N.Y., 2000.- 256 p.
- 6.267. Futrell, M. Dostoevsky and Islam (and Ch. Valichanov) / M. Futrell // Slavonic East and European Review.- 1979.- Vol.57.- N1.- P.16-31.
- 6.268. Hudship S.F. Dostoevsky and the Idea of Russianness. A New Perspective of Unity and Brotherhood / S.F. Hudship.- L.; N.Y., 2004.- 239 p.
- 6.269. Jones, M.V. Dostoevsky: the Dynamics of Religious Experience / M.V. Jones.- L., 2005.- 184 p.
- 6.270. Kelly, Aileen. Dostoevskii and the Divided Conscience / Aileen Kelly // Slavic Review.- 1988.- N47.- P.239-260.
- 6.271. Minihan, N.N. On the Influence on the Gospel on the Conception and Main Literary Sources of the "Idiot" / N.N. Minihan.- Brown Univ., 1989.- 269 p.

- 6.272. Offord D. Dostoevsky and Chernyshevsky / D. Offord // Slavonic East and European Review.- 1979.- Vol.57.- N4.- P.509-530.
- 6.273. Peace R. Dostoevsky and Pushkin / R. Peace // Irish Slavonic Studies.- 1999.- Vol.20.- P.21-34.
- 6.274. Terras, V. Reading Dostoevsky / V. Terras.- Madison, 1998.- 184 p.
- 6.275. Thompson, D.O. Islamic Motives in Dostoevsky's Literary Works, 1846-1866 / D.O. Thompson // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues: 13th Symposium of the International Dostoevsky Society.- Budapest, 2009.- P.480-491.
- 6.276. Williams, R. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction / R. Williams.- L., 2008.- 295 p.

7. Авторефераты диссертаций

- 7.1. Адушкин, Г.Е. Этико-философская концепция человека в творчестве Ф.М. Достоевского / Г.Е. Адушкин: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1974.- 24 с.
- 7.2. Акелькина, Е.А. Пути развития русской философской прозы конца XIX века / Е.А. Акелькина: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- Омск, 1998.- 31 с.
- 7.3. Андреев И.И. Социально-философская концепция почвенничества / И.И. Андреев: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1973.- 19 с.
- 7.4. Ануфриев, Г.Ф. Творчество Достоевского 40-х годов и русская критика сер. XIX века (40-50-е годы) / Г.Ф. Ануфриев: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1974.- 16 с.
- 7.5. Ашитова, Г.А. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского / Г.А. Ашитова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1995.- 18 с.
- 7.6. Бадалова, Е.Н. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.Н. Бадалова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Волгоград, 2017.- 19 с.

- 7.7. Батталова, А.Н. Образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: проблема реально-исторических прототипов / А.Н. Батталова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Екатеринбург, 2013.- 26 с.
- 7.8. Безносков, В.Г. Проблема обоснования морали в творчестве Ф.М. Достоевского / В.Г. Безносков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Л., 1981.- 19 с.
- 7.9. Безносков, В.Г. Достоевский и нравственная философия в России конца XIX – начала XX века / В.Г. Безносков: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- СПб., 1994.- 30 с.
- 7.10. Белкина, О.А. Литературно-исторический контекст Пушкинской речи Достоевского / О.А. Белкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 1992.- 19 с.
- 7.11. Белопольский, В.Н. Человек в художественном мире Ф.М. Достоевского: концепция, генезис и способы воплощения / В.Н. Белопольский: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- М., 1991.- 33 с.
- 7.12. Белякова, Е.Н. Христианская идея в художественном мире И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского / Е.Н. Белякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2000.- 17 с.
- 7.13. Богданов, А.В. Политическая теория почвенничества (А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов) / А.В. Богданов: автореф. дис. ... канд. полит. наук.- М., 2002.- 22 с.
- 7.14. Богданова, О.А. Традиции «идеологического романа» Ф.М. Достоевского в русской прозе конца XIX – начала XX века / О.А. Богданова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- М., 2009.- 50 с.
- 7.15. Борисова, В.В. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в его связях с народнопоэтическим мышлением / В.В. Борисова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1980.- 19 с.
- 7.16. Борисова, В.В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского (Проблема этно-конфессионального анализа) / В.В. Борисова: автореф. дис. .... д-ра филол. наук.- Екатеринбург, 1997.- 33 с.

- 7.17. Буданова, Н.Ф. Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев: творческий диалог / Н.Ф. Буданова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Л., 1988.- 35 с.
- 7.18. Буткова, Н.В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского / Н.В. Буткова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Волгоград, 2001.- 18 с.
- 7.19. Валагин, А.П. Система образов в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» / А.П. Валагин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Тбилиси, 1981.- 21 с.
- 7.20. Ветловская, В.Е. Поэтика «Братьев Карамазовых» / В.Е. Ветловская: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1974.- 18 с.
- 7.21. Вигерина, Л.И. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: личность и народ / Л.И. Вигерина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 1992.- 17 с.
- 7.22. Виноградова, Э.И. Повесть Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» / Э.И. Виноградова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1989.- 24 с.
- 7.23. Владимир (Палибрк). Религиозные представления Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского / Владимир (Палибрк): автореф. дис. ... канд. богосл. наук.- СПб., 2016.- 23 с.
- 7.24. Власкин, А.П. К проблеме идеологического контекста в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А.П. Власкин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1984.- 18 с.
- 7.25. Власкин, А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура / А.П. Власкин: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Екатеринбург, 1994.- 40 с.
- 7.26. Гаврилова, Л.А. Диалогичность как принцип организации «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского / Л.А. Гаврилова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Ярославль, 2016.- 23 с.
- 7.27. Галкин, А.Б. Образ Христа в творческом сознании Ф.М. Достоевского / А.Б. Галкин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992.- 16 с.

- 7.28. Гафарова, Ю.Ю. Проблема социально-политического обновления России в творчестве Ф.М. Достоевского / Ю.Ю. Гафарова: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- СПб., 1993.- 19 с.
- 7.29. Гуральник, У.А. Борьба «Современника» с журналами Достоевского: из литературной полемики 60-х годов / У.А. Гуральник: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1949.- 17 с.
- 7.30. Гущина, Т.В. Художественно-эстетические функции женских характеров в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Т.В. Гущина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Орел, 2004.- 22 с.
- 7.31. Данилова, Н.К. Россия и Запад в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов («Зимние заметки о летних впечатлениях», «Игрок») / Н.К. Данилова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1985.- 17 с.
- 7.32. Демченкова, Э.А. «Подросток» Ф.М. Достоевского как роман воспитания (жанр и поэтика) / Э.А. Демченкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Екатеринбург, 2001.- 23 с.
- 7.33. Денисова, А.В. Публицистичность в творчестве Ф.М. Достоевского 1870-х годов («Дневник писателя» и «Братья Карамазовы») / А.В. Денисова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1986.- 16 с.
- 7.34. Дианов, Д.Н. Творческие искания Ф.М. Достоевского в оценке русской религиозно-философской критики конца XIX – начала XX века (К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов) / Д.Н. Дианов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2004.- 18 с.
- 7.35. Дмитриева, Л.С. Литературно-эстетическая концепция Достоевского (на материалах «Дневника писателя») / Л.С. Дмитриева: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Донецк, 1974.- 32 с.
- 7.36. Дудкин, В.В. Ф.М. Достоевский – Ницше: Проблема человека / В.В. Дудкин: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Петрозаводск, 1997.- 47 с.
- 7.37. Ершов, Б.А. Русская Православная Церковь в системе государственных отношений в XIX - начале XX вв. (на материалах Центрально-Чернозёмных губерний) / Б.А. Ершов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.- Курск, 2012.- 48 с.

- 7.38. Жиркова, М.А. Исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / М.А. Жиркова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 1997.- 22 с.
- 7.39. Загидуллина, М.В. Традиции А.С. Пушкина в романах Достоевского / М.В. Загидуллина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Екатеринбург, 1992.- 17 с.
- 7.40. Захарова, Т.В. «Дневник писателя» и его место в творчестве Достоевского в 1970-х гг./ Т.В. Захарова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1975.- 22 с.
- 7.41. Золотько, О.В. Образ «золотого века» в творчестве Ф.М. Достоевского / О.В. Золотько: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2017.- 24 с.
- 7.42. Иванов, А.Ф. Общечеловеческое и типическое в творчестве Ф.М. Достоевского (Проблема их внутренних связей в художественных образах писателя) / А.Ф. Иванов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1974.- 22 с.
- 7.43. Иванов, В.В. Ф.М. Достоевский и народная культура (Юродство, скоморошество, балаган) / В.В. Иванов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1990.- 14 с.
- 7.44. Иванов, В.В. Христианские традиции в творчестве Ф.М. Достоевского / В.В. Иванов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Вел. Новгород, 2004.- 38 с.
- 7.45. Истомина, Т.Б. Роман Достоевского «Преступление и наказание» в его связях с древнерусской литературой / Т.Б. Истомина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1976.- 19 с.
- 7.46. Кайгородов, В.И. Роман Достоевского «Братья Карамазовы» (Человек, история, идеал) / В.И. Кайгородов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1978.- 23 с.
- 7.47. Карева, Н.В. Символика пространства в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»/Н.В. Карева: автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Саратов,2016.- 18 с.
- 7.48. Кацахян, М.Г. Мировоззрение и художественное творчество (Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский) / М.Г. Кацахян: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- Тбилиси, 1987.- 47 с.

- 7.49. Кашина, В.Н. проблема реализма в эстетике Ф.М. Достоевского / В.Н. Кашина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1971.- 16 с.
- 7.50. Ким, Юн Кюн. Типология двойников в творчестве Ф.М. Достоевского и повесть «Двойник» (1846/1866) / Ким Юн Кюн: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2003.- 20 с.
- 7.51. Кирьязева, М.А. Нравственно-социальные воззрения Достоевского / М.А. Кирьязева: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1981.- 30 с.
- 7.52. Кладова, Н.А. Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог / Н.А. Кладова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Кострома, 2009.- 22 с.
- 7.53. Ковина, Е.В. Художественная картина мира в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: время, пространство, человек / Е.В. Ковина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 2005.- 22 с.
- 7.54. Коноплев, Н.С. О некоторых противоречиях мировоззрения Ф.М. Достоевского / Н.С. Коноплев: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Иркутск, 1970.- 27 с.
- 7.55. Коньшев, Е.М. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете просветительских и романтических традиций в литературе 1860-х годов / Е.М. Коньшев: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1978.- 19 с.
- 7.56. Краминская, Н.М. Пути устройства человека в философии Ф.М. Достоевского / Н.М. Краминская: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Тула, 2001.- 22 с.
- 7.57. Криволапов, В.Н. Традиции древнерусской культуры в творчестве Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы») / В.Н. Криволапов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1985.- 15 с.
- 7.58. Кривушина, В.Ф. Социальные проблемы в творчестве Ф.М. Достоевского / В.Ф. Кривушина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Л., 1971.- 16 с.
- 7.59. Криницын, А.Б. Формы исповеди в романах Ф.М. Достоевского / А.Б. Криницын: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1995.- 24 с.

- 7.60. Кудрявцев, Ю.Г. Проблема «Личность и общество» в мировоззрении Ф.М. Достоевского / Ю.Г. Кудрявцев: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1967.- 20 с.
- 7.61. Кудрявцев, Ю.Г. Философско-социологический анализ мировоззрения Ф.М. Достоевского / Ю.Г. Кудрявцев: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- М., 1977.- 46 с.
- 7.62. Кукуева, А.А. Творчество Фёдора Михайловича Достоевского в контексте евразийской культурно-исторической парадигмы / А.А. Кукуева: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Махачкала, 2016.- 50 с.
- 7.63. Латынина, А.Н. Критика экзистенциалистской интерпретации Достоевского / А.Н. Латынина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1969.- 16 с.
- 7.64. Лучников, М.Ю. Творческие искания Ф.М. Достоевского конца шестидесятых (1867-1870) / М.Ю. Лучников: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1979.- 19 с.
- 7.65. Любятинская, У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского: (по материалам «Дневника писателя») / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- М., 2006.- 31 с.
- 7.66. Ма Вэньин. Антропонимика романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как художественная система / Вэньин Ма: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2015.- 32 с.
- 7.67. Макагонова, Т.Н. Журналистская деятельность Ф.М. Достоевского в 1861-1863 гг. / Т.Н. Макагонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1974.- 21 с.
- 7.68. Махмадияров, А.Б. Ф.М. Достоевский и Восток: исламские мотивы в творчестве писателя на фоне русской ориенталистики 40-60-х годов XIX века / А.Б. Махмадияров: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Нижний Новгород, 1992.- 17 с.

- 7.69. Мелешенко, Е.В. Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя / Е.В. Мелешенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Барнаул, 2004.- 29 с.
- 7.70. Меркурьева, Н.А. Антология свободы в системе нравственно-религиозных исканий Ф.М. Достоевского («Легенда о Великом инквизиторе» в контексте романов «Братья Карамазовы» и «Бесы») / Н.А. Меркурьева: автореф. дис. ... канд. фило. Наук.- Орел, 2000.- 17 с.
- 7.71. Меснянкина, И.Б. Проблема «общество – личность – нравственность» в русской философско-этической мысли 60-х годов XIX века (Анализ общества и человека у Чернышевского и Достоевского) / И.Б. Меснянкина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Л., 1985.- 16 с.
- 7.72. Мехед, Н.Г. Проблема личности в этической концепции Ф.М. Достоевского (Методологические подходы) / Н.Г. Мехед: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1987.- 19 с.
- 7.73. Михайлов, В.В. Философия Ф.М. Достоевского и современность / В.В. Михайлов: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1973.- 22 с.
- 7.74. Мичурина, З.В. Проблема духовной самобытности России в русской философии XIX – первой половины XX в. (основные концепции) / З.В. Мичурина: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Ростов-на-Дону, 2018.- 31 с.
- 7.75. Мороз, С.Н. Текст Откровения Иоанна Богослова в произведениях Ф.М. Достоевского/С.Н. Мороз: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2004.- 19 с.
- 7.76. Мужайлова, Е.А. Ф.М. Достоевский и М.А. Осоргин: типология почвенничества / Е.А. Мужайлова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2008.- 21 с.
- 7.77. Муртузалиева, Е.А. Критическая проза Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» / Е.А. Муртузалиева: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Махачкала, 2001.- 34 с.
- 7.78. Ненашев, М.И. Проблемы свободы в русской философии XIX века (П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский) / М.И. Ненашев: автореф. дис. ... д-ра филос. наук.- М., 2000.- 40 с.

- 7.79. Онищенко, Е.В. Сущность социально-философских идей Ф.М. Достоевского / Е.В. Онищенко: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 2006.- 20 с.
- 7.80. Писцова, А.З. М.М. Достоевский (Личность и творчество) / А.З. Писцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1974.- 19 с.
- 7.81. Попов, В.П. Учение ранних славянофилов и творчество Ф.М. Достоевского / В.П. Попов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1979.- 23 с.
- 7.82. Прийма, И.Ф. Славянская идея и способы ее воплощения в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского / И.Ф. Прийма: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 2017.- 27 с.
- 7.83. Пушкарева, В.С. Дети и детство в художественном мире Ф.М. Достоевского / В.С. Пушкарева: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1975.- 18 с.
- 7.84. Раскин, Д.И. Духовно-нравственные антиномии культур России и Запада в творчестве Ф.М. Достоевского / Д.И. Раскин: автореф. дис. ... канд. культурол. наук.- Нижний Новгород, 1998.- 19 с.
- 7.85. Розенблюм, Л.М. Ф.М. Достоевский: Идеиные искания и творческий процесс (По записным книжкам и тетрадям 1860-1881 годов) / Л.М. Розенблюм: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- М., 1975.- 33 с.
- 7.86. Ромащенко, А.А. Концепция человека и мира в онтологии Ф.М. Достоевского / А.А. Ромащенко: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Саратов, 2006.- 16 с.
- 7.87. Савина, Н.О. Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: проблематика и особенности поэтики / Н.О. Савина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2003.- 27 с.
- 7.88. Свительский, В.А. Мироотношение Достоевского и принципы его воплощения в романах писателя 1860-1870-х годов / В.А. Свительский: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Воронеж, 1971.- 20 с.

- 7.89. Седелникова, О.В. Ф.М. Достоевский и кружок Майковых: к проблеме своеобразия ранних мировоззренческих и эстетических позиций писателя / О.В. Седелникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2000.- 18 с.
- 7.90. Седов, А.Ф. Развитие нравственных позиций героя Ф.М. Достоевского / А.Ф. Седов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1979.- 16 с.
- 7.91. Семькина, Р. С.-И. Проза Ф.М. Достоевского конца 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»: комический мир и характеры / Р. С.-И. Семькина: автореф. дис. канд. филол. наук.- Екатеринбург, 1992.- 19 с.
- 7.92. Сентов, М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение / М.М. Сентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2010.- 23 с.
- 7.93. Сердюченко, В.Л. Этико-философские предпосылки подхода к человеку у позднего Достоевского / В.Л. Сердюченко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Вильнюс, 1970.- 20 с.
- 7.94. Сердюченко, В.Л. Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский в русской духовно-литературной ситуации второй половины 19 века / В.Л. Сердюченко: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- М., 1999.- 47 с.
- 7.95. Середенко, И.И. Романы Достоевского 1860-х годов и проблема трагического / И.И. Середенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1977.- 21 с.
- 7.96. Серопян, А.С. Концепт «время» в творчестве Ф.М. Достоевского: культурологический аспект / А.С. Серопян: автореф. дис. ... канд. культурол.- Шуя, 2009.- 26 с.
- 7.97. Сизов, В.С. Русская идея в мирозерцании Ф.М. Достоевского / В.С. Сизов: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1999.- 19 с.
- 7.98. Синякова, Л.Н. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского за 1876 год как идейно-художественное единство / Л.Н. Синякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 1988.- 19 с.

- 7.99. Слизина, И.А. Творческая концепция «положительно прекрасного человека» (Роман Ф.М. Достоевского «Идиот») / И.А. Слизина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Свердловск, 1985.- 19 с.
- 7.100. Смольняков, К.П. Социально-философские идеи почвенничества в творчестве Ф.М. Достоевского / К.П. Смольняков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 2005.- 28 с.
- 7.101. Смылова, О.Н. «Дневник писателя» в системе творчества Ф.М. Достоевского / О.Н. Смылова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2000.- 16 с.
- 7.102. Соколова, Е.А. Проблема человека и поиск социальной гармонии в философских воззрениях Ф.М. Достоевского / Е.А. Соколова: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Улан-Удэ, 2004.- 22 с.
- 7.103. Соркина, Д.Л. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» и общественно-литературная борьба 1860-х годов / Д.Л. Соркина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1956.- 14 с.
- 7.104. Сосновская, Н.Ф. Проблема добра и зла в этических взглядах Ф.М. Достоевского / Н.Ф. Сосновская: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1975.- 23 с.
- 7.105. Станюта, А.А. Идея человека в творчестве Ф.М. Достоевского (1840-1860-е гг.) / А.А. Станюта: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Минск, 1973.- 29 с.
- 7.106. Станюта, А.А. Человек в мире Ф.М. Достоевского: своеобразие этической поэзии писателя / А.А. Станюта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Минск, 1999.- 38 с.
- 7.107. Степанчиков, Л.Б. проблема нравственной свободы в творчестве Ф.М. Достоевского / Л.Б. Степанчиков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- М., 1988.- 20 с.
- 7.108. Сыромятников, О.И. Особенности воплощения русской идеи в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / О.И. Сыромятников: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Пермь, 2004.- 19 с.

- 7.109. Тарасов, Ф.Б. «Евангельский текст» в художественных произведениях Достоевского / Ф.Б. Тарасов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1998.- 19 с.
- 7.110. Телегина, И.А. О месте и значении «сибирских» произведений в творчестве Ф.М. Достоевского / И.А. Телегина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Харьков, 1992.- 19 с.
- 7.111. Тихомиров, Б.Н. Творческая история романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Б.Н. Тихомиров: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1986.- 16 с.
- 7.112. Тонких, Н.В. История эволюции социально-политических взглядов Ф.М. Достоевского / Н.В. Тонких: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- Курск, 2005.- 24 с.
- 7.113. Туниманов, В.А. Творчество Ф.М. Достоевского, 1854-1862 / В.А. Туниманов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- Л., 1981.- 46 с.
- 7.114. Тупеев, М.А. Идея почвы и образ Христа в русской литературе XIX века (Ап. Григорьев, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский) / М.А. Тупеев: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Магнитогорск, 2004.- 18 с.
- 7.115. Тусичишный, А.П. проблема нравственного возрождения человека в романах Ф.М. Достоевского «Идиот» и Л.Н. Толстого «Воскресение» / А.П. Тусичишный: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1989.- 18 с.
- 7.116. Тюхова, Е.В. О проблематике и поэтике романа Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.В. Тюхова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1966.- 20 с.
- 7.117. Умудова, К.А. Идеи и характеры в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» / К.А. Умудова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Баку, 1994.- 19 с.
- 7.118. Фокин, П.Е. Структура и образ автора в «Дневнике писателя» 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского / П.Е. Фокин: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- СПб., 1995.- 30 с.
- 7.119. Харина, О.В. «Правда», «истина» в романах Ф.М. Достоевского / О.В. Харина: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 2007.- 27 с.

- 7.120. Холодова, Г.М. Концепция личности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / Г.М. Холодова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1975.- 19 с.
- 7.121. Хорева, Н.В. Нравственно-философская проблематика творчества Ф.М. Достоевского в картине мира XX века / Н.В. Хорева: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Ярославль, 1999.- 20 с.
- 7.122. Цой, Л.Н. Проблемы раскола и народный ересей в творчестве Ф.М. Достоевского/Л.Н. Цой: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- СПб., 1995.- 19 с.
- 7.123. Шаваринская, С.Р. Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой в 1870-е годы (творческий диалог и типологические параллели) / С.Р. Шаваринская: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Иваново, 2015.- 25 с.
- 7.124. Шараков, С.Л. Идея спасения в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С.Л. Шараков: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Петрозаводск, 2006.- 22 с.
- 7.125. Шатохин, В.М. Антибуржуазная направленность нравственной философии Ф.М. Достоевского / В.М. Шатохин: автореф. дис. ... канд. филос. наук.- Киев, 1989.- 17 с.
- 7.126. Шинков, М.А. «Бесы» Ф.М. Достоевского и русский антинигилистический роман 60-70-х годов XIX века / М.А. Шинков: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Орел, 1998.- 16 с.
- 7.127. Щенников, Г.К. Противоречия художественного метода и принципы психологизма в творчестве Ф.М. Достоевского 60-х годов / Г.К. Щенников: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1966.- 22 с.
- 7.128. Щенников, Г.К. Ф.М. Достоевский и русский реализм 1860-1870-х годов / Г.К. Щенников: автореф. дис. ... д-ра филол. наук.- М., 1980.- 30 с.
- 7.129. Щетинин, Р.Б. Диалог античной и христианской традиций в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Р.Б. Щетинин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 2009.- 23 с.

- 7.130. Щурин, И.И. Эстетический идеал Ф.М. Достоевского (проблема положительного прекрасного героя) / И.И. Щурин: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Томск, 1981.- 19 с.
- 7.131. Щурова, В.В. «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского: типология, жанр, антропология / В.В. Щурова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Воронеж, 2005.- 21 с.
- 7.132. Эрастова, А.В. Традиции философского романа Ф.М. Достоевского в прозе М.А. Булгакова («Братья Карамазовы» и «Мастер и Маргарита») / А.В. Эрастова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Нижний Новгород, 1995.- 19 с.
- 7.133. Этов, В.И. Реализм романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / В.И. Этов: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- М., 1970.- 17 с.
- 7.134. Якубова, Р.Х. Идеино-композиционное единство романов Ф.М. Достоевского конца 1860 – начала 1870-х годов («Идиот», «Бесы») / Р.Х. Якубова: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1981.- 23 с.
- 7.135. Якубович, И.Д. Творческая история и проблематика «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского / И.Д. Якубович: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1983.- 20 с.
- 7.136. Янчевская, К.А. Юродство в русской литературе второй половины XIX века / К.А. Янчевская: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Барнаул, 2004.- 22 с.

8. Статьи и материалы в современных периодических изданиях

- 8.1. Ахундова, И. Нет пророка в своем отечестве? / И. Ахундова // Литературная газета.- 2007.- №7.
- 8.2. Бак, Д. «Его признание – еще не раскаяние» / Д. Бак // Известия.- 2007.- 30 октября.
- 8.3. Бородянский, Г. Рисунки из «Мертвого дома» / Г. Бородянский // Новая газета.- 2016.- №16.
- 8.4. Волгин, И. «Грядет ли Жанна д'Арк?» / И. Волгин // Литературная газета.- 2004.- №19.

- 8.5. Волгин, И. Крепость духа на Моховой / И. Волгин // Литературная газета.- 2005.- №2-3.
- 8.6. Волгин, И. Достоевский за Дунаем / И. Волгин // Литературная газета.- 2007.- №29.
- 8.7. Волгин, И. Интерес к нему не исчерпается / И. Волгин // Литературная газета.- 2010.- №26.
- 8.8. Волгин, И. «Но буду известен будущему...» / И. Волгин // Литературная газета.- 2011.- №44.
- 8.9. Гачева, А. Его собственный слог / А. Гачева // Литературная газета.- 2006.- №4.
- 8.10. Головин, Ю. Уроки Достоевского / Ю. Головин // Литературная газета.- 2016.- №5.
- 8.11. Достоевский, Д. Попасть в яблочко смог только сериал Бортко / Д. Достоевский // Союзное вече.- 2016.- №50.
- 8.12. Дьякова, Е. Настя пишет князю кровью / Е. Дьякова // Новая газета.- 2016.- №43.
- 8.13. Евангелие от Достоевского // Известия.- 2011.- 15 апреля.
- 8.14. Заславский, Д. Литературная гниль. Заметки читателя / Д. Заславский // Правда.- 1935.- 20 января.
- 8.15. Заславский, Д. Против идеализации реакционных взглядов Достоевского / Д. Заславский // Культура и жизнь.- 1947.- 20 декабря.
- 8.16. Захаров, В. «...Нас, что ни говори, еще очень мало»: Неизвестное письмо Достоевского / В. Захаров // Литературная газета.- 2009.- №24.
- 8.17. Зенкин, А. Кратчайший путь к бессмертию / А. Зенкин // Литературная газета.- 2011.- №44.
- 8.18. Кабыш, И. Не скупитесь, господа! / И. Кабыш // Литературная газета.- 2004.- №22.
- 8.19. Казначеев, С. Неистовый реалист / С. Казначеев // Литературная газета.- 2015.- №40.

- 8.20. Кедров, К. «Солженицыну спасибо – наши муки описал» / К. Кедров // Известия.- 2008.- 5 августа.
- 8.21. Кожедуб, А. Родом от Данилы Иртышева / А. Кожедуб // Литературная газета.- 2004.- №43.
- 8.22. Кудрина, Ю. Писатель и император / Ю. Кудрина // Литературная газета.- 2015.- №40.
- 8.23. Кузнецова, Е. Вперед – к Достоевскому / Е. Кузнецова // Литературная газета.- 2007.- №1.
- 8.24. Липатова, Е. С Достоевским в XXI век / Е. Липатова // Литературная газета.- 2000.- №52.
- 8.25. Макарьев, В. Последняя воля / В Макарьев // Российская газета.- 1995.- 8 сентября.
- 8.26. Непомнящий, В. Три простые истины / В. Непомнящий // Литературная газета.- 2004.- №17.
- 8.27. Нехамкин, С. Убийцы процентчиков / С. Нехамкин // Аргументы недели.- 2016.- №5.
- 8.28. Нехамкин, С. Иванов за Иванова / С. Нехамкин // Аргументы недели.- 2016.- №25.
- 8.29. Отливанчик, А. Если выстрелить в распятие / А. Отливанчик // Литературная газета.- 2003.- №27.
- 8.30. Сараскина, Л. «Роман высшей напряженности»: А.И. Солженицын о романе Ф.М. Достоевского «Подросток» / Л. Сараскина // Литературная газета.- 2003.- №1.
- 8.31. Сараскина, Л. Этюды о непристойной семейке / Л. Сараскина // Литературная газета.- 2009.- №25.
- 8.32. Сараскина, Л. Общий грех разделенного злодейства / Л. Сараскина // Новая газета.- 2011.- №98.
- 8.33. Селезнёв, Ф. Огарёвские погорельцы / Ф. Селезнёв // Литературная газета.- 2015.- №42-43.

- 8.34. Соснова Л. Любители – от слова «любить» / Л. Соснова // Литературная газета.- 2008.- №1.
- 8.35. Степанян, К. «Мы и через 300 лет не станем современниками Достоевского» / К. Степанян // Литературная газета.- 2011.- №44.
- 8.36. Тарасов, Б. Вечное предостережение / Б. Тарасов // Литературная газета.- 2005.- №5.
- 8.37. Шульгин, В. Вре́мён связующая нить / В. Шульгин // Литературная газета.- 2010.- №1.
- 8.38. Яковлев, А. Жизнь по Достоевскому / А. Яковлев // Литературная газета.- 2003.- №22.